

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ РАН

**ИДЕНТИЧНОСТЬ
КАК ПРЕДМЕТ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

Сборник статей по итогам
Всероссийской научно-теоретической конференции
(ИМЭМО РАН, 21 – 22 октября 2010 г.)

Москва
ИМЭМО РАН
2011

УДК 316.42
ББК 60.54
Иде 291

Серия «Библиотека Института мировой экономики и международных отношений»
основана в 2009 году

Иде 291

Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21 – 22 октября 2010 г.). Редколлегия сборника: И.С.Семенов (отв. редактор), Л.А.Фадеева (отв. редактор), В.В.Лапкин, П.В.Панов. М., ИМЭМО РАН, 2011. – 299 с.

ISBN 978-5-9535-0290-0

В сборнике статей, подготовленных по итогам конференции «Идентичность как предмет политического анализа», рассматривается методология анализа идентичности и проблемы концептуализации политической и гражданской идентичности. Авторы ставят задачу разработки подходов к междисциплинарному изучению идентичности как ресурса общественного развития. Анализируется трансформация идентичности в глобализирующемся мире, основные факторы и тенденции становления российской идентичности, обосновываются теоретические подходы и приводятся результаты конкретных исследований локальной и региональной идентичности в системе социально-политической самоидентификации. Книга предназначена исследователям, специализирующимся в области социогуманитарных наук, практикам сферы государственного управления и гражданского сектора, преподавателям и студентам вузов, изучающим тенденции политического развития и социокультурной динамики России и мира.

Identity as a subject of political analysis. Volume of conference papers (IMEMO, Russian Academy of Sciences, 21-22.10. 2010) / I.S.Semenenko, L.A.Fadeeva, V.V.Lapkin, P.V.Panov (eds.) Moscow, IMEMO RAN, 2011. – 299 p.

The volume presents papers delivered at the conference on “Identity as a subject of political analysis” (held in IMEMO in October, 2010), and a number of articles reflecting the results of the discussion that followed. The authors focus on methods and concepts of identity analysis with special attention to political, civic and national identity and to problems of identity construction and its’ transformation in the global world. Russian national and civic identity is considered in the context of contemporary social and political changes. A special section is devoted to the role of territory and space and to their theoretical impact on identity studies; this is illustrated by a number of case studies on regional and local identities in Russia. The authors aim to promote a multidisciplinary approach to the study of identity as a source of social development. The book is addressed to scholars and students engaged in research on contemporary politics, society and culture, and to public policy practitioners.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru/>

ISBN 978-5-9535-0290-0

© ИМЭМО РАН, 2011
© Коллектив авторов, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	6
Введение.	
Семенов И.С. Идентичность в предметном поле политической науки.....	8
Часть I. Методология анализа идентичности.	
Проблемы концептуализации политической идентичности	
Попова О.В. Развитие теории политической идентичности в отечественной и зарубежной политической науке.....	13
Рашковский Е.Б. Многозначный феномен идентичности: архаика, модерн, постмодерн.....	29
Мартынов В.С. Конфликт идентичностей в политическом проекте Модерна: мультикультурализм или ассимиляция?	36
Шадже А.Ю. Идентичность в контексте постнеклассической науки.....	42
Панов П.В. Национальная идентичность: варианты социального конструирования картины мира.....	47
Самаркина И.В. Политическая картина мира в структуре социальной идентичности	51
Федотова Н.Н. Жизненные стили и плюрализация идентичности как проблема политической социологии.....	57
Лекторова Ю.Ю. Конструирование информационных повесток дня: выбор идентичности в Сети.....	62
Шапвалова А.И. Структура внешнеполитической идентичности государства.....	65
Часть II. Идентичность в глобализирующемся мире. Политическая идентичность и политика идентичности: акторы и стратегии	
Лапкин В.В. Проблемы формирования идентичности в условиях глобализации.....	70
Загладин Н.В. Конфликт идентичностей в эпоху глобализации.....	74
Перегудов С.П. Консолидация государства, идентичность и представительное правление	78
Семенов И.С. Национальные практики формирования гражданской идентичности: опыт сравнительного анализа.....	86
Фадеева Л.А. Конструирование европейской идентичности: стратегии и акторы.....	101
Крестинина Е.С. Формирование европейской политической идентичности в контексте европейской интеграции.....	107

Вайнштейн Г.И. Идентичность инокультурных меньшинств как фактор современной европейской политики.....	111
Большаков А.Г. Формирование региональной идентичности Южного Кавказа в условиях диверсификации постсоветского пространства...	115
Петренко Е.О. Формирование национальной идентичности в трансформирующихся обществах и роль государства: опыт Казахстана.....	119
Рахимуллина Г.З. Роль языка в формировании национальной идентичности (на примере Центральной Азии).....	123
Часть III. Проблемы анализа российской идентичности...	
Тихонова Н.Е. Становление новой российской идентичности: опыт эмпирического анализа.....	127
Малинова О.Ю. Российская политическая элита и конструирование макрополитической идентичности.....	144
Холодковский К.Г. Российская идентичность – колеблющаяся идентичность.....	151
Пантин В.И. Особенности и противоречия формирования национально-цивилизационной идентичности в России.....	154
Вилков А.А. Идеологический фактор формирования российской политической идентичности.....	157
Жаде З.А. Формирование гражданского патриотизма у молодых россиян.....	162
Беляева Н.М. Самоидентификация молодежи в контексте молодежного парламентаризма.....	165
Горшков А.С. «Инаковость» и гендерные вариации множественной идентичности.....	169
Миронцева С.А. Социально-психологические аспекты кризиса идентичности в постсоветском обществе.....	173
Часть IV. Идентичность в пространственном измерении: теоретические аспекты. Региональная и локальная идентичность в системе политической самоидентификации россиян	
Смирнягин Л.В. Региональная идентичность и география.....	177
Замятин Д.Н. Идентичность и территория: гуманитарно-географические подходы и дискурсы.....	186
Замятина Н.Ю. Территориальная идентичность: типы формирования и образы территории.....	203
Крылов М.П. К теории региональной идентичности (по материалам Европейской России).....	212
Гриценко А.А. Исследование региональной идентичности национальной Украины (на примере российско-украинского приграничья).....	216

Гончарик А.А. Теоретические проблемы изучения формирования региональной идентичности.....	219
Подвинцев О.Б. Региональная идентичность в де-факто двунациональных субъектах РФ: конкурентный потенциал и попытки стимулирования.....	224
Морозова Е.В. Локальная идентичность и проблемы её конструирования (кейс Краснодарского края).....	231
Сулимов К.А. Гражданская идентичность и политическое участие на локальном уровне.....	237
Борисова Н.В. Роль символической политики в функционировании городских политических режимов.....	241
Пунина К.А., Ромашова М.В. Городская среда как «поле битвы» за новую идентичность.....	243
Фадеева А.П. Научно-популярные журналы в поисках ориентиров пермской идентичности.....	248
Михалева А.В. Региональное измерение исламской идентичности в Пермском крае.....	252
Назукина М.В. Исламские праздники как механизм конструирования региональной идентичности в России.....	256
Зайцев Д.Г. Характеристики идентичностей региональных аналитических сообществ: сравнительный анализ Саратовской области, республик Карелия и Татарстан.....	263
Нечаев Д.Н., Селиванова Е.С. Ключевые элементы национальной самоидентификации в оценках населения регионов Центральной России: социологический анализ.....	268
Кольба А.И. Этническая идентичность как фактор управления региональными конфликтами на юге России.....	274
Берсанова Б.Б. Макрорегион как пространство формирования идентичности: опыт Скандинавии.....	277
Сёмина Ю.С. Франция перед вызовами региональной идентичности.....	281
Заключение	
Фадеева Л.А., Семененко И.С. Профессиональное сообщество: опыт самоанализа и перспективы исследования идентичности.....	286
Сведения об авторах	288
Приложения	
Приложение 1. Программа Всероссийской научно-теоретической конференции «Идентичность как предмет политического анализа».....	292
Приложение 2. Идентичность сообщества исследователей идентичности. Вопросы анкеты.....	297
Приложение 3. Экспертная сеть по исследованию идентичности. Информационная справка.....	298

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всероссийская научно-теоретическая конференция «Идентичность как предмет политического анализа» проводилась Центром сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований (ЦЭСПИ, сектор прикладных социально-политических исследований) ИМЭМО РАН совместно с Пермским государственным университетом (кафедра политических наук). Она собрала исследователей из ИМЭМО РАН и ряда других российских академических институтов и университетских центров – Института социологии РАН и ИНИОН РАН, Института географии РАН, Института философии и права УРО РАН, РНИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева, СПбГУ, МГУ, ГУ – ВШЭ, МГИМО(У), Пермского, Кубанского, Казанского (Приволжского), Адыгейского, Саратовского, Уральского государственных университетов.

В центре внимания участников были методологические аспекты изучения идентичности в контексте политической науки. Особое место было уделено проблемам анализа российской идентичности, а также региональной идентичности – как на материалах российских регионов, так и на уровне макрорегиональных структур (в частности, Европейского Союза). Это позволило оценить потенциал междисциплинарных подходов в изучении идентичности на основе обмена результатами, полученными в различных областях социогуманитарного знания – политологии, социологии, истории, философской антропологии, культурологии, культурной и политической географии, социально-политической психологии и теории международных отношений.

Представленные доклады вызвали самый заинтересованный отклик. Они были посвящены истории и методологии изучения идентичности в контексте политической науки (О.В.Попова), философским аспектам изучения самосознания современного человека (Е.Б.Рашковский, ИМЭМО РАН). Н.Е.Тихонова познакомила участников с результатами исследований российской идентичности, которые проводит ИС РАН; интерпретация этих данных прозвучала во многих выступлениях. На анализе современной российской идентичности сосредоточил внимание и К.Г.Холодковский (ИМЭМО РАН). О.Ю.Малинова (ИНИОН РАН) дала анализ роли российской политической элиты в конструировании идентичности. Л.В.Смирнягин (МГУ) и Д.Н.Замятин (РНИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева) представили картину современного состояния исследований в рамках политической и культурной географии и тот методологический инструментарий, который используется в этих смежных областях научного знания.

Пермская делегация представляла исследовательскую школу, сложившуюся на кафедре политических наук ПГУ под руководством зав. кафедрой проф. Л.А.Фадеевой. Для кафедры политических наук организация конференции явилась частью реализации проекта «Борьба за идентичность и новые институты коммуникаций» при поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров. Внимание пермских коллег было сосредоточено как на методологических проблемах исследования и практиках формирования идентичности (Л.А.Фадеева, П.В.Панов, О.Б.Подвинцев, К.А.Сулимов), так и на анализе акторов (Н.М.Беляева, А.С.Горшков) и пермских реалий (Н.В.Борисова, А.В.Михалева, М.В.Назукина, А.П.Фадеева, К.А.Пунина и М.В.Ромашова). Пермский регион дает богатый материал для изучения механизмов и практик конструирования идентичности. Результаты исследований на материалах регионов России были изложены в выступлениях коллег из Краснодар (Е.В. Морозова, А.И. Кольба), из Воронежа (Д.Н.Нечаев и Е.С.Селиванова) и по

итогах пилотного проекта ГУ-ВШЭ (Д.Г.Зайцев). Освещались также проблемы концептуализации социальной идентичности (В.С.Мартыанов, А.А.Вилков, А.Ю.Шадже, Н.Н.Федотова, И.В.Самаркина, Ю.Ю.Лекторова, А.И. Шаповалова), теоретические аспекты изучения региональной идентичности (М.П.Крылов, Н.Ю.Замятина, А.А.Гончарик) и результаты исследований социальной идентичности и ее территориального измерения (А.Г.Большаков, З.А.Жаде, А.А.Гриценко, Б.Б.Берсанова, Ю.С. Сёмина).

«Команда» ИМЭМО РАН обратилась к проблемам динамики идентичности в эпоху глобализации (В.В.Лапкин, Н.В.Загладин) и к методологии анализа и политическим практикам формирования идентичности (С.П.Перегудов, И.С.Семененко, В.И.Пантин, Г.И.Вайнштейн, Е.С.Крестинина, Е.О.Петренко). Вопрос о путях, механизмах и ограничениях в конструировании политической идентичности вызвал оживленную дискуссию. Системное осмысление гражданской идентичности как ресурса современного общественного развития было обозначено в качестве приоритетной темы будущих исследований. Эта тема уже разрабатывается в течение последних лет в ИМЭМО. Она поднимается, в частности, в публикации ЦЭСПИ «Дестабилизация мирового порядка и политические риски развития России» (М.: ИМЭМО РАН, 2010).

В выступлениях участников были предложены новые методологические подходы к исследованию идентичности: в частности, речь шла о возможностях синтеза политико-институционального, акторного и социокультурного подходов, об использовании концептов политической культуры, ментальности и картины мира, о введении в поле политических исследований некоторых моделей и методик, разрабатываемых в рамках культурной географии и культуры повседневности. Большое внимание было уделено возможностям использования результатов социологических исследований для оценки политических изменений и их прогнозирования. Особый интерес, учитывая неразработанность тематики, вызвал вопрос концептуализации политической идентичности. В центре дискуссии были проблемы формирования гражданской идентичности в России, ключевой для анализа перспектив развития страны.

Работа по организации конференции велась в рамках Экспертной сети по исследованию идентичности, открытой в 2009 г. на сайте Института философии и права УРО РАН (<http://www.identity.ucoz.ru/>). Здесь на основе открытой регистрации создается пул исследователей, занимающихся проблематикой идентичности. Постоянно пополняется электронная библиотека монографий, статей, авторефератов, издания размещаются в режиме открытого доступа.

Настоящий сборник объединяет работы исследователей из разных областей научного знания, тех, кто видит исследовательский потенциал в изучении феномена идентичности для осмысления реалий современного мира. Представленные в нем статьи участников дискуссии (как очных, так и заочных) дают возможность составить представление о состоянии российских исследований по проблемам социальной и политической идентичности, оценить их потенциал для развития политической науки, выявить приоритетные темы нынешних изысканий и наметить направления будущих разработок. В ходе дискуссии был поставлен и вопрос о путях личного участия ученых и экспертов в формировании позитивной идентичности и воспитании гражданской ответственности в российском обществе. Авторы надеются, что настоящий сборник станет научным и гражданским вкладом в решение этой задачи.

ВВЕДЕНИЕ

И.С. Семенов,
ИМЭМО РАН

ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПРЕДМЕТНОМ ПОЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Осмысливая социально-политические изменения и возможные сценарии будущего развития современного мира, политическая наука обращается сегодня к категории *идентичности*. Еще несколько десятилетий назад это понятие было «собственностью» психологии, социологии и социальной антропологии. Сегодня концептуализация идентичности занимает заметное место в арсенале инструментов политического анализа.

В большой мере такое приращение категориального аппарата политической науки объясняется расширением научного знания о политике и предметного поля исследований, самого понятия «политического». В фокусе внимания исследователей политики в XX, теперь уже прошлом, веке оказывались политические партии, выборы и иные формы политического участия, государство и другие политические институты, политические системы и режимы, эволюция массового сознания, политические идеи и идеологии, группы интересов и другие субъекты политического процесса, механизмы принятия управленческих решений и публичная политика.

Внимание к мотивации деятельности субъектов общественных изменений вводит в предметное поле знаний о политике её субъективное восприятие и проекцию такого восприятия в политическое действие. Общий вектор развития таких исследований можно обозначить как *анализ социокультурных оснований политического процесса*. Утверждение о том, что «культура имеет значение»¹, стало сегодня аксиомой для значительной и быстро растущей части интеллектуального сообщества, занимающегося изучением общественных процессов. Однако сам человек как субъект политического действия и его отношения с социальными структурами различного уровня зачастую остаются за рамками политического анализа. Применительно к концептуализации политических изменений и прогнозированию возможных сценариев их динамики речь идет в первую очередь о необходимости разработки и внедрения категорий и инструментария, которые позволили бы выявить механизмы влияния ценностных ориентаций на эволюцию социальных и, в частности, политических институтов. Таким концептом, предложившим во второй половине истекшего века объяснение взаимозависимости институциональной структуры общества, политического сознания и поведения, стала политическая культура².

С другой стороны, поиски подходов к концептуализации политического сознания (через категории ментальности и менталитета, картин мира, архетипов и других перенесенных из смежных научных дисциплин понятий) и его влияния на

¹ Название получившего широкую известность собрания текстов, вышедшего под редакцией Л.Харрисона и С.Хантингтона. В разделе, отведенном культуре и политическому развитию, были представлены тексты Р.Инглхарта, Ф.Фукуямы, С.М.Липсета и Г.С.Ленца. См.: Culture Matters. How Values Shape Human Progress / L.E.Harrison and S.P.Huntington (eds.). NY: Basic Books, 2000.

² См.: Almond G. and Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1963; Almond G. and Verba S. The Civic Culture. Boston, MA: Little, Brown and Company, 1965; The Civic Culture Revisited / G.Almond and S.Verba (eds.) Boston, MA: Little, Brown and Company, 1980.

политический процесс поставили вопрос о необходимости принимать во внимание не только рациональную, но и эмоциональную составляющую поведения человека в публичной сфере, учитывать психологические мотивы политического выбора и его культурные (в широком смысле) основания. Столкнувшись с задачей концептуализации синтеза ценностных, эмоциональных и рационально мотивированных оснований политического действия на уровне индивидуальном, групповом и социетальном, политическая наука обратилась к *концепту идентичности*.

Об актуальности проблемы «соотношения объективного и субъективного в жизни и развитии общества» и о роли психологии в структурировании политического поведения писал выдающийся российский ученый Г.Г. Дилигенский, стоявший у истоков научной школы социально-психологических исследований и нового для отечественной науки направления – социально-политической психологии³. Анализируя механизмы экстраполяции массовых потребностей в политическую сферу, он увидел такой механизм в «*макрогрупповой или средовой идентификации*», под влиянием которой «складываются политические предпочтения». «Идентификация индивида с большой социальной группой является в любом обществе мощным фактором политического выбора. Эта идентификация восходит к одной из фундаментальных особенностей человеческой психологии – потребности индивида в выделении из всей массы человеческих существ – выделении не только индивидуальном, но и «своей» группы, потребности не только в своем собственном «я», но и в своем «мы», в принадлежности к определенной социальной среде».⁴

Действительно, вектор развития всех без исключения сообществ – субъектов общественных отношений – определяет *коллективная идентичность* их членов – комплекс представлений, образующих согласованную, солидарную мотивацию индивидуального и группового поведения. Совокупность представлений человека о своем месте в обществе, тех ценностей и поведенческих моделей, которые утверждаются на основании соотнесения себя с общественно значимыми культурными ориентирами и ролевыми функциями в публичной сфере, с социальными институтами и отношениями, формирует *социальную идентичность*. Важнейшими референтными группами *социальной самоидентификации* индивида оказываются «большие сообщества» – социальная группа, профессиональная среда, религиозная община, этнос, нация, цивилизация. Широкий выбор потенциально значимых для современного человека систем ориентиров, связанный с развитием информационного общества, предопределяет дробность социальной идентичности, актуализируя то одну, то другую ее составляющие. Динамика трансформирующейся идентичности сама задает вектор социальных изменений⁵. Процесс социальной самоидентификации играет основную роль в формировании мотивации деятельности людей, в объединении их усилий для социального творчества и решения общественно значимых задач, в стабильном развитии общества и обеспечивающих его жизнедеятельность институтов. Это определяет

³ Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М.: Институт «Открытое общество», 1994.

⁴ Там же. С. 282.

⁵ См.: Giddens A. Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991. Castells M. The Information Age - Economy, Society and Culture. Vol.I.The Rise of the Network Society. Vol. II.The Power of Identity. Vol.III.End of Millenium. Malden (MA) – Oxford, UK: Blackwell Publ.,1996-1998.

значение концепта социальной идентичности для научного осмысления *ресурсов общественного развития*.

Имея в виду соотнесенность граждан с политическими институтами и их вовлеченность в политико-институциональное взаимодействие в рамках политической общности, можно говорить о формировании *политической идентичности*. Она опирается на *самоидентификацию* с выступающими от имени граждан политическими сообществами и представляющими их структурами и с разными формами объединений участников политического процесса – партиями, массовыми движениями, группами интересов. Политическая идентичность индивида утверждается в ходе соотнесения собственных представлений о приоритетах общественного развития с идейными ориентирами и целями политических акторов. Такой выбор закрепляется средствами *символической политики*, которая вырабатывает разделяемые членами группы имиджи, знаки и ритуалы, создавая узнаваемые символические опоры политической идентичности больших сообществ.

В *гражданской идентичности* соединяются микроуровень (идентичность индивида как гражданина – члена политической нации) и макроуровень (идентичность государственной общности, которая поддерживает институциональные основания политической нации и обеспечивает реализацию гражданских прав через общественные институты). В то же время в понятии «*гражданская идентичность*» заложено и *нормативное* содержание, предполагающее, помимо сугубо правового статуса, и полноту соотнесения гражданина себя с государственно-политической общностью. Оно наполняет гражданскую идентичность *эмоциональными смыслами* и может трансформироваться в *политическое действие*. Таким образом, в сформировавшейся современной политике *гражданская идентичность*, которая является основанием политического самоопределения индивида, структурирует идентичность политическую.

В обществах, переживающих процессы институциональной трансформации, укорененность элементов несовременной политической идентичности затрудняет формирование ее гражданских оснований. Их подменяют этноконфессиональные, клановые, кастовые и другие групповые формы *квазиполитической* самоидентификации. В процессе адаптации традиционалистских структур к современности возникают *гибридные идентичности*, которые могут стать как источником модернизации, так и фактором демодернизации и дезинтеграции государственного сообщества. Ориентация на развитие политической и экономической элиты страны, её идентичность становится в этих условиях ключевым фактором, задающим вектор такой динамики.

Происходящие в мире процессы, которые принято описывать термином *глобализации*, открытое информационное пространство, бурное развитие сетевых взаимосвязей и высокая мобильность людей радикально изменили на глазах одного поколения привязанности включенного в эти процессы человека и его представления о своем месте в мире. «Национальная» (ориентированная на страну происхождения) составляющая в системе идентификационных ориентиров стала терять былое нормативное значение для позиционирования индивида как полноправного члена политического сообщества. В результате продолжали размываться и устойчивые опоры национального государства⁶.

⁶ См. Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Идентичность в системе координат мирового развития. // Полис, 2010, № 3.

Поэтому тем более значимой для многих людей системой координат и важным психологическим компенсатором такого размывания ориентиров оказывается «идентичность места»: она может поддерживать необходимые для самоидентификации человека эмоциональные или иные символические опоры. *Локальная идентичность* (самоотождествление человека со своей «малой родиной», с местом проживания) утверждается в открытом информационном пространстве в ходе сознательного, а порой и неосознанного противостояния обезличенным глобальным символам. *Регионализация* политического пространства – рост значения регионов в составе национального государства и макрорегионов – наднациональных объединений как субъектов политического процесса – выдвигает *региональную идентичность* в качестве одной из важных точек отсчета в концептуализации политической и социокультурной динамики современного мира. *Категория пространства* становится одной из ключевых в осмыслении тенденций эволюции социальной и, в частности, политической идентичности.

В процессе взаимовлияния глобальных и локальных изменений разного уровня – т.н. *глокализации*⁷ тесно переплетаются *универсалистские и партикуляристские* основания идентичности. У «национального» государства появились конкуренты в борьбе за право выстраивать *национальную идентичность*: в системе привязанностей индивида и группы важное место заняли сетевые сообщества, транснациональный корпоративный бизнес, наднациональные структуры, диаспоральные миры. «Ценой вопроса» оказывается гражданская лояльность человека эпохи информационного общества. Сама социальная идентичность не мыслится сегодня в категориях выстраивания иерархии ориентиров и предпочтений, но их многозначность, размывая контуры «национального», не перечеркивает его значения. *Публичная политика становится ристалищем «борьбы за идентичность»*.

Национально-государственную (или национальную) идентичность страны и другие присутствующие в публичном дискурсе основания идентификации национально-государственного сообщества (такие, как гражданская нация) можно рассматривать как *макрополитическую идентичность*⁸. Такая идентичность остается объектом целенаправленного воздействия государства и групп интересов, *политики формирования* а, зачастую, и *целеориентированного конструирования идентичности*. В политической науке понятие «*политика идентичности*» (*identity politics*) принято связывать с утверждением права организованных в группы интересов меньшинств на собственную систему ценностных предпочтений и моделей поведения. Политика идентичности стала частью арсенала социальных движений и сама стимулирует их развитие.

Агрессивное отстаивание собственной идентичности рядом групп, борющихся за право на «особость», приводит к серьезным коррективам в правовом регулировании и в социальной политике государства. При этом значимость таких традиционных форм политического участия, как членство в политической партии или голосование на выборах и на референдумах, для политической самоидентификации человека XXI века оказывается под вопросом. *В сферу публичной политики*

⁷ Термин введен в научный оборот британским социологом Р.Робертсоном. См.: Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity / M.Featherstone, S.Lash and R.Robertson (eds.). Global Modernities. London: Sage. Pp. 25-44.

⁸ Понятие предложено и обосновано О.Ю.Малиновой. См. статью в настоящем сборнике, а также: Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис, 2010, № 2.

выносятся принадлежащие к частной жизни и опирающиеся на обыденное сознание практики и жизненные стили. Сама трансформирующаяся идентичность организует социальное пространство, порождая такие новые коннотации, как «*экономика идентичности*». Этот феномен, впрочем, отнюдь не нов, но осмысление того, «как наши идеалы и социальные нормы определяют, кем мы работаем, сколько зарабатываем и насколько несчастны», еще недавно вряд ли можно было представить в качестве предмета исследований Нобелевского лауреата по экономике⁹.

Идентичность как научная категория быстро распространяется в разные сферы социогуманитарного научного знания. Для культурной и политической географии, для этнологии и политической конфликтологии, для культурологии и лингвистики она уже стала «родным» и органичным понятием. В прикладных экспертных исследованиях и в арсенале политических технологий, в деятельности власти и бизнеса по созданию узнаваемых имиджей территории и культурных брендов свое место занимает политика идентичности. Институты социализации – система образования, культурные и просветительские инициативы различного уровня апеллируют к *позитивной идентичности, ориентированной на развитие* как основу преодоления социальной аномии и консолидации современного общества.

Поэтому большой и недооцененный пока потенциал имеют междисциплинарные исследования идентичности. Они могут дать качественное приращение понимания общественных процессов, синтезируя динамические (самоидентификацию как процесс) и утвердившиеся её характеристики (идентичность как состояние, которое, впрочем, само находится в процессе внутренней динамики), знания об объективной реальности и о ее субъективном восприятии, пространственные и временные параметры развития. Изучение идентичности позволяет выявить уровни и механизмы взаимодействия людей и институтов, горизонтальные и вертикальные связи, возникающие в процессе социальной коммуникации, и оценить в этом контексте перспективы институциональной динамики современного общества.

Концептуализация социальной и политической идентичности становится одной из основ для развития нового направления междисциплинарных исследований – социально-политической культурологии, или социокультурных исследований политики. Речь идет об анализе *социокультурных оснований общественных процессов и, в частности, политических изменений, и акторов таких изменений.* Разработка научного инструментария их изучения может стать значимым вкладом в развитие такого ключевого для человека, общества и государства источника понижения порога рисков развития, как *социальное и политическое прогнозирование.* А применительно к предметному полю политической науки – обогатить ее инструментарием анализа политической динамики современного мира на основе понимания мотивации субъектов политического процесса и механизмов их взаимодействия, трезво оценить ограничения и риски и выявить новые источники общественного развития в XXI веке.

⁹ Акерлоф Дж.А., Крэнтон Р. Экономика идентичности. Как наши идеалы и социальные нормы определяют, кем мы работаем, сколько зарабатываем и насколько несчастны. М.: Карьера Пресс, 2011.

Часть I. Методология анализа идентичности. Проблемы концептуализации политической идентичности

О.В. Попова,
СПбГУ

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЗАРУБЕЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Понятие «идентичность», как и многие иные понятия политической науки, было заимствовано политологами из других общественных наук в середине XX в. В первоначальном варианте политическая идентичность трактовалась как весьма узкая понятийная категория, объясняющая (наряду с иными подходами) электоральный выбор избирателей в условиях партийной системы, длительное время не подвергающейся заметным изменениям. В современной политической науке это понятие связывается также и с другими аспектами политического самоопределения граждан.

Идентичность, по выражению Э.Эриксона, признается «всеобщей и универсальной категорией». Наиболее общим для всех социальных наук является определение идентичности как активного процесса, «отражающего представление субъекта о себе и сопровождающегося ощущением собственной непрерывности, что позволяет ему воспринимать свою жизнь как опыт продолжительности и единства сознания, дающий возможность действовать последовательно»¹⁰. Идентичность в данном случае выступает признаком «вхождения» индивида в социальную позицию. *Политическую идентичность можно рассматривать как частный случай социальной идентичности. Она рациональна и рефлексивна одновременно.* Человек, занимая какую-либо статусную позицию, должен одновременно оценить и свое положение, и свою систему взглядов, а также их соотношение с множеством других индивидов и групп, с рядом политических объектов.

Проблема политической идентичности имеет и этнокультурное измерение. В одних культурах (например, в западноевропейской традиции) подчеркиваются единство и цельность личности независимо от ее конкретных социальных идентичностей; текучесть и зависимость личностных свойств от системы социальных ролей рассматриваются как нечто болезненное или как показатель «кризиса идентичности». В восточных культурах (например, японской) высоко ценится «свобода от самости» и акцентируется множественность «Я», представленная как совокупность относительно автономных рядов отношений, прав и обязанностей. Эти различные ориентации проявляются на уровне теории (религиозные, философские и т. п. представления, идеология) и обыденного массового сознания и языка.

Под *политической самоидентификацией* в самом общем смысле понимают становление представлений индивида о себе и своем месте в мире, об отношении с собственной статусной и референтной группами. Человек конструирует идеальную модель мира и своего положения в нем. При этом его отношение к объектам политической реальности строится с помощью оценки «близости» социальной позиции. Политическая самоидентификация выступает средством объединения и дистанцирования по отношению к другим людям, политическим организациям,

¹⁰ Качанов Ю.Л. Опыты о поле политики. М., ИЭС, 1994. С. 109.

институтам власти. Проблемы идентификации становятся особенно актуальными в общественных науках в переломные, кризисные периоды истории.

У истоков концептуализации политической идентичности: партийная идентичность и электоральное поведение

Сформировавшаяся в начале 1960-х годов в западной политической науке теория идентичности прошла в своем развитии несколько этапов¹¹. Хотя эта концепция утверждается в рамках психоанализа уже с 1920-х годов, в рамках социологии – с 1930-х годов¹², а в рамках антропологии (сам термин «идентичность» при этом еще не использовался) – ещё с последней четверти XIX в., отсчет в политической науке ведется с эмпирических исследований американских ученых середины века XX, в первую очередь – коллектива авторов «мичиганского проекта»¹³.

Взгляды этих исследователей оценивают как бихевиористские. Так, они пришли к следующим выводам: а) люди хотят чувствовать близость с себе подобными; б) сходство пробуждает определенные ощущения; в) люди признают партийные различия как существенные. Обыватели не рассуждают в идеологических категориях; у большинства голосующих отсутствует или очень низкое соответствие идеологических установок и их политических взглядов. Даже не обладая знаниями по спорным проблемам или общей идеологической ориентацией, большинство граждан имели общую политическую ориентацию (когнитивную и аффективную «карту»), которая и определяла их электоральный выбор. Люди структурировали свое понимание комплекса спорных проблем, кандидатов и событий кампании через призму лояльности политической партии (party loyalty)¹⁴. Партийная идентичность рассматривалась как производная от социального опыта избирателей, их первичной социализации в семье и групповой социализации в более зрелом возрасте.

В 1960-х годах мичиганская модель была общепринятой. Авторы «Американского избирателя» считали, что в демократическом обществе с устойчивой двухпартийной системой¹⁵ политическая идентичность связана с психологической вовлеченностью в политику, способствует формированию общественного мнения¹⁶, влияет на электоральное поведение, препятствует созданию новых партийных движений и благоприятствует стабильности

¹¹ Более точно – волн, так как существование возникавших новых тем каждой волны не ограничивалось временными границами только одного этапа. Наиболее наглядно это видно на примере первого этапа, поэтому ему будет уделено большее внимание.

¹² Приоритет в данном случае – у символического интеракционизма и бихевиорализма.

¹³ Laserfeld P., Berelson B., Gaudet H. The people's Choice. New York, 1948; Campbell A., Converse P., Miller W., Stokes D. The American Voter. New York, 1960. См. об этом также: Политическая наука. Новые направления / Под ред. Р. И. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М., Вече, 1999. С. 236.

¹⁴ Campbell A., Converse P.E., Miller W.E., Stokes D.E. Elections and the political order. New York: Wiley, 1966; Campbell A. Surge and decline: A study of electoral change // Public opinion quart. Princeton, 1960. Vol. 24. P. 397–418.

¹⁵ Abramson P.R. Political Attitudes in America. Formation and Change. San Francisco, 1983. P. 72–75.

¹⁶ Д. Канеман и А. Тверски выделили четыре эвристических принципа, дающих индивидам возможность при принятии решений использовать лишь незначительную часть всей имеющейся в их распоряжении информации: доступность, представительность, приспособление, моделирование.

существующей партийной системы¹⁷. Она выполняет функции структурирования общества, интеграции интересов групп, фиксирует корпоративное настроение реально существующих или символических групп, формирует общественное мнение и обеспечивает социальный контроль за поведением граждан.

Устойчивая политическая идентичность членов организации повышает эффективность ее деятельности и выполняет психотерапевтическую роль, снижает тревожность, дает ощущение своей сопричастности социально значимым целям. Важной функцией политической самоидентификации граждан является удовлетворение потребности в признании. В некоторых случаях она играет роль мотивации поведения, способствует преобразованию потребностей в действия, помогает людям ориентироваться в политическом пространстве, позволяет оценивать происходящее¹⁸. Идентичность формируется первоначально на основании имитации. Наблюдение поведения референтной группы, осознание существующих возможностей и выгод, влекущих за собой подобное поведение, апробация подобного поведения – все это элементы, способствующие формированию определенной политической идентичности индивида¹⁹.

Исследователями в разное время были предложены три классические модели «воронки причинности» для описания мотивов электорального поведения, в которых фигурирует партийная идентичность как основание идентичности политической. В первоначальной версии «мичиганской четверки» с учетом временного аспекта выделялись социально-демографические факторы, самоидентификация с той или иной партией, личность кандидата, особенности избирательной кампании (наличие негативной рекламы и использование «грязных» технологий), обсуждение выборов с близкими, друзьями и сослуживцами. Согласно предложенной в середине 1980-х годов схеме М.Шэнкса – У.Миллера²⁰, на электоральный выбор в следующей временной последовательности воздействуют демографические характеристики, приобретенные личные характеристики (образование, род деятельности, место жительства, круг общения и т. д.), идеологические диспозиции, партийная самоидентификация, оценка деятельности кандидатов, чувства и аффекты, вызываемые кандидатом. Т.Дж.Колтон предложил модель объяснения электорального поведения на основе анализа: а) социально-статусных характеристик избирателей; б) их оценки экономической и политической ситуации; в) партийных предпочтений; г) позиции по конкретным вопросам; д) ретроспективных оценок инкубентов (уже занимающих властные посты политиков); е) оценок персональных качеств политических лидеров; ж) перспективных ожиданий избирателей от партий и кандидатов и степени их соответствия предвыборным программам политических игроков²¹.

Спустя десятилетие после появления «Американского избирателя» социально-психологический подход стал популярным в Британии: в 1969 и 1974 гг. вышли в свет книги Д.Батлера и Д.Стоукса «Политические изменения в Британии». Панельные исследования группы Британских электоральных исследований (BES)

¹⁷ Abramson P.R. Op. cit. P. 74.

¹⁸ Ноэль-Нойман Э. Открытие спирали молчания. М., 1996. С. 35–36.

¹⁹ Там же. С. 75.

²⁰ Shanks M., Miller W. Policy Direction and Performance Evaluation: Contemporary Explanations of the Reagan Elections. New Orleans, 1995.

²¹ Colton T.J. Transitional Citizens: Voters and What Influences Them in the New Russia. Cambridge; London, 2000.

показали, что только такие проблемы, как государство всеобщего благосостояния (социальные программы, пенсии и строительство муниципального жилья), забастовки и иммиграция, были значимы как для общественного мнения, так и для политики партий, а потому создавали ситуацию «голосования по проблемам». Типичный британский избиратель был вынужден адаптировать свои установки, склоняясь то к правому, то к левому крылу по спорным вопросам. В Великобритании концепция оценки себя как сторонника какой-либо партии (категория «видения себя» — «self-image» применялась более охотно, чем понятие идентичности) использовалась для объяснения поддержки избирателями в течение длительного времени определенной партии.

Люди наследуют свою политическую идентичность (иногда англоязычные авторы используют понятия «политическая идентичность» и «партийная идентичность» как синонимы) из обычной лояльности к консервативной или лейбористской партии. Для Батлера и Стокса самооценка как сторонника имела три параметра измерения; она была: а) всеобъемлющей, глубокой; б) стабильной, устойчивой; в) усиливающейся с возрастом²². Они говорили об этом процессе как «фотографической репродукции» (т. е. простом некритическом копировании), слепке взглядов родителей, со временем ослабевающим. С возрастом избиратели оказывались под более сильным влиянием таких социальных групп, как соседи, сослуживцы, приятели. «Индивиды, персонифицируя себя с определенным классом, формируют позитивное отношение к партии, которая заботится о защите классовых интересов»²³, классовые разломы продолжали оставаться более связанными с партийной идентификацией, чем другие социальные разделения, такие как регион, домовладение, религия, возраст или пол. Согласно данной модели, социальные групповые идентичности могут оказывать как прямое влияние на выбор при голосовании, так и косвенное, не прямое через партийные установки.

В конце 1970-х – начале 1980-х годов интерес к теории политической идентичности проявили исследователи Западной и Северной Европы, которых волновали возможности адаптации методики оценки партийной идентичности для стран с пропорциональной партийной системой, а также влияние на политическую идентичность и электоральное поведение таких форм социальной идентичности, как конфессиональная и социально-статусная. Итак, первая волна – начало 1960-х – середина 1980-х годов – период безусловного доминирования американской концепции партийной идентичности, разработанной «мичиганской четверкой», которая с помощью «воронки причинности» объясняла устойчивое электоральное поведение и делала возможными среднесрочные прогнозы исхода выборов в странах с двухпартийной системой. *Политическая идентичность фактически приравнивалась к партийной.* При этом идеологическую и персонифицированную модели идентичности в начальной версии теории рассматривали как альтернативные или дополнительные к партийной. К основным функциям политической идентичности относили: ограничение возможности встраивания в политическую систему новых партий, отсечение ненужной («излишней») для избирателя информации о выборах (функция «информационного сита») и определение «своей» по идеологическим основаниям группы. Признавалось, что развитие идентичности может осуществляться в моделях: а) «он–другой–иной», допускающей толерантное восприятие, и б) «он–чужой–враг», связанной с формированием ксенофобии, расовой неприязни, опасения присутствия людей с

²² Preferences, institutions and Rational Choice / Ed. by K. Dowding, D. King. Oxford, 1995. P. 81.

²³ Butler D., Stokes D. Political Change in Britan. London, 1974. P. 88.

иными политическими взглядами и т. д.

Европейских исследователей (сначала – в Великобритании, позднее – в Германии, Франции и странах Скандинавии) концепт партийной идентичности заинтересовал уже к концу 1960-х годов²⁴. В течение четверти века исследователи не только не подвергали его сомнению в варианте, выдвинутом «мичиганской четверкой», но все их усилия сначала в 1970-х годах были направлены на эмпирическое подтверждение этой концепции для стран с двухпартийной мажоритарной системой, а позднее – в начале 1980-х годов – на поиск адекватного методического инструментария для исследования партийной идентичности в странах с многопартийной системой. Идентичность трактовалась как структурный элемент «среднего уровня» в политическом сознании, относящийся к политическим установкам (промежуточный уровень между политическими ценностями и политическими предпочтениями).

В рамках «первой волны» проводились активные исследования роли политической социализации в формировании партийной идентичности. Наиболее значимым фактором признавалась установка родителей, которая усваивалась детьми в раннем возрасте (проекты Г.Хаймана начала 1960-х годов, Ф.Гринштейна, 1958 г., Д.Истона и П.Хейза (1961 – начало 1962 г.), К.Дженнингса, П.Аллербека и У.Розенмэйра, 1979 г., П.Абрамсона, 1983 г., К.Дженнингса и Н.Ниёми середины 1980-х годов. Была выдвинута гипотеза, согласно которой успешная передача партийных предпочтений (аттитюдов) зависит от уровня проявления предпочтений родителями, а степень проявления предпочтений измеряется выраженностью партийной самоидентификации. К началу 1980-х годов эти исследования были перенесены в страны Западной Европы, где дополнительно анализировался вопрос о влиянии степени поляризации партийной системы на степень базовой партийной привязанности родителей и их детей. Кроме Голландии, во всех европейских странах степень схождения политических установок родителей и детей была высока. Характер передачи партийной идентификации в большей степени признавался спонтанным²⁵.

Проявившийся в середине 1980-х годов скептицизм в отношении концепта партийной идентичности был вызван признанием американских политологов того обстоятельства, что уже с начала 1980-х годов наблюдалось резкое снижение доли «стойких приверженцев» среди сторонников демократической и республиканской партий, что почти «поставило крест» на существовании предложенной ими теории политической идентичности как сугубо партийной. Однако развал социалистического лагеря во второй половине 1980-х годов, крах СССР в 1991 г. и сформировавшаяся на постсоветском пространстве многопартийная плюралистическая система дали новый импульс для продолжения исследований партийной идентичности по стандартным методикам (в посткоммунистических странах эти исследования активно продолжались на компаративной основе до начала 2000х годов).

В 1980-х годах важным компонентом теории политической идентичности

²⁴ Рост интереса к этой теории шел достаточно неравномерно. Например, итальянские исследователи активно исследовали политическую идентичность лишь в середине 1980-х годов.

²⁵ С середины 1990-х годов в странах Западной Европы, а в России в последние 5 лет все активнее обсуждается тема «политики идентичности» — целенаправленно реализуемых программ, которые могли бы привить представителям целевых групп (молодежи, иммигрантам, сторонникам радикальных группировок, гражданам в целом) определенную заданную модель политической идентичности.

становится обсуждение модели самоидентификации людей, чьи политические предпочтения не находят у окружения сочувствия. «Отверженные» предпочитают держаться вместе. Р.Барт в конце 1980-х годов объяснял роль межличностной коммуникации в становлении общих политических взглядов людей, используя «модель социальной сплоченности». Его схему поддержали Р.Хакфельд, Э.Даунс, Дж.Спраги. Доверяющие друг другу люди, разделяющие общие нормы (в том числе и политические), некритически «усваивают» передаваемую политическую информацию и более склонны к однотипной политической самоидентификации. Доверие порождает влияние, сплоченность и осознание сходства общих интересов, установок, взглядов. В современных исследованиях электорального поведения ученые анализируют, каким образом близость позиций, ретроспективные оценки деятельности правительства, партийная идентичность формируют политические предпочтения в многопартийных системах. А.Мелуччи в конце 1980-х годов высказал идею об актуальной (ситуативной) политической идентичности, возникающей непосредственно в ходе политических действий, и указал на значение личности лидера в этом процессе. Исследования С.Франклина (1992 г.) и Р.Дж.Далтона (1996 г.) подтвердили снижение влияния на электоральный выбор социальной дифференциации и приверженности определенной партии²⁶.

Динамика осмысления политической самоидентификации: идентичность «с прилагательными»

Поднятая Э.Эриксоном в конце 1960-х годов тема кризисной и негативной идентичности получила развитие в теориях в 1990-х годах. В кризисном обществе существует опасность «негативной конверсии», при которой элементы негативной идентичности становятся господствующими, в то время как позитивные образы в политическом сознании размываются. Но позитивная идентичность также может определяться через негативные образы. В данном случае уместно использовать предложенную Б. Ньюкомом категорию «негативная референтная группа», которая уточняет самнеровское понятие «внешняя группа». Политическое поведение регулируется действиями и позитивных, и негативных референтных групп (первым подражают, вторые вызывают протест и сопротивление, но при этом формируют новые группы и способствуют их интеграции в ходе конфликта).

Позитивная идентичность не является статичным набором свойств и ролей. Она постоянно находится «в состоянии конфликта с прошлым, которое надо изжить, и с будущим, которое надо предотвратить»²⁷. «Своими» становятся по причине общего происхождения или в результате символического посвящения в члены некоей корпоративной группы, когда человек посредством ритуала отождествляет с новой группой, принимает ее правила. В случае кризисного развития общества негативная

²⁶ Dalton R. *Citizen Politics in Western Democracies: Public Opinion and Political Parties in the United States, Great Britain, West Germany and France*. New Jersey, Chatam House, 1988; Dalton R. *Cognitive Mobilization and Partisan Dealignment in Advanced Industrial Democracies* // *Journal of Politics*, 1984, N 46. P. 264–284; Dalton R., Wattenberg M. *The Not So Simple Act of Voting* // *Political Science: The State of Discipline II* / Ed. A. Finifter. Washington, 1993. P. 193–218; Franklin Ch. H. *Issue Preferences, Socialization and Evolution of Party Identification* // *Amer. J. of Political Science*, 1984, Vol. 28, N 3. P. 459–479; Franklin Ch. *Measurement and the Dynamics of Party Identification* // *Political Behavior*, 1992, N 14. P. 297–309; Franklin Ch., Jackson J. *The Dynamics of Party Identification* // *American Political Science Review*, 1983, N 77. P. 957–973; Melucci A. *Nomads of the Present: Social Movements and Individual Needs in Contemporary Society*. Philadelphia, Temple University Press, 1989.

²⁷ Эриксон Э. *Идентичность: юность и кризис*. М., 1996. С. 316.

модель политической идентичности становится преобладающей. Ее признаками являются, например, отказ от выбора политической партии, которая могла бы выражать интересы данного индивида или его статусной группы, а также агрессивное отношение к представителям «чужих» политических движений. В посткоммунистическом пространстве негативная политическая идентичность может становиться результатом длительного и тщательно скрываемого неприятия системы ценностей и «огосударственной» партии, активно навязывавшихся пропагандой. Р.Роуз и У.Мишлер в 1995 г. провели сравнительное исследование установок жителей Венгрии, Польши, Румынии и Словении. Выяснилось, что, помимо коммунистических партий и их «наследниц», объектом негативной самоидентификации могут выступать политические объединения «крайнего спектра» и партии, выражающие интересы меньшинств (например, национальных) или закрытых групп (например, промышленной или финансовой элиты). Р.Роуз и У.Мишлер выделили четыре типа избирателей: 1) «негативисты», имеющие представление о том, за какую партию они не будут голосовать в любом случае, но не имеющие позитивного образа партии; 2) «закрытые», имеющие представления о позитивных и негативных «образцах» партий; 3) «открытые», позитивно относящиеся к какой-то партии и не имеющие образа «врага»; 4) «апатичные», не имеющие никакой идентичности²⁸. В этой схеме нет жесткой «привязки» негативной и позитивной идентичности к уровню электоральной активности.

Негативная идентичность часто целенаправленно формируется политическими акторами. При внешне радикальном отрицании существующих устоев политической жизни оппозиционные политические движения оперируют только устоявшимися идеями, облаченными в привычную для обывателя форму. Эксплуатация очень небольшого числа взаимосвязанных и постоянно повторяющихся «символов веры» сочетается с упрощением символики и ритуалов. Граждане должны объединиться в отрицании символики какой-либо партии или идеологии. Система декларируемых политических идей при этом обладает претензией на создание универсальной картины мира. При всей простоте и доступности основные положения идеологии не должны подвергаться угрозе практической проверки. Данная система идей провозглашается вечной, в противном случае возникает угроза ее самоликвидации. Допускается и претензия на тотальный контроль над жизнью своих сторонников. Образ «врага», помимо деструктивных функций, выполняет и конструктивную функцию, способствуя консолидации вокруг базовых ценностей данной группы и ее лидеров и преодолению имеющихся внутренних разногласий. Отношение к представителям другой политической ориентации как к врагам включает в себя психологическое неприятие, отторжение, предполагает агрессивность поведения, направленного на устранение противника. Это проявляется в разговорном языке, в системе образов, стереотипов, идеологических шаблонов и штампов, которыми оперирует массовое сознание. Используется конфронтационная лексика. Все неприемлемое для данной группы приписывается противоположной стороне, способствуя «канализации» существующих проблем, сохранению и консолидации групповых ценностей. Исследователи едины в том, что различие между «нами», «нашей» группой, «внутренней» группой и «другими», «чужими», «внешней» группой возникает в конфликте и через конфликт. Это относится и к классовым, и к национальным, и к политическим институциональным конфликтам.

²⁸ Rose R., Mishler W. Negative and Positive Party Identification in Post-Communist Countries // *Electoral Studies*, 1998, Vol. 17, No.2. P.217–234.

Т.Брейдер и Дж.Такер считали, что для формирования партийной идентичности в посткоммунистических странах требуется определенное время²⁹. Однако три индикатора идентификации даже в ситуации изменения ее моделей измерить можно: а) преданность партии, которая укрепляется за счет кумулятивного эффекта политического опыта; б) степень соответствия представлений индивида лозунгам определенной партии; в) рациональный характер идентичности (под рациональностью эти авторы понимают здравый смысл и осознание приемлемости организации, об исчерпывающей и точной информированности избирателей относительно программы или деятельности партии речь не идет). Вербальная самоидентификация с партией не всегда совпадает с моделью поведения³⁰.

«Вторая волна» концептуализации политической идентичности

Формирование «второй волны» теории политической идентичности начинается в Европе в начале–середине 1970-х годов; оно связано с: а) началом эмпирических исследований формирования общеевропейской идентичности (программа «Евробарометр», публикации Дж.Уэлша)³¹; б) оценкой влияния на политической поведение различных моделей социальной идентичности, прежде всего этнической (Р.Картер, Дж.Хелмс, Ф.Шлезингер)³², гендерной, конфессиональной, профессиональной; в) исследованием влияния явлений глобализации/глокализации и становления информационного общества на особенности политической идентичности (М.Кастельс). Появляются работы, посвященные кризисным проявлениям политической идентичности³³.

Ученые активно обращались к гендерным аспектам политической самоидентификации³⁴. Интересными представляется анализ роли насилия³⁵ в его связи с вероисповеданием, например, религиозного фундаментализма, в формировании политической идентичности. Все чаще поднимались вопросы о влиянии состояния экономики и СМИ на устойчивость партийных предпочтений. Даже приверженцы традиционного взгляда исследовали влияние партийной

²⁹ Brader T., Tucker J.A. The Emergence of Mass Partisanship in Russia, 1993–1996 // Amer. J. of Political Science, 2001, Vol. 45, N 3. P. 69–83.

³⁰ Исследования политической идентичности в посткоммунистических странах проводили также А. Миллер, У. Зиммерман, Т. Колтон, С. Уайт.

³¹ Welsh J.M. A Peoples' Europe: European Citizenship and European Identity. Badia Fiesolana, 1993.

³² Carter R.T., Helms J.E. White Racial Identity Attitudes and Cultural Values / Black and White Racial Identity: Theory, Research and Practice. Westport; London, 1990; Schlesinger Ph. On National Identity: Some Conceptions and Misconceptions Criticized // Social Sciences Information, 1987, Vol. 26, N 2. P. 219–264.

³³ Welsh J.M. The Role of the Inner Enemy in European Self-Definition: Identity, Culture and International Relations Theory // History of European Ideas, 1994, Vol. 19, N 1/3. P. 53–61.

³⁴ Шахид Ф. Столкующая идентичность: Культура, женское представительство и мусульманский мир // Международный журнал социальных наук, 1999, № 26. С. 75–89; Rupp L.J., Taylor V. Forging Feminist Identity in an International Movement: A Collective Identity Approach to Twentieth-Century Feminism // Signs, 1999, Vol. 24, N 2. P. 363–386; Griffiths M. Feminism and the Self: The Web of Identity. London; New York, 1995; Dean J. Solidarity of Strangers: Feminism after Identity Politics. Berkely; Los Angeles, 1996; Identity Politics and Women: Cultural Reassertions and Feminism in International Perspective / Ed. by V.M. Moghadam. Boulder, 1994.

³⁵ Violence, Identity and Self-Determination / Ed. by H. Vries de., S. Weber. Stanford, 1997.

идентичности не только на электоральный выбор, но и на политическое поведение в целом. Традиционно продолжались исследования роли классовой принадлежности в формировании политических перспектив индивидов, особенностей идентификации отдельных социально-демографических и статусных групп. Интересными были попытки анализа различных коллективных форм идентификации в конфликтах и кризисных условиях, роли личностной и групповой социальной идентичности в системе государственного управления, характера формирования политической идентичности в условиях демократии, в современном обществе «новых технологий».

В 1990-х годах активно обсуждался вопрос о роли глобализации и информационного общества в формировании политической идентичности. В европейских исследованиях появилось направление, акцентировавшее снижение значимости в формировании политической идентичности национального государства и других классических политических институтов. Это объяснялось тем, что в условиях глобализации национальное государство как бы «исчезает» на фоне роста потенциала наднациональных объединений, например, Европейского Союза, развития цивилизационных идентичностей, усиления влияния региональных сообществ отдельных стран, их трансграничной активности и развития межрегиональных связей. Но при этом процессы глокализации вели к тому, что самым простым способом объединения, позволяющим «людям избежать чувства разобщенности, слабости и незащищенности перед лицом более мощных исторических сил, бушевавших вокруг, стало объединение по этническим признакам»³⁶. Именно поэтому этническая идентичность в условиях глобализации не просто тесно связана с политической самоидентификацией, но и сама приобретает политический характер. Часто она являет собой пример «утраченной идентичности», которая понимается как нечто существующее, но «безголосое», что проявится лишь при определенных условиях. Стиль жизни в современных государствах становится более унифицированным, но проявляется и тенденция к сохранению собственной культуры и языка, к противодействию инородному влиянию.

При описании «общества будущего» как информационного М.Кастельс³⁷ делает акцент на том, что власть больше не является уделом «институтов (государства), организаций (капиталистических фирм) или носителей символов (корпоративных средств информации и церкви)»³⁸. Идет поиск новой системы социальных связей на основе реконструированной идентичности, который обусловлен кризисом двух основных институтов индустриального общества – семьи и национального государства. Новая власть заключается «в информационных кодах, в представительских имиджах, на основе которых общество организует свои институты, а люди строят свои жизни и принимают решения относительно своих поступков. Центрами такой власти становятся умы людей»³⁹. Свой потенциал исчерпали и политические партии. «Политические доктрины, основывающиеся на промышленных институтах и организациях, начиная от демократического либерализма, зиждущегося на национальном государстве, и кончая опирающимся на труд социализмом, в новых социальных условиях оказываются лишенными своего

³⁶ Фукуяма Ф. Доверие // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л.Иноземцева. М., 1999. С. 161.

³⁷ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура (<http://www.buk.irk.ru/library/book/search1.htm>)

³⁸ Кастельс М. Власть идентичности // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л.Иноземцева. М., 1999. С. 304.

³⁹ Там же.

практического смысла. В результате этого они теряют привлекательность и в стремлении выжить идут по пути бесконечных мутаций, болтаясь за спиной нового общества, как пыльные знамена забытых войн»⁴⁰. У идеологий иссякают истоки «легитимной самобытности». Кастельс поддерживает идею А.Турена о том, что в постиндустриальном обществе идея защиты личности, ее самобытности и культуры заменяет идею классовой борьбы. Наблюдается увеличение дистанции между глобализацией и идентичностью, между сетевыми структурами, олицетворяющими современное общество, и «Я». Показателем кризиса является подъем фундаментализма, развитие расизма и ксенофобии в европейских странах. Характерная для информационного общества автономная идентичность возникает вне институтов гражданского общества. При описании постиндустриального общества постмодернисты переносят акцент с понятия «мы» на понятие «я». М. Кастельс в изданной в 1997 г. книге «Power of Identity» выделяет три типа идентичности: «легитимизирующую», «сопротивления» и «проективную». Первый вариант идентичности порожден индустриальным обществом с его традиционным пониманием гражданского общества и национального государства, второй связан с переходом к новому типу ценностей, создаваемых локальными общностями, третий определяется формированием личности, субъекта⁴¹.

«Третья волна»: теория идентичности на рубежах тысячелетия

«Третья волна» теории политической идентичности связана с рубежом 1990-х – начала 2000-х годов, когда политики осознали практический смысл изучения различных моделей политической идентичности в странах Евросоюза и сменился вектор обсуждения этой темы в научной среде. Развивается концепция «политики идентичности», происходит удвоение объекта анализа: наряду с изучением стереотипов и установок массового и индивидуального политического сознания (а политическая идентичность относится именно к «срединному» его слою – установкам, хотя, безусловно, влияет и на базовые и идеологические ценности, и на политические предпочтения индивидов) активное внимание ученые начинают уделять последствиям проводимой политики мультикультурализма и толерантности по отношению к мигрантам и представителям нетрадиционных для европейских стран религий.

Интересны исследования Т.Райсса, М.Эмерсона, В.Лота, И.Нойманна, Б.Страта, Ф.Черутти⁴², в которых показано воздействие наднациональных органов ЕС на процесс формирования европейской идентичности и предпринимаются попытки определить наилучший сценарий идентификационной политики. Т.Райсс пытается выявить закономерности социального поведения при одновременной

⁴⁰ Там же. С. 297.

⁴¹ Castells M. The Power of Identity. Oxford: Blackwell, 1997.

⁴² Risse T. The Euro between National and European Identity // Journal of European Public Policy, 2003, N 10 (4) August; Эмерсон М. Экзистенциальная дилемма Европы. // Вестник Европы, 2005, № 15; Loth W. Identity and Statehood in the process of European Integration // Journal of European Integration History, 2000, N 6; Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004; Strath B. A European Identity: to the historical limits of a concept. // European Journal of Social Theory, 2003, N 5. P. 387–401; Cerutti F. Towards the political identity of the Europeans: An introduction // A soul for Europe. On the political and cultural identity of the Europeans / Ed. by F. Cerutti, E. Rudolph. Leuven, 2001. Vol. 1; Cerutti F. Constitution and political identity in Europe // Postnational constitutionalisation in the enlarged Europe: afoundations, procedures, prospects / Ed. by U. Liebert Baden-Baden, 2005.

смене валют, В.Лот поставил задачу создать многомерную модель идентичности, М.Эмерсон интересуется многомерная модель интеграции, И.Нойманн уделяет внимание изучению историко-политической концепции единого европейского пространства, Б. Страт анализирует начало политики идентичности в ЕС. Поиск новой идентичности противоречив: с одной стороны, налицо подъем национальных и националистических чувств и движений, с другой стороны – усиление стремления части общества к самоидентификации с Европой. При этом европейская идентичность – совокупность характеристик, которые отличают европейцев от неевропейцев в культуре, традиции, образе жизни, системе мышления. Новые модели идентичности не всегда мирно уживаются с традиционными.

Проблема формирования европейской идентичности поставила исследователей перед необходимостью использования в трактовке политической идентичности культурологического (или цивилизационного) подхода, поскольку во многих анализируемых ситуациях проявлялась дисфункция между общегражданской (национальной – в терминологии западноевропейских исследователей) и этнической идентичностями, и обсуждения вопроса о «политике идентичности». Политика идентичности в западноевропейских странах касается аспектов формирования модели политической идентичности, в рамках которой гармонично сочетались бы этническая, общегражданская идентичность и сконструированная в рамках Евросоюза европейская идентичность. В плане конструирования общеевропейской идентичности ставка делается на экономические (внедрение евро, общих стандартов торговли, возможность перемещения рабочей силы из одного государства ЕС в другое) и политико-институциональные методы (институт членства в Европейском Союзе, который позиционируется как привилегия европейских стран), на культурно – цивилизационные основания (европейцы оперируют понятиями «мировое сообщество», «гуманистические ценности», «общечеловеческая культура»). Европейская идентичность трактуется как специфическая усложненная разновидность идентичности политической, вобравшая в себя элементы всех других видов.

«Третья волна» интереса к теории идентичности в политической науке, поднявшаяся с начала 2000-х годов, акцентирует внимание на взаимосвязи национальной (фактически речь идет об общегражданской) и этнической идентичностей. В европейских странах объектом анализа выступают потомки иммигрантов⁴³ и автохтонные этнические меньшинства, компактно проживающие на территории национального государства. Большое внимание уделяется влиянию политической идентичности (в нее включается в этом случае этническая и конфессиональная идентичность) на крайние, в том числе экстремистские, формы политического поведения⁴⁴. Следует отметить эмпирическую направленность большинства исследований этого периода в европейской политической науке. Мы имеем дело с этапом доминирования восходящей исследовательской стратегии, которая обычно и приводит к прорыву в теоретической области. Отметим

⁴³ Кокка Ю. Границы Европы и идентичность = *Turopas grenzen und identität*: исторический опыт и вызовы современности / Пер. с нем. Е. В. Безмен. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2007.

⁴⁴ Schwarzmantel J.J. *Citizenship and identity: Towards a new republic*. London; New York: Routledge, 2003; Heryanto A. *State terrorism and political identity in Indonesia: fatally belonging*. London; New York: Routledge, 2006; *Political transformation and national identity change: comparative perspectives* / Ed. by J.Todd, L.C.Bottos, N.Rougier. London; New York: Routledge, 2008.

проведенное в этом ключе исследование Г.Беста (Германия), построенное на межгосударственных сравнениях (18 стран, 2009 г.) модели национальной идентичности трех групп (политической и экономической элиты и рядовых граждан этих стран). Он относит *политическую идентичность к эмоциональному компоненту политического сознания, фиксирующему представление человека о себе только в настоящем. Национальная идентичность имеет два аспекта – этнический и общегражданский – и рассматривается как одна из разновидностей политической идентичности.* Наиболее значимыми показателями национальной идентичности Г.Бест считает осознание значимости принадлежности к определенному этносу и гражданства, фактор «крови» (этническое происхождение родителей), страну рождения, преданность стране, признание правильности внешней политики стран Европы и адекватности социальной системы своей страны⁴⁵.

На наш взгляд, наиболее существенное влияние на современные зарубежные версии теории идентичности оказали в последнее десятилетие и продолжают оказывать такие исследователи, стоящие на принципиально различных методологических позициях, как П.Бурдьё⁴⁶, Э.Гидденс⁴⁷, Ю.Хабермас⁴⁸, С.Хантингтон⁴⁹ и С.Жижек⁵⁰.

Концептуализация политической идентичности в российской науке

В России интерес к тематике идентичности проявляется фрагментарно в начале 1980-х годов в исследованиях психологов и социологов, где встречается лишь упоминание о социальных моделях идентичности, прежде всего о чувстве тождества с позитивной референтной группой. Ситуация меняется в начале 1990-х годов, когда в проекты социологов (В.А.Ядов, Ю.А.Левада, С.Г.Климова) и психологов (А.В.Брушлинский, концепция «я-общество», рассматриваемая через призму категории «социальная дистанция» во взаимоотношении «я» со «своей группой» и «своей группы» с «другими»⁵¹) входит тема политических ценностей. Среди эмпирических исследований этого времени наиболее значимы проекты, выполненные сотрудниками Института социологии РАН в рамках программы «Альтернативы социальных преобразований в российском обществе в 1991–1994 гг.». Под руководством В.А.Ядова был реализован проект «Изменения в идентификации личности» (май 1992 г. – ноябрь 1994 г.). Параллельно проводились интенсивные исследования небольших целевых групп (рабочие, инженеры, занятые на государственных и частных предприятиях, биржевые брокеры и студенты). Созданный в 1987 г. ВЦИОМ (в настоящее время – Левада-Центр) с 1993 г. осуществляет проект «Мониторинг социальных и политических перемен» и целевые

⁴⁵ (http://www.ucl.ac.uk/ceelbas/ceelbas-news/events/workshops/CN09CB1_Lane_Workshop).

⁴⁶ О его концепции см.: Социоанализ Пьера Бурдьё. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001.

⁴⁷ Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999.

⁴⁸ Хабермас Ю. Политические работы. М.: Праксис, 2005;

⁴⁹ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: Издательство АСТ, Транзиткнига, 2004.

⁵⁰ См.: «Возвышенный объект идеологии», «История про чайник», «13 опытов о Ленине» и др. работы.

⁵¹ Субъект и социальная компетентность личности / Под ред. А.В.Брушлинского. М., 1995; Психология личности: новые исследования / Брушлинский А.В., Деркач А.А., Абульханова К.А. и др.; Под ред. акад., проф. К.А.Абульхановой и др. М.: Ин-т психологии РАН, 1998.

программы, изучавшие динамику общественного сознания в постсоветском обществе, в частности, феномен «советской идентичности»⁵².

Существенным результатом этих исследований был вывод о доминировании негативной модели самоидентификации по принципу «от противного» (люди быстрее осознают, с кем они себя не отождествляют) в посткоммунистическом пространстве, когда наряду с разрушением идеологического строя были изменены и экономические основы общества. Предпринимались попытки проанализировать полученные данные с точки зрения формирования классовой солидарности и в рамках теории расширения «символического капитала». В рамках психоаналитического подхода исследовалась агрессивность к «чужим» группам, в когнитивистской психологии изучалось формирование символических, не побуждающих к социальному действию идентичностей⁵³. Был реализован проект в рамках НИП «Социально-психологические механизмы идентификации» (руководитель – С.Г.Климова).

Российским архетипам и их проекции в современность были посвящены пионерные исследования Г.Г.Дилигенского, основателя научного направления социально-политической психологии в российской науке⁵⁴. Он видел в идентификации индивида с большой социальной группой «мощный фактор политического выбора»⁵⁵. Особое внимание ученый уделял проблеме субъекта российской модернизации и его идентичности. В центре последней его работы, посвященной проблемам становления среднего класса как «одной из центральных для всего постсоветского развития страны», был анализ его «гетерогенной идентичности» в контексте социально-политической трансформации постсоветского общества⁵⁶.

Попытка классификации типов политического сознания россиян на основе политической идентификации предпринята Б.Орловым.⁵⁷ В 1998 г. в рамках комплексного анализа состояния российского общества к теме политической идентичности обратились сотрудники РНИСиНП.⁵⁸ Изучением политической идентичности россиян занимался Фонд общественного мнения.

Во второй половине 1990-х годов отечественные ученые обращали особое внимание на региональную идентичность (Р.Ф.Туровский, Л.Д.Гудков,

⁵² См. Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. / под общей ред. Ю.А.Левады. М., Мировой океан, 1993; Левада Ю.А. От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993-2000 годов. М.: Московская школа политических исследований, 2000; Левада Ю.А. Ищем человека. Социологические очерки 2000-2005 гг. М., Новое издательство, 2006.

⁵³ Альтернативы социальных преобразований в российском обществе в 1991–1994 гг. М., 1995. С. 96.

⁵⁴ См.: Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М., Институт «Открытое общество», 1994.

⁵⁵ Там же. С. 282.

⁵⁶ Дилигенский Г.Г. Российские архетипы и современность // Куда идет Россия. Общее и особенное в современном развитии / Под общ. Ред. Т. И. Заславской. М., МВШСЭН, 1997. С. 273-279; Его же: Люди среднего класса. Гл.1. Идентичность российского среднего класса. М., Институт фонда «Общественное мнение», 2002. С. 57 - 101.

⁵⁷ Орлов Б. Россия в поисках новой идентичности (90-е годы XX столетия): Научно-аналитический обзор. М., 1997.

⁵⁸ Осенний кризис 1998 года: Российское общество до и после. Аналитические доклады РНИСиНП. М., 1998.

Е.Ю.Мелешкина, Н.А.Шматко, Ю.Л.Качанов)⁵⁹ преимущественно в контексте обсуждения специфики региональных политических режимов. Можно отметить региональный проект «Политический Петербург», проводимый с 1998 г. Центром эмпирических политических исследований философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета⁶⁰. Популярным стало обсуждение этнического самосознания как элемента политической культуры и фактора процессов интеграции и дезинтеграции современных государств (М.Н.Губогло, И.Е.Кудрявцев, А.А.Шестаков, В.Р.Чагилов, Н.М.Лебедева, Е.Б.Светлицкая)⁶¹. Рассматривались политические аспекты национальной идентичности в контексте тенденций глобализации (О.М.Зотова, Е.В.Золотарева, М.В.Иордан)⁶² в русле работ М.Кастельса. Во второй половине 1990-х годов исследовались политизированные формы этнической идентичности (В.А.Ачкасов, Л.М.Дробижева⁶³).

В это время некоторые политологи, ссылаясь на неустойчивость российской партийной системы и избыточное количество политических организаций, скептически высказывались о возможности применения теории партийной идентичности (В.Я.Гельман) в России, игнорируя факт множественности моделей политической идентичности. Вместе с тем эмпирические исследования (формализованное интервью) с использованием самого элементарного методического инструментария позволили зафиксировать устойчивые самооценки персонифицированного уровня политической идентичности и достаточно выраженные — идеологической. Партийная идентичность оказалась более устойчивой у сторонников оппозиционных левых и либеральных партий. Следует признать, что ослабление политической конкуренции в РФ снижает значимость подобных исследований уже к 2005 г.⁶⁴

⁵⁹ Гудков Л.Д. Эрозия идентификации и социальные напряжения в регионах / Куда идет Россия? М., 1996. С. 318–327; Мелешкина Е.Ю. Региональная идентичность как составляющая проблематики российского политического пространства // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России / Под ред. М.В.Ильина, И.М.Бусыгиной. М., 1999; Туровский Р. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей? / Под ред. М.Макфола, А.Рябова. М., 1999. С. 87–136.

⁶⁰ Проект продолжался вплоть до 2009 г. Тогда стало очевидным, что традиционная методика определения степени соответствия идеологической, партийной и персонифицированной политической идентичности в российских условиях более не работает.

⁶¹ Чагилов В.Р. Политизированная этничность: опыт методологического анализа. М., 1999; Светлицкая Е.Б. Новая российская идентичность // ОНС: общественные науки и современность. 1997, № 1. С. 72–81; Идентификация идентичности: этнополитический ракурс. Т. 2. М., 1998; Кудрявцев И.Е. «Национальное Я» и политический национализм // Полис, 1997, № 2. С. 77–94.

⁶² Глобализация и поиски национальной идентичности в странах Востока / Отв. ред. Л. М.Ефимова, Л.Б.Алаев. М., 1999; Иордан М.В. Этническая идентичность в контексте техногенной цивилизации: (Методологический подход) / Социальная теория и современность. М., 1993. Вып. 12. С. 26–32.

⁶³ См., например: Ачкасов В.А. Взрывающаяся архаичность: традиционализм в политической жизни России. СПб., 1997; Дробижева Л.М. Социальная и культурная дистанции: Опыт многонациональной России / Институт этнологии и антропологии РАН; Авт. проекта и отв. ред. Л.М.Дробижева М.: Институт социологии, 1998.

⁶⁴ Попова О.В. Политическая идентификация в условиях трансформации общества. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002; Попова О.В. Политические установки петербуржцев: проблема

Вторая половина 1990-х годов вплоть до 2003 г. определялась особым интересом российских исследователей к проблемам кризиса прежних моделей политической идентичности, влияния процессов формирования региональных режимов на региональную идентичность, выбора россиянами общегражданской модели идентичности в зависимости от степени успешности адаптации тех или иных групп к рыночной экономике и плюралистическому характеру политического режима. Появились работы, посвященные символической идентификации граждан со своим государством (Д.А.Мисюров)⁶⁵.

Бум интереса российских исследователей к проблемам политической идентичности начинается в 2001 г.⁶⁶ Анализ лавинообразного потока научных публикаций российских исследователей с 2004 г., в названии которых встречается слово «идентичность» – говорят о партийной, идеологической, персонифицированной, этнической, национальной, конфессиональной, профессиональной, статусной, общегражданской, цивилизационной, геополитической и др. – позволяет сделать вывод о расширительном толковании этого явления⁶⁷. Политическая идентичность связывается и с особенностями политической культуры, и с поиском России своего места в общецивилизационном пространстве. Фактически идет подмена содержания самого понятия: политическая идентичность вместо одного из вариантов политической установки, позволяющей человеку отнести себя к той или иной референтной (позитивной или негативной) группе и определенным образом организовывать свое политическое поведение, все чаще начинает трактоваться как менталитет, представление человека о своем месте в мире и в обществе. Если сложившаяся практика определения субъектности идентичности в принципе не вызывает особых возражений (идентичностью может обладать как отдельный человек, так и группа лиц), то попытка обозначать все представления, взгляды, предпочтения индивидов через эту категорию является очевидно беспомощной в научном плане.

Из проведенных эмпирических исследований современных моделей политической идентичности россиян безусловную ценность имеют проекты под руководством Л.М.Дробижевой⁶⁸ и М.К.Горшкова⁶⁹. Наиболее важны следующие тенденции развития отечественной теории политической идентичности в 2000-е годы: во-первых, рост внимания исследователей к особенностям дискурсивных практик обладателей различных моделей идентичности⁷⁰; во-вторых, политизации

адекватности самоидентификации // ПОЛИТЭКС, Вып. 2. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С.127-139; Попова О.В. Динамика политических установок и партийных предпочтений // Вестник СПбГУ, Серия 6, 2007, Вып.4. С. 3-16; Попова О.В. Россия как «другой»: к вопросу об амбивалентности субъектов оценки // Вестник СПбГУ, Серия 6, 2008, Вып. 4. С. 43-50; Попова О.В. Особенности политической идентичности в России и странах Европы // Полис, 2009, № 1. С. 143-157.

⁶⁵ Мисюров Д.А. Политика и символы. М., 1999. С. 78–91, 113–117.

⁶⁶ В 2001–2003 г. был защищено около десятка кандидатских и докторских диссертаций по политической идентичности. С 2007 до лета 2010 г. было защищено уже свыше 40 диссертаций по схожей тематике в смежных общественных и гуманитарных дисциплинах.

⁶⁷ Библиотечная картотека ИНИОН с 2004 г. содержит свыше 400 ссылок на публикации по теме «политическая идентичность».

⁶⁸ Российская идентичность в Москве и регионах / Отв. Ред. Л. М. Дробижева. М.: ИС РАН, 2009.

⁶⁹ Результаты опубликованы в журнале «ПОЛИС» в 2009 г.

⁷⁰ Малинова О.Ю. Россия и «Запад» в XX веке: трансформация дискурса о коллективной

традиционных социальных форм идентичности, множественности моделей политической идентичности и многоуровневости ее проявления⁷¹; в-третьих, введение в научный оборот проблематики сознательного конструирования политической идентичности⁷²; в-четвертых, рассмотрение проблем политической идентичности в контексте общецивилизационных процессов (экономических, культурных и т.д.)⁷³. Представляется оправданным введение в оборот категории «политическая макроидентичность»⁷⁴ и рассмотрение феномена политической идентичности в целом не просто как набора политических установок в отношении основных политических институтов, а как многоуровневого («матрешечного») параметра политического сознания, которое имеет эмоциональную окраску и позволяет индивиду, не затрачивая лишних усилий на рефлекссию по поводу происходящих политических событий, достаточно легко формировать отношение к ним и определенную линию политического поведения.

Но ряд методологических проблем для исследователей остался не решенным. Эти сложности связаны с определением:

- субъекта-носителя (индивид с учетом его половозрастных и индивидуальных психологических особенностей, индивид как «типичный» представитель своей социальной группы, социальная или политическая группа);
- степени рациональности и осознанности политической идентичности (процесс бессознательный или всегда — результат целерациональной деятельности);
- механизма формирования политической идентичности (вид политической установки сознания или результат подражания референтной группе);
- степени влияния социальных параметров группы, к которой принадлежит индивид, на характер его политической идентификации;
- «временного» параметра становления политической идентичности (связана с жизненным циклом человека или является перманентным состоянием);
- степени влияния идентичности на политическое поведение;
- степени актуализации в сознании («выбор навсегда» или каждодневно даже без рефлексии по этому поводу);

идентичности. М.: РОССПЭН, 2009.

⁷¹ Жаде З.А., Куква Е.С., Ляшева С.А., Шадже А.Ю. Многоуровневая идентичность. М.: Российское философское общество; Майкоп: ООО «Качество», 2006.

⁷² Евгеньева Т.В., Титов В.В. Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи // Полис, 2010, № 4; Семенов И.С. Реальность и миражи европейской идентичности // Внутриполитические трансформации в западных странах: реальность и перспективы / Отв. ред. К. Г. Холодковский. М.: ИМЭМО РАН, 2007; Семенов И.С. Российская идентичность перед вызовами XXI века: проблемы и риски на пути формирования гражданской нации // Дестабилизация мирового порядка и политические риски развития России / Отв. ред. В. И. Пантин, В. В. Лапкин. М.: ИМЭМО РАН, 2010; Образ России в мире: становление, восприятие, трансформация. М.: ИМЭМО РАН, 2008; Политическое самоопределение России в современном мире: основные факторы и проблемы. М.: ИМЭМО РАН, 2007.

⁷³ Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Идентичность в системе координат мирового развития // Полис, 2010, № 3.

⁷⁴ Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис, 2010, № 2; Малинова О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК, 2010, Т. 6, № 1. С. 5–28.

– объектов политической самоидентификации (традиционная классификация по трем основаниям идеологическому, партийному, личностному) или не только существенное увеличение их числа, но и признание политического характера многих форм социальной идентификации);

– оценки массового «кризиса политической идентичности» как «вечной» патологии или «болезни роста» посттоталитарного политического сознания;

– особенностей политической идентичности в странах с различными политическими режимами и в информационном обществе.

Поиски ответов на эти вопросы будут способствовать утверждению концепции политической идентичности в аналитическом инструментарии политической науки.

**Е.Б. Рашковский,
ИМЭМО РАН**

МНОГОЗНАЧНЫЙ ФЕНОМЕН ИДЕНТИЧНОСТИ: АРХАИКА, МОДЕРН, ПОСТМОДЕРН...

Проблема идентичности – одна из самых навязчивых и подробно дискутируемых в сегодняшней мысли, философии, культуре. Автор рассматривает эту проблему как порождение глубоких противоречий между долгими веками архаического общежития, модернизационным рывком XVII – XX столетий и культурным кризисом постмодерна. Эти противоречия пронизывают собой весь комплекс коммуникативного и экзистенциального опыта современного человека.

...Чудак печальный и опасный,

Созданье ада иль небес,

Сей ангел, сей надменный бес...

«Евгений Онегин», Глава седьмая, XXIV

Не считаю себя специалистом в столь популярных ныне научных дисциплинах, как изучение этнонациональных отношений или политология. Мой подход к занимающей ныне многих проблематике идентичности есть, скорее всего, подход сторонний, маргинальный, и базируется он на иных, нежели у большинства ученого сообщества, научно-философских предпосылках. Связаны эти предпосылки прежде всего с философией человека, с философской антропологией, которая и есть, с моей точки зрения, некое «тонкое тело» (или – в иных, более привычных нашей аудитории терминах – неразменный метаязык) всего комплекса социо-гуманитарных знаний. Причем важно иметь в виду, что нынешняя философия человека – вовсе не теоретическая «робинзонада», ибо она обогащена огромным опытом политэкономии, социологии, историографии, лингвистики и семиотики последних двух-трех веков. Это же касается и опыта наук био-медицинского цикла, всё более и более нащупывающими связь физического статуса человека с социальными и духовными аспектами его существования, с его фило- и онтогенетической историей. И, следовательно, философия человека имеет дело не только со столь важным для понимания человека *экзистенциально-креативным* его измерением⁷⁵, но и с не менее важным измерением *коммуникативным*.

⁷⁵ Ревич И.М. Жизнь и смерть предложил Я тебе... М.: Грифон, 2006.

Впрочем, оба эти измерения неразрывно связаны между собой; изучение же их связи предполагает изучение внутренних складов, судеб и прaxeиса индивидов и групп в широком комплексе их природных, социальных и духовных предпосылок. И при всём этом важно иметь в виду, что каждый человек, прорастая сквозь тысячелетия, века и годы, несет в своем существовании целые взаимодействующие между собой пласты своей родовой, групповой и личной истории. Повторяю – целые пласты своего фило- и онтогенеза.

«Далекое близкое»

Зададимся вопросом: почему, откуда такая массовая озабоченность этой остросовременной проблемой идентичности, этот зуд идентичности, этот «невроз своеобразия»⁷⁶ в нынешнем мире, подавляющее большинство населения которого – люди если и не совсем архаического, то, по крайней мере, неoarхаического (тоталитарного или посттоталитарного, или даже постиндустриального) духовно-психологического склада⁷⁷?

Волей-неволей, нам придется обратиться к дальней исторической ретроспективе занимающей нас проблемы.

Проблемы идентичности – именно как *остросовременной проблемы* самопонимания, самосознания и самопознания человека – почти что не существовало в широком сознании обществ архаического, дотрансформационного типа.

...Я вполне осознаю жесткость и грубость свой дихотомии архаических и трансформационных обществ – т.е. обществ, ориентированных на воспроизводство предписанных норм и традиций, и обществ, ориентированных на процессы непрерывных и осмысленных самопреобразований. Строго исторического обоснования эта дихотомия не выдерживает: мы столкнемся с этим в ходе последующего нашего разговора. И всё же – очень важно удержать это жесткое различие архаики (или, согласно терминологии гегелевской «Феноменологии духа», человеческой «неопосредованности», «невыведенности», *Unmittelbarkeit* из своего первичного коллектива⁷⁸) и трансформационности как необходимый момент теоретической эвристики в науках о человеке...

Предписанный, безотносительный к личности статус «здешнего»⁷⁹ или этнического человека, общинника, государева подданного безоговорочно делил мир на «своих» и «чужих», вменял людям предписанную, «механическую солидарность» (категория Эмиля Дюркгейма) в рамках относительно малой и относительно замкнутой

⁷⁶ Барабанов Е.В. Русская философия и кризис идентичности // Вопросы философии, 1991, № 8. С. 105

⁷⁷ Яковенко И.Г. Познание России: цивилизационный анализ. М.: Наука, 2008. С. 476-477.

⁷⁸ В трудах Бенедетто Кроче эта гегелевская категория «неопосредованности» своеобразно воспроизводится как «servilità». Причем воспроизводится, предполагая в условиях диктатуры Муссолини, подцензурный, но всё же прозрачный намек на вторичную «неопосредованность» социо-культурных отношений в тоталитарных обществах.

⁷⁹ Еще в Польше межвоенных лет многие белорусские и польские крестьяне в глухих заболоченных местах северо-западного Полесья или Подляшья в ответ на вопросы социологов и этнологов о своей этнической принадлежности однозначно идентифицировали себя как «tutejszy» («здешние», «тутошные»).

общины. Или – по словам нынешнего русского социолога – солидарность в кругу «вынужденных, непосредственно личных, частных отношений»⁸⁰...

Эта предписанная «механическая солидарность» давала человеку-архаику некоторый минимум покровительства, а с ним – и минимум внешней и даже внутренней защищенности, а также ощущение причастности к некоему большому, но с трудом представимому «державному» целому⁸¹. Эта «солидарность» могла быть и остается предметом слащавых идеализаций со стороны мыслителей и идеологов консервативного или ностальгического склада. Однако никакой средний общинник, средний участник архаической “Gemeinschaft” не был огражден ни от жадности и самодурства «здешнего» нотабля или своего же выскочки, ни от иждивенческих притязаний и угроз сельского лодыря и забулдыги. А уж о властных, аппаратных и военных притязаниях традиционной государственности, персонифицируемой «неведающим» или «злым» государем или «злыми» вельможами и чиновниками, я не говорю.

Однако во времена периодических коллапсов традиционных обществ, когда рушились привычные архаические связи – не только социоэкономические и властные, но и духовные, – возникали так называемые «профетические ситуации»: люди не могли верить и мыслить по-старому, – стало быть, не могли и самих себя воспринимать по-старому⁸². Именно с «профетическими ситуациями» связываются в истории процессы становления тех самых бергсоновских «творческих меньшинств», через которые выявлялись и творились не только новые ориентации в мире, но и – через импульсы, проникающие в народные толщи, – и новые структуры самого мира⁸³. И вот в такие коллапсно-переломные моменты истории, когда социальность – в своей конвульсивной циклической динамике – еще стояла почти что на месте, а в духовных горизонтах истории исподволь накапливался потенциал дальних будущих перемен, – в той или иной мере проявлялась невероятная для нынешнего материалистического человека правота мысли лорда Актона: в определенные моменты область духовной репрезентации мира становится «первой из забот человеческих»⁸⁴.

Перемена верований, а вместе с ними и всего комплекса человеческого самопонимания, друго-понимания, миро-понимания, есть труд огромной внутренней, но нередко и внешней напряженности. Это – как раз то самое, что в евангельской терминологии обозначается словом *metanoia* – умоперемена, внутренняя перемена,

⁸⁰ Гудков Л.Д. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // Отечественные записки. М. 2002, № 3 (4). С. 89

⁸¹ Об условной «ассирийской» (и – шире – общевосточной) матрице нашего Санкт-Петербургского самодержавия Плеханов писал еще на исходе позапрошлого века (см.: Плеханов Г.В. Г.И.Успенский. (Посвящается С.М.Кравчинскому) // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения в пяти томах. Т. 5. М.: Соцэкгиз, 1958. С. 41-95.

⁸² Waardenburg J.-J. “Leben verloren” oder “Leben gewinnen” als Alternative in prophetischen Religionen // *Leben und Tod in den Religionen. Symbol und Wirklichkeit* / Hrsg. von G. Stephenson. Darmstadt: Wiss. Buchgesellsch., 1985. S. 36-60.

⁸³ Рашковский Е.Б. Религия – цивилизация – революция: к философии истории Шмуэля Ноаха Айзенштадта // *Материалы Пятнадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике*. Ч. 1. М.: Сэфер / Институт славяноведения РАН, 2008. С. 188-193; Рашковский Е.Б. Бергсон и Тойнби, или о «материи» исторического знания // *Логос. Философско-литературный журнал*. М. 2009, № 3 (71). С. 155-162.

⁸⁴ Актон Дж. Э.Э. Очерки становления свободы / Пер. Ю. Колкера. L.: Overseas, 1992. С. 148.

перемена сознания, связанная с некоторым внутренним решением и внутренней болью⁸⁵.

Вообще, трудность рывка от верования к верованию, от одной картины мира к другой, от одной формы сколько-нибудь осознанного самовосприятия (стало быть, говоря нынешними словами, – идентичности) к другой запечатлена еще в ранних пластах библейской словесности⁸⁶.

Во всяком случае, за нынешней, вышедшей на авансцену мысли и политики проблемой идентичности – бесконечно дальний, но периодически всплывающий в истории архаический background.

На порогах глобализации

Позднее Средневековье – в некоторых анклавах Западной Европы, этого омываемого теплыми волнами Гольфстрима малого аппендикса Северо-Западной Евразии с его изрезанной береговой линией, – в таких, как Ломбардия и Тоскана, Иль де Франс, Нидерланды, Брабант, Ганза, Прирейнская Германия, Западная Швейцария, позднее и юго-восточная Англия, – знаменуется зарождением обществ современного, трансформационного типа⁸⁷. Обществ, где даже средневеково-авторитарные, монархические и магические предпосылки индивидуального и общественного сознания иной раз могли легко становиться орудиями подрыва архаических форм общежития⁸⁸.

А уж с картезианско-галилеевско-ньютоновской интеллектуальной революцией XVII в. и с первой промышленной революцией эти общества получают и интеллектуальные, и материальные основы своей непрерывной и осознанной трансформационности. Отсюда – начало всемирным миграциям не только огромных человеческих масс (такое знали и эпохи архаического общежития), но и начало систематическим миграциям капиталов, технологических, интеллектуальных и организационных навыков, миграциям рационально обоснованных идей. И вместе с ними – миграциям политических и научных институтов⁸⁹, а также и форм массового сознания, включая формы наиболее воинственные и упрощенные.

⁸⁵ В славяно-российской традиции библейского перевода этот термин обозначается словом «покаяние», которое, на взгляд ученых-библеистов, необходимо восполняет некоторый рационализм греческого термина, сообщая ему более древние, ветхозаветные смыслы. См.: Ринкер Ф. и Майер Г. Библейская энциклопедия Брокгауза. Paderborn: Christliche Verlagsbuchhandlung, 1999. С. 735.

⁸⁶ Сарна Н.М. Содом и Гоморра (Бытие 18-19) // Библейские исследования / Сост. Проф. Б. Шварц. М.: Институт славяноведения РАН / Сэфер, 1997. С. 176-177.

⁸⁷ Эта мысль подробно обосновывается в трудах Фернана Броделя. В XVII-XVIII вв. в некоторых из этих земель, в силу неблагоприятных военно-политических и культурных обстоятельств, произошел существенный социально-экономический и общественный «откат».

⁸⁸ См.: Неретина С.С. Образ мира в «Исторической Библии» Гийара де Мулена // Из истории культуры Средних веков и Возрождения. М.: Наука, 1976. С. 115-116.

⁸⁹ Nota bene. Католическая система университетского дела начинает вводиться на землях Центральной и Южной Америки еще с XVI века. Причем занимались в этих университетах не только традиционными для католичества богословскими и правовыми дисциплинами, но и грамматикой и лексикографией индейских языков. Интродукция институтов научной организации в Россию была начата еще при Петре Великом; начало соответственной интродукции в Индии (Бенгалия и Бомбей) относится к концу XVIII в. Первоначально все эти институции – и в России, и в Индии – обслуживались приезжими, но довольно скоро они вовлекают в свои труды и местных уроженцев.

Всё это – предпосылки того состояния мира, которое еще в середине позапрошлого века Маркс и Энгельс определяли как «эмпирическая универсальность». Того состояния, которое, исходя из особенностей нынешних информационных и высокотехнологичных, интеллектуализированных производительных сил и форм институциональной и общественной организации, мы условно определяем как «глобализацию».

Не стоило бы, разумеется, смешивать интеллектуальную насыщенность нынешних форм производства, управления и власти с их рациональностью. Ибо эта нынешняя интеллектуальная насыщенность, отвечая на запросы операциональные и кратковременные, может набирать (и набирает!) самые иррациональные и разрушительные обороты (террорист, или зарвавшийся коррупционер, или же презирающий свои правовые рамки «силовик» во всеоружии электронных технологий). Подлинная же рациональность – в ее широком и требовательно-философском понимании – принимает в расчет всю возможную сложность контекстуальных связей избираемых приоритетов, решений и поступков.

Однако, во всяком случае, именно с этим модернизационным порывом мы вправе связывать начало истории не как истории отдельных цивилизаций прошлого с их хотя и подчас глубокими, но спорадическими связями, но именно как *истории общезначимой и универсальной*. Той самой, в контексте которой и всплыла и кристаллизовалась занимающая нас проблема человеческой идентичности.

Психо-логика в истории

Вся эта качественно новая, неведомая традиционным цивилизациям социально-экономическая, культурная, миграционная, политическая динамика чрезвычайно усложнила весь комплекс самоощущения и самопонимания человека, все контексты межчеловеческих связей и экзистенций.

В той или иной мере, для значительной части людей (включая и так называемых «простых людей») оказалась если не осознанной, то, во всяком случае внутренне пережитой сама сложность, сама *конфликтная многосоставность* современной человеческой ролевой структуры со множеством ее, как правило, несовпадающих параметров: местность, этничность, язык, вероисповедание, социально-экономический, юридический и гражданский статус, интересы, общественные и электоральные представления и предпочтения, личные и групповые притязания⁹⁰.

Вся эта сложность оказалась в числе важнейших предпосылок обострившейся проблемы именно человеческой идентичности, а вместе с нею и через нее – революционной динамики последних двух-трех столетий. Воистину, такие базовые документы глобальной истории, в коих речь идет именно о человеческом статусе, как американская Декларация независимости, французская Декларация прав человека и гражданина, Коммунистический манифест или Всеобщая декларация прав человека ООН – всё это одновременно и отражения, и оперативные факторы этой глобальной, постоянно чреватой революционными взрывами динамики, захватывающей не только общественную жизнь, но и глубинный внутренний опыт человеческих существований.

Что же касается именно революционной стороны этой социально-экзистенциальной динамики, то важно иметь в виду, что в истории вовсе не обязательно, чтобы те, кто полагают себя инициаторами или распорядителями этой

⁹⁰ См.: Inleles A. a. Smith D.H. Becoming Modern. Individual Change in Six Developing Countries. Cambr. (Mass.): Cambr. Univ. Press, 1974.

динамики, оказывались ее бесспорными бенефициариями. Довольно часто случается, что при переходе революции из ее «религиозной» стадии в «бизнес-стадию», т.е. в стадию перераспределения статуса, богатств и организации общественного производства, инициаторы и распорядители становятся ее маргиналами, страдальцами или даже прямыми жертвами⁹¹. Такова была участь французских жирондистов, эбертистов и якобинцев, наших российских левых эсеров и «ленинской гвардии», иранских «исламо-марксистов»... *Притязания на силовое пересоздание коллективных и индивидуальных идентичностей сталкиваются с тяжелой фактурой истории.*

Во всяком случае, многозначность форм человеческого самовосприятия и/или самосознания (то бишь идентичности) находится в несомненной связи со структурами и динамикой глобальной истории последних веков.

Вообще, по мысли видного социолога прошлого столетия, одна из базовых предпосылок конфликтных ситуаций в любом из развитых современных обществ – это конфликт между диктуемыми современными условиями производства и потребления растущими достижительными ориентациями человека, с одной стороны, и теми ценностными и правовыми императивами, которые накладывает на человека общество, – с другой. Короче – конфликты между императивами выживания и социализации. И, как следствие этого базового конфликта – взаимосвязанные проблемы коррупции и бюрократизации, своеволия и авторитаризма, личной автономии и групповой регуляции (включая и внутреннюю дисциплину не только легитимных, но и криминальных сообществ). Сама взаимосвязь, сама спутанность этих проблем свидетельствует о том, сколь слабо проработана в современной культуре по существу необходимая связь свободы и гражданственности⁹². И – добавил бы я от себя – сколь мало еще сделано отвечающей опыту современных противоречий философией человека, которая могла бы положить во главу угла взаимосвязанные проблемы целостности и внутренней конфликтности человеческого существования.

Призраки реархаизации

Можно много говорить о том, что социально-ролевое обогащение современного человека, расширение его пространственно-временного и внутреннего опыта несет в себе множество новых и доселе неизведанных возможностей общения, познания и творчества, новых возможностей в самих процессах общественного развития. Но не стоит забывать и о другой стороне медали: сложность и многомерность этого современного человеческого самоопределения и самопонимания ложится на многие души и характеры непосильным бременем. Отсюда – и социо-психологические предпосылки тяготения к реархаизации сознания, ко «вторичному смесительному упрощению» (если вспомнить старую терминологию Константина Леонтьева)⁹³, к религиозному фундаментализму или же – к возрождению упрощенных революционных идеологий, что в плане собственно-психологическом и социо-психологическом – почти одно и то же: подчас несхожие общественные программы

⁹¹ См.: Доусон Кр. Г. Боги революции / Предисл. А. Дж. Тойнби / Пер. с англ., вступит. статья и комм. К. Я. Кожурина. – СПб.: Алетейя, 2002. С. 250.

⁹² Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. N.Y.: Basic Books, 1976. С. 274-277.

⁹³ См. последние отечественные монографии на сей предмет: Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М.: Канон+, 2010; Хачатурян В.М. «Вторая жизнь» архаики: архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе. М.: Academia, 2009.

проигрываются, по существу, на одних и тех же полуархаических регистрах человеческой души⁹⁴.

В подходах к этому процессу нынешней вторичной архаизации не только индивидуальных и групповых сознаний, но и целых секторов современного общества чрезвычайно важно, на мой взгляд, иметь в виду и технологические предпосылки этого процесса. В частности, влияние современных СМИ и шоу-бизнеса (этого нынешнего набравшего богатство и мощь электронного «люмпен-пролеткульта») на массовое сознание и полусознание. Это влияние, делающее мышление отрывочным и «клиповым», влияние, замещающее осмысленную работу сознания чередованием случайных и, как правило, преднамеренно навязываемых образов, идет рука об руку с той динамикой современных высокотехнологичных производительных сил, которые волей-неволей превращают огромные людские массы в полупраздных или вовсе праздных иждивенцев, «клиентов» общества, государства, корпоративных групп.

Так что на новых уровнях общественного и технологического развития параллельно с ростом информации и познаний нарастают процессы информационной и социокультурной обделенности и маргинализации огромных людских масс, процессы их переоформления в некое подобие вторично архаизированного «нового крестьянства»⁹⁵. Это хлесткое выражение сингапурской исследовательницы Линды Лоу небесполезно для понимания нынешней социокультурной реальности на разных континентах. Небесполезно, если только принять его с одной оговоркой: традиционное общество жило прежде всего за счет крестьянских трудов; «новый» же, урбанистический «крестьянин» электронной эпохи, потерявший связь с нелегкими сельскими трудами и теряющий сложную современную идентичность, скорее, подобно римскому «пролетарию», сам живет за счет общества.

Во всяком случае, масса культурно дезориентированных и внутренне архаизированных людей – неизбежный питательный бульон для духовной и политической архаизации общества в целом. Ибо корень своей упрощенной идентичности сбитые с панталыку массы находят именно в «тираническом человеке» (Платон, Государство, 565d – 566a), в очередном «цезаре» и «бонапарте», сулящем – вместе с переделом богатства и подачками – возможности социального реванша, группового самоутверждения и личных карьер. Возможности социальных лифтов для людей полуархаического, «преторианского» (или – говоря на русский лад – «опричного») склада⁹⁶. Такова одна из настойчивых тем анализа вождизма от платонова «Государства» до трудов Ханны Арендт или Эриха Фромма.

⁹⁴ Бельский А.Г. и Рашковский Е.Б. Индия и Россия. Фундаменталистский вызов // Рашковский Е.Б. На оси времен. Очерки по философии истории. М.: Прогресс-Традиция, 1999. С. 175-194. Гудков Л.Д. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // Отечественные записки. М., 2002. № 3 (4). С. 87-105; Доусон Кр.Г. Боги революции / Предисл. А.Дж.Тойнби. СПб.: Алетейя, 2002. С. 315-317.

⁹⁵ Лоу Л. Образование и развитие человеческих ресурсов: движущая сила следующего столетия // Постиндустриальный мир и Россия. М.: УРСС, 2001. С. 192.

⁹⁶ Само понятие опричнины великолепно встраивается в патрон-клиентскую модель как архаического, так и неоархаического сознания: «опричь» патрона никому не повинуюемся. Ни Богу, ни законам, ни нравственным нормам, ни совести. Не потому ли человек «опричного» склада, не укорененный в глубокой культурной традиции, так легко при первой возможности предаст своего патрона? Не потому ли так стремительна в современных условиях (в отличие

Но и здесь – в этой, может быть, предельно жесткой констатации нынешнего положения вещей и нынешнего состояния проблемы идентичности – требуется одно уточнение чисто культурологического свойства.

Представленная выше социо-политическая картина реальности едва ли отрадна. Но вот именно в плане культурологии (это уже прослежено целым рядом творческих мотивов в философии постмодернизма, для меня лично такова философия Ричарда Рорти) трудно трактовать нынешнее масс-медийное, «клиповое» мышление, навязываемое постиндустриальным сращением не просто собственности и власти, но *собственности, информации и власти*, только отрицательно и чисто отрицательно. В новых информационных технологиях заложены не только предпосылки культурного одичания, но и возможные и еще не проявившие себя предпосылки мысли и творчества. Если рассуждать в кантовских категориях, этим технологиям может быть свойственно отчасти разгружать и компенсировать богатством новых, подчас внезапных интуиций и ассоциаций замыкающуюся на самой себе работу «чистого разума». Но при этом надобно помнить, что сросшаяся триада – *собственность, информация, власть* – имеет свойство блокировать горизонты разума «практического», а с ними – и те искания в области веры, мысли и творчества, которые порождаются глубиной внутренней жизни и доверительного общения людей.

Однако осмысление всех этих новых, остросовременных противоречий уже далеко уводит нас за рамки проблемы идентичности, хотя и вводит эту проблему в новый и открытый контекст.

**В.С. Мартьянов,
Институт философии и права УРО РАН**

КОНФЛИКТ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЕКТЕ МОДЕРНА: МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ ИЛИ АССИМИЛЯЦИЯ?

Идентичность вместо сущности: фрагментация привычных универсалий

Популярное понятие «идентичность», введенное в активный оборот общественных наук в последние десятилетия, совсем не случайно не имеет категориальной ясности. Находясь в популярном ряду таких терминов, как «дискурс» или «менталитет», оно может обозначать в различных контекстах практически все что угодно. Содержание понятия идентичность пересекается с таким смысловым рядом, как аутентичность, подлинность, самость, (само-)удостоверяемость, самоопределение, тождественность самому себе. Собственно, на латыни исходное понятие «*identitas*» и означало «тождественность».

Представляется, что идентичность призвана являться одним из механизмов упорядочения, пространственно-временного движения содержания социальной реальности. В основе идентичности лежат механизмы различения и отождествления. Идентичность возникает из сравнения Я и Другого, Мы и Они. При этом Другой-Иной может априорно определяться и как Враг (К.Шмитт), и как Друг (Ж.-Ж. Руссо). Идентичность призвана свидетельствовать об определенном онтологическом и воображаемом статусе субъекта, будь то индивидуальное или коллективное Я. Сам процесс идентификации является функцией самоописания,

от аутентичной архаики) смена идентичности у «опричного» человека: вчера, скажем, «пламенный ленинец», а сегодня – «истовый православный»? И не потому ли столь стремительно криминальное перерождение «опричных» структур?

самоопределения, вольного или невольного обретения субъектности тем, кто идентифицируется. Особенность этой субъектности в том, что она имеет субъективно-ролевой, функциональный, сконструированный характер.

Идентичность как проблема возникает именно тогда, когда она перестает быть самоочевидной и начинает, как нечто самостоятельное, отслаиваться от социально-онтологических сущностей. Идентичность возникает путем проведения мыслительных границ, которые затем становятся реальностью и часто продолжают жить собственной, автономной от первоначальных денотатов жизнью. Состояние «позднего Модерна» (Э.Гидденс) обнаружило увеличение разрыва между исконными социокультурными сущностями, представлявшимися в традиционном, крестьянском обществе неизменными и вечными, и социальными идентичностями. Сущность из метафизически неизменной становится контекстуальной, контекст определяет денотат, содержание. Более того, субъективно-ролевая по своей сути идентичность начинает претендовать на место всех былых социально-политических сущностей, связанных с принадлежностью к этносу, классу, государству. Данная тенденция иллюстрирует тот факт, что неизменные сущности в современном быстротекущем мире становятся все большим дефицитом. Идентичность оказывается не тем, чем является субъект на самом деле, но лишь ролью, тем, чем он хочет казаться. Отсюда возникает возможность произвольной смены идентичности, которая больше не тождественна сущности.

Идентичность есть субститут сущности в состоянии позднего Модерна, как политическая идеология – инвариант секулярной религии. Идентичности отрываются от своих привычных, неизменных материй и получают автономное существование. Из подобного отрыва, например, вырастает вся современная гендерная проблематика, когда сущность биологического пола превращается в идентичность гендерного конструкта, сущность этноса – в мультикультурную идентичность, а классовая сущность трансформируется в нечто вроде иерархии потребительских «стилей жизни». При этом идентичности, заменив собой классовые и иные «сущности», оказывают не меньшее влияние на представления о социальной реальности.

Достаточно вспомнить и о настойчивых поисках российскими социологами и политологами «среднего класса» в России⁹⁷. В целенаправленном конструировании «должного общества» идентичность среднего класса настойчиво приписывается всем, кому только возможно, всем, кто согласен (или молчаливо «не против») примерить на себя эту роль-сущность-идентичность. Отсюда возникает эффект гипостазирования, когда политическим «универсалиям» умозрительного порядка приписывается реальное существование. Таким образом, опираясь на «объективную самооценку», «свободу выбора» и аморфные критерии, человек охотно приписывает себя к престижной (нормальной) в его глазах идентичности. В результате идеологический фантом становится статистически весомым и репрезентативным.

Идентичность превращается в политическую проблему именно тогда, когда становится возможным ее выбирать и менять. В сословном и даже классовом обществе, не говоря уже о кастовом, идентичность в условиях «статичной» социальной реальности передавалась из поколения в поколение. В современности на месте четко стратифицированных исторических общностей, сохраняющих устойчивое единство образа жизни, взглядов, целей и ценностей, возникают новые сложносоставные сообщества. Они описываются сквозь призму концептов

⁹⁷ Шанкина А.Ю. Средний класс в России: охота на Несси // Полис, 2003, № 1. С. 103-111.

«гибридной», множественной, смешанной идентичности, теории «среднего слоя», «общества потребления», «информационного общества», «общества двух третей», с весьма размытыми и условными механизмами идентичности.

Идентичность проблематизируется во время перемен, в ситуации, когда требуется объединить новой синтетической идентичностью традиционные «самоочевидные» идентичности, создать новое социокультурное коллективное Я, например ту же нацию-государство. С другой стороны любой переход от традиционного общества к обществу современному, а затем и к постсовременному, сопровождается взрывом новых идентичностей, которые фрагментируют общество, акцентируясь на частных и особенных интересах в противовес всеобщему. В результате современные синтетические идентичности, как правило, многосоставны. Например, идеальная «российская идентичность» опирается на целый комплекс критериев и символов, таких, как язык, история, территория, культурная традиция, общая мифология, религиозная картина мира, общность происхождения, обычаи и т.д. Соответственно, определение достаточного набора признаков, а также выделение базовых и второстепенных параметров «российской идентичности» превращается здесь в отдельную и весьма серьезную проблему.

Идентичность = габитус = ментальность

В современном сложно устроенном обществе возникают не менее сложные иерархии идентичностей. Например, Д. Драгунский выделяет пять уровней национальной идентичности: инфраструктурный (уровень быта – пути сообщения, телекоммуникация, финансовая система, розничная торговля – все то, что создает повседневный динамический стереотип); институциональный (право, нормы поведения, образование, церковь и т.д.); уровень повседневности (устоявшиеся социальные, семейные, индивидуальные практики); ценностный (идеологический) и ментальный (духовный)⁹⁸. Иными словами, комплексная идентичность распространяется на все сферы человеческого существования, охватывая закономерности в индивидуальном и социальном действии, поведении и мышлении.

Подвижность и изменчивость социального кода идентичности облегчает ее целенаправленное конструирование, создание новых ее версий. Сама возможность выбирать идентичность опирается на апологию освобождения, используемую в первую очередь как средство легитимации интересов меньшинств. Освобождение предстает как реализация или восстановление идеи социальной справедливости. Но свобода и освобождение – не одно и то же. Если все граждане могут быть одинаково свободны в рамках нации-государства, то освобождение, как правило, выливается в требование компенсации одним (пострадавшему меньшинству) за счет других (виновного большинства), порождая неравенство в виде так называемой «позитивной дискриминации» (образовательные и рабочие квоты для меньшинств), политических привилегий «коренным народам» и т.п.

Освобождение здесь трактуется как приобретение независимости от «принудительных» идентичностей высокого порядка, якобы закрепощающих и ограничивающих свободу, в пользу идентичностей более низкого порядка, основанных на частных и особенных интересах. Соответственно, тотализирующие идентичности, предполагающие универсальность применения и равенство всех людей, рассматриваются в негативном ключе. В этическом аспекте ассимилирующие идентичности вообще трактуются как принцип зла. Апология новых «мультикультурных» идентичностей обычно опирается на религиозную идею

⁹⁸ Драгунский Д. Пять уровней идентичности (<http://antropotok.archipelag.ru/text/a059.htm>).

спасения, переинтерпретированную Просвещением в идею свободы (эмансипации), которая связана с вполне посторонними коллективными интересами, ценностями и институтами.

С другой стороны, риторику идентичности пытается освоить и большинство. Как правило, она выливается в беспомощные попытки властвующей элиты заигрывать с меньшинствами, смягчать и «заговаривать» реальные социально-политические конфликты и противоречия в обществе. Здесь очевидные политические претензии и интересы новых меньшинств обычно сводятся к абстрактным теориям толерантного сосуществования разных групп, идеологии мультикультурализма, поиску консенсуса как главной ценности, демагогическому удержанию «различий внутри единства» (А. Этциони). Тем не менее, аморфные «благие пожелания» элит не только не препятствуют, но скорее способствуют тому, что групповые идентичности меньшинств в современных обществах постоянно размывают общую идентичность, то есть базовое социокультурное ядро наций-государств.

Опыт стран ЕС, США, России, Индии и других доказывает практическую несостоятельность идеологии «плавильного котла», которая постепенно отходит в прошлое. Ассимиляция меньшинств остается недостижимой мечтой стран «первого мира», а борьба субкультур в мультикультурном обществе за нормативность наоборот становится все острее. Более того, в политической сфере проблема идентичности сегодня используется как первый шаг в легализации социально-политических проблем и конфликтов, которые пока не могут быть высказаны в силу тех или иных причин на приемлемом в данном обществе языке. Речь идет о признании прав, привилегий и символическом капитале различного рода меньшинств (иммигранты, языковые, конфессиональные, сексуальные и нацменьшинства), для которых дискуссии об идентичности являются пробным камнем последующих политических претензий. Синтетические идентичности высокого порядка в силу ряда причин оказываются неспособны переварить и построить идентичности более частного порядка, разрушающие их изнутри. Общие смыслы, институты, структуры и практики, составляющие социокультурное ядро общества, все чаще не без помощи постмодернистских теорий, отрицающих универсальное, попираются частными интересами.

Интеграция распадающегося Модерна: к новым иерархиям ценностей

Дискредитация теорий современных обществ как «идеологических» и «классовых» обусловила необходимость поиска новых структурно-ролевых идентичностей. *Очевидным трендом является кризис синтетических идентичностей (нация-государство, класс, идеология, цивилизация) и эффективность идентичностей более мелкого порядка.* Конфликт идентичностей обостряется на общем фоне принципиальных споров ассимиляционистов и мультикультуралистов. Ассимиляционисты пытаются выстроить универсальную иерархию идентичностей различного уровня в зависимости от выражаемых ими интересов (всеобщих, групповых, частных). По их мнению, единственным выходом из ситуации борьбы идентичностей может стать лишь «правильная» иерархия идентичностей. Соответственно, ахиллесовой пятой ассимиляционизма является проблема законодателей: неясно, «кто» будет составлять эту правильную иерархию, определять главное и второстепенное, всеобщее и частное, не будучи ангажирован теми или иными социальными интересами.

Идеологема мультикультурализма исходит из аксиомы плюрализма, то есть возможности максимально полного выражения интересов всех общественных групп. Правда, при этом мультикультуралисты часто совершают подмену понятий, облачая политические претензии меньшинств не в политическую, а в культурологическую и

моралистическую риторику. Начиная с требований культурного плюрализма, адепты мультикультурализма неизменно приходят в финале к политическим требованиям. Проблема в том, что новые идентичности выделяются и конструируются, как правило, вовсе не с благой целью их последующего включения на «правильное место» в «правильную иерархию интересов». Новые идентичности создаются не для последующего консенсуса или слияния, наоборот, идентичности связаны: а) с обособлением и отстаиванием коллективных интересов тех или иных групп (этнических, религиозных, иммигрантских, языковых и т.д.); б) с претензиями на право участия в политике, которое является следствием признания мультикультурным обществом их «особой» идентичности. Акцентируя значимость и ценность групповых отличий, мультикультурализм теоретически выстраивает себя на внутренней противоречивости Модерна-Современности.

Мультикультурализм в свое время претендовал на построение системы глобальной политической идентификации, однако так и не смог решить проблему сосуществования интересов и различных групповых идентичностей в рамках политической демократии, предполагающей реальную конкуренцию и иерархию различий и интересов. Оказалось, что *на практике мультикультурализм мгновенно оборачивается этнонационализмом, а различия – борьбой за основанные на нем привилегии и неуниверсальные нормы.*

В результате требования равнозначности, плюрализма и толерантности остаются лишь абстрактными императивами. Тем более что значимость различий для социальных субъектов в интересующем общественном пространстве не может проявляться лишь в теоретических пожеланиях по поводу способов их толерантного сосуществования, но только через волю к определению реальной значимости отличий, их закреплению в законах, подчеркиванию их асимметрии, исключительности, привилегированности и т.п. В итоге, вместо интеграции групп интересов на основе «общечеловеческих» транснациональных ценностей и институтов шел процесс разрушения суверенитета и идентичности наций-государств как изнутри, так и снаружи.

Это привело к закономерному падению приоритетной самоидентификации индивидов и их общностей к уровню догосударственному и донациональному. Таким образом, претензия на глобальность обернулась архаизацией, разрушением единства просвещенческого проекта. Ситуация «взрыва» новых идентичностей будет иметь серьезные политические последствия. Не исключено, что размывание исторического социокультурного и этноконфессионального ядра сложившейся ранее национально-государственной идентичности стран ЕС, США и России станет в среднесрочной перспективе необратимым. Возобладание центробежных процессов над центростремительными приведет к распаду сложившихся на сегодня государств.

Вместе с тем в плюрализме идентичностей и актуальности мультикультурализма нет ничего априорно плохого, они естественны в современных сложносоставных обществах. *Плюрализм идентичностей превращается в проблему именно тогда, когда переводится в политическую плоскость.* В результате набор устойчивых, базовых политических идентичностей начинает разваливаться на множество фрагментирующих идентичностей, претендующих на статус политических. Единственным выходом из подобной ситуации являются практика деполитизации мультикультурализма, запрет на политизацию идентичностей, основанных на расе, этносе, религии или поле. Например, из признания языковой, этнической и других видов идентичности не могут вытекать политические права, а сама идентичность использоваться как механизм достижения

этих прав. Подобная четкость в свою очередь предполагает ясное разведение в обществе сфер политического и неполитического.

Множественные идентичности в современных обществах практически невозможно ассимилировать. Возможности регулирования нарастающих конфликтов заключены в иерархизации идентичностей и определении общих правил игры, которые, естественно, никогда не удовлетворят все заинтересованные стороны. Для этого требуется: а) определить набор базовых ценностей, принципов и институтов, которые всегда будут иметь преимущество в спорных ситуациях; б) определить формы, методы, условия и границы лоббирования коллективных интересов, то есть четко выделить сферы политического и неполитического. Как справедливо замечает А. Этциони, «в каждом обществе общее ядро идентичности и культуры изменялось с течением времени и будет изменяться дальше. Следовательно, меньшинства, которые заявляют, что это ядро не отражает те ценности, которые им дороги, могут свободно предпринимать попытки его изменить – посредством тех демократических и общественных процедур, которые предназначены для реализации этих целей во всех свободных обществах»⁹⁹. В противном случае без попыток определения «общих правил игры» плюрализм идентичностей, как показывает практика, неизбежно обернется борьбой всех против всех, борьбой за нормативность частного и особенного.

В настоящее время наиболее благоприятную среду для конструирования новых идентичностей являют собой так называемые «переходные общества», переживающие глубокие социальные и интеллектуальные трансформации. Политика стала своего рода «виртуальным конструктором» формирования новых идентичностей. Очевидно, что политическая риторика элиты в трансформирующемся обществе призвана заполнить тот вакуум, который возникает из разрыва вчерашних теоретико-идеологических моделей описаний общества и новой действительности, того, что «было», «есть» и «должно быть».

В России ситуация усугубляется тем, что трансформации российского общества накладываются на более глобальный транзит человечества к постиндустриальному, «информационному обществу». Переходный характер российского общества, надлом прежних институтов и коллективных политических практик, дискредитация модернистских идеологий обуславливают выдвигание на первый план переходных, неустойчивых механизмов политической идентификации.

В трансформирующемся российском обществе едва ли не основным источником «объяснительных схем» вместо рационализирующих политику идеологий становится архаизирующая модель политического мифа. С помощью механизмов политической риторики начинают активно формироваться новые идентичности, противостоящие идентичностям, связанным с классами, государством, нацией, гражданским обществом и т.п.

Вместо относительно рациональных идеологических доктрин предлагается упрощенная логика мифа, увлекающая своей метонимической и метафорической формой. Создателям новых идентичностей не нужно легитимировать себя универсальными критериями Просвещения, не нужны более универсальные социальные истины и сущности. Общность идентичности создается в определенном контексте и даже в определенной точке пространства-времени, чтобы затем так же быстро раствориться, исчерпав определенную проблему и удовлетворив интересы, для легитимации которых она создавалась.

⁹⁹ Этциони А. Различие внутри единства (<http://antropotok.archipelag.ru/text/a057.htm>).

С момента распада СССР и до сих пор в России не создана краеугольная идентичность нации-государства. По сути, речь идет о «гражданской национализации» государства, когда политическое тождественно национальному и гражданскому. Все прочие идентичности нуждаются в деполитизации и «разгосударствлении», отнесении к культурному, языковому, историческому и прочим внеполитическим пространствам. Создание политической нации заключается прежде всего в «простройке» легитимной и справедливой в глазах большинства иерархии идентичностей. Очевидно, что эта универсальная иерархия идентичностей, отделяющая политическое и неполитическое, вряд ли удовлетворит все группы интересов. Тем не менее, отсутствие легитимных критериев и общепризнанных ценностей провоцирует лишь разрушительную войну частных и групповых идентичностей, где проигравшими в итоге станут все.

А.Ю. Шадже,

Адыгейский государственный университет

ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ

Проблема формирования российской идентичности стала сегодня неотъемлемой частью научной и политической повестки дня. Представляется, что продолжение и углубление изучения идентичности, в частности, многоуровневой идентичности, должно основываться на ряде методологических и теоретических положений постнеклассической науки¹⁰⁰.

Первое положение связано с тем, что идентичность является открытой системой, вступающей во взаимодействие с различными видами идентичности. Именно эта особенность позволила ей приобрести множественный характер в современном мире. Это неудивительно, поскольку самоидентификация личности осуществляется по разным основаниям и на разных уровнях. Человек вынужден определять себя и свое место в мире всегда, а тем более в условиях постоянно меняющейся ситуации. Идентифицировать себя ему приходится постоянно, независимо от определенности той общности, к которой он себя относит. Ведь сама эта общность есть величина меняющаяся, как впрочем, и самоидентифицирующийся человек. Отсюда следует, что самоидентификация представляет собой открытый процесс, а идентичность является открытой системой, вбирающей в себя различные виды идентичности. Совершенно справедливо отмечает З. Бауман, что «вместо разговора об идентичностях, унаследованных или обретенных, более уместным и соответствующим реальностям глобализирующегося мира выглядело бы исследование *идентификации*, никогда не заканчивающейся, всегда незавершенной, неоконченной, открытой в будущее деятельности, в которую все мы по необходимости либо сознательно вовлечены¹⁰¹.

Таким образом, идентичность можно рассматривать как объемный, многогранный и собирательный концепт, вбирающий в себя содержание множества

¹⁰⁰ Постнеклассическую науку как тип научной рациональности от классической (рассматривавшей мир как рациональный механизм) и неклассической (основанной на методологических принципах релятивизма) отличает ориентация на междисциплинарный подход и синергетику как научное направление, изучающее принципы саморганизации систем. Типология разработана известным российским философом академиком В.С. Стёпиным. См.: Стёпин В.С. Теоретическое знание М.: 1999. (прим. ред.)

¹⁰¹ Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. С.192.

разных идентичностей. Перефразируя О.Н. Астафьеву¹⁰², можно заключить, что «открытость концепта и его качественные характеристики позволяют вписать его в *концептосферу* постнеклассической науки», тем самым отмечая его отличие от классических определений идентичности.

Второе положение вытекает из предыдущего: идентичность не является некой исторической заданностью, имеющей статичный характер. В этой связи кратко сформулируем два взаимосвязанных тезиса. Во-первых, идентичность - подвижная категория, несмотря на то, что в ней сохраняется некоторое инвариантное содержание, определенное ментальностью народов того или иного общества. Во-вторых, идентичность всегда вписана в определенный социокультурный контекст, формирующий ее содержание.

Раскроем эти тезисы на примере Северного Кавказа, являющегося сложнейшей, исторически сложившейся гео-, экономико-, политико-, социо-, этнокультурной системой. В ее функционировании важная роль принадлежит этническому фактору и этнокультурному разнообразию. Сущностью рассматриваемого сообщества является культура (этнические культуры) и ее базисные ценности. Несмотря на модернизацию северокавказского общества, этнический фактор, как отмечалось выше, продолжает играть важную роль в регионе. *Этнокультурные традиции, составляя основу самобытности, остаются наиболее устойчивыми элементами в рассматриваемой системе. Ценность культурной самобытности в ее социальном потенциале. Именно поэтому в современной ситуации важно понимание эвристического потенциала этнического фактора и использование его в практической жизни.*

Региональная северокавказская общность имеет сложную структуру. Ее совмещение с многоуровневой идентичностью – непростая проблема. Представляется важным формирование у северокавказских народов понимания того, что рассматриваемый образ «мы – россияне» не нацелен на унификацию культур и культурных традиций на базе определенной социокультурной парадигмы. Следует отметить, что имеющиеся виды идентичности в северокавказском обществе не только не противоречат друг другу, а взаимно дополняют друг друга. Основой сосуществования их могут стать общие базовые ценности – исторически сложившиеся социокультурные ценности, на основе которых получают свое развитие этнические и региональные общности в составе российского полиэтничного общества в условиях формирующейся российской гражданской нации.

Третье положение – необходимость усиления междисциплинарного подхода в исследовании идентичности. Это представляется не только возможным, но и наиболее эффективным. Методологически корректная соотнесенность концепций, понятий, положений разных дисциплин позволяет рассмотреть одни и те же проблемы с различных позиций, способствует не только объективной оценке социальных процессов, но и осмыслению идентичности в контексте динамики прошлого, настоящего и будущего. Нами предпринята попытка интегрировать философский и исторический подходы в системном осмыслении северокавказского

¹⁰²См., напр.: Постнеклассические практики позиционирования в современном социокультурном дискурсе // Постнеклассические практики и социокультурные трансформации / Под общ. ред. О.Н. Астафьевой. М.: МАКС-Пресс, 2009.

региона¹⁰³, философско-культурологический, политологический и социологический подходы в рассмотрении многоуровневой идентичности¹⁰⁴.

Междисциплинарный анализ, с одной стороны, выводит на целостное осмысление региона, направленное на определение путей развития. С другой стороны, такой подход предполагает холистическое видение проблемы идентичности, позволяет вписать ее в контекст российских и глобальных изменений, рассматривая «горизонтальные» и «вертикальные» связи и изменения на разных уровнях идентичности.

Четвертое положение – сочетание полипарадигмального подхода к изучению идентичности, синтез разных методологических ориентиров. Исследовательские традиции отечественных кавказоведов по-прежнему основаны на методологической базе лишь классической науки, ограничиваясь, скорее, феноменологическим подходом. Исследование Северо-Кавказского региона в рамках постнеклассической науки позволит глубже раскрыть и понять сложившуюся в регионе социальную реальность. А это, в свою очередь, нацелит на социальную интеграцию населения и определение путей мирного развития региона.

В рамках постнеклассической науки возникает возможность понять и объяснить функционирование северокавказского общества как сложной нелинейной саморазвивающейся системы. К примеру, методологическая специфика синергетического анализа полиэтничного общества вскрывает механизм развития, указывая на наличие в обществе альтернативных путей, а также показывает, что развитие носит необратимый характер. Отсюда – несостоятельность постановки исследовательского вопроса о восстановлении кавказской идентичности в том виде, в каком она исторически формировалась.

Безусловно, здесь необходимо учитывать особенности самой синергетической методологии к изучению общества как неприродной системы. Как справедливо отметил М.С. Каган, отличительное качество социальной реальности – «зависимость соотношения сил порядка и хаоса в историческом процессе не только от объективных факторов и от случайностей, особенно действенных в состояниях бифуркаций, но и от свободы воли исторических деятелей, микро – и макрогрупп, а в определенных обстоятельствах – и народных масс»¹⁰⁵. Сказанное позволяет утверждать, что от деятельности человека зависит «стихийное или сознательное порождение хаоса» в обществе, а, значит, и само существование общества. Поэтому есть основания считать, что стиль мышления, с одной стороны, определяет познание и переосмысление функционирования северокавказского общества, с другой – судьбу общества. Если линейное мышление разрушает общество, то нелинейное поддерживает его саморазвитие. Это касается и формирования российской идентичности.

¹⁰³ См.: Шадже А., Шеуджен Э. Северокавказское общество: опыт системного анализа. М.: Майкоп: ООО «Аякс», 2004.

¹⁰⁴ См.: Многоуровневая идентичность / Жаде З.А., Куква Е.С., Ляшова С.А., Шадже А.Ю. М.: Российское философское общество. Майкоп: ООО «Качество», 2006; Российская идентичность на Северном Кавказе / Жаде З., Куква Е., Ляшова С., Шадже А.; под общ. ред. А.Ю.Шадже. М.: Социально-гуманитарные знания; Майкоп: ООО «Качество», 2010.

¹⁰⁵ Каган М.С. Синергетическая парадигма-диалектика общего и особенного в методологии познания разных сфер бытия // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 40.

Пятое положение – взвешенный подход к использованию концепций, понятий и теоретических положений, выработанных зарубежными исследователями. Изучение проблем идентичности, равно как и в целом динамики северокавказского общества, в строгих рамках определенных западных теорий вряд ли будет объективным, поскольку наша реальность зачастую не вписывается в эти рамки. Так, современные теории этноса (примордиалистские, инструменталистские, конструктивистские) не отражают существенных характеристик этничности в современных условиях. Или, скажем, применение моделей и сценариев зарубежных конфликтологов по урегулированию конфликтов на Северном Кавказе не приносит искомых когнитивных результатов, а порой они оказываются и совершенно неприемлемыми. Нельзя также подогнать разные идентификационные проекты и сценарии тех или иных западных стран к реальности нашей страны и ее регионов.

Здесь важно вспомнить, что без учета специфики России, северокавказского региона и особенностей кавказской социокультурной среды теоретическое осмысление и практическое решение региональных проблем невозможно. Для выявления особенного необходим сравнительный анализ: исследования *изнутри* и *«со стороны»* необходимо соотносить друг с другом, что позволит выявить наряду с особенным и общее, объединяющее.

Шестое положение вытекает из предыдущего: важный источник идентичности – память. Другими словами, *идентичность можно рассматривать как ценностно-мировоззренческий феномен*. В рамках новой конструктивистской методологии представляется возможным поставить в центр исследовательского внимания сознание и поведение человека, его место и отношение к другим не просто как отдельного индивида, но и как члена определенной социальной и этнической группы, представителя определенного общества, определенной социокультурной среды. Более того, данная методологическая стратегия направлена на реализацию программы поиска актуальной идентичности («кто я» или «кто мы») в определенном обществе и в современном мире. В этом контексте память можно рассматривать как некоторое отношение к другому, которое обладает специфическими формами существования и определенными способами постижения своего содержания.

Память ценна тем, что она соединяет человека с прошлым, формирует представление родины и чувство самосознания. Пренебрежение к прошлому, к этнокультурным ценностям нарушает естественный процесс саморазвития этноса. Глубинные аспекты истории этноса довольно активно работают на формирование идентичности. Память связывает прошлое, настоящее и будущее. Прошрое зафиксировано в разных формах памяти. Безусловно, прошлое в современной жизни приобретает новое содержание. При оценке прошлого мы соотносим его с современностью, а это позволяет выявить новые смыслы прошлого, что изменяет контекст существования самого прошлого. Поэтому мы находим в прошлом новое содержание, новый смысл и новое понимание, помогающее думать и мечтать о будущем.

Итак, основа этнокультурной идентичности – память, а, точнее, память этноса, сохраняющиеся в ней культурные традиции. Но мы не абсолютизируем память и традиции как базовые составляющие этнокультурной идентичности.

Седьмое положение связано с тем, что в современном контексте необходимо рассмотрение идентичности не только на рациональном, но и на иррациональном уровне. В современных условиях активизируются религиозный фактор и религиозная идентичность. Важно сказать об отношении к исламу. Здесь отметим лишь тот факт, что в связи с экстремизмом и терроризмом растут мифы вокруг ислама. О нем судят по взглядам и действиям фундаменталистов, хотя именно они

искажают ислам. В связи с тем, что в последнее время агрессию, злобу, ненависть друг к другу культивируют многие заинтересованные лица, засоряя наше социокультурное пространство, есть смысл интеллектуально осмыслить и переосмыслить религиозную идентичность в полиэтноконфессиональном регионе.

Наконец, **последнее положение** связано с осмыслением прошлого опыта в нашей стране. Говоря о формировании российской идентичности, есть смысл обратиться к советскому периоду. Безусловно, это трагичный и сложный период, и его нельзя рассматривать по схеме «черный-белый». Однако осмыслить значение «советскости» как социокультурного феномена в духовной истории российского народа весьма поучительно.

«Советскость» как надэтническая идентичность формировалась в рамках советской культуры. Под этой общностью понималась самоидентификация с Советским Союзом, определение «кто мы?» по отношению к своей стране. На формирование этой идентичности работали культура, политика, идеология. Безусловно, наблюдалась чрезмерная идеологизация повседневной жизни. Тем не менее, ценностный смысл этого феномена заключался в том, что он работал на сплочение и единение граждан и задавал некоторые параметры развития страны.

Понимание надэтнической общности в современной России основано на новых ценностно-мировоззренческих ориентациях, которые формируются на основе гражданской культуры с сохранением социокультурного разнообразия. Понятно, что многие сложившиеся в прошлом формы не вписываются в современность. А вот содержание, ценностный смысл, созвучный современности, напрашивается на переосмысление и использование. Например, *ценным является опыт формирования чувства принадлежности к единой стране, именуемой Советским Союзом.* «Советскость» позволяет выявить новые смыслы прошлого, что изменяет контекст существования прошлого.

В связи с этим востребованным является формирование представлений о конструктивной роли надэтнической общности, которая рассматривается как духовное единение граждан страны, как механизм преодоления напряженности в российских регионах.

Подводя итог, отметим, что:

– рассматривая многоуровневую идентичность как сложную открытую систему, следует подчеркнуть, что такие уровни не исключают друг друга, а взаимодействуют, сосуществуя по принципу дополнительности;

– идентификацию необходимо рассматривать с учетом социокультурных условий, в которых она формируется (для нашего исследования – это социокультурное пространство Северо-Кавказского региона);

– российская идентичность формируется через отношение к прошлому, к нашей национальной идентичности («советскость»), и мы можем и должны анализировать опыт формирования этой надэтнической общности в определенной нравственной тональности, извлекая уроки, положительный опыт и осмысливая ценность этой эпохи;

– поиск идентичности в современных условиях осуществляется как на рациональном, так и на иррациональном уровне;

– говоря о совмещении разных видов идентичности, мы не имеем в виду воспроизводство этнической идентичности в ущерб российской, напротив, нами предпринимается попытка совмещения этих видов идентичности, понимания конструктивного смысла и ценности российской идентичности, ее возможностей для развития российских этносов и регионов.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ВАРИАНТЫ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ КАРТИНЫ МИРА¹⁰⁶

Политическая идентичность, как и любая другая идентичность, - это не просто субъективное **психологическое** ощущение принадлежности к социальной группе. Напротив, такое ощущение есть результат того, что индивид разделяет определенные **социальные** представления о мире («картину мира»). «Идентичность следует понимать как один из аспектов интерпретации индивидом социальной реальности, а именно того аспекта, который касается конфигурации и структуры самости индивида в соотношении с социальной реальностью»¹⁰⁷. Интернализация картины мира в процессе социализации индивида позволяет ему, во-первых, понять себя, свое место в мире, разделенном в соответствии с данной картиной мира на разные группы. Во-вторых, вследствие того, что данная картина мира разделяется членами определенного макроколлектива, у них и возникает ощущение «похожести» между собой и, напротив, «отличия» от других. Кроме того, общность коллективных представлений о мире не только формирует основание политической идентичности, но и легитимирует эту идентичность, так как данная картина мира включают в себя образ этой группы как того самого макроколлектива, в рамках которого мир и приобретает целостность и «понятность». Соответственно, тот макроколлектив, в рамках которого воспроизводится картина мира, имеет упорядочивающее значение, а идентификация себя с этим коллективом оказывается политической.

Как справедливо указывает Ш.Эйзенштадт, для того, чтобы идентичность приобрела политическое значение, она должна базироваться на особых «темах» - таких, которые «укоренены в онтологических или космологических предпосылках и концепциях социального порядка. Главными кодами или темами, которые оформляют конструирование коллективных идентичностей, являются примордиальность, гражданственность и сакральность (трансцендентность). Каждая из них дает совершенно особый образец спецификации границ коллектива, диапазон возможных паттернов поведения, распределения ресурсов и регулирования властных отношений»¹⁰⁸.

Тема гражданственности стала основой для формирования политической идентичности как гражданской (национальной) идентичности в эпоху Модерна. В этом смысле национализм можно рассматривать как тип картины мира эпохи Модерна: «Он представляет человеческий мир как мир, разделенный на конкретные сосуществующие сообщества, причем каждое из них составляет «народ», а каждый

¹⁰⁶ Статья подготовлена в рамках гранта Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров №09-95275-000-GSS «Борьба за идентичность и новые институты коммуникации».

¹⁰⁷ Greenfeld L., Eastwood J. National Identity // Boix C., Stokes S. (eds.) The Oxford Handbook of Comparative Politics. Oxford; New York: Oxford University Press, 2007. P. 256.

¹⁰⁸ Eisenstadt S. Cultural Programs, the Construction of Collective Identities and the Continual Reconstruction of Primordality // Eisenstadt S. Comparative civilizations and multiple modernities. Leiden; Boston: Brill, 2003. P. 79-80. Эйзенштадт следует здесь концепции Шилза о четырех базовых типах наиболее устойчивых социальных связей, сформулированной в одной из его статей (Shils E. Primordial, Personal, Sacred, and Civil Ties // British Journal of Sociology, 1957, Vol. 8, № 2. P. 130-145).

народ воображает себя как неразделенный»¹⁰⁹. Каждая нация воспринимается как относительно самодостаточный коллектив, в рамках которого индивиды воспроизводят множество групповых идентичностей, но именно национальная идентичность оказывается политической – той самой «системой координат», которая «упорядочивает» самоопределение индивида в этом мире. Очень точно это отражено в формуле, предложенной А.И.Миллером: «В современном мире нация – это, прежде всего, способ легитимации власти и концепция, которая задает рамки политического процесса»¹¹⁰.

Х.Рэ подчеркивает, что политический порядок в национальных государствах был бы невыносим не только без формирования государств как единого и единственного политического центра власти, но и без формирования соответствующей ему национальной картины мира: «Строители государства (state-builders) должны... легитимировать политический порядок, который они стремятся установить и консолидировать. Это включает в себя две задачи: конструирование унифицированного политического сообщества внутри границ управляемой территории – сообщества с единой, дающей связанность идентичностью – и идентификацию монарха или национального правительства как политического олицетворения или представителя такого унифицированного сообщества»¹¹¹.

В литературе деятельность, связанная с конструированием национальной картины мира, обозначается термином «нациестроительство» (nation-building). Nation-building призвано сформировать коллективное представление о нации как о единственном для индивида политическом коллективе, который существует «поверх» всех остальных социальных групп, связывая их в некую целостность. В этом смысле нации, как блестяще показал в своей работе Б.Андерсон, являются воображаемыми сообществами в еще большей мере, чем какие-либо другие, «потому что члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих братьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности»¹¹².

Постольку, поскольку нациестроительство оказывается успешным, возникает «прочное сцепление между определенной конструкцией политического порядка и тем коллективным целым, что находится под ним, которое со временем будет кратко выражено посредством понятия национального государства. Кристаллизация идеи национального государства обеспечивает совпадение политической и культурной идентичности населения данной территории, провозглашает серьезные символические и эмоциональные обязательства по отношению к его центру, также замыкая на него исконные примордиальные измерения человеческого существования и социальной жизни»¹¹³.

Следует, однако, иметь в виду, что в каждом отдельном случае нациестроительство предполагает содержательное определение категории «нация».

¹⁰⁹ Greenfeld L., Eastwood J. National Identity // Boix C., Stokes S. (eds.) The Oxford Handbook of Comparative Politics. Oxford; New York: Oxford University Press, 2007. P. 258.

¹¹⁰ Миллер А.И. Тема нации в российской политике последних лет // Два президентских срока В.В.Путина: Динамика перемен. М.: ИНИОН РАН, 2008. С. 320.

¹¹¹ Rae H. State Identities and the Homogenization of People. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P.2.

¹¹² Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-пресс, 2001. С. 31.

¹¹³ Эйзенштадт Ш., Шлюхтер В. Пути к различным вариантам ранней современности: сравнительный обзор // Прогнозис, 2007, № 2.

В качестве инструментария при этом используются нарративы, символизации, создание мифов и т.д. Не случайно К.Вердери в своей знаменитой дефиниции определила национализм как «политическое использование символа нации через дискурс и политическую активность»¹¹⁴. Поскольку, не выходя в принципе за рамки национально ориентированного видения мира, можно по-разному определить, «кто мы как нация», конструирование образа нации становится предметом острой политической борьбы. Определение «мы», разумеется, уникально для каждой конкретной нации, но, если говорить не о содержательных характеристиках, а о способах «воображения» нации в современных национальных картинах мира, можно выделить несколько вариантов.

Долгое время в литературе господствовало разделение между ранними – «гражданскими» – и более поздними – «этническими» национализмами. Оно базировалось на том, что, несмотря на значительные содержательные различия в определении «мы», британский, французский, североамериканский и другие национализмы в западных политиях связывали идею нации с идеей демократии. Нации представлялись не только как политические коллективы, соответствующие делению мира на территориальные государства, но и как «народы» – источники власти. Такое понимание нации предполагает, что ключевым признаком является гражданство, а все члены нации воспринимаются как равные и свободные граждане, участвующие в демократическом политическом процессе¹¹⁵. Именно этот тип национальной картины мира легитимирует универсалистский политический порядок, то есть дифференциацию политических практик, связанных с гражданством, от практик, которые институционализируются в отдельных социальных группах.

Национализмы в новых государствах, которые появились в XX столетии в результате распада колониальных империй, напротив, активно задействовали аскриптивные признаки (племенные, родственные, этнические, религиозные) в определении, «кто мы». Такой вариант национальной картины мира ведет к тому, что аскриптивные признаки приобретают политическое значение наряду с гражданством, что легитимирует партикуляристские политические практики.

Дальнейшие исследования, однако, показали, что такая типология национализмов слишком поверхностна. С одной стороны, стало очевидно, что каждая национальная картина мира в той или иной мере содержит аскриптивные (а не «чисто гражданские») компоненты¹¹⁶. Они были обнаружены даже в американском национализме, который, казалось бы, должен быть «самым гражданским» вследствие истории становления американской нации. С. Хантингтон, например, пришел к выводу, что у американской политической идентичности было несколько «источников», которые находились в сложном и динамическом соотношении. Белый англо-саксонский протестант (WASP – White Anglo-Saxon Protestant) представляет собой сложный сплав расовых, этнических и религиозных схожих черт, которые на протяжении многих десятилетий воспринимались как «значимые признаки» и создавали ту основу, на которой произрастало чувство

¹¹⁴ Verdery K. Whither 'Nation' and 'Nationalism'? // Balakrishnan G. (ed.) Mapping the Nation. London: Verso, 1996. P. 226.

¹¹⁵ Kymlicka W., Norman W. Return of the Citizen: A Survey of the Recent Work on Citizenship Theory // Beiner R. (ed.) Theorizing Citizenship. Albany: State University of New York Press, 1995. P. 301.

¹¹⁶ Yack B. The Myth of the Civic Nation // Beiner R. (ed.) Theorizing Nationalism. Albany, NY: State University of New York Press, 1999. P.106.

гражданской общности¹¹⁷. С другой стороны, поскольку национализм легитимирует современный политический порядок, то есть именно принадлежность к национальному государству лежит в основе категории «нация», каждая национальная картина мира в той или иной мере содержит гражданский компонент. В результате, как справедливо замечает А.И.Миллер, «сегодня в науках об обществе считается уже неприличным говорить о противопоставлении гражданского, включающего (правильного, западного) и этнического, исключаящего (неправильного, восточного) национализмов. Дело в том, что на самом деле в любом национализме, в любом реализованном проекте нации тесно переплетены гражданская и культурная составляющая. Вопрос в пропорциях и в механизмах сочетания этих факторов»¹¹⁸.

Таким образом, национальные картины мира различаются, прежде всего, «пропорциями» между гражданскими и аскриптивными компонентами, то есть по «степени» универсализма в представлениях о нации. В этом контексте, как представляется, можно выделить два измерения. Первое – насколько универсалистски мыслится доступ к членству в нации. В данном случае значительный интерес представляет сравнительное исследование французского и германского национализмов Р. Брубейкера, которое позволило ему сделать вывод о том, что, «если французское понимание нации является государственно-центричным и ассимиляционистским, то германское понимание – «народно-центричное» (Volk-centered) и дифференциалистское»¹¹⁹. Наиболее явно это выражается в степени открытости получения гражданства иммигрантами. Это не значит, что большая открытость французской нации полностью исключает этнический элемент, но французское понимание гражданства акцентирует внимание на ассимиляции этнического элемента, тогда как в Германии, напротив, до последнего времени именно этнический признак жестко задавал параметры доступа к национальному гражданству. Второе – насколько универсалистскими являются представления о взаимоотношениях между членами нации. Нация может коллективно осмысливаться как единый политический коллектив, но «внутренне» разделенный на иерархически выстроенные аскриптивные группы. Соответственно, в отличие от универсалистского понимания членов нации как равных и свободных граждан, место которых в политической иерархии определяется меритократически, здесь место в политической иерархии предопределено членством в соответствующей аскриптивной группе.

Сочетание этих двух измерений дает возможность выделить четыре типа соответствующих картин мира (см. таблицу), каждый из которых фиксирует, в каком направлении и в какой мере он отклоняется от идеального типа.

Первый и четвертый типы ближе всего к традиционной дихотомии «гражданский versus этнический национализмы». В первом случае сложившаяся картина мира предполагает включение в нацию индивидов независимо от их расовых, этнических, религиозных и иных признаков. Граждане рассматривают друг друга в качестве равных и свободных индивидов независимо от того, какие иные идентичности они воспроизводят в частной жизни. Четвертый случай –

¹¹⁷ Хантингтон С. Кто Мы? Вызовы американской идентичности. М.: Транзиткнига, 2006. С. 49-70; 525-530.

¹¹⁸ Миллер А.И. Тема нации в российской политике последних лет // Два президентских срока В.В.Путина: Динамика перемен. М.: ИНИОН РАН, 2008. С. 328.

¹¹⁹ Brubaker R. Citizenship and Nationhood in France and Germany. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. P. 1.

противоположное восприятие нации. Она явно конституируется на основе некой аскриптивной группы. Это затрудняет доступ в нацию индивидам из других аскриптивных групп. Поскольку образ нации содержит существенные аскриптивные характеристики, нация оказывается «сложена» иерархически в соответствии с ними.

Таблица

Типы национальных картин мира

Взаимоотношения между членами нации	Доступ в нацию	
	Открытость (больше универсализма)	Закрытость (меньше универсализма)
Меритократическая иерархия (больше универсализма)	I	II
Аскриптивные иерархии (меньше универсализма)	III	IV

Второй и третий типы занимают промежуточное место. Национальная картина мира второго типа рассматривает членов нации как равных граждан, независимо от их групповых идентичностей, однако это сопровождается относительно жесткими требованиями к членству в нации. Легитимация таких требований будет строиться преимущественно примордиалистских аргументах. В третьем типе национализма, напротив, нация рассматривается как относительно открытый политический коллектив, но, поскольку универсалистские принципы равенства в нем не имеют большого значения, для легитимации национальной картины мира этого типа, вероятно, требуются какие-то сакральные аргументы¹²⁰.

И.В. Самаркина,
Кубанский государственный университет

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Обращение к субъекту и его миру – необходимое условие поиска эффективных технологий модернизации. Какие бы масштабные задачи не ставились государством и обществом в плане модернизации и использования инновационных технологий, успех и эффективность их осуществления зависит, в конечном счете, от действий конкретного человека. «Движущей силой, определяющей институциональные изменения, был и остается – в рамках перспективного видения тенденций развития общественных отношений – человек мыслящий и человек действующий. Именно такая социально активная и мотивированная на развитие личность определяет формирование культуры будущего (понимаемой в широком смысле как «человекоокружение», говоря словами Д.С.Лихачева), ее социально-экономической, политической и собственно культурной составляющей»¹²¹. А в России «индивид, обладающий, способностями и волей к

¹²⁰ Как представляется, этот тип национализма приближается к имперской картине мира. Как идеальные типы, национализм и имперское сознание – очевидно, различные картины мира. Однако в действительности обнаруживается и некий промежуточный тип, который некоторые авторы обозначают как «имперский национализм». См., например: Паин Э. Имперский национализм // Космополис, 2005, № 3. С. 146-156.

¹²¹ Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Идентичность в системе координат мирового развития // Полис, 2010, № 3. С. 53.

инновационной деятельности, становится решающим фактором модернизации»¹²². Именно гражданин как субъект общественно-политической и экономической деятельности играет ключевую роль в процессе модернизации.

В этом контексте вполне объясним интерес к человеку, его представлениям об окружающем мире, его идентичности. Существует необходимость и потребность в анализе не только макро-, но и микроуровня социума, в поиске, наряду с внешними, внутренних факторов, способствующих консолидации общества, решению задач модернизации страны, региона, местного сообщества, в изучении субъекта – носителя инновационных или иных характеристик. К таким факторам, на наш взгляд, относятся представления индивида об окружающем мире и социальная идентичность как производная этих представлений.

...Человек есть мера всех вещей... В процессе своей деятельности он создает, сохраняет и изменяет социальный мир. Люди сами конструируют мир, объясняя и воспринимая окружающее. Субъективные представления человека о мире и о себе в нем определяют как «относительно целостную совокупность мыслей, верований, навыков духа, которая создает картину мира и скрепляет единство культурной традиции или какого-нибудь сообщества»¹²³. Именно картина мира определяет поведение человека, индивидуальное и коллективное¹²⁴. Индивидуальная картина мира порождает различия в содержании, структуре и иерархии ценностей, установок, ориентаций; отношении к труду, религии, семье, политике, стиль общения и поведения и прочее. Окружающий мир безотносительно места, времени и уровня образования субъекта выглядит как причудливая смесь реального и ментального¹²⁵.

Создание социальной картины мира – основа для построения социальной идентичности.

Объективный и субъективный миры неразрывно соединены самим субъектом. С одной стороны, окружающий мир определяет внутренний мир субъекта. Основоположник теории социальной идентификации А.Тэшнел писал о том, что социальные миры влияют на индивидуальный способ видения мира субъекта¹²⁶. С другой стороны, картина мира человека, его впечатления о мире организуются в систему связанных интерпретаций – идеи, установки, стереотипы – и являются регуляторами социального поведения.

Представления о социуме – социальная картина мира - являются ключевыми для формирования идентичности. В терминах теории социальной идентичности социальная картина мира представляет собой систему социальных категорий, с которыми человек себя идентифицирует. Более того, создание этой системы категорий – социальная категоризация – один из основных процессов функционирования социальной идентичности.

Процесс социальной категоризации представляет собой распределение социальных объектов по группам в соответствии с определенными, существенными для человека признаками, в соответствии с которыми человек систематизирует свой социальный опыт и устанавливает критерии для ориентации в своем социальном

¹²² Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. М., 2002. С. 46.

¹²³ Гуревич П.С. Культурология. М., 1995. С. 241.

¹²⁴ Гуревич А.Я. М. Блок и «Апология истории» // Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С. 229.

¹²⁵ Щербинин А.И. Политическое образование. М.: Весь мир. 2005. С. 21.

¹²⁶ Иванова Н.Л., Румянцева Т.В. Социальная идентичность: теория и практика. М.: Изд-во СГУ, 2009. С. 32.

окружении¹²⁷. Социальная идентичность является производной процесса создания образа социального мира¹²⁸.

Создание картины мира – социальная категоризация, то есть упорядочивание социального окружения в терминах группировки способом, который имеет смысл для индивида – выступает первым этапом формирования социальной идентичности. Затем, на этапе социальной идентификации, индивид помещает себя в ту или иную категорию в этой картине мира. В итоге формируется социальная идентичность, то есть полное социальное отождествление индивида¹²⁹ с известными общественными структурами. В период ломки устоявшейся картины мира в обществе наступает кризис идентичности¹³⁰. Таким образом, социальная идентичность есть производная социальной картины мира.

Политическая картина мира – часть социальной картины мира.

В числе социальных категорий, составляющих внутреннее измерение реальности, наряду с категориями классов, социальных групп, общества, этносов и пр., также присутствуют категории, отражающие политический мир. Политический мир – это часть социокультурного универсума, сфера политической жизни личности и общества, соединяющая в себе реальность и ментальность, характеризующаяся пространственно-временными параметрами¹³¹. *Политическая картина мира – система образов и представлений, отражающих политическую реальность в индивидуальном сознании.*

Структура политической картины мира не является предметом детального анализа в рамках данной статьи, однако стоит отметить принципиальные элементы, важные для понимания связи политической картины мира с гражданской идентичностью.

Так, политическая картина мира имеет свои координаты. К их числу относятся, прежде всего, политическое время и пространство. Категория политического времени особенно ощутима носителем в переходные периоды, когда по сути, человек пребывает в двух темпоральных потоках, набегающих один на другой. Эта категория имеет политико-воспитательную функцию, которая проявляется в отсчете от эпохи миротворения, эпохи «вождей», «героев революции», «отцов-основателей», создавая тем самым, представления о прочной конструкции политического мира¹³².

Пространственные характеристики политической картины мира в первую очередь связаны с образами власти как политическом центре всей конструкции. Следовательно, в политической картине мира находит свое отражение и иерархичность этого пространства. Пространственные характеристики также определяют политико-географические и геополитические образы в картине мира. Политическое пространство в картине мира заполняется субъектами политики. В нем индивид может разместить себя (или вынести себя за пределы политического пространства).

Политическая картина мира отражает представления о способах взаимодействия акторов политического пространства, а также о способах

¹²⁷ Там же. С. 39.

¹²⁸ Иванова Н.Л., Румянцева Т.В. Социальная идентичность: теория и практика. М.: Изд-во СГУ, 2009. С. 46.

¹²⁹ Андреева Г.М. Психология социального познания. М., 2000. С. 184.

¹³⁰ Андреева Г.М. Психология социального познания. М., 2000. С. 271.

¹³¹ Щербинин А.И. Политическое образование. М.: Весь мир. 2005. С. 16.

¹³² Там же. С. 27-28.

коммуникации между ними. Особое значение в этом смысле имеет символическая коммуникация. Национальная, общественно-политическая символика является стрержнем политической картины мира.

В политической жизни политическая картина мира имеет не меньшее значение, чем реальные политические институты. «Люди, у которых больше знания о своем политическом мире имеют больший потенциал эффективного участия в нем, чем те, кто игнорирует свой политический мир»¹³³.

Политическая картина мира является основой для формирования гражданской идентичности.

Политическая картина мира как часть картины мира социальной оказывает влияние на социальную идентичность. На наш взгляд, она выступает в качестве основы формирования гражданской идентичности. Гражданская идентичность – один из видов социальной идентичности (наряду с этнической, культурной, профессиональной и другими)¹³⁴.

Исследователи гражданской идентичности отмечают, что последняя соотносится с такими социальными категориями, как нация, гражданин, гражданство. Для обозначения группы людей как нации ключевым понятием становится территория и, как следствие, политическое образование – государство, страна. Гражданская идентичность возникает на основе чувства сопричастности с общностью, которая может назвать себя гражданской нацией. Благодаря этой идентичности люди, несмотря на недостаток физических контактов, считают себя объединенными вместе, потому что говорят на одном языке, населяют общую территорию и испытывают привязанность к существующей экосистеме. Людей, обладающих, гражданской идентичностью, объединяет множество традиций, историческая память о прошлом, которая постоянно переживается в настоящем как гордость за успехи достижения нации или наоборот – как стыд за поражения и неудачи¹³⁵.

Исследователи связывают гражданскую идентичность с «общественным договором», она выступает специфическим «изобретением» сообщества людей. Ее политическая значимость связана с поддержанием чувства «быть у себя дома», с созданием у граждан ощущения целеустремленности, веры, собственного достоинства¹³⁶. В современной России гражданская идентичность выстраивается на представлениях человека о месте в мире, о геополитическом пространстве и цивилизационном развитии, о ресурсах страны, достижениях в культуре и исторической общности¹³⁷.

Картина мира как совокупность представлений человека об окружающем его мироздании является контекстом формирования его видения собственного места в мире. Этот контекст влияет на содержание идентичности. В структуре картины мира

¹³³ Patrick J.J. Political Socialization and Political Education in Schools // Handbook of Political Socialization. P.192. Цит. по: Щербинин А.И. Указ. соч. С. 20.

¹³⁴ Иванова Н.Л., Румянцева Т.В. Социальная идентичность: теория и практика. М.: Изд-во СГУ, 2009. С. 59.

¹³⁵ Иванова Н.Л., Мазилова Г.Б. Изменения этнической и гражданской идентичности в новых общественных условиях // Вопросы психологии. 2008. С. 83-94.

¹³⁶ Киселев И.Ю., Смирнова А.Г. Формирование идентичности в российской провинции. М., 2001.

¹³⁷ Дробужева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданская, этническая и религиозные идентичности в современной России. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2006. С.10-30.

всегда присутствует динамическая компонента, оперативно отражающая событийный пласт (социально-политический контекст). Изменение контекста приводит к тому, что в картине мира взрослого человека выделяются своеобразные «слои» / «пласты». Каждый из этих пластов отражает социально-политический контекст определенного исторического периода и особенности жизненного цикла человека. Соответственно, каждому из этих пластов может соответствовать отличная от предыдущих и последующих этапов идентичность.

Если контекст, формирующий событийный ряд картины мира, долгое время революционно не менялся (в условиях, когда социально-политическая система стабильна или относительно стабильна), то эти пласты и соответствующие им идентичности не вступают в противоречие друг с другом и складываются в ту самую «русскую матрешку» идентичностей, о которой пишет Т.Рисс¹³⁸. В противном случае происходит столкновение идентичностей и формирование своеобразной «мозаичной» идентичности, характерной, в частности, для граждан национально-государственных общностей, переживающих радикальные социально-политические трансформации.

Таким образом, для формирования гражданской идентичности в социальной картине мира должны быть представлены категории и образы, отражающие представления о государстве и власти, об их устройстве, о гражданине, его правах и общественных практиках и проч. Иными словами, в социальной картине мира должен быть представлен политический мир, политическая картина мира. Если же в системе социальных категорий не заданы политические критерии или они единичны и фрагментарны, весьма проблематично говорить о возможности формирования гражданской идентичности.

Анализ субъекта – носителя картины мира – позволяет понять ее (картины мира) особенности, оценить оптимальные механизмы формирования идентичности и эффективность технологий, которые при этом используются. Наш опыт изучения политической картины мира¹³⁹ показывает, что ее структура, содержание, масштабы и другие параметры зависят от носителя – субъекта. Типология субъектов – носителей – отдельная проблема, которую следует вынести за рамки данной работы. Однако можно в качестве примера упомянуть классификацию А.Ослон¹⁴⁰. Он выделил два принципиально отличных типа: человека «специального» и человека «наивного». Первый строит картину мира или ее отдельные фрагменты, используя некую рациональную методологию, специальные знания и методы. Второй ориентирован на экономию жизненных ресурсов и не готов углубляться в детализацию, поиск и анализ информации. Он

¹³⁸ Risse T. European Institutions and Identity Change: What Have We Learned? Цит. по: Семенов И.С. Реальность и миражи российской идентичности / Сайт Экспертной сети по исследованию идентичности – <http://www.identity.ucoz.ru>

¹³⁹ Самаркина И.В. Политическая картина мира: структура в динамической проекции / Доклады. V Всероссийский конгресс политологов «Изменения в политике и политика изменений: Стратегии, институты, акторы». Москва, 20-22 ноября 2009 г. М.: Российская ассоциация политической науки, 2009. Самаркина И.В. Дети и родители: отношение к власти и траектории изменения политической картины мира // Политическая экспертиза: Политэксп, 2008. Том 4. № 4. С. 170-185. Изменение политической картины мира: причины, факторы, траектории / Новый политический цикл: повестка дня для России. Международная научная конференция. Тезисы докладов. Москва, 5-6 декабря 2008 г. М., 2008. С. 236-238.

¹⁴⁰ Ослон А. Человек – «миноритарный» акционер картины мира // Отечественные записки, 2002, № 3(4). С. 3-5.

пользуется знаниями и моделями поведения, апробированными другими. Две категории носителей имеют принципиально разные стратегии формирования политической картины мира. Первая стратегия, которую использует человек «специальный», характеризуется целенаправленным освоением опыта, формирование «продвинутого» понимания политики как предмета своего интереса на основе некоторой рациональной теории. Стратегия человека «наивного» предполагает извлечение чужого опыта из текстов, признаваемых «правильными», «авторитетными», «путеводными».

Концепт субъекта и его картины мира позволяет, как уже отмечалось выше, оценить и эффективность используемых сегодня технологий формирования идентичности. На разных этапах социализации у картины мира человека есть свои особенности. Скажем, в детском возрасте происходит формирование ее основных контуров, а общественно-политическая сфера отражается посредством символов (культурных, национальных, политических). В процессе социализации подростков формируется содержание основных составляющих политической картины мира, центральными из которых являются понятие и образ власти. Дальнейшая социализация молодежи ведет к детализации и конкретизации картины мира через освоение общественных и общественно-политических практик.

Анализ технологий конструирования картины мира на разных этапах социализации мы оставляем за рамками данной работы. Однако здесь упомянем один, наиболее показательный пример. Как уже говорилось, детализация картины мира молодежи происходит в социальных практиках. Вовлеченность молодежи в практики, имеющие социальный или социально-политический эффект, и соответствующее общественное признание формирует позитивное отношение к тем субъектам общественно-политической жизни, с которыми эти практики связаны. И, наоборот, неэффективные, принудительные практики имеют обратный эффект. Скажем, применение массовых мобилизационных технологий для повышения электоральной активности молодежи может отрицательно сказаться на формировании гражданской идентичности, подменяя ее опорой на мобилизационное сознание. С государством или политической партией, которые «используют» тебя исключительно как электоральный ресурс, чувства сопричастности не возникает.

В контексте формирования политической картины мира эту проблему следует рассматривать как минимум в двух направлениях. Первое – формирование политической картины мира как основы гражданской идентичности молодого поколения. Не менее актуален и вопрос об уровне политической компетентности профессионалов, в обязанности которых, по мнению П.Бурдые, входят «селекция и подготовка профессиональных создателей схем осмысления и выражения социального мира...»¹⁴¹.

В 1991 году, выступая с докладом на Московской международной школе политологов, Р.Даль сказал: «Если бы я начинал перестройку, я начал бы ее с гражданского образования»¹⁴². Эта мысль и спустя двадцать лет не потеряла своего значения для решения задач российской модернизации.

¹⁴¹ Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 189.

¹⁴² Щербинин А.И. Указ. соч. С. 9.

ЖИЗНЕННЫЕ СТИЛИ И ПЛЮРАЛИЗАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Тема идентичности – одна из центральных для политолога, имеющего дело, прежде всего, с национальной и гражданской идентичностью. Идентичность как «смысл себя» сегодня находится в состоянии кризиса на этом уровне своего рассмотрения, создавая расплывчатость политического целеполагания. Глобализация лишь изменила и нередко травмировала локальную самоидентификацию. Сегодня в рамках политического анализа не хватает учета того состояния изменений, которые происходят в социальной и культурной сферах, затрудняя формирование национальной и гражданской идентичности. В методологическом плане это требует усиления междисциплинарных исследований, в частности, обращения к политической социологии и усиления внимания к политической культуре, к ее переоформлению в условиях культурных трансформаций общества.

Осмысление идентичности как самоидентификации и «смысла себя», тождества некоторого общества, социальной группы, индивида себе самим и их отличия от других не было проблемой для традиционных обществ. Воспроизводство социально-культурных связей на основе традиций сохраняло идентичность обществ, социальных слоев и групп и отдельных людей. Этот процесс нарушался в период войн, смут, но он не осознавался в терминах идентичности. Должны были произойти глубинные социальные сдвиги, смена характера воспроизводства общества, чтобы встал вопрос об идентичности. Такие изменения имели место в ходе модернизации самого Запада, когда механизм воспроизводства общества сменился на инновационный. Они происходили и в странах, следовавших догоняющей (Запад) модели развития.

Сложности в понимании собственной идентичности на индивидуальном и на социокультурном уровне нарастали во время первой глобализации 1885–1914 гг., когда наметился рост обмена товарами, капиталами и людьми. Поток мигрантов были вынуждены пересматривать свои жизненные ориентиры, переселяясь в США и другие страны. В ходе второй глобализации, начавшейся с конца 1990-х годов (ей способствовал в существенной мере распад социалистической системы – процесс, который уже сам по себе перестраивал идентичность миллионов людей), продолжался процесс изменения идентичности обществ, социальных групп и слоев. Эти изменения стали предметом как повседневных забот, так и научного интереса.

Идентичность становилась проблемой в связи с тем, что социальные перемены, вызванные модернизациями и глобализацией, резко ломали прежние идентичности, порождая вакуум самоидентификации и осознания смысла себя. Это вызывало кризис идентичности. По мнению С.Хантингтона, подобный кризис затронул практически все страны мира¹⁴³. В связи с кризисом идентичности во многих и едва ли ни в большинстве стран мира возникают вопросы: исчезает ли социальная, и, частности, национальная идентичность как явление, меняется ли она и в какую сторону, продолжает ли оставаться потеря прежней идентичности социальной травмой или есть способы замены идентичности чем-то другим.

¹⁴³ Huntington S. Who Are We? The Challenges to America's National Identity. N.Y., L., Toronto, Sydney: Simon & Schuster. 2004.

Версию ответа на поставленные вопросы предлагает известный ученый А.Сен, считающий, что монизму религиозного или цивилизационного определения идентичности, вытекающего из заботы о сохранении солитаристски (определенной единственным образом) ориентированной идентичности, противостоит ее плюрализация под воздействием факторов, ответственных за изменения идентичности: «Цивилизационное или религиозное разделение населения мира является проявлением «солитаристского» подхода к человеческой идентичности, которое видит людей членами исключительно одной группы (в данном случае определяемое цивилизацией или религией в противоположность прежней вере в национальность или класс)»¹⁴⁴. Но это – путь к взаимному непониманию. «В обычной жизни, – пишет Сен, – мы видим себя членами ряда групп... мы принадлежим всем им. Человек без каких бы то ни было сложностей может быть американским гражданином карибского происхождения с африканскими корнями, христианином, либералом, женщиной, стайером, историком, школьным учителем, писателем, феминистской, гетеросексуалом, защищающим права геев и лесбиянок, театралом, активистом экологического движения, фанатом тенниса, джазовым музыкантом... Все эти коллективные принадлежности, в каждую из которых одновременно включен человек, складываются в специфическую идентичность. Ни одну из них нельзя расценивать как единственную... Поскольку наши идентичности неизбежно плюралистичны, нам следует принимать решения об относительной значимости различных групп, к которым мы принадлежим в каждом конкретном случае»¹⁴⁵.

Эта точка зрения, на мой взгляд, *во-первых*, сводит идентичность к индивидуальной Я-идентичности. *Во-вторых*, она путает *социальные роли* и идентичность, определенную выше как «смысл себя». Удивительная вера в преобладающую роль индивидуальной идентичности в сравнении с групповой, в частности, этнической, религиозной, национальной и цивилизационной, не выдерживает критики. Немецкий ученый Н.Элиас, занимавшийся этой проблемой, отмечал изменение баланса между «Я» и «Мы», состоящее в том, что при наличии границ между ними их нельзя разорвать: «...старая традиция, в соответствии с которой понятие «индивид» и «общество» часто употреблялись так, словно речь идет о двух отдельно существующих предметах, неизбежно приводит к заблуждению... отдельный человек несет в себе габитус группы и, взрослея, более или менее индивидуализирует его»¹⁴⁶.

В-третьих, упоминаемые Сенем *принадлежности* человека к группе характеризуются теперь чаще не как роль, а как *стили жизни*. *А стили жизни, их многообразие могут (временно для одних, долговременно для других и, может быть, пожизненно для третьих) оказаться своего рода альтернативой или паллиативом идентичности в условиях ее кризиса. Иметь паллиатив идентичности – значит быть несформировавшейся, пусть хоть и устойчивой в своих привычках и вкусах, личностью.*

В отношении стилей жизни существуют противоречивые оценки. У. Бек выдвинул мысль, развитую Л.Г.Иониным применительно к России, о том, что плюрализация жизненных стилей сегодня возникает из-за большей свободы индивидов и появления у них возможности самим проектировать свою жизнь. Ионин

¹⁴⁴ Sen A. Identity and Violence: The Illusion of Destiny. N.Y., London: W.W. Norton&Company Ltd. 2006. P. XII.

¹⁴⁵ Ibid. P. XII–XIII .

¹⁴⁶ Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис. 2001. С. 253–254.

пишет о «резком, даже скачкообразном увеличении количества самых многообразных, абсолютно не сводимых к сословным, классовым или слоевым определениям *жизненных форм и стилей*, имеющих исключительно культурное происхождение. Все эти стили, возникшие в России в течение последних пяти—десяти лет, не корреспондируют непосредственно с категориями демографической, профессиональной или экономической структуры, как советской, так и нынешней «капиталистической»¹⁴⁷. Эта мысль о росте значения творческой свободы в самоопределении индивида, о человеке как творце нового сегодня очень популярна, но она слишком позитивно оценивает человека, не учитывая всех особенностей анархического порядка, который может возникнуть в такой свободной стихии. Согласно недавнему исследованию группы английских социологов, пытавшихся верифицировать теорию французского социолога П. Бурдье на материалах английского общества, жизненные стили представляют собой, используя термины Бурдье, некие социальные «поля», которые детально организованы и разделены на разные культурные практики и вкусы¹⁴⁸. На мой взгляд, они в большей мере характеризуют идентичность социальных групп, чем индивидов.

В противоположность этому Э. Гидденс считает, что «стиль жизни может быть определен как относительно интегрированный комплекс практик, которые индивид выбирает не только потому, что они удовлетворяют утилитарные потребности, но и потому, что они придают материальную форму специфическому описанию самоидентичности»¹⁴⁹. Нередко, однако, стили жизни предстают как материальная форма некоторых предпочтений, но не как актов осознания самотождественности.

В-четвертых, Сен исходит из общечеловеческой сущности, своего рода неизменной природы человека, и считает, что серьезным вызовом ей являются религиозные, культурные, национальные и цивилизационные рамки идентификации. По его мнению, существует гораздо больше уникальных разделительных линий. И потому гармония в современном мире опирается в большей степени на понимание плюральности человеческой идентичности и на признание того, что идентичности наслаиваются друг на друга и тем самым не дают создать резкую разделительную линию¹⁵⁰. Но встает вопрос: неужели то, что человек или группа любят теннис и являются ответственными в отношении экологических угроз, определяет их «смысл себя» больше, чем религия, цивилизационная, классовая или национальная принадлежность?

По мнению Сена, существует два вида редукционизма. Сведение идентичностей к самотождественности религиозных или иных групп представляется Сену редукционизмом первого типа, который характеризуется как «пренебрежение идентичностью». Правильнее было бы считать это не родом редукционизма, а, напротив, неучетом идентичности индивида, которая первична у Сена, т.е. сведением этого уровня идентичности к более высоким формам. Примером этого Сен считает позиции современных теоретиков – экономистов, считающих, что в своей конкретной деятельности люди не идентифицируют себя с кем бы то ни было, кроме самих себя.

¹⁴⁷ Ионин Л.Г. Культура и социальная структура // Социс, 1996, № 2. С. 31.

¹⁴⁸ Bennett T., Savage M., Silva E., Warde A., Gayo-Cal M., Wright D. Culture, Class, Distinction. L, N. Y.; Routledge. 2009. P. 48.

¹⁴⁹ Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991. P. 81.

¹⁵⁰ Sen A. Identity and Violence: The Illusion of Destiny. N.Y., London: W.W. Norton&Company Ltd. 2006. P. XIV.

Другой вид редукционизма – «единичная (солитаристская) принадлежность», которая исходит из принадлежности каждого человека к одной единственной коллективной общности. Но, думается, что Сен и сам склонен к редукционизму, который можно назвать редукционизмом третьего типа – сведением идентичности к индивидуальной, из которой не следуют коллективные идентичности. Поэтому он постоянно говорит по существу не об идентичностях, а об индивидуальных жизненных стилях. Для Сена идентичность – это не смысл себя, а принадлежность к чему-то другому.

Совершенно соглашаясь с ролевым плюрализмом, вряд ли можно принять плюрализацию идентичности, построенную по аналогии с ролевой. Многие исследователи сегодня говорят о плюрализации идентичностей, не сводя ее ни к социальным ролям, ни к стилям жизни. Чаще всего речь идет о структурном разнообразии типов идентичности, которые интегрируются до определенной целостности. Так, профессор Гарвардского университета К.Корсгард находит в структуре идентичности практическую, или персональную идентичность; идентичность, вытекающую из действий; идентичность, определенную предшествующим выбором; идентичность, противостоящую растительному и животному существованию; идентичность, относящую человека к живым существам; гуманизм как практическую идентичность; идентификацию с принципами; идентификацию с разумом. Но это – структура идентичности, допускающая ее интеграцию и самоформирование как у личности, так и у социальных групп¹⁵¹.

Идентичность, на мой взгляд, может принимать сакральный характер, т.к. «смысл себя» имеет глубинную духовную основу, выработанную человеком, группой или обществом в борьбе с распадом и дезинтегрированностью¹⁵². При этом стоит различать духовное и религиозное. Н.А. Бердяев считал, что духовность не обязательно является религиозной. Добавим к этому, что и религиозность индивида не обязательно является духовностью. Она может иметь более практическое или повседневное измерение. В своем обыденном воплощении она может быть далека от высоты духовного чувства. Следовательно, и сакральность может существовать как в религиозном, так и в светском духовном содержании. Идентичность не всегда сакральна, но часто в ней сакрализованы коренные «священные» моменты детства, особых периодов жизни. Так, П.Сорокин, будучи выдающимся американским социологом, опирался в своем духовном опыте, особенно в преклонные годы, на свое коми-пермяцкое детство, на жизнь в России, что наложило отпечаток на его поздние непонятые американцами произведения.

Стоит говорить, скорее о личной, чем об индивидуальной идентичности. В отличие от Сена, Э.Гидденс так и делает. По его мнению, «личностная идентичность не является характерной чертой или совокупностью черт, которыми обладает индивид. Она представляет собой самость, рефлексивно понимаемую индивидом в терминах своей биографии. Идентичность предполагает непрерывность в пространстве и времени, однако самоидентичность является непрерывностью, рефлексивно интерпретируемой ее носителем... Быть личностью значит быть не только рефлексивно действующим лицом, но и обладать понятием личности

¹⁵¹ Korsgaard Ch.M. *Self-Constitution: Agency, Identity, and Integrity*. Oxford, N.Y.: Oxford University Press. 2009.

¹⁵² Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. *Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества* М.: Культурная революция. 2008. С. 401–407.

(самому и видеть ее в других)»¹⁵³. Это еще один аргумент против сведения идентичности к ролям. Это также аргумент в пользу понимания идентичности не как объективной данности социального и материального мира, а как укорененной в ценностном мире¹⁵⁴.

Хотелось бы подчеркнуть, что сведение идентичности к самоидентификации личности и социальных групп и отказ от понятий идентичности общества, национального государства, этноса как специфической социальной группы нельзя расценивать иначе, чем как редукционизм. Устойчивые общества Великобритании, Китая, стран Западной Европы не только имеют идентичность, но и воспроизводят ее. Америка несколько потеряла это основание стабильности. С.Хантингтон начинает свою книгу «Кто мы?» рассказом об американском гражданине мексиканского происхождения, который на стадионе в Лос Анжелесе сжег американский флаг из-за того, что американская команда выиграла у мексиканской¹⁵⁵. Нельзя забыть и того, что первую попытку взрыва международного торгового центра предпринял американский гражданин, этнический араб, который получил высшее образование в США, работал инженером, учил в университетах США своих детей. Идентичность по гражданству, отличавшая США в период «плавильного тигля», сохраняла реальный мультикультурный характер, но при Б.Клинтоне она сменилась *политикой* мультикультурализма, отрицавшей эту идентичность по гражданству и породившей реакцию неоконгов при Дж. Буше-мл., войну в Ираке и пр.

Сегодня напрашивается вывод, что, чем более индивидуализированы люди и чем более они рассредоточены по социальным группам, тем труднее им достичь стабильной идентичности и удержать ее. Следует согласиться с мнением автора книги об идентичности, считающим, что нестабильность, разнообразие, временная множественность являются фундаментальными свойствами современной картины мира¹⁵⁶. Несомненно также и то, что эта картина мира сформирована турбулентными изменениями конца XX–начала XXI веков. Сегодня мы не знаем, является ли такая неустойчивость сущностной характеристикой будущих процессов, или же она выступает как часть общего кризиса, связанного с переходом к третьему Модерну как новому Новому времени для незападных стран, затрагивающему и Запад¹⁵⁷. Изучение политической культуры новой эпохи требует совершенствования инструментария исследований, и концепт идентичности представляется одним из ключевых в деле продвижения по этому пути.

¹⁵³ Giddens A. Op. cit. P. 53.

¹⁵⁴ Ibid. P. 81.

¹⁵⁵ Huntington S. Op. cit.

¹⁵⁶ Заковоротная М.В. Идентичность человека. Социально - философские аспекты. Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 1999. С. 13.

¹⁵⁷ Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Указ. Соч. С. 424–445, 520–564.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОВЕСТОК ДНЯ: ВЫБОР ИДЕНТИЧНОСТИ В СЕТИ¹⁵⁸

Современные информационные технологии, получившие распространение в развитых странах мира, открывают новые направления изучения социально-политических явлений, в том числе и идентичности. Существует ли идентичность в Сети? Подобный вопрос привлекает внимание самых разных исследователей и рядовых пользователей Интернет – ресурсов.

С одной стороны, изменение способа подачи информации влечет за собой изменение стратегии позиционирования отдельных индивидов и обществ относительно окружающего мира. Кроме того, символический образ, который создают пользователи Сети, в сочетании с выбранными параметрами аккаунта и специфическим никнеймом, приобретают дополнительные идентификационные маркеры. С другой же стороны, продолжают рассуждение противники выше описанной точки зрения, Интернет – пространство далеко не самое подходящее место для формирования идентичности в силу стихийности выбора пользователей и невозможности их детальной операционализации. При этом новая идентификационная «система координат»¹⁵⁹, тиражируемая электронным форматом информационных потоков, создает угрозу сохранения идентичности как таковой.

В рамках данной статьи предпринята попытка анализа Интернета как особой сферы конструирования идентичности, широкое применение в которой получает практика формулирования информационных повесток дня. По масштабу охвата аудитории информационные повестки дня оказываются одним из наиболее эффективных способов идентификации с конкретным социумом путем структурирования большого информационного массива.

Если согласиться с тем, что идентичность есть «нечто данное индивиду от рождения или, по крайней мере, формирующееся в ходе первичной социализации»¹⁶⁰, то Сеть начинает оказывать влияние уже на начальной стадии приобщения к роли ее пользователя. Информационные повестки дня в виде списка наиболее важных тем образуют виртуальное сетевое меню. В процессе поглощения этого меню пользователи сознательно или бессознательно начинают выстраивать собственную идентификационную матрицу. Основная же сложность для исследователя возникает на этапе выявления социально-демографических характеристик пользователей, которые составляют основу той или иной идентификационной матрицы. Речь идет о том, что в результате экспоненциального роста пользователей из информационного пространства начинает исчезать конкретный индивид и появляется обезличенный пользователь Сети. Конечно, современные технологии позволяют произвести необходимую детализацию участников виртуального жанра, вплоть до фамилии и региона проживания, опираясь на IP-адрес персонального компьютера. Однако это неизбежным образом

¹⁵⁸Статья подготовлена в рамках гранта Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров № 09-95275-000-GSS «Борьба за идентичность и новые институты коммуникации».

¹⁵⁹ Гельман В., Холф Т. Центр и региональные идентичности в России // Центр и региональные идентичности в России / Под ред. В. Гельмана и Теда Хопфа. СПб.; М.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2003. С. 7.

¹⁶⁰ Там же. С. 10.

актуализирует проблематику неприкосновенности личных данных, виртуальное нарушение которой также недопустимо.

В большинстве случаев эмпирическая действительность в Сети подменяется определенной интерпретацией информационных потоков: через поисковые системы на стадии поиска информации и сконструированные Интернет – проекты на этапе их обработки. В данном случае Интернет – дискурс, который разгорается вокруг наиболее актуальных информационных повесток дня, интересен не с точки зрения абстрактной грамматической структуры, а, прежде всего, как «письменный или речевой вербальный продукт коммуникативного действия»¹⁶¹.

За огромным разнообразием информационного массива в Сети скрывается конкретная тематика Интернет – сюжетов, а также специфическая система убеждений и ценностей. И если повестка дня на телевидении или в прессе в большинстве случаев оказывается результатом взаимоотношений различных групп интересов и социальных институтов, то в Интернет – пространстве конструировать повестки дня может каждый активный пользователь вопреки объективно сложившимся социально-политическим условиям.

Кем и с какой целью в таком случае создается виртуальный конструкт информационной повестки дня? На эту роль имеют основания претендовать наиболее осведомленные пользователи Интернета – конкретные сообщества, гражданские организации и политические партии, властные структуры и отдельные пользователи при условии, что успешным «изобретение традиции» окажется лишь в случае, если трансляция послания произойдет на той частоте, на которую настроены массы».¹⁶² Информационные повестки дня в Сети – это не только стилистически оформленные проблемы, выведенные в заглавии ключевых поисковых систем. Скорее, это целый электронный ресурс, возможности которого определяются материально-технической базой каждого пользователя в отдельности. Диапазон используемых сценариев может быть самый различный: от авторских комментариев в персональном блоге до видеосюжетов, размещенных на соответствующих каналах, которые становятся доступными во всем мире. Соответственно, в условиях электронных технологий информационные повестки дня не знают границ и временных рамок. Открытые для изучения архивы и ресурсы даже самых отдаленных уголков земного шара актуализируют повестку дня повсеместно. В логике подобных рассуждений, любую тему и информацию можно определить в качестве повестки дня. Другое дело, что не каждая информация становится востребованной настолько, что ее можно обозначить как актуальную повестку дня. Критерием в данном случае становится количественный показатель обращений к теме, благо, что современные компьютерные технологии позволяют отследить данные о количестве посетителей ресурсов и упоминаний самой темы.

Сформулированная в Сети информационная повестка дня расширяет географию своего существования, завоевывая пустующие ниши традиционных средств массовой информации. Показательный тому пример – президентские выборы в 2000 г. В условиях неоспоримого лидерства В.Путина в Сети искусственно конструировалась опасность протестного голосования. В эфирах центральных каналов муссировалась информация о маргинальных сайтах, создатели которых

¹⁶¹ Ван Дейк Т. К определению дискурса
(<http://www.psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>).

¹⁶² Дробижева Л.М. Российская, этническая и республиканская идентичность: конкуренция или совместимость // Центр и региональные идентичности в России / Под ред. В.Гельмана и Теда Хопфа. СПб.; М.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2003. С. 48.

призывали голосовать «против всех». Так было и в случае с нецензурной записью о «пожарной рынде»¹⁶³, на которую с подачи радиостанции «Эхо Москвы» отреагировал премьер-министр В.Путин. На страницы красноярских газет информация о «Настоящих сибиряках» также просочилась из сегмента русскоязычной блогосферы после того, как активные пользователи «Живого Журнала» предложили жителям регионов Сибири во время Всероссийской переписи населения 2010 г. на вопрос переписчиков о национальной принадлежности называть себя «сибиряками» и «сибирячками».¹⁶⁴ Очередным, но не последним в этом длинном списке примеров можно назвать случай с созданием специализированной социальной Интернет – сети для врачей и пациентов, инициаторами которой выступило министерство здравоохранения и социального развития РФ. Широко обсуждаемая в Интернет – пространстве тема получила закономерное освещение на телевидении и в прессе. Примеры обратных сценариев, когда телевизионные каналы вещания и периодические издания формулируют повестку дня, подхваченную каналами Интернет – коммуникации, на сегодняшний день российской практике встречаются реже. И в этом отличительная черта современности.

Очевидно, что открытая левой кнопкой компьютерной мыши ссылка в Интернете еще не означает сознательный либо бессознательный выбор идентичности. Осведомленность и информированность скорее соответствует социально-психологическим характеристикам пользователей, нежели их идентификационным компонентам. В этом и заключается специфика идентичности в Сети, выбор которой одинаково прост и сложен. Вниманию пользователей открывается огромный перечень идентификационных маркеров во всем разнообразии религиозных, этнических, культурных, географических и прочих критериев. В результате чего идентичность в Сети становится преимущественно фрагментированной и ситуативной, по причине динамичной скорости обновления информационного потока. Индивид сталкивается с проблемой персонального выбора и противостояния информационной стихии, в которой бывает невероятно сложно сохранить собственную исключительность. И подобно тому, как одна из первых технологий коммуникации – массовое распространение печатного слова – стала решающим фактором процесса демократизации общества¹⁶⁵, новые информационные ресурсы Сети создают дополнительные возможности для формирования политической идентичности.

Кроме того, на фоне разнообразной палитры идентификационных ориентиров «приобщение к Сети» становится дополнительным критерием идентификации, разделяя общество на тех, кто имеет доступ к информационному пространству и тех, кто в силу разных причин исключен из него. Не исключено, что данный маркер может приобрести политическое значение.

¹⁶³ Бондаренко Д. Блогер, выпросивший у Путина рынду, закрыл свой «Живой Журнал» // Официальный сайт газеты «Ведомости» (<http://www.vedomosti.ru/opinion/news/2010/08/06/1076122>).

¹⁶⁴ Сибирские блогеры просят земляков во время переписи указывать национальность «сибиряк» (<http://www.polit.ru/news/2010/09/07/sibiryak.html>).

¹⁶⁵ Чугунов А.В. Теоретические основания концепции «Информационного сообщества»: Учебно-методическое по курсу «Интернет и политика» // Каф. Политологии философского факультета СПбГУ, 2000.

СТРУКТУРА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Категория идентичности имеет онтологически и семантически двойственное значение. Она олицетворяет собой два разные и, на первый взгляд взаимоисключающие качества – тождество и уникальность. Тождество определённому классу объектов и уникальность в пределах этого класса. Для коллективных образований идентичность является тем «цементирующим материалом», который превращает совокупность отдельных субъектов в целостную общность, способную к абстрактной или практической персонификации.

Обращение к категории идентичности в международно-политических исследованиях имеет преимущественно эмпирические истоки. Когда схемы объяснения поведения государств, основанные на структурном детерминизме или рациональном соотношении расходов и выигрышей, обнаружили свою аналитическую ограниченность, возникла необходимость в альтернативных мотивационных концепциях, которые бы позволяли анализировать решения государств, не обусловленные структурными императивами или рациональным выбором. Категория идентичности представляла собой одну из наиболее оптимальных альтернативных концепций такого рода ввиду её онтологической самостоятельности и относительной целостности. Она не требовала дополнительных промежуточных деноминаторов и могла сама по себе выступать мотивационной силой без привязки к структуре системы или соотношению материальных потенциалов.

Концептуализация категории идентичности в теории международных отношений происходила главным образом путём её сопоставления с другими мотивационными факторами, преимущественно с категорией национальных интересов, а предметом рассмотрения выступал её функциональный аспект – значение идентичности для анализа внешней политики, механизм её влияния на принятие решений, её роль в определении допустимых опций и формировании предпочтений и т.д. Вследствие этого долгое время среди исследователей преобладала объективистская монистическая трактовка идентичности, а выявление собственной сущности и структуры идентичности отходило на второй план. Идентичность представлялась как некая характеристика или преференция субъекта, которая в результате воздействия некоторых факторов становится в отдельном конкретном контексте ключевым элементом внешнеполитического позиционирования государства (но не обязательно ключевым элементом мотивации политического курса). При этом основная дискуссия велась в направлении включения категории идентичности в рамки ведущих теоретических парадигм, поэтому становления автономной теории идентичности, по сути, не произошло.

Монистическая трактовка также повлекла за собой уклон в сторону констатирования множественности идентичностей субъекта. Восприятие идентичности как «единичной» характеристики закономерно приводило к наблюдению, что любой субъект, тем более коллективный, наделён набором различных свойств и, следовательно, набором различных идентичностей. Это, в свою очередь, требовало, во-первых, упорядочивания, типологизации идентичностей в зависимости от характеристик и уровней, к которым они относились, а во-вторых, чёткого механизма их сочетания и взаимодействия. Однако по мере конкретизации данный подход стал тяготеть к одной из двух крайностей – либо «распыляться» на бесконечное множество одновременно сосуществующих

идентичностей, поддающихся изучению только в заданном историческом контексте, что исключает возможность теоретического обобщения, либо уходить в сферу абстрактного теоретизирования и выработать строгие формальные модели или типологизации, которые, в конечном итоге, выносят за скобки те вариации идентичностей, которые не вписываются в разработанную модель. Так, в работе А.Вендта утверждается, что идентичность не является «унитарным феноменом, которому можно дать общее определение», а, скорее, нужно вести речь о нескольких типах идентичности¹⁶⁶. Четыре типа описанных им идентичностей выступают «идентичностями тождества», призванными обозначать принадлежность субъекта к некоторому классу или виду общностей, но не оставляют места для «идентичностей уникальности» субъекта в пределах этого класса.

Проблемой большинства исследований, сфокусированных на элементах тождественности, является дефицит критериев определения того, какие именно элементы тождественности из всех формальных или неформальных случаев принадлежности к какому-либо классу выступают составляющей политической идентичности. Например, для стран с длительной историей государственности нет необходимости активно утверждать факт своей принадлежности к классу независимых государств, тогда как для стран, сравнительно недавно ставших независимыми, эта необходимость является насущной и во многом влияет на формирование идентичности в целом. Ещё одним типичным примером данной проблемы являются исследования региональной идентичности государств. Зачастую государства географически принадлежат к нескольким различным регионам, однако далеко не все такие принадлежности находят своё выражение в их идентичности. Поэтому автоматически рассматривать все объективные факты принадлежности к тем или иным регионам как самостоятельные и равноценные в структуре идентичности государства не представляется возможным.

Ещё одной немаловажной проблемой для монистического подхода стало определение иерархии идентичностей различного типа, которая, как правило, выводится из общей иерархии объектов тождественности либо по функциональному признаку, либо в соответствии с градацией социальных общностей. И тот, и другой принцип, в конечном счёте, зависит от того, какие именно функциональные или социальные модели берутся за основу, а это опять-таки чревато нивелированием особенностей, которые не вписываются в выбранную модель.

Утверждению плюралистического подхода к идентичности как к унитарному феномену и повышению интереса к её внутренней структуре способствовали как особенности теоретической разработки этой категории, так и аналитические задачи, которые возникали в процессе её эмпирической операционализации. Среди них следует выделить три главных фактора. Во-первых, проблематизация динамического аспекта идентичности и её трансформации во временном отношении привела к переосмыслению монолитной природы идентичности. Необходимость согласовать устойчивость идентичности как базовое свойство, отличающее её от других источников мотивации, с возможностью её модификации с течением времени дала импульс формулированию многоуровневых моделей внешнеполитической идентичности. В них, как правило, выделяется базовый уровень, обладающий наибольшей устойчивостью вследствие его углубленной седиментации¹⁶⁷, и один

¹⁶⁶ Wendt A. *Social Theory of International Politics*. 10th edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 224.

¹⁶⁷ В международно-политической науке этот термин активно употребляется представителями Копенгагенской школы международных отношений, в частности, в работах

или несколько производных уровней, более подверженных изменениям, но в меньшей степени влияющих на стабильность идентичности в целом. Какие именно компоненты составляют базовый уровень идентичности, зачастую зависит от эмпирической направленности исследования. Представители Копенгагенской школы международных отношений относят к нему соотношение между понятиями «государство» и «нация»¹⁶⁸. Г. Флинн определяет его как набор принципов, качеств и ценностей, которые формируют социальную связь между гражданином и государством¹⁶⁹. В любом случае речь идёт о тех фундаментальных элементах социальной реальности, без которых субъект (в данном случае - государство) не может существовать как целостное сообщество с присущей ему организацией.

Во-вторых, радикальный поворот в анализе внешнеполитической идентичности произвело развитие дискурсивного подхода к исследованию международных отношений. Благодаря ему существенно усилилось субъективистское течение в изучении идентичности, понимание её конструированной природы, а также интерес к субъектам, инструментам и процессу конструирования идентичностей. И, главное, речь сегодня идет о *концептуализации политической идентичности как «комбинации прочно установленных политических идей»*¹⁷⁰. Идеиные конструкции рассматриваются как ключевые составляющие идентичности, тогда как роль «внедискурсивных реалий» всё больше релятивизируется.

И, в-третьих, теоретическая интерпретация и эмпирическая демонстрация интересубъективного способа формирования политической идентичности и репродукции и актуализация феномена Инаковости (Othering), в первую очередь в работах И.Нойманна, позволили преодолеть доминирующее представление об идентичности как о сугубо конститутивной категории, не имеющей прямого казуального действия.

Вместе с тем, эти положительные сдвиги не привели к выработке относительно универсального теоретического видения структуры внешнеполитической идентичности. Необходимость в таком видении обуславливается двумя соображениями. Первое: понимание идентичности как целостной структуры, учитывающей всё её основные качества и уровни, необходимо для её методологически последовательного эмпирического анализа. В противном случае

О. Вэвер. В соответствии с этой трактовкой в данной статье седиментацию можно определить как своеобразное "укоренение", постепенное утверждение отдельных социальных конструктов в качестве естественных, неотъемлемых для конкретного сообщества данностей. В некотором отношении седиментация может показаться сходной с объективацией – утверждением социальных конструктов в качестве элементов объективной реальности в результате такового их восприятия определённым числом субъектов. Однако седиментацию отличают от объективации два ключевых признака – во-первых, некритичное отношение субъектов к седиментированным феноменам (что абсолютно необязательно в случае объективированных феноменов), а, во-вторых, отсутствие (либо наличие очень ограниченного числа) альтернатив, что является следствием задействования в их отношении логики надлежащего (logic of appropriateness).

¹⁶⁸ Waever O. European Integration and Security: Analysing French and German Discourses on State, Nation, and Europe // Discourse Theory in European Politics: Identity, Policy and Governance / Howarth D., Torfing J. (eds.). New York: Palgrave Macmillan, 2005. P. 39.

¹⁶⁹ Flynn G. French Identity and Post-Cold War Europe // Remaking the Hexagon. The New France in the New Europe / Flynn G. (ed.). Boulder: Westview Press, 1995. P. 236.

¹⁷⁰ Legro J.W. The Plasticity of Identity under Anarchy // European Journal of International Relations, 2009. Vol. 15, No. 1. P. 39.

сохраняется значительный риск игнорирования или недостаточного учёта тех аспектов идентичности, которые не рассматриваются в исследовании, но влияют на его результаты. И второе: сведение основных аспектов и компонентов внешнеполитической идентичности в единую структуру позволит сформулировать базовые исследовательские вопросы для становления самостоятельной теории идентичности в международно-политической науке.

В данной работе *внешнеполитическая идентичность определяется как набор взаимосвязанных исторически укоренённых принципов, направлений, целей и концепций, которые составляют основу субъектности государства, непосредственно ассоциируются с ним и обуславливают его самовосприятие и позиционирование в международной среде, то есть как совокупность таких установок, которые формируют идейную платформу его внешней политики.* Элементами идентичности являются дискурсивные конструкции, относящиеся к различным её аспектам.

Любая внешнеполитическая идентичность содержит исторический, репрезентативный и реляционный аспекты. *Исторический* аспект отражает отношение к основным событиям и персонажам истории государства, выделяя те из них, которые детерминируют современное состояние и организацию государства. *Репрезентативный* аспект обозначает те идеи, качества, принципы, ценности или модели, которые государство определяет как наиболее фундаментальные и на которых оно строит своё позиционирование в международной системе. *Реляционный* аспект закрепляет отношение к другим субъектам или общностям более высокого уровня, например, к макрорегиону или цивилизации. Степень каждого из указанных аспектов и взаимосвязи между ними могут варьироваться в различных случаях. Гипертрофированность исторического аспекта может ослабить репрезентативный, а конструирование особого отношения к соседнему государству может компенсировать недостаток исторических мифов или собственных репрезентативных позиций. При этом следует помнить, что каждый из этих аспектов может содержать как элементы тождественности, так и элементы уникальности.

Кардинальным отличием подобной плюралистической интерпретации является её акцент на взаимосвязи и взаимодействии различных элементов идентичности, которые не могут существовать в отрыве друг от друга. Трансформация одних элементов несёт неизбежные последствия для других. Это порождает внутреннюю противоречивость идентичности, но в то же время ведёт к более целостному пониманию не только структуры идентичности, но и процессов её репродукции.

Развивая многоуровневую модель идентичности, предложенную представителями Копенгагенской школы, можно предположить, что в структуре внешнеполитической идентичности присутствует базовый уровень, содержащий наиболее устойчивые и определяющие её элементы, и производные уровни, отражающие представления об организации международного окружения. От того, насколько глубоко государство включено в регулирование процессов на том или ином уровне международной системы, зависит структура его внешнеполитической идентичности. При этом структура идентичности имеет не только вертикальное, но и горизонтальное измерение: на каждом из существующих уровней присутствуют, как правило, несколько элементов с различной степенью взаимосвязанности.

Отсюда можно сформулировать два главные критерия, детерминирующие место того или иного элемента в структуре внешнеполитической идентичности: во-первых, степень седиментации, во-вторых, уровень международной системы, которому соответствует данный элемент. Отталкиваясь от представленного видения, можно сформулировать и основные факторы трансформации

идентичности. Поскольку поддержание идентичности зависит от готовности акторов к её воспроизводству, наличия механизмов воспроизводства (практик) и интерсубъективных особенностей её восприятия, то, соответственно, трансформация идентичности происходит вследствие изменений этих трёх факторов.

Трансформация идентичности возможна в двух магистральных направлениях – консолидации, то есть усиления существующей структуры и укрепления её целостности, и деформации, когда происходит её разбалансирование¹⁷¹. Ключевой переменной, определяющей направление трансформации, видится воля субъектов конструирования идентичности, которая, в свою очередь, задаётся мерой того, насколько их собственные позиции зависят от поддержания существующей структуры идентичности государства и насколько эта структура ограничивает их возможности для её изменения.

¹⁷¹ Bially Mattern J. The Power Politics of Identity // *European Journal of International Relations*, 2001, Vol. 7, No. 3. P. 362-369.

Часть II. Идентичность в глобализирующемся мире. Политическая идентичность и политика идентичности: акторы и стратегии

В.В. Лапкин,
ИМЭМО РАН

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Отвечая на вопрос анкеты, распространенной оргкомитетом нашей конференции, относительно того, каковы, на мой взгляд, приоритетные направления исследования идентичности, я назвал три:

1. Анализ *идентичности* в качестве ресурса современного развития;
2. Анализ процессов *реконфигурации* социальной и политической идентичности в эпоху глобализации;
3. И, наконец, довольно болезненную для отечественного исследовательского сообщества проблему трансформации российской идентичности, которая неизбежно сопровождает процессы модернизации общества, уточнение условий, масштабов и приоритетных направлений такой трансформации.

Три этих направления, на мой взгляд, тесно связаны между собой и достаточно точно задают тематическую рамку анализа формирования идентичности в условиях глобализации. Одна из возможных интерпретаций существа тех процессов, которые характеризуют глобализацию в последние два десятилетия, состоит в том, что именно в этот период модернизация становится универсальным императивом, обращенным ко всякому сообществу нашего сегодняшнего мира и предполагающим одновременную *универсализацию* идентификационных моделей и расширение спектра *составляющих идентичности*. Этот рецепт *понуждения к интенсификации развития* хорошо известен и ясно указывает на «движущую силу» этих процессов. Функциональная дифференциация и специализация в жестко регламентированных рамках универсальных стандартов – это то, что повсеместно устанавливает в качестве непреложного требования («платы за вход») *мировой рынок* в ходе своей неукротимой глобальной экспансии. В этом смысле идентичность, тем более, в контексте *политики идентичности*, предстает своего рода *стандартным набором маркеров*, коими глобальный рынок помечает своих *социальных агентов*, дифференцирует и стандартизирует их «функционал», формирует их «товарный вид» перед их продвижением на рынок. Столь же очевидно, что «имидж» сообщества, претендующего на присутствие в глобальном пространстве, – страны, церкви, нации, транснациональных бизнес-структур, племенной или «флэш-мобильной» группы, сообщества футбольных фанатов или национального землячества – равным образом выступает в той же роли более или менее эффективного средства продвижения этого сообщества на глобальный рынок, точнее, на те его специализированные «площадки», где формируется соответствующий потребительский интерес.

Рост внимания к теме и проблематике *идентичности* отражает углубление глобальных процессов отчуждения в обществе, процессов самоотчуждения индивида. Идентичность предполагает полагание противостояний «МЫ – ОНИ», «СВОИ (НАШИ) – ЧУЖИЕ». Снижение интенсивности самоидентификации индивидов со своими традиционными сообществами (от государства до конфессии

или структур родства) означает рост отчуждения от прежних социальных ролей и формирование запроса на иные ролевые паттерны. Социальная идентичность выступает сегодня мощным инструментом отъединения одних групп от других. По мере распада синкретичных форм идентификации, такое отъединение проникает в саму структуру современного индивида (рассматриваемого в качестве составляющего элемента целостного социального субъекта), форсируя процесс самоотчуждения индивида. Этой тенденции саморазрушения индивида через самоотчуждение противостоит *личностное начало* – основа универсальности человека. Именно личностная проекция раскрывает присущие *идентичности* смыслы и ресурсы развития, принципиально не обнаружимые в рамках парадигмы *экономического человека*.

Вся совокупность идентификационных ориентиров, представленных в глобальном коммуникационном пространстве (а сегодня его охват тотален и фактически не знает исключений), пребывает в состоянии перманентных радикальных преобразований. Вся система позиционирования индивида, формирующая его социальный габитус, теряет прежнюю определенность и становится объектом конструирования как со стороны самого индивида, так и со стороны разного рода субъектов социальной политики и политики идентичности.

Результатом этого являются социокультурные изменения, происходящие повсеместно и с невиданным ранее динамизмом и лабильностью, а вместе с тем – необратимое разложение многих прежде традиционных фундаментальных механизмов и способов поддержания идентичности. Иными словами, *состояние всеобщего кризиса идентичности становится нормой*.

Особенно болезненными оказываются процессы, связанные с разложением национальной идентичности, которая долгое время считалась неотъемлемым атрибутом современного национального государства, активно культивировалась и рассматривалась как доминирующая в своего рода иерархии идентификаций современного человека. Так, до недавнего времени, и, особенно, в западноевропейской традиции, религиозно-конфессиональная идентичность рассматривалась как в целом второстепенная и значимая прежде всего для не вполне модернизированных сообществ, более того, как маркирующая их несовременность.

Сегодня такая иерархия представляется довольно сомнительной. Усилия современных государств, отстаивающих свое право на сохранение и воспроизводство единого национального культурного пространства, наталкиваются на сопротивление двух основных разнонаправленных процессов. С одной стороны – это процессы культурного и информационного глобализма, унифицирующего идентификационные образцы и подменяющего устойчивую основу национально-государственного уровня идентификации повсеместно узнаваемыми символами, порождаемыми в глобальном информационном пространстве. А с другой – процессы разложения гражданской (национальной) солидарности под напором сепаратистских притязаний этнических, религиозных, языковых, субкультурных сообществ.

Тем не менее, в дальнейшем изложении я попытаюсь сделать акцент не столько на конфликтах, порождаемых глобализацией и сопутствующими ей новациями, сколько на изменениях общей структуры идентификационных ориентиров, что стало одной из ключевых характеристик эпохи глобализации.

Так, размывание классических паттернов национальной идентичности, провоцируемое процессами глобализации, формирует многочисленные новые, разнонаправленные тенденции идентификационных процессов. Если попытаться условно структурировать эти процессы, то на одном полюсе оказывается

пресловутое *всемирное гражданство* (в основе которого лежат универсальные нормы, правила и принципы, сформированные практиками глобального рыночного обмена и финансовых трансакций). А альтернативой ему выступают тенденции девальвации национальных ценностей и резкого усиления (а в определенном смысле – возрождения) за их счет значимости этнической, религиозно-конфессиональной, цивилизационной и других, прежде «вторичных», дополнительных идеалтипических моделей идентичности. При этом образ «классического» национально-территориального государства в качестве привлекательного объекта идентификации, надо признать, несколько тускнеет.

Вместе с тем, этот кризис национальной идентичности выдвигает на первый план ее гражданскую составляющую. Гражданская идентичность становится обоюдоострым оружием в процессах политической интеграции современного мира. Речь идет не только о «всемирном гражданстве» (как наиболее последовательном и «завершенном» отображении абстракции «мирового рынка»), но и, в частности, о европейском гражданстве (гражданстве Евросоюза), в случаях, когда права «граждан Объединенной Европы» вступают в противоречие с интересами граждан отдельных европейских стран, как это случилось с восточноевропейскими цыганами в Италии и Франции, что стало в итоге общеевропейской проблемой.

Этот, казалось бы, частный вопрос рельефно высвечивает существенно более значимые противоречия, возникающие в ходе формирования надцивилизационных идентификационных и интеграционных моделей. Проект Евросоюза, именно как проект, и был изначально попыткой создать такую модель. И не случайно в ходе его реализации последовательно формировались практики толерантности, политкорректности, мультикультурализма.

На сегодняшний день проект Евросоюза можно рассматривать как своего рода наиболее «продвинутой» образец интеграционной модели, имеющей, безусловно, общемировое значение. Очевидно, что любая модель надцивилизационной интеграции предполагает в качестве своего фундаментального принципа универсализм и потенциально ориентирована на глобальное пространство самореализации, а объектами интеграции в рамках такой модели могут стать, в конечном счете, любые культурно-цивилизационные образования современного мира. Конкретные особенности культуры и институциональной среды сообществ, включающихся в интеграционный процесс, с этой точки зрения могут влиять лишь на темп и нюансы процесса, но не на общий тренд преобразований.

Тем не менее, формирующиеся при этом универсальные практики и модели интеграции и идентификации имеют принципиально важное значение в решении многих ключевых проблем современного развития.

В частности, именно *в гражданской идентичности, которая лежит в основе реального политического самоопределения индивида, его самоотождествления с политической нацией*, современное общество пытается найти опору в противостоянии натиску как глобализма, так и его антипода – ксенофобии. Это обстоятельство особо значимо ввиду повсеместного обострения национальных чувств и подъема на этой волне националистических движений в развитых странах Запада, роста политической поддержки правых партий и радикально-националистических идейных группировок, равно как и нарастания радикальных настроений в большинстве проблемных регионов мира.

Стоит упомянуть и о проблемах, которые создают потоки инокультурной иммиграции, рассматривающиеся уже как угроза не только нынешнему и будущему экономическому и социальному благополучию, но и собственному уникальному культурному потенциалу развития принимающих сообществ, как фактор, реально

меняющий культурную физиономию этих сообществ. Вместе с тем, массовая миграция порождает сегодня парадоксальное сосуществование в рамках единой политической системы разнородных цивилизационных сообществ, характеризующихся принципиально различной культурой повседневности и полярными типами присущих им моделей самоидентификации. В результате в принимающих мигрантов странах растет потребность в интеграции сообществ «поверх» их национально-цивилизационной идентичности, в институциональном оформлении этих новых универсалистских форм идентификации (подобно тому как, в свое время, политическая рамка **нации** стала пресловутым «плавильным котлом» этноконфессиональных идентичностей). Иными словами, растет потребность в конструировании над-цивилизационных политических интеграционных моделей.

Это последнее обстоятельство заслуживает особого внимания. Картина сегодняшнего последовательного и стремительного размывания национальной идентичности, со всей очевидностью наблюдаемая с «классических» для Нового времени позиций государства-нации – с иных позиций выглядит скорее как формирование альтернативных идентификационных ориентиров, преимущественно цивилизационной природы. Симптомы этой начавшейся во всем мире трансформации, собственно, и побудили в свое время С.Хантингтона выступить со своей знаменитой концепцией *столкновения цивилизаций*, составляющего, по его мнению, основное содержание мировой политики этой новой эпохи.

Ей, казалось бы, соответствует повсеместно наблюдаемая активизация устремлений многочисленных периферийных регионов реализовать претензии на собственную культурную и цивилизационную самобытность. А также – сегодняшнее драматическое расщепление понятия *национального*, которое в зависимости от контекста может прочитываться как атрибут государства-нации, а может наполняться этническими и даже примордиальными коннотациями.

Но, с другой стороны, для значительного числа регионов незавершенной модернизации все более притягательными становятся наряду с традиционными «национальными» **универсалистские модели самоидентификации**. Анализ причин этого вновь побуждает возвратиться к проблемам и движущим силам развития интеграционного проекта Евросоюза. Прежде всего – к осмыслению особенностей природы так называемой западноевропейской цивилизации, которая, на мой взгляд, существенно отличается от всех прочих, так или иначе традиционных цивилизаций. Эта особенность очевидна не только при анализе того, как с культурно-цивилизационных позиций происходило формирование Евросоюза, включение в него стран Южной, а затем и Восточной Европы, а также того, как сейчас видятся приоритеты интеграции инокультурных сообществ в Евросоюз, как трансформируется дискурс общеевропейской идентичности.

Наиболее точно эта особенность может быть обозначена с учетом той принципиальной «мутации» западноевропейской цивилизации, результат которой и зафиксирован в представлениях о **современном обществе**. В их основе лежат культурные принципы и институциональные механизмы, выработанные в процессе формирования тотально коммерциализированного общества и дополненные позднее, в качестве условного компромисса, так называемой социальной политикой. Условность и ограниченность возможностей этого компромисса видна на примере политики стран Евросоюза в условиях современного кризиса, имея в виду то, что именно социальная политика оказывается первой в перечне тех жертв, которые приносятся в интересах финансовой стабилизации и политического престижа Евросоюза в современном мире... *Нынешнее повсеместное распространение этой социальной модели (по-прежнему, как правило, сначала – ее практик*

коммерциализации, и лишь спустя некоторое время – ее приложений в сфере социальной политики) неизбежно влечет за собой специфические формы идентификационной трансформации, изучение которых является задачей, заслуживающей самого пристального внимания нашего исследовательского сообщества.

Намечу лишь одну из множества связанных с этим исследовательских проблем. Оценивая в целом процесс трансформации идентичности, сопряженный с модернизационными переменами, стоит обратить внимание на две принципиально различные его интерпретации. В одном случае завершением этого процесса видится неизбежная и закономерная смена идентичности модернизирующегося общества. В другом – исходя из представления о **многосоставности** идентичности, допускается возможность *неконфликтного (или ограничено конфликтного) соприсутствия* в социальной идентичности современного индивида разнообразных ее составляющих, формирующихся в условиях современного мира. Именно последний подход, на мой взгляд, позволяет *рассмотреть и исследовать возможность совмещения императивов модернизации и глобализации с сохранением основ культурной идентичности конкретного сообщества, возможность обеспечить воспроизводство и преемственность культурной традиции*. Только на этом пути меняющаяся идентичность может стать ресурсом развития общества.

Такой представляется проблемная среда изучения идентичности в условиях глобализирующегося мира.

**Н.В. Загладин,
ИМЭМО РАН**

КОНФЛИКТ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Идентичность большинства людей современного мира носит сложный, составной, многоуровневый характер. При этом различные «уровни» идентичности далеко не всегда гармонично сочетаются друг с другом. Например, человек может считать себя патриотом своей страны, однако, ставя на первый план интересы семьи, личного благополучия, он вполне может решиться уехать за границу на постоянное место жительства, даже осознавая, что его знания нужны на родине. В субъектах РФ на Северном Кавказе нередко возникают ситуации, при которых люди, которые считают себя добропорядочными и законопослушными гражданами, прибегают к насилию, идентифицируя себя с интересами и традициями своих кланов (тейпов и т.д.).

В эпоху глобализации к уже четко определившимся на уровне национальных государств коллизиям идентичностей различного уровня угрожают добавиться новые противоречия. Они могут возникать между людьми, считающими себя «гражданами мира», и индивидами, рассматривающими себя как патриотов «своего» государства, религии или этнонациональной общности.

Четкого, общепризнанного определения идентичности «гражданина мира» нет. Однако, как правило, таковым считается человек, полагающий высшим приоритетом решение тех или иных проблем, важных для всего человечества или его большинства. Некоторые из «граждан мира» сосредотачивают свою политическую активность на вопросах экологии. Это подразумевает борьбу с загрязнением окружающей среды промышленными и бытовыми отходами, за переход к экологически «чистым» производствам и запрещение использования потенциально опасных технологий (в частности, генной модификации пищевых продуктов), за

сохранение естественной среды планеты – прекращение вырубki лесов, промысловой добычи редких представителей фауны.

Другие «граждане мира» сосредоточены на защите общегуманистических идеалов. Это предполагает очень широкий спектр требований, в частности, в области защиты прав человека. Гуманитарные НПО добиваются отказа от использования смертной казни и пыток, оказывают помощь беженцам из зон конфликтов, поддержку беднейшим странам в развитии образования, систем здравоохранения, содействуют в преодолении последствий природных катастроф, в борьбе с эпидемиями, выдвигают требования запрещения использования «негуманных» видов оружия, защищают права сексуальных и иных меньшинств.

Наконец, многие «граждане мира» поддерживают требования перемен политического и социального характера на глобальном уровне: выступают за изменение модели глобализации (альтерглобализм), осуждают политику мировых лидеров и международных организаций как отвечающую, прежде всего, интересам транснациональных корпораций и банков (ТНК и ТНБ), призывают решить проблемы развития, бедности и т.д.

Судя по данным опроса общественного мнения, проведенного в 2009 г. в 45 странах, в которых проживает более 2/3 населения Земли, в среднем 66% людей в первую очередь считают себя гражданами своих государств, 10% в первую очередь воспринимают себя «гражданами мира», 20% – сочетают приверженность общечеловеческим ценностям с национальной идентичностью. При этом в различных странах показатели не совпадают. Наибольший процент людей, считающих себя в первую очередь «гражданами мира», оказался в Германии и Италии (19% и 21%)¹⁷².

Разумеется, полностью доверять всем этим опросам нет оснований. Показательно, что в комментарии к упоминавшемуся опросу отмечается, что, согласно ранее опубликованным данным, «гражданами мира» считает себя 72 % населения Земли, что не получило подтверждения¹⁷³. Действительно, очень многое зависит от того, как сформулирован вопрос, понимает ли респондент, что национально-государственные интересы могут мешать осуществлению мер, которые необходимы для решения глобальных проблем современности.

Во многих странах большинство опрошенных не видят противоречия между национальной идентичностью и восприятием себя в качестве «гражданина мира». Это, в частности, относится к таким крупным государствам, как Франция, Китай, Италия, Индия, Мексика (соответственно, 51%, 50%, 48%, 46%, 44%)¹⁷⁴. Иначе говоря, большинство граждан этих стран в принципе согласны с проводимой правящими кругами политикой, считают ее в основном отвечающей как интересам решения глобальных проблем современности, так и национально-государственным интересам.

Применительно к государствам Евросоюза это не вызывает удивления. Гуманистическая, экологическая направленность политики стран ЕС во многом выступает здесь своего рода эталонным образцом. Можно констатировать, что ориентированные на экологические цели и гуманитарные акции «граждане мира», живущие в странах Евросоюза, в целом имеют основания одобрять такой курс по

¹⁷² Likely to See Themselves as Global Citizens: Global Survey. (http://www.worldpublicopinion.org/pipa/articles/views_on_countriesregions_bt/608.php).

¹⁷³ (http://www.worldpublicopinion.org/pipa/articles/views_on_countriesregions_bt/608.php).

¹⁷⁴ Ibid.

довольно широкому спектру вопросов. Но в США ситуация не столь однозначна. Так, согласно данным опросов, 73% американцев считают себя гражданами мира и одновременно – гражданами Соединенных Штатов. В то же время, эти же 73% положительно оценили Киотский протокол, содержащий обязательство ограничить выброс в атмосферу парниковых газов, к которому Вашингтон не присоединился. К этому можно добавить, что 67% американцев признают, что Америка ответственна за значительную часть загрязнения отходами окружающей среды и избыточное потребление, 91% опрошенных согласны с тем, что при этом не учитываются интересы будущих поколений, 88% – считают, что необходимо изменить образ жизни и потребления¹⁷⁵. Тем не менее, теоретически осуждая собственный образ жизни и отдельные действия своего правительства, на практике американцы не проявляют желания прибегать к массовым протестным действиям, чтобы способствовать решению экологических проблем.

В какой-то мере это объясняется тем, что, проголосовав за Б. Обаму, обещавшему уделить особое внимание вопросам экологии и глобальным проблемам современности на выборах 2008 г., граждане США заняли затем пассивную, выжидательную позицию. Это во многом объясняется глобальным кризисом, повлекшим смену приоритетов развития.

Неоднозначно обстоит дело и с правозащитной, гуманитарной деятельностью. Как правило, она пользуется высоким авторитетом и поддержкой в странах Запада, одобряется международными организациями, в том числе ООН. Осуществляющие ее НПО имеют филиалы во многих государствах. Так, известная международная организация «Эмнести интернэшнл» (офис в Лондоне) имеет всего 320 штатных работников, но при этом численность ее добровольных активистов, действующих в 140 странах мира, превышает 1 млн. чел¹⁷⁶.

Однако если правозащитные НПО и их активисты исходят из принципиальных соображений, то отношение к ним правительств, в том числе и стран Запада, носит сугубо прагматический характер. Деятельность НПО встречает поддержку СМИ, государственных институтов, дипломатии, когда она направлена на изменение положения в странах, которые рассматриваются как недружественные. В то же время, если осуждению подвергается политика государств НАТО (в частности, заключение без суда и следствия лиц, заподозренных в причастии к терроризму на базе Гуантанамо, и иных тюрьмах ЦРУ вне территории США), или же разоблачается причастность американских военных к жестокому обращению с военнопленными и гражданскими лицами в Ираке и Афганистане, это вызывает недовольство властей.

Иначе говоря, последовательное, исключаящее практику «двойных стандартов» следование общегуманистическим нормам «гражданина мира» в какой-то мере вызывает у людей, считающих приоритетной для себя подобную идентичность, коллизию с практической политикой, подразумевающей следование принципу: «Права моя страна или нет, но эта моя страна». Этот принцип внедрялся в сознание американцев в годы войны во Вьетнаме, вызывавшей массовые протесты. Он и сегодня внедряется, хотя более гибко – в форме претензий США и союзных им стран на осуществление мирового лидерства – со ссылкой на то, что альтернативой будет мировой хаос.

¹⁷⁵ U.S. Public Opinion Survey Results on the Environment, Trade, and Campaign Finance Reform. (<http://www.globalstewards.org/survey.htm>).

¹⁷⁶ Степаненко В. Глобальное гражданское общество: концептуализации и посткоммунистические вариации. Социология: теория, методы, маркетинг, 2005, № 2. С. 158.

Убежденность в правомерности такой постановки вопроса в какой-то мере снимает конфликт между идентичностями «гражданина мира» и ориентацией на более узкий национально-государственный интерес в странах Запада. Исключением являются лишь те граждане, которые разделяют ценности антиглобализма и альтерглобализма и, по сути дела, выступают антисистемной, дестабилизирующей собственное общество силой. Однако таковых не так уж много.

Более важной и сложной проблемой выступает усугубляемая по мере роста числа сторонников «мирового гражданства» проблема конфликта цивилизаций. По мнению С.Калла, директора аналитического центра «Уорлд паблик опинион», число людей, обладающих менталитетом «гражданина мира», будет возрастать. В пользу этого утверждения он приводит два аргумента. Во-первых, судя по данным опросов, доля людей, относящих себя к «гражданами мира», больше среди молодежи, чем среди пенсионеров (в среднем по миру – 34% и 24%). Соответственно, со сменой поколений широта кругозора людей будет возрастать. Во-вторых, международный туризм получает все более широкое распространение, а среди людей, посетивших зарубежные страны, доля «граждан мира» намного больше, чем среди «домоседов» (47% и 29%)¹⁷⁷.

Почему в данном контексте ставится вопрос о конфликте цивилизаций? Т.Каротерс, один из руководителей Фонда Карнеги, считает, что идентичность «граждан мира» сложилась в странах Запада и, хотя она получила определенное распространение в незападных странах, связанные с ней ценности вызывают в последних возрастающее неприятие¹⁷⁸. Социологические опросы подтверждают эту точку зрения. Так, например, в исламских странах граждане очень далеки от признания приоритетности глобальных проблем современности. На вопрос о том, с какими ценностями они себя идентифицируют, были получены следующие ответы: с исламскими – 39%, с гражданством своей страны – 32%, с арабской солидарностью – 25%, со статусом «гражданина мира» – 4%. Примерно так же распределились и ответы на вопрос, на базе каких интересов должна проводиться государственная политика.¹⁷⁹

Эти данные не внушают оптимизма. С одной стороны, становление идентичности «гражданина мира» в незападных странах (поддерживаемое военно-политическим, информационным давлением со стороны держав Запада, образованием национальной элиты) способно стимулировать и углубить внутренние конфликты в обширных регионах мира. С другой – вполне возможно, что со временем, с ростом влияния в мировом развитии государств Востока (Китая, Индии, стран исламского мира) рожденные их культурой и традициями подходы к решению глобальных проблем современности приобретут общепланетарное значение. Если учитывать динамичный характер их развития, ждать подобного хода событий осталось недолго. Но в этом случае их влияние на формирование идентичности «невосточных» стран существенно возрастет (и уже растет – с ростом потока мигрантов). В свою очередь, это способно обострить конфликт идентичностей и в странах Запада.

Конфликт идентичностей характерен именно для современного мира, косвенным доказательством этого является рост числа психических заболеваний.

¹⁷⁷ (http://www.worldpublicopinion.org/pipa/articles/views_on_countriesregions_bt/608.php).

¹⁷⁸ Каротерс Т. Критический взгляд на гражданское общество (<http://www.academy-go.ru/Site/GrObsh/GrObsh-Publ.shtml>).

¹⁷⁹ (<http://www.globalstewards.org/survey.htm>).

Такой конфликт вызовет, как минимум, рост внутренней противоречивости и непредсказуемости поведения людей. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), примерно каждый четвертый житель Земли сталкивается в своей жизни с проблемой расстройства психики, 450 миллионов человек страдают от психических заболеваний. Ежедневно на их почве 3 тыс. человек кончают жизнь самоубийством, это число за последние 50 лет возросло на 60%.¹⁸⁰ Но не исключено, что *это скажется и на росте внутренней политической нестабильности большинства государств современного мира.*

Судя по опросам, для России проблема конфликта «планетарной» и «национальной» идентичностей пока не очень актуальна. По данным ФОМ, полученным в 2007 г. (возможно, после глобального кризиса эти показатели изменились), свыше половины россиян вообще не слышали о глобализации или не знают, что это такое. Среди тех, кто знаком с данным понятием (44% опрошенных), лишь 1% слышал об антиглобалистах, «мешающих саммитам», менее 1% знают о глобальных проблемах экологии¹⁸¹. Что касается ориентации на общегуманистические, демократические ценности, то, по данным ВЦИОМ (опрос 2010 г.), большинство граждан – 72% против 16% – полагают, что «порядок» (естественно, обеспечиваемый «сверху») важнее демократии. Однако, с учетом того, что среди молодежи 18-24 лет приверженность ценностям демократии выше (23%)¹⁸², можно ожидать, что в перспективе Россию, как и страны Запада, ожидает некоторое увеличение доли людей, воспринимающих себя в качестве «граждан мира».

**С.П. Перегудов,
ИМЭМО РАН**

КОНСОЛИДАЦИЯ ГОСУДАРСТВА, ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЕ ПРАВЛЕНИЕ

Современная российская политология рассматривает консолидацию государства прежде всего с точки зрения прочности уз, связывающих политическое сообщество в целостное, гомогенное образование, во многом определяющее его место в системе международных, межгосударственных отношений¹⁸³.

Я пытаюсь рассматривать консолидацию под иным углом зрения, а именно как фактор, серьезно влияющий на внутривнутриполитическое развитие и характер режима. Цель этого подхода – выявлять качественные характеристики консолидации, формы и методы ее реализации и то воздействие, которое они оказывают на политическую систему в целом и представительные учреждения, в частности. При ближайшем рассмотрении оказывается, что выяснить эти вопросы можно, лишь установив, каким образом консолидация государства корреспондирует с политической идентичностью и как они друг с другом соотносятся.

Исследующий становление представительного правления известный британский политолог профессор Джон Кин пишет в своей последней книге, что

¹⁸⁰ (<http://www.myasha.org/node/12>).

¹⁸¹ (http://bd.fom.ru/report/cat/inter_pol/glob_a/d072421).

¹⁸² (<http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=13394>).

¹⁸³ Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Мельвиль А.Ю. Формирование новых государств: внешние и внутренние факторы консолидации // Полис, 2010, № 3. С. 26 - 39.

процесс консолидации европейских народов в нации, который он называет «борьбой за национальную идентичность», привел уже в XVIII в. «к далекоидущим антиаристократическим последствиям», а осознание национальной идентичности явилось «базовой предпосылкой культивирования представительной демократии»¹⁸⁴.

Так бывает, однако, не всегда, и ситуация, которую описывает Кин, – это лишь один из вариантов развития политической консолидации. При этом варианте вначале формируются влиятельные социальные группы или страты из «верхних» слоев общества, и по мере роста их самостоятельности и политического веса они создают представительные органы власти, главными из которых становятся парламенты. В ходе становления гражданского общества и национальной идентичности представительные учреждения обретают все более демократический характер, и утверждается система представительной демократии, типичным примером которой является так называемая Вестминстерская модель.

Национально-государственная консолидация, таким образом, выступает здесь наряду с национальной идентичностью и представительной демократией одним из элементов триады. Лишь взятые вместе, они создают современное демократическое государство.

Но существовал и существует и другой тип связей и взаимодействия между государственной консолидацией, с одной стороны, и характером общественных отношений – с другой. При этом варианте политическая консолидация осуществляется в таких формах, которые подавляют общественную активность, причем не только «низов», но и «верхов», что резко замедляет и даже блокирует процесс становления гражданского общества и препятствует становлению национальной идентичности в ее демократическом варианте.

Типичный пример здесь – Россия, и я не могу удержаться от того, чтобы не подтвердить сказанное словами такого авторитетного «свидетеля» и «действующего лица» российской политики, как Иван Грозный. В своем письме князю Андрею Курбскому, датированном 1564 г. (позади уже было покорение Казанского ханства, а впереди, буквально через год – опричнина) он так характеризовал отличие систем государственного управления в Европе, где уже произошла протестантская реформа, и России: «А о безбожных народах что и говорить! Там ведь у них цари своими царствами не владеют, а как укажут им их подданные, так и управляют. А русские самодержцы изначала сами владеют своим государством, а не их бояре и вельможи!»¹⁸⁵. Не менее любопытно и его послание английской королеве Елизавете I (1570 г.), которую он довольно бесцеремонно упрекает в отсутствии все той же державности: «Мы думали, что ты в своем государстве государыня и сама владеешь и заботишься о своей государевой чести и выгодах государства... Но, видно, у тебя, помимо тебя, другие люди владеют, и не только люди, а мужики торговые... Ты же пребываешь в своем девическом звании, как всякая простая девица»¹⁸⁶.

Из сказанного может возникнуть впечатление, что все дело здесь – в традициях «русской власти», пассивности общества, «забитости народа» и «русской самобытности» вообще. Думаю, однако, что не меньшую роль играла и та российская державность, которая возникла в связи с превращением Московского царства в империю. Хотя Иван Грозный и называл себя «царем», в

¹⁸⁴ Keane J. The Life and Death of Democracy. L., 2009, P. 559-560.

¹⁸⁵ Иван IV Грозный. Сочинения. СПб, Азбука-классика. 2008. С. 40.

¹⁸⁶ Так же. С. 106.

действительности он уже был императором, а Россия после завоевания им Казани, Астрахани, других поволжских, северных и южных народов перестала быть национальным государством. Причем это не была империя типа Британской и ей подобных, это было *государство-империя*, и как таковое для своего сохранения и расширения оно требовало именно самодержавного, автократического правления.

При всей отсталости большей части народов, входивших в империю, они не были лишены сепаратистских устремлений, и имперская власть, опиравшаяся на державную психологию верхов общества, да и не только верхов, прекрасно сознавала это. Консолидированное многонациональное государство держалось на силе и только силой могло сохраняться.

Конечно, здесь также формировалась национальная идентичность, и не только у русских, но и у грузин, армян, азербайджанцев, узбеков и целого ряда других народов, входивших в империю (не говоря уже о поляках, финнах и других восточноевропейских нациях). Но все эти идентичности были «консолидированы» в единое государство-империю, не имевшее ничего общего с национальным государством и национально-государственной идентичностью. Существовала и культивировалась, конечно же, и та или иная степень государственной идентичности (православие, соборность, самодержавие, народность), были и реальные скрепы на элитарном уровне. Но центральным звеном этих скреп оставалось самодержавие, причем не только и не столько как идеология, но как фактор силы, и в том числе военной.

В этих условиях не могла возникнуть не только представительная демократия, но и представительное правление. Благодаря реформам Александра II и в силу «естественного хода вещей» здесь возникли и партии, и представительные учреждения, главным из которых явилась Государственная Дума. Однако, при всей ее «задиристости» она носила совещательный характер и реальной властью, как известно, не располагала. Даже такой слабый царь, как Николай II, до последнего держался за свои императорские прерогативы и так и не согласился на «ответственное» (перед Думой) правительство.

Февральская и Октябрьская революции 1917 г., обрушившие консолидирующий режим самодержавия, породили мощную центробежную волну национальных движений, которые вполне могли бы привести к распаду империи. Однако овладевшие государственной властью большевики силой оружия подавили эти движения и вновь консолидировали все входившие в дореволюционную Россию нации и народности (за исключением Польши и Финляндии) в единое (хотя и называвшееся союзным) государство. Консолидация эта оказалась успешной не в последнюю очередь потому, что обеспечивавший ее режим оказался еще более жестоким, нежели режим самодержавия. Созданное же сверху «народное представительство» оставалось лишь ширмой, прикрывавшей полное бесправие «советского человека».

Сыграли, конечно, свою роль и усилия по идеологической индоктринации населения, формированию наднациональной, «советской» идентичности. Однако по мере «старения» режима начался подспудный рост новых центробежных тенденций и устремлений. И стоило М.Горбачеву ослабить консолидирующую хватку центральной власти, как «империя» распалась, и на этот раз уже окончательно.

Я полностью поддерживаю точку зрения тех аналитиков, которые считают этот распад в сложившихся обстоятельствах неизбежным. Другое дело, что отношения между новыми независимыми государствами могли складываться по-разному, и не обязательно так, как это происходило в 1990-е годы и происходит в 2000-е годы. Но это уже иной вопрос, выходящий за рамки темы.

Главный смысл произошедшего заключается в том, что наднациональная «советская» идентичность оказалась недостаточно прочной, и, как и вся идеологическая база режима, подверглась коррозии, тогда как этнонациональные идентичности укреплялись. В результате консолидация многонационального государства все в большей степени опиралась на власть и силу. И то, что в ходе «перестройки» находившиеся в распоряжении властей войска не были пущены в ход или, точнее, их пытались лишь «опробовать» в Прибалтике и на Кавказе, – было фактором, обеспечившим мирный «развод».

Конечно же, и с точки зрения методов консолидации государства и особенностей формирования наднациональной и этнонациональных идентичностей, Россия никакое не исключение, и для полноты картины я хотел бы остановиться на двух «кейсах» автократической консолидации, которые имеют не только много общего, но и существенно отличаются друг от друга и по своему характеру, и по своим возможным последствиям.

Первый кейс или тип такого рода консолидации, в чем-то сходный с российским-советским, практикуется в современном Китае. Здесь также множество наций и народностей, причем проживающих на компактных и достаточно больших территориях. Это не только китайцы, но и тибетцы, монголы, уйгуры и ряд других больших и малых народов (всего «55 узаконенных нацменьшинств») ¹⁸⁷. И удерживаются они, или, по крайней мере, некоторые из них, в рамках единого государства далеко не только «всем набором как традиционных черт, составляющих образ китайской идентичности», и «благоприобретенными качествами великой модернизированной державы» (как пишет в своей статье В.А.Корсун) ¹⁸⁸. Отнюдь не последнюю роль здесь играют все те же автократические методы консолидации (вспомним хотя бы Тибет). Но как бы ни эффективны были сейчас эти методы, они вряд ли смогут сохраняться бесконечно долго. Не беря на себя смелость прогнозирования политического будущего этой страны (да и вряд ли кто даже из хорошо знающих Китай специалистов решился бы такой прогноз сделать), могу лишь предположить, что развитие это не остановится на «достигнутом» и не пойдет по пути копирования уже существующих «образцов». Возможно, китайским руководством будет в конце концов найден, согласно с «идентичностью с китайской спецификой», свой собственный метод сочетания национальной консолидации и эффективного государственного управления.

Хотелось бы, однако, обратить внимание на следующее. Сейчас ведется довольно много разговоров о различных видах демократии и большом своеобразии ее различных вариантов. И с такой постановкой вопроса нельзя не согласиться. Но я хотел бы подчеркнуть и другое. Никакая реальная, эффективная система демократического правления не может обойтись без того, чтобы в центре ее не оказались институты представительной демократии, т.е. партии, выборы, полномочные представительные учреждения и их лидеры.

Представление, будто это все – «западное изобретение», а процесс внедрения представительной демократии – «догоняющее развитие», не соответствует действительности и опровергается уже тем фактом, что правление это приобрело универсальный характер, оно в той же мере является европейским, американским,

¹⁸⁷ Корсун В.А. Идентичность с китайской спецификой // Полис, 2008, № 3. С. 76.

¹⁸⁸ Там же. С. 76-78.

латиноамериканским, азиатским автократическим, тихоокеанским и т.д. и т.п.¹⁸⁹. Его преимущества и недостатки также примерно одни и те же во всех этих странах, разница лишь в соотношении тех и других. Недаром даже автократические режимы вынуждены имитировать основные элементы этого правления, что, однако, не делает его реальным.

Другой «кейс», который не менее значим и интересен – это Куба и Вьетнам, где политические режимы примерно того же типа, что и в Китае, но существуют они не в многонациональном государстве, а в государствах-нациях. Казалось бы, это все тот же случай авторитарной консолидации, однако в действительности между ними есть принципиальная разница, и заключается она в том, что здесь практически исключен риск распада страны на тот случай, если начнется переход от имитационного к реальному представительному правлению. Это не значит, что такой переход может реализоваться безболезненно, особенно если произойдет раскол общества и элиты. Но в любом случае, повторяю, это не приведет к распаду страны (как это произошло в СССР и Югославии), и она сохранится как единое государство. Осознание этого факта дает и «верхам», и «низам» гораздо большую степень свободы и, соответственно, возможности перехода от одной, автократической модели консолидации к другой – демократической.

В том, что это действительно так, мы можем легко убедиться, обратившись к истории режимных трансформаций в целом ряде стран Латинской Америки, Азии и к совсем недавним примерам бывших соцстран и советских республик Восточной Европы. В первом случае это были трансформации от режимов личной власти (правления «Каудильо» и других форм «персонализма») к представительному правлению¹⁹⁰, во втором – к тому же правлению, но уже от «демократии социалистической». Конечно же, и в том, и в другом случае немалую роль играли и другие факторы, включая и географию, и традиции. Но «дамоклов меч» распада государства не висел и не висит ни над одним из них, и это серьезнейшая предпосылка успеха, путь продвижения к представительной демократии без кавычек.

Если теперь вернуться к России и к ее проблемам, то, несмотря на произошедший в 1991 г. распад СССР и демократические реформы, переход к реальному представительному правлению здесь так и не состоялся. Барьер системной трансформации, который нужно было для этого преодолеть, оказался слишком высоким, и ни власть, ни общество к такому прорыву оказались не готовы. Больше того, барьер этот в 2000е гг. не стал ниже, и даже подступы к нему внушают многим из власть предержащих, и не только им, серьезные опасения.

Тем не менее, вопрос о политической модернизации как важнейшем условии модернизации социально-экономической с повестки дня не снят, напротив, он становится все острее и актуальнее. Соответственно, все громче заявляют о себе сторонники двух, диаметрально противоположных позиций. Одну из них я назвал бы «охранительной», а другую – радикально бескомпромиссной.

¹⁸⁹ В процессе длительного обсуждения перспектив трансформация политических систем в странах Тихого океана, включая и страны АСЕАН, участники дискуссии пришли к общему выводу, что в этом регионе «политическая структура за последние 20 лет стала более однородной». - Тихоокеанская Азия: перспективы трансформации политических систем. Материалы Круглого стола // МЭМО, 2010, № 6. С. 85.

¹⁹⁰ Подробно об этом см.: Keane J. Op. cit. Pp. 374 – 454.

Наиболее четко и недвусмысленно обозначают свои охранительные позиции деятели «Единой России», полагающие, что система уже состоялась и ни в чем, кроме частичных улучшений, она не нуждается. Наглядный тому пример – Доклад Института общественного проектирования (ИНОП), одного из трех клубов единороссов, причем считающегося наиболее либеральным, опубликованный на его сайте весной 2009 г.¹⁹¹. Главный вывод, к которому приходят инициаторы Доклада – это необходимость укрепления партийного руководства, его способности «придумывать и обсуждать большие идеи и тем самым восстанавливать тонус госаппарата и социума». Позиция эта была затем неоднократно подтверждена и самим руководством «партии власти» и близкими к ней экспертными структурами. Одной из самых последних публикаций такого рода стал доклад руководства Агентства политических и экономических коммуникаций (АПЭК) Д. Орлова и Д. Коняева «Слабое звено», в котором они прямо заявили, что изменения Системы в предвыборный период представляют угрозу стабильности¹⁹². В случае же, если все останется по-старому, стабильность сохранится, и распределение голосов и мест между партиями останется примерно таким же, как и в настоящее время. Что беспокоит авторов, так это то, что, якобы, «Справедливая Россия» плохо справляется со своей функцией политической оппозиции, что роль второй партии ей «не удалась» и возникает необходимость занять ее место какой-то другой, более подходящей для этой цели партией. Если, однако, учесть, что в последние несколько месяцев «Единая Россия» в лице авторитетнейших своих деятелей и близких к ней экспертов не жалела усилий, чтобы подорвать авторитет и влияние лидера «Справедливой России» С. Миронова, ее деятелей в Думе и в регионах, поставив им в вину как раз рост ее оппозиционной активности, то напрашивается совсем другой вывод. «Справедливая Россия» и ее руководство начали «выбиваться» из той узкой колеи, которая предназначена для «системной оппозиции», и стали представлять растущую опасность монополии единороссов. И, чтобы не допустить дальнейшей неопределенности, авторы предложили простую вещь – потеснить «Справедливую Россию» под предлогом ее неадекватности на занимаемом ею поле и внедрять туда другую партию, которая наверняка какое-то время, а, возможно, и надолго, согласится играть роль «ручной» оппозиции. Тем самым угроза монополии «Единой России» устраняется, а потенциальная угроза устойчивости Системы, по крайней мере, на время, снимается.

Справедливости ради следует сказать, что опасения, будто лишение «партии власти» ее нынешней монополии чревато нарушением стабильности, распространено не только в кругах единороссов. Недаром даже такой компетентный и независимый эксперт и публицист, как Л. Радзиховский в своем недавнем блоге на «Эхо Москвы» предостерегал против дающих реальный шанс оппозиции свободных выборов. Если бы у нас были честные выборы, победа оппозиции, пишет он, была бы «почти гарантирована». При этом наибольшие шансы на победу, по его мнению, имела бы не какая-то из ныне существующих партий, а так называемые национал-демократы, или «ксенофоб-демократы». Именно они, считает автор, опираясь на широко распространенные настроения «общественных» и «притесняемых со всех сторон истинно русских людей», смогут быстрее других мобилизовать тех, кто считает «инородцев» врагами». Если вчера (2003 г.) ЛДРП плюс «Родина» имели 20%, то сегодня вместе со сталинистами и православными они имели бы уже 30-40% и обошли бы Единую Россию, оставив ей не более 20-30%. Следующий шаг,

¹⁹¹ Доклад. Состояние и перспективы политической системы России 2010 года (www.inop.ru).

¹⁹² Независимая газета, 26.08.2010.

продолжает он – выборы «красно-коричневого президента». За этим неизбежно последует взрыв антирусских настроений в республиках. И заключая, он пишет: «Я против национал-демократии и против демократии, против честных выборов. Народ не дорос до них»¹⁹³.

Я привел столь пространную выдержку из блога Радзиховского отнюдь не потому, что разделяю его версию возможного националистического прорыва или степени укорененности «ксенофобской заразы». Но я согласен с ним в том, что «честные выборы» и «честная предвыборная кампания» неизбежно создадут принципиально иной формат отношений между партиями, приведут к ликвидации монополии «Единой России» и изменят характер отношений центра и регионов. В какой форме это произойдет и не приведет ли это к новому «смутному времени» или чему-то подобному – это вопрос, на который вряд ли кто сможет дать однозначный ответ. Но то, что при слабой национальной идентичности, дремлющем сепаратизме республик и регионов и «мягком» авторитаризме возможность такого рода развития существует, не сомневаются и другие независимые аналитики¹⁹⁴.

Как известно, прямо противоположных позиций придерживаются многие представители либерального крыла политического спектра и, особенно, его радикальной части. С их точки зрения, достаточно провести «чистые выборы», сменить существующее руководство и покончить одним махом с правовым нигилизмом, «ручным управлением», поставить на место государство, избавив его от чрезмерных функций, как система тут же нормально заработает, и страна вступит на путь быстрой и эффективной модернизации. В более умеренном варианте предлагается в ближайшее время покончить с монополией «Единой России» и перейти к реальной двухпартийности, предоставив возможности «Справедливой России» на равных конкурировать с «партией власти» (Ремчуков, Барцевский и др.). Да и в целом в значительной части нашего экспертного сообщества переход от имитационной представительной системы к представительной демократии представляется чуть ли не делом техники, а задержка с ним – отсутствием политической воли со стороны склонной к либерализму части «тандемного управления».

Однако все ли так просто?

В данной связи я хотел бы обратиться к ряду выступлений президента Медведева, и в частности, к его речи на недавнем Ярославском форуме, где он заявил, что мы ждем от демократии больше, чем она может дать (при этом, полагаю, он имел в виду не столько демократию вообще, сколько российскую демократию). Он также подчеркнул не раз повторяющийся тезис о «неготовности людей воспринимать демократию в полном смысле слова, пропустить ее через себя и почувствовать сопричастность к политическим процессам и ответственность (подчеркнуто мною – С.П.). Наконец, он указал на «неготовность политических институтов и то состояние, в котором они находятся»¹⁹⁵.

¹⁹³ Блок Л. Радзиховского (www.echo.msk.ru).

¹⁹⁴ См. напр., Пантин В.И. Факторы дестабилизации современного мирового порядка и политические риски для России; Семенов И.С. Российская идентичность перед вызовами XXI века: проблемы и риски на пути формирования гражданской нации; Лапкин В.В. Перспективы развития России в свете предстоящей трансформации глобального миропорядка // Дестабилизация мирового порядка и политические риски развития России. М.: ИМЭМО РАН, 2010.

¹⁹⁵ Независимая газета, 10.09.2010.

Многие могут со мной не согласиться, но я считаю, что эти и им подобные высказывания президента можно интерпретировать как осознание серьезного политического риска принять как руководство к действию позиции тех, кто предлагает реализовать политическую реформу по принципу «все и сразу». Именно такого рода понимание ситуации привело его к заключению, что «развитие демократических институтов в России должно проходить «пошагово» (подчеркнуто мною – С.П.), т.е. оно не должно топтаться на месте, но и не «скакать галопом». Исходя из всего, что было сказано ранее, я целиком и полностью разделяю эту позицию и считаю ее единственно правильной.

Но при этом возникают два принципиальных вопроса.

Первый из них заключается в том, возможен ли, в принципе, переход России к представительной демократии при сохранении и даже укреплении государственной консолидации? Учитывая наличие серьезных центробежных сил, о которых говорилось выше, однозначно ответить на этот вопрос невозможно. Я хотел бы лишь, сославшись на уже упоминавшегося мною Джона Кина, отметить возможность сохранения целостности и единства государства при такого рода переходе. Кин делает такое заключение на примере Индии, которая настолько разнообразна и в социальном, и в этническом, и в религиозном, и в культурном отношении, что он сравнивает ее с произрастающим там многоствольным деревом («Banyan tree»), которое является «символом единства, идущего от разнообразия». Подробнейшим образом излагая непростую историю развития представительных и иных демократических учреждений Индии, он в заключении постулирует очень важный тезис: «Индийский опыт убеждает в том, что возможно построить единство в стране с множеством различий путем признания их и уважения к ним. Данный опыт, – подчеркивает он, – опровергает расхожее мнение, будто демократия возможна только там, где есть «демос», сплоченный общей культурой. Этот опыт показывает также, что диктатура вовсе не необходима в т.н. третьем мире»¹⁹⁶.

Конечно же, российский «кейс» далеко не однозначен индийскому, в чем-то он сложнее, а в чем-то проще. Главное, что опыт Индии доказывает возможность демократической консолидации в условиях острых социальных, культурных и национально-этнических различий и противоречий. Он наглядно демонстрирует, что демократия и внедрение демократических институтов есть реальная альтернатива статус-кво автократической консолидации со всеми ее пороками и изъянами и с неизбежной перспективой чреватого взрывом тупика.

Второй вопрос связан со стратегией перехода, без выработки и согласования которой ни о каком его успехе не может быть и речи. Тезис о «пошаговой» политической модернизации весьма важен и ценен, но в том общем виде, в каком он был продекларирован, он не дает ответа на вопросы: что это за шаги и кто и как их должен делать. Так что, если брать на вооружение этот подход, его нужно перевести в перечень последовательных мер и шагов, призванных не просто продвинуться к демократии, но одновременно и постепенно переформатировать сам характер нынешней полуавторитарной консолидации на консолидацию демократическую.

Было бы не слишком разумно, если б я или кто-то другой сейчас начал предлагать что-то конкретное в этом плане. Как я уже писал несколько ранее, для выработки такого рода мер и шагов, подчиняющихся общей стратегии, необходима серьезнейшая общественная дискуссия и обсуждение. Не менее важно и формирование центра силы, способного реализовать намеченную стратегию, причем

¹⁹⁶ Keane J. Op. cit. P. 629-630; 586-587.

не только «сверху», но и «снизу», в тесном их взаимодействии. Учитывая раскол и наших политических элит, и экспертного сообщества, сделать это будет очень непросто, и многое здесь будет зависеть от того формата государственной власти, который сложится в результате предвыборных кампаний и выборов 2011-2012 гг. Но не меньшее значение будут иметь и получающие в последнее время различные формы гражданской активности, в том числе через Интернет, «социальные сети», муниципальные инициативы и т.п.

На чем бы я заострил еще раз внимание, так это на том, что при всех разговорах о «пассивности» россиян, слабости гражданского общества, «рассеянной идентичности», как бы за скобками остается вопрос о роли гражданской идентичности как одного из главных факторов и политической модернизации, и государственной консолидации. Разговоров, исследований, обсуждений относительно национальной, политической, «вертикальной», «горизонтальной», региональной, конфессиональной и многих других видов идентичности ведется больше, чем достаточно. И многое из того, что делается, весьма полезно, причем не только в научно-познавательном, но и практическом планах. Однако весь этот позитив оказывается весьма слабым подспорьем в решении задач той самой «пошаговой модернизации», о которой говорил президент. И главная причина здесь, на мой взгляд, заключается в том, что игнорируется задача согласованного продвижения одновременно по всем трем обозначенным направлениям. Без серьезных усилий по общественной самоорганизации (т.е. по формированию гражданской идентичности) невозможно преодолеть имитационный характер представительной демократии. Причем усилий отнюдь не только организационных, но также социально-экономических и политических. А без сочленения политической идентичности с вовлечением граждан в представительное правление нет гарантий того, что вместо сохранения и тем более укрепления политической консолидации мы не окажемся «на выходе» в ситуации, не имеющей ничего общего с той, к которой мы стремимся.

**И.С. Семенов,
ИМЭМО РАН**

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Проблемы формирования общих ориентиров развития страны на основе разделяемой ее гражданами идентичности стали сегодня неотъемлемой частью повестки дня публичной политики. Это и неудивительно: в условиях индивидуализации сознания размывание социальных скреп общества ведет к социальной аномии, в результате все меньше людей полагает для себя жизненно важным связывать личные перспективы с перспективами развития государства и общества. Ощущение себя частью национально-государственного сообщества не переживается как жизненная потребность, уступая в системе самоопределения человека иным – личностным и групповым – приоритетам. Опасаясь, что этот процесс может привести в странах с развитыми институтами представительства интересов к кризису государственности, политический класс ищет пути консолидации политической нации в укреплении общих идентификационных ориентиров: здесь видится путь преодоления социальной фрагментации и аномии и потенциально неисчерпаемый ресурс общественного развития, укрепления институциональных основ современной демократии. А в трансформирующихся обществах, ищущих источники последовательной модернизации, именно уровень

социальной консолидации на основе разделяемой гражданами идентичности становится в наши дни ключевым фактором, определяющим успех модернизационной стратегии развития.

Мозаика идентичностей и кризис модели мультикультурализма

В развитом мире автохтонное население, которое могло бы обеспечить воспроизводство символического пространства общей идентичности, давно перестало быть доминирующим. Жители современного мегаполиса составляют очень пеструю мозаику смысложизненных ориентиров, политических установок, ценностных предпочтений и моделей поведения. В Европе образы узнаваемой этнокультурной идентичности поддерживаются в культурно однородных анклавах в сельской местности и в небольших городках, однако и сюда массовый туризм – основной источник их существования – приносит дух глобального масскульта. Вкрапленные в состав состоявшихся «национальных государств» автохтонные народы претендуют на утверждение собственной идентичности на этнонациональных основаниях: выступающие от их имени элитные группы стимулируют таким путем рост сепаратистских настроений с опорой на символическую политику. Здесь активно задействуются средства из арсенала традиционной культуры, пропагандируется использование собственного языка, своих героев и исторических символов.

В то же время четко обозначился кризис мультикультурных практик конструирования политической нации, в рамках которых правящие круги Запада в последнюю четверть века искали ответы на проблемы, вызванные давлением миграционных потоков на принимающие сообщества. В условиях растущей культурной разнородности ни политика ассимиляции в теле политической нации, пытавшаяся, как во Франции, перечеркнуть культурные различия ее граждан, ни американская модель «плавильного котла», ни опиравшаяся на мультикультурализм идея «единства в разнообразии», которая осуществлялась на уровне социальных практик в Великобритании, не смогли обеспечить нужный уровень консолидации общества. Более того, они породили новые вызовы и угрозы безопасности его граждан.

В публичной дискуссии все громче звучит голос защитников модели жесткого контроля над иммиграцией из бедных стран в развитый мир. Но при этом очевидно, что и сами развитые страны в условиях старения населения не могут обойтись без притока иммигрантов. Обсуждение издержек и приобретений от иммиграции (в последние годы – и растущая угроза «утечки мозгов» в более привлекательные для трудоустройства уголки мира, в первую очередь в США), не сходит с повестки дня публичной дискуссии и провоцирует политическую поляризацию в обществе. Рост социальной напряженности в связи с терактами последних лет обнаружил новую угрозу: в среде потомков инокультурных иммигрантов второго и третьего поколений обособляются группы, отторгающие правила общежития и сами принципы правового государства, – «нелояльные», готовые сопротивляться его институтам граждане. Собственно, это обстоятельство и стало едва ли не самым весомым аргументом противников мультикультурализма как идеальной модели взаимодействия принимающего сообщества и инокультурных меньшинств, в первую очередь этнических и конфессиональных¹⁹⁷.

¹⁹⁷ Хотя на таких принципах выстраиваются сегодня и отношения с гендерными меньшинствами, и – с людьми с ограниченными возможностями, и – с другими группами «иных» граждан.

В структуре политической идентичности значительной части граждан развитого мира на первый план выходит этнонациональная составляющая, и это оказывается самым серьезным вызовом для будущего политической нации. В ее составе укрепляются позиции стремящихся к автономии регионов, выступающих от имени автохтонных этнических сообществ. Этот процесс получил в ряде стран институциональное оформление. Так произошло, например, в Великобритании по итогам передачи значительной части полномочий, регулирующих управление на уровне территории, новым органам представительной власти. В прошедшее со времени решения о наделении разной степенью автономии законодательных органов Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии (здесь процесс зашел в тупик в 2002 г. и возобновился во второй половине 2000-х годов) десятилетие обнаружилось системные проблемы в национально-государственном строительстве. Англия, не получившая собственного парламента, заявила устами некоторых известных политиков об ущемлении своих прав¹⁹⁸: представляющие Англию депутаты не имеют возможности принимать участие в решении вопросов, касающихся Шотландии и Уэльса, в то время как у депутатов, избранных в национальный парламент от этих двух регионов, есть право голоса по вопросам, непосредственно касающимся только Англии. В ходе этих политических дебатов обострились дискуссии о содержании «британской идентичности»¹⁹⁹ и о самой возможности поддерживать в современном фрагментированном обществе общую (или даже разделяемую значительным большинством граждан страны) идентичность. Под вопросом в государстве с развитыми институтами представительства интересов оказалась сама возможность достичь социально-политической консолидации. В ходе дискуссии был выдвинут проект передачи полномочий по организации экономического и социального развития на местах, развитию культуры и жилищного фонда региональным ассамблеям на уровне территорий и в самой Англии²⁰⁰.

Пример иного рода представляет Испания. Здесь иммигранты, большинство которых прибывает из культурно близкой Латинской Америки, при отсутствии языкового барьера заметно активнее интегрируются в принимающее сообщество. Цыгане и ряд других «пришлых» этнических групп стали адресатами масштабных социальных программ адаптации к жизни местного сообщества, но далеко не всегда эти усилия приносят ожидаемые плоды. Многочисленные приезжие арабы не позиционируют себя как сугубо инокультурных, имея в виду многовековую историю арабского завоевания и культурное наследие «мавританской» Испании на Пиренейском полуострове, однако внутри страны уровень ксенофобии по отношению к иммигрантам не католической культурной традиции в последние годы растет. Рост уличной и бытовой преступности и нагрузка на социальный бюджет в условиях высокой безработицы вызывают растущее критическое неприятие коренного населения.

Автономистские настроения сильны в периферийных по отношению к центру исторических провинциях, настойчиво утверждающих свои культурные традиции. В первую очередь речь идет об экономически успешных Каталонии и Стране Басков. Здесь целенаправленные усилия местной власти по укреплению региональной

¹⁹⁸ Т.н. вопрос о Западной Лотиании – the West Lothian question.

¹⁹⁹ О повестке дня дискуссии и роли государства см.: Rogers B. and Muir R. The Power of Belonging: Identity, Citizenship and Community Cohesion. L.: IPPR, 2008; Muir R. The New Identity Politics. L.: IPPR, 2007.

²⁰⁰ См.: Adams J. and Tomaney J. Restoring the Balance. Strengthening the Government's proposals for regional assemblies. L.: IPPR, 2002.

идентичности играют роль инструмента реализации политических и экономических притязаний местных элит. Но они опираются на общественный запрос на своё особое, узнаваемое лицо и на признание особого статуса региона – вплоть до права на государственность. Так, в Каталонии занятия в школах ведутся на каталанском языке. Его знание обязательно для работы в органах госслужбы автономии, и он стал сегодня основным языком повседневного общения. Этим же путем идет и Страна Басков: ее правительство официально поощряет двуязычие граждан, при этом знание баскского языка обязательно для госслужащих. Многие привычные уху испанца слова заменены в последние годы на баскские аналоги и стали неотъемлемой частью не только словаря испанских политиков, но и политкорректной повседневности страны. Испанское название региона (Страна Басков – País Vasco) вытеснено баскским (Euskadi), а привычное наименование языка коренных жителей – баскский (Vascuence) – замещено на соответствующее баскское наименование «эускера» (Euskera). Вопрос о признании статуса местного языка уже стал предметом ожесточенных споров в ряде других регионов (в частности, в Валенсии). Равноправие языка автохтонных меньшинств в составе политической нации остается сугубо политическим требованием, тем более что, как справедливо отмечает российский исследователь, в современной Испании, как и в других странах Евросоюза, в контексте идущих процессов регионализации «лингвистические отличия напрямую связаны с вопросом политической идентичности»²⁰¹. Лингвистический и культурный национализм отражает требования независимости от Центра и предоставления региону возможностей самому решать проблемы собственного развития. Политическая идентичность приобретает, таким образом, территориальное измерение. В то же время, по мнению испанского исследователя, страна представляет собой яркий пример того, с какими ограничениями сталкивается в современных сформировавшихся политиях политика государства по формированию национальной идентичности и на уровне центра, и в регионах»²⁰².

Символично, что в 2010 г. как культивирующий жестокость в отношении животных в Каталонии местным законом был запрещен бой быков – один из давних общенациональных культурных символов Испании. Сооружение в столице Страны Басков – Бильбао – Музея Гуггенхайма по проекту мировой знаменитости – американского архитектора Ф.Гери – призвано символизировать интеграцию автономии в глобальное культурное пространство – стратегический выбор ее политической элиты²⁰³. Для Каталонии и ее столицы – Барселоны – таким трамплином в глобализирующийся мир стали летние Олимпийские игры 1992 г. Прямому выходу в европейское и глобальное пространство экономически успешных испанских автономий в немалой степени способствует и бурное развитие туризма.

В процессе регулирования противоречий вопрос о пересмотре параметров модели организации политического пространства страны – «государства автономий» – стал камнем преткновения в политическом противостоянии в Центре и в отношениях Центра и регионов, а также на уровне институтов Евросоюза в условиях

²⁰¹ Прохоренко И.Л. Регионы Испании: четверть века в европейском пространстве // В сб. «Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ». М., МГИМО – Университет, 2007. Т.7. Испания и Латинская Америка в мировой политике / под ред. А.В.Шестопала, Л.С.Окуновой, С.М.Хенкина. С. 39 - 40.

²⁰² См. Nunez Seixas X.M. *Patriotas y Demócratas. El discurso nacionalista español despues de Franco*. Madrid: Catarata, 2010. P. 128.

²⁰³ См. McNeill D. *McGuggenisation? National Identity and Globalization in the Basque Country // Political Geography*, Vol. 19, № 4, May 2000. Pp. 473 – 494.

усиления представительства интересов регионов в ЕС.²⁰⁴ Но и в рамках нынешней модели региональная идентичность становится мощной опорой продвижения прав автономных сообществ, тем более, когда, как в случае развитых регионов, она подкреплена не только культурным самостоянием, но и фискальной автономией. Нарочитое, а, порой, и агрессивное ее утверждение опирается на динамичное экономическое развитие региона.

Сама региональная идентичность переживается как эмоционально наполненная и опирается на яркие символы и осязаемые смыслы. В то же время большинство граждан, особенно молодежи, делает прагматический выбор в пользу двуязычия и многоуровневой культурной идентификации – со своей автономией (и с локальной языковой и культурной традицией), со страной и с Европой. Даже в Стране Басков и в Каталонии, по данным опросов, двухуровневая (dual) идентичность (самоотождествление со страной и с регионом) и, соответственно, «двойной (doble) патриотизм» заметно преобладают над «местным патриотизмом»²⁰⁵. А сами процессы утверждения национально-гражданской идентичности (в частности, применительно к баскскому сценарию, «динамичному, полному противоречий и не поддающемуся одномерной интерпретации») высвечивают, как считают баскские исследователи, «сложный и многообразный характер конструирования, утверждения и достижения договоренностей вокруг проблем идентичности на социетальном и индивидуальном уровнях»²⁰⁶.

Государство в поисках новых ресурсов развития: идентичность и идеология

В условиях размывания привычных ориентиров социальной самоидентификации и кризиса модели нациестроительства эпохи модерна *формирование разделяемой гражданами идентичности как опоры развития национального политического сообщества становится первостепенной задачей государства. В реальности же речь идет о пересмотре и наполнении новым содержанием модели государственности на путях формирования нового понимания гражданской идентичности, соответствующей реалиям современной политической нации.* В зависимости от оценки рисков на пути укрепления такой нации выстраиваются и приоритеты государственной политики. Так, ответом на вызовы этнофобий, расизма и «неуправляемого разнообразия» стала мультикультурная модель сосуществования групповых идентичностей. И, как в коммунальной квартире, в ней четко проявились и приобретения, и издержки коммунального общежития.

В русле *социально–политической культурологии* некоторые авторы ставят вопрос о том, «как гражданство структурируется культурой». В качестве альтернативного подхода предлагается, например, модель «культурного гражданства» (cultural citizenship). Она трактуется как реализация «права быть

²⁰⁴ См. об этом: Прохоренко И.Л. Территориальные сообщества в политическом пространстве современной Испании. М.: ИМЭМО РАН, 2010.

²⁰⁵ Nunez Seixas X.M. Patriotas y Democratas. Op. cit., p.131. Выбор региона как самого значимого ориентира самоидентификации в большей степени характерен (в порядке убывания) для жителей Страны Басков, Каталонии (среди тех, для кого каталанский – родной язык), Галисии и Канарских островов. 40 % басков и треть жителей Каталонии считали свои регионы «нациями» (данные опросов 1996 г., там же, p. 130).

²⁰⁶ Azurmendi M. - J., Larrañaga N. and Apalategi J. Bilingualism, identity and citizenship in the Basque Country. In: Bilingualism and identity / M. Niño-Murcia and J. Rothman (eds.) Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2008. P. 58.

другим (с точки зрения расы, этноса или родного языка) по отношению к нормам доминирующей национальной общины, без умаления права на принадлежность, понимаемую как участие в демократических процессах единого национального государства»²⁰⁷. Такой подход пытается вывести понимание гражданства на иной в сравнении с привычными рамками национального государства уровень, связав его напрямую с утверждением групповой и индивидуальной идентичности как «права быть другим». Но в результате понятие «гражданской идентичности» оказывается перегруженным нормативным содержанием, а разнородность режимов гражданства в национальных сообществах и их разное восприятие в массовом сознании не позволяет подвести это содержание под общий знаменатель. Если придерживаться рамок политического анализа, то наиболее приемлемым аналитическим инструментом оценки таких практик является, на наш взгляд, структурно – конструктивистский подход²⁰⁸ в сочетании с политико-культурным. С другой стороны, сама идентичность рассматривается как имманентно присущая групповому и индивидуальному сознанию структура, опирающаяся на политико-культурные особенности конкретного национально-государственного сообщества и его глубинные архетипы.

Общественная консолидация становится в условиях растущего культурного разнообразия условием выживания национально-государственного сообщества, которое слабо или только от случая к случаю скрепляется эмоциональным переживанием своего национального «я»²⁰⁹. *Политика формирования идентичности используется государством как инструмент выстраивания поля социальной коммуникации между носителями разных политических убеждений и культурных предпочтений.* На этой основе воспроизводится политическая нация, проводится тот «ежедневный плебисцит», о котором в свое время как об условии существования национального сообщества писал Э.Ренан. Сегодня такая политика наполнена, однако, иными смыслами по сравнению с концом позапрошлого века, когда Ренан предложил эту метафору. В развитых странах она старательно *дистанцируется от политической идеологии* в ее привычном понимании, поскольку жесткие идеологические модели дискредитировали себя в ряде потерпевших поражение политических проектов XX века.

Правящая элита пытается придать национальному развитию новые импульсы путем формирования «проектной» (если следовать терминологии М.Кастельса)

²⁰⁷ Rosaldo R. Cultural Citizenship, Inequality and Multiculturalism – in: Race, Identity and Citizenship. A Reader / R. Torres, L. Miron et J. Ina (eds.). Oxford, Blackwell Publishers, 1999. P. 253-261; его же: Cultural citizenship in San Jose, California – PoLAR, 1994, Vol.17, № 2. P. 57. Цит. по: Нёве К. Гражданство: непростой объект для антрополога. С. 252. (<http://ccisru.org/library.php>, Центр изучения проблем гражданства и идентичности).

²⁰⁸ Или, как пишет Л.М.Дробижева применительно к этносоциологическим исследованиям, «структуралистско – конструктивистский, или полипардигмальный подход» - Дробижева Л.М. Методологические проблемы этносоциологических исследований // Социологический журнал, 2006, №№ 3-4. С. 96. В проблематике российских исследований особо выделено «изучение социальных и социально-политических факторов формирования российской идентичности; соотношение гражданской, региональной и этнической, а также амбивалентной и «дрейфующей» идентичностей» – там же. С. 90.

²⁰⁹ Типичный пример такой скрепы – спортивные успехи национальных сборных. Поддержка национальной сборной некоренными гражданами неслучайно рассматривается как мерило их политической лояльности. Спорт высших достижений стал одним из заметных инструментов в арсенале государственной политика формирования идентичности. В мобилизационной экономике такую роль играл, как известно, и массовый спорт.

идентичности и соответствующего общественного запроса на нее. При этом сами идеологические проекты облекаются в прагматические формы, а сверхзадачей таких проектов становится социально-политическая консолидация государства и общества вокруг повестки дня национального развития. Так, разработанная в трудах известного британского социолога Э.Гидденса концепция «третьего пути», была подхвачена лейбористским руководством после его прихода к власти в 1997г.²¹⁰ Не вдаваясь в подробное рассмотрение ее содержания, получившего широкое освещение в литературе,²¹¹ стоит указать на то, что ориентиром этого курса, претендовавшего на роль проекта развития постиндустриального общества, был отказ от «экономического регулирования в пользу экономического стимулирования». Предполагалось пересмотреть патерналистскую политику государства благосостояния в пользу «социальных инвестиций» в человека и обеспечить «социальную включенность» всех его граждан²¹². Приверженцы «третьего пути» в странах англосаксонской политической традиции и в США ратовали за «справедливое общество». Они представляли «третий путь», говоря словами тогдашнего премьер – министра Австралии К.Радда, как новую (после засилья либерального консерватизма эпохи М.Тэтчер и Р.Рейгана) «форму подачи экономических и социальных императивов страны»²¹³ – своего рода программу социальной консолидации. В Великобритании в первые годы правления лейбористов большое внимание уделялось внедрению различных форм неполитического участия граждан, повышению ответственности за сделанный в сфере социальных услуг выбор. Правда, затем эти приоритеты уступили место иным, более прагматическим установкам: в частности, под лозунгом «Новой промышленности – новые рабочие места» реализация конкретных инновационных проектов проводилась с прицелом на рост занятости.

Проект «Большого общества» в Великобритании, который выдвинут в 2010 г. новым коалиционным правительством консерваторов и либеральных демократов, также выделяет социальную сферу как ключевой приоритет национального развития. При этом упор вновь делается не на увеличении государственных социальных вливаний, а на обеспечении «возможностей широкого участия граждан и местных сообществ, развития широкой культуры участия и разделяемой ответственности»²¹⁴. Это предполагается сделать путем передачи более широкого круга полномочий местным сообществам, развития разных форм гражданского участия (в том числе за счет создания Национальной гражданской службы для вовлечения в социальную работу молодежи), передачи ряда полномочий из Центра местным органам управления, поддержки кооперативов, благотворительных организаций и социальных предприятий, обеспечения доступности информации о государственной политике и о социальном климате и работе полиции на местах²¹⁵.

²¹⁰ Giddens A. *The Third Way: The Renewal of Social Democracy*. L.: Polity Press, 1998.

²¹¹ См., напр., *The Third Way and Beyond: Criticisms, Futures and Alternatives* / L.Martell, S.Hale, W.Legget (eds.) Manchester, Manchester University Press, 2004; *Welfare State Change: Towards a Third Way?* / J.Lewis, R.Surender (eds.) Oxford: Oxford University Press, 2004.

²¹² Перегудов С.П. Концепция «третьего пути» – в сб. «Современная Великобритания: проблемы и перспективы». Материалы круглого стола. М.: Институт Европы РАН, 2001. С. 19.

²¹³ Rudd K. *First Speech to Parliament*. Parliament of Australia, 11 November 1998 (<http://www.aph.gov.au/house/members/firstspeech.asp?id=83T>).

²¹⁴ *Capable Communities: Towards Citizen-Powered Public Services*. L.: IPPR – PwC, 2010. P. 23.

²¹⁵ См.: *Building the Big Society* (www.cabinetoffice.gov.uk/media/407789/building-big-society.pdf).

Инструменты и практики формирования национально-гражданской идентичности

Социальная политика активно используется в качестве инструмента формирования гражданской идентичности. В числе приоритетов – образование, социальное обеспечение и здравоохранение, а также личная безопасность граждан. Их работу предлагается совершенствовать путем расширения участия самих граждан, стимулирования вовлеченности людей в решение своих социальных проблем и более широкого круга вопросов развития местного сообщества и социальной сферы. При этом государство не просто активно использует возможности информационного общества для формирования нужного дискурса идентичности. Значительная часть усилий по конструированию опор гражданской идентичности переносится в сферу образования и в информационное пространство.

Опорой этого дискурса становятся самоорганизация гражданского общества и развитие практик взаимодействия людей и на этой основе – местных сообществ, накопление здесь социального капитала. Гражданское участие стимулирует процессы артикуляции социально значимых интересов. Таковую активность государство и пытается направить в русло обустройства социальной среды. Это тем более актуально в условиях резкого сокращения социальных расходов, особенно в сильно пострадавших от кризиса странах ЕС, и роста социального недовольства и массовых протестов против сдачи позиций «социального государства», которыми отмечен конец нынешнего десятилетия.

Культура участия рассматривается в развитом мире как отвечающий задачам развития общества тип политической культуры, способный поддержать развитие на основе укрепления социальной солидарности, а гражданская идентичность – как его ресурс. Зримым результатом стала волонтерская работа: так, в ней участвует более четверти взрослого населения США²¹⁶, а в Германии и в Ирландии – каждый третий гражданин страны²¹⁷. В Великобритании в разовые волонтерские инициативы вовлекались, согласно данным опросов, 73% населения; при этом более четверти (27%) участвовали в организованной волонтерской работе не менее раза в месяц²¹⁸. В Голландии – мировому рекордсмену по уровню вовлеченности граждан в добровольческие инициативы – каждый пятый житель страны был членом волонтерской организации. Эту страну отличает (наряду со скандинавскими странами, также активно занимающимися развитием волонтерства), и заметно более высокий, чем в среднем по странам ЕС, уровень социальной сплоченности общества²¹⁹.

Рост безработицы влил в ряды волонтеров армию новобранцев. Социальные службы открывают максимум возможностей для развития самых разных форм социальной вовлеченности, которые отвечали бы разным возможностям, вкусам и

²¹⁶В 2009 г. – 63,4 млн чел. (26,8 % населения). См.: Volunteering in the United States, 2009 (<http://www.bls.gov/news.release/volun.nr0.htm>)

²¹⁷ Волонтерское движение в Европе и США (<http://www.rian.ru/spravka/20100521/236986923.html>).

²¹⁸ Volunteering England Information Sheet 2008 (<http://www.volunteering.org.uk/NR/rdonlyres/1F9DB0E1-A0DB-421E-B3C3-674BFD9772BF/0/NationalStatisticsVE083.pdf>).

²¹⁹CBS Statistics Netherlands/ Press release, 02 December 2010 (<http://www.cbs.nl/en-GB/menu/themas/overheid-politiek/publicaties/artikelen/archief/2010/2010-078-pb.htm?RefererType=RSSItem>).

предпочтениям. В ткань рыночной экономики, которая формирует потребительскую культуру, внедряются элементы «экономики дарения» и культуры непотребительских ценностей (market economy vs gift economy²²⁰). В русле такого подхода лежат развитие социально ответственного инвестирования и утверждение модели корпоративного гражданства²²¹, «зеленой экономики» и ответственного индивидуального потребления. В «альтерглобализме», «движении непотребителей» и других новых социальных инициативах пробиваются ростки «альтернативного капитализма». Такая вовлеченность формирует систему ценностей и моделей поведения в публичной сфере, которую можно описать как «идентичность участия» (в развитие предложенной М.Кастельсом классификации).

Однако институты западной демократии, которые должны обеспечивать развитие гражданского участия, столкнулись с серьезными вызовами самой демократии в виде обособления инокультурных сообществ, пределов толерантности в публичной сфере, роста этнофобий и асоциального поведения. Готовность людей отдавать время и силы на работу на общественном поприще встретила сопротивление в виде рудиментов «приходской» политической культуры и патрон-клиентских отношений с государством, настороженности в отношении контактов с незнакомыми людьми и просто социальной апатии. Зачастую императив участия рассматривается как недопустимое вторжение в частную жизнь. Далеко не все согласны и с перспективой большей ответственности перед государством и обществом (да и за самих себя). В иных случаях волонтеры подменяют государственные структуры, это чревато конфликтом с профсоюзами, защищающими интересы госслужащих. Поэтому предлагаются пути четкого разграничения сфер ответственности и позитивного стимулирования заинтересованности в добровольческой социальной работе²²².

Но объективные ограничения такой модели «общества участия» трудно преодолеть в условиях, когда полем государственного регулирования становится *повседневность*. После десятилетий борьбы за права меньшинств, после побед, одержанных на путях проведения «политики идентичности» религиозными, этническими и гендерными сообществами Запад вступает в полосу запретов, слабо согласующихся с заявленными приоритетами экономической и социальной политики. Так, ограничения на присутствие символов мусульманской религиозной идентичности в общественной жизни расшатывают корабль мультикультурализма гораздо заметнее, чем сокращение вливаний в социальные программы адаптации мигрантов. Частная жизнь попадает под пристальный надзор, как только человек оказывается в публичном пространстве²²³. Но и безбрежная политкорректность

²²⁰ Cheal D. The Gift Economy. L.: Routledge, 1988. P.19.

²²¹ См. Перегудов С.П., Семененко И.С. Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии. М.: Прогресс-Традиция, 2008.

²²² Так, предлагается внедрять систему кредитов за волонтерскую работу, когда количество отданных часов может по желанию засчитываться при возмещении социальных услуг или помощи от других волонтеров – см.: Capable Communities: Towards Citizen-Powered Public Services. Op. cit. P.21. Активно развивается корпоративное волонтерство, лидеры бизнеса дают сотрудникам возможность участвовать в таких инициативах, в том числе и в рабочее время.

²²³ Неслучайно понятие “identity policy” используется в документах государственных органов преимущественно в узком сугубо технократическом смысле и обозначает систему мер, регулирующих сбор, хранение и защиту конфиденциальности персональных данных.

подрывает уровень доверия в обществе, которое обнаруживает границы собственной толерантности.

В обществах, переживающих институциональную трансформацию, происходящая социальная ломка вызывает тектонические сдвиги в сознании людей: потеря привычных ценностных ориентиров порождает «кризис идентичности». В действительности речь идет об утверждении новой иерархии ценностей и о поисках новых социокультурных скреп, и в молодых государствах правящая элита стремится придать им «длинное дыхание» за счет национальных проектов развития. Опорой молодой государственности становятся традиционные ценности, скрепленные цементом этнонационализма. Они вступают в конфликт с теми смыслами и моделями поведения, которые формирует информационное общество и навязывает вездесущий коммерческий масскульт. В результате закрепляются социокультурные расколы.

Конструирование символического пространства национально-государственной идентичности – новой государственной символики, праздников, героев – призвано преодолевать эти противоречия. Важнейшей социокультурной скрепой становится национальный язык, литературные памятники и их создатели возводятся в ранг новых героев массовой культуры. Ключевой проблемой оказывается осмысление собственной истории, политический консенсус вокруг оценки ее поворотных событий. Однако для формирования гражданского самосознания должен быть сделан следующий шаг – укрепление правового государства и институтов гражданского участия.

Сравнительный анализ практик формирования национально-государственной идентичности в странах, прошедших либо переживающих сегодня глубокие социокультурные трансформации, позволяет оценить факторы, определяющих степень эффективности таких практик и, соответственно, их влияние на общественное развитие. Великобритания как страна, пережившая распад колониальной империи и изменение статуса своих автохтонных меньшинств, Сингапур как молодое полиэтничное государство и Китай как находящееся в процессе динамичной трансформации экономических и социальных институтов общество представляют интересные примеры для сравнения эффективности практик государственной политики формирования национального самосознания и гражданской идентичности.

Великобритания в поисках британской идентичности

В *Великобритании* в последние годы вопрос о том, что такое «британская идентичность» в полиэтничном обществе, не сходит с повестки дня публичной политики. Британские исследователи отмечают утверждение в крупных городах «культуры общежития» (*convivial culture*)²²⁴, в недрах которой расовые и этнические различия теряют роль первостепенного по значимости фактора социального размежевания. В этой стране самыми быстрыми темпами по сравнению со всеми этническими группами растет численность граждан смешанной расовой принадлежности. В школах Лондона говорят на трехстах языках, да и в крупных британских городах это число давно перевалило за сотню. И большинство британцев, как свидетельствуют данные опросов, считают, что такое разнообразие сделало страну более привлекательным для жизни местом. В этнически однородном окружении предпочитает жить только около четверти населения²²⁵. В то же время во

²²⁴ Gilroy P. *After Empire: Multiculture or Postcolonial Melancholia*. L.: Routledge, 2006. Pp. 39-40.

²²⁵ Muir R. and Wetherall M. *Identity, Politics and Public Policy*. L.: IPPR, 2010. P. 5.

многих сельских районах и в относительно этнически однородных белых местных сообществах уровень толерантности и открытости к иному опыту несравненно ниже; соответственно, здесь в последние годы наблюдается рост поддержки праворадикальной Британской национальной партии. Апелляция к «дискриминированной английской идентичности» находит тут благодатную почву, тем более что английская составляющая сознательно или подсознательно замалчивается в публичной дискуссии, особенно в контексте уже упоминавшегося обсуждения проблем передачи полномочий регионам.

В период после прихода к руководству последнего главы лейбористского кабинета Г. Брауна государство пыталось компенсировать такие разнонаправленные векторы социально-психологических изменений с помощью широкого обсуждения опор общей гражданской идентичности и консолидации на этой основе британской политической нации. В 2002 г. в школах были введены уроки гражданского образования. Вопрос о том, что значит сегодня «быть британцем», на недолгое время оказался в центре публичной дискуссии²²⁶. Предлагались меры по проведению конституционной реформы, по обновлению арсенала символической политики и по укреплению социальной солидарности на уровне местных сообществ. В качестве объединяющих оснований британской идентичности выдвигалось ее демократические традиции и нынешнее космополитическое культурное наследие²²⁷. Но сама дискуссия вокруг «обращения к истокам» не вызвала широкого общественного отклика. В 2008 г. правительство лейбористов предложило в качестве ориентира развития идею превращения страны в «креативный хаб» мира, центр разработки инновационных экономических и социальных инициатив. Был выдвинут план государственной поддержки креативных отраслей как мотора наращивания конкурентоспособности национальной экономики. Он включал программу профессионального обучения молодежи во взаимодействии с бизнесом, создание в стране пяти ведущих центров креативной экономики, поддержку стартапов в креативных отраслях²²⁸. Такой подход должен был сломать утвердившиеся в мире стереотипы о британском традиционализме и обновить национальную гражданскую идентичность, придать ей привлекательный современный образ.

Однако, по мнению британских исследователей из Института изучения публичной политики – одного из ведущих экспертно-аналитических центров страны – активных участников публичной дискуссии по этой проблематике²²⁹, «сложносоставный характер и многообразие паттернов идентичности создает разрывы между политическим курсом и социальной практикой. Дискурс идентичности и практические меры, адресованные конкретным сплоченным на основе общей идентичности группам, имеют тенденцию сглаживать острые углы за счет упрощенной подачи мотивации поведения людей. В результате на вооружение берутся меры, которые не затрагивают их реальные интересы, а зачастую дают и прямо противоположные результаты». Британские эксперты предлагают не

²²⁶ См.: Rogers B. and Muir R. The Power of Belonging. L.: IPPR, 2007. Pp. 6 – 9; Muir R. The New Identity Politics. L.: IPPR, 2007.

²²⁷ Muir R. The New Identity Politics, L.: IPPR, 2007. Pp. 14-15.

²²⁸ Creative Britain. Labour's cultural manifesto (<http://www2.labour.org.uk/uploads/229d33f4-5e0c-4954-3980-3e47c666b670.pdf>); Creative Britain: New Talents for the New Economy (http://www.culture.gov.uk/what_we_do/creative_industries/6106.aspx).

²²⁹ Цитируемые в статье экспертные доклады этого аналитического центра (IPPR - Institute for Public Policy Research) см. на его сайте: (<http://www.ippr.org/>).

руководить процессом из Уайтхолла, а стимулировать низовую политическую активность, вовлекать во взаимодействие местные власти как более близкие к реальным интересам людей²³⁰. В какой мере уже упомянутый проект «Большого общества» сможет решить эти задачи, покажет время, особенно имея в виду серьезные издержки мультикультурной модели. Пока же очевидно, что подавляющее большинство граждан страны возлагает ответственность за обеспечение услуг по социальной защите населения на государство, на местные органы власти и на производителей услуг²³¹. И, в то же время, очень заметная часть граждан вовлечена в волонтерские инициативы и в работу структур гражданского общества на уровне местных сообществ, что свидетельствует о потенциале для развития культуры участия и укрепления основ гражданской идентичности. Нарращивание этого потенциала напрямую связано с успехами экономического развития страны.

Сингапурская идентичность: из прошлого в будущее

Такой вывод подтверждает анализ опыта *Сингапура* – одной из самых динамично развивавшихся в последние десятилетия стран мира. Со времени провозглашения независимости (1965 г.) в этой бывшей британской колонии за годы жизни одного поколения был совершен настоящий модернизационный рывок. Одним из его моторов стало утверждение политической идентичности молодой сингапурской полиэтнической нации, объединившей китайцев, малайцев и выходцев из Индии. Политические институты предлагались как общие для всех граждан, а этнокультурные традиции национальных групп должны были сосуществовать бок о бок. Сингапурская идентичность предполагала сочетание достижительной мотивации с традиционными ценностями составлявших нацию азиатских народов и с опорой на английский язык как средство межкультурной коммуникации. Режим Ли Куан Ю – отца «сингапурского экономического чуда» – сделал упор на борьбе с коррупцией и на создании «экономики знаний» задолго до того, как эта модель утвердилась в публичной политике развитого мира. Страна сумела использовать свои преимущества положения на пересечении финансовых и транспортных потоков и успешно осуществила заявку на создание «креативного хаба» в азиатско – тихоокеанском регионе. В процессе экономического роста и на основе заметного продвижения в развитии социальной сферы происходила консолидация молодой нации «сплоченных, твердых и приспособляющихся к различным обстоятельствам людей, способных делать все лучше и дешевле, чем наши соседи»²³². Основой формирования национальной идентичности стал экономический успех, который, в свою очередь, служил стимулом для дальнейшего продвижения по пути

²³⁰ Muir R. and Wetherall M. Identity, Politics and Public Policy. Op. cit. Pp. 9 - 11.

²³¹ Волонтерским и благотворительным организациям отводится заметная роль только в уходе за пожилыми людьми (так считает 7% опрошенных) и в оказании помощи партнерам, испытывающим серьезные трудности в отношениях (39%). Значительная часть обязанностей в такой работе ложится на семью и на самих людей (соответственно 24% и 23%). В ключевых сферах обеспечения услуг здравоохранения приоритет отдается государству (76%), а в управлении сферой образования – местным органам власти (58%) и учителям (26%). Опрос проводился в двух «рядовых» городах – Рэдинге и Дарлингтоне – в январе 2010 г., опрошено 2010 человек; по волонтерской работе в режиме онлайн в сентябре 2010 г., опрошено 2041 чел. // *Capable Communities: Towards Citizen-Powered Public Services*. Op. cit. Pp. 8, 9.

²³² Ли Куан Ю. Сингапурская история: из «третьего мира» - в «первый» (1965 – 2000). М.; МГИМО-Университет, 2005. С.9. (<http://lib.ru/MEMUARY/SINGAPUR/singapur.txt>).

консолидации государства и общества. Приоритетом была провозглашена социальная безопасность, так что к концу истекшего столетия Сингапур утвердил за собой репутацию одного из самых безопасных для жизни государств мира и страны, победившего коррупцию.

В последние два десятилетия Сингапур стал *уникальным для постиндустриального общества примером попыток конструирования гражданской (или квазигражданской, имея в виду ограничения политических свобод и возможностей политического участия) идентичности на фундаменте авторитарного политического режима*. В рамках «идеологии общих ценностей» государство сосредоточило внимание на образовании и поддержке «азиатской идентичности», ориентированной на строгую социальную иерархию, которая должна была компенсировать отсутствие политических свобод. Она вбирала элементы западной культуры, но при этом опиралась на традиционные модели поведения и моральные установки «азиатской нации» - коллективистские консенсусные ориентации, семейные ценности, расовую и религиозную терпимость. Это создавало тип гибридной идентичности, но с ярко выраженным азиатским лицом²³³.

Однако такая политика слабо воспринимала вызревавшие в недрах общества импульсы, такие, как распространение гибридного наречия («синглиша» – народного адаптированного варианта английского с примесью из словаря живущих в стране национальных групп). Власть навязывала свои «правила игры», целенаправленно пытаясь вытеснить общий народный язык «правильным английским». Жесткое регулирование все заметнее расходилось с тем, что происходило в массовом сознании. В последние годы представители молодого поколения выказывают растущую озабоченность опасностью утраты пресловутого «сингапурского духа»: его обесценивает растущий индивидуализм. На волне экономического успеха и неизбежной вестернизации, задающей стандарты потребления и стили жизни, предпочтение стало отдаваться сугубо материальным ценностям. Сам город – государство теряет свое уникальное лицо, он стал похож на западный мегаполис с островками местной экзотики.

В этих условиях средством национально-государственной консолидации также становится социальная политика: она призвана сделать страну привлекательным местом для жизни своих граждан. Но эта политика по-прежнему строится на патерналистских основаниях. И сам дискурс идентичности выстраивается государством от имени граждан, в то время как многие сингапурцы «отстаивают право на более широкое участие в обсуждении своей национальной идентичности...Это показывает трудности конструирования устойчивой гражданской идентичности в условиях авторитарного режима»²³⁴. Иными словами, гражданская идентичность не может не опираться на политическое и неполитическое участие. Следующим шагом на пути утверждения общегражданской идентичности должна стать демократизация политических институтов: авторитарный однопартийный режим полиэтничного государства может оказаться не в состоянии поддерживать необходимый для устойчивого развития уровень социальной сплоченности. В обществе, прошедшем пик авторитарной модернизации, вызревает конфликт между западными стандартами и традиционными ценностями, который грозит подорвать хрупкую конструкцию полиэтничной политической нации. Трезвая оценка политической элитой этих

²³³ См.: Singapore: A Country Study / B. Leitch Lepoer ed. Washington: GPO for the Library of Congress, 1989 (<http://countrystudies.us/singapore/19.htm>).

²³⁴ Ortmann S. Singapore: The Politics of Inventing National Identity // Journal of Current Southeast Asian Affairs, 2009, №4. Pp. 23-46.

рисков может, по мнению аналитиков, привести к постепенному дрейфу в сторону расширения возможностей неполитического участия граждан («коммунитарная модель» развития), либо к общей либерализации режима²³⁵. О грядущих изменениях свидетельствуют предложения главы нынешнего кабинета Ли Сянь Луна по реформе избирательной системы: речь идет об обеспечении возможностей большей состоятельности партий на политической арене.

Китай – «пессоптимистическая» нация?

Иначе проблемы формирования идентичности стоят сегодня перед динамично развивающимся *Китаем*. В отличие от Сингапура это страна древних политических и культурных традиций. Разрывы в социальной ткани китайского общества актуализировали запрос на укрепление национально-государственной идентичности. Восприятие государства как высшей ценности заложено в китайской политической культуре – культуре патерналистско-государственнического типа, основанной на конфуцианском идеале «государства-семьи». Оно сдерживает саму потребность в формировании гражданского общества, которую, казалось бы, диктуют императивы социально-экономической трансформации, и закладывает основы государственной политики социальной консолидации. Опорой такой политики становится китайское историческое сознание. «Само богатство истории, а, вернее, «историческая память» о великих достижениях прошлого на уровне общественного и индивидуального сознания выступает мощным консолидирующим фактором, а также формой психологической защиты и идентификации социума» и «источником впечатляющего патриотизма» в современном Китае²³⁶.

Однако в китайской истории есть не только «белые пятна», но и «черные дыры». Осмысление недавнего прошлого государство направляет в нужное для поддержания общих ориентиров развития русло. Китай 2000-х годов британский исследователь У.Кэллэхэн назвал «пессоптимистической нацией», имея в виду то, как «китайская идентичность утверждается в переплетении позитивных и негативных эмоций» в отношении своего прошлого и настоящего²³⁷. Речь идет о желании получить воздаяние за пережитое в «годы национального унижения» – столетия, открытого поражением в «опиумных войнах» в 1840-е годы и окончившееся образованием КНР в 1949 г. Комплекс «обиженного народа – жертвы» активно используется китайской дипломатией (в частности, в противостоянии требованиям независимости Тибета и обвинениям в попрании в этом регионе прав человека со стороны международного сообщества). В начале нынешнего десятилетия было принято решение отмечать на государственном уровне «День национального унижения», затем его сменил «День национальной обороны». В качестве символа памяти на руинах, оставленных англичанами и французами на месте садов столичной императорской резиденции в 1860 г., создан парк - мемориал. Государство подогревает патриотические чувства и в то же время пытается держать под контролем имперско-националистические настроения. С другой стороны, в политике конструирования новой китайской идентичности настойчиво подчеркивается величие древних традиций и их историческая преемственность.

²³⁵ См. интервью Г. Кох, Институт политических исследований Сингапура (<http://www.channelnewsasia.com/stories/singaporelocalnews/view/433907/1/.html>). См. также: (www.ips.org.sg/).

²³⁶ Корсун В.А. Идентичность с «китайской спецификой» // Полис, 2008, №3. С. 71.

²³⁷ Callahan W.A. China: The Pessoptimist Nation. Oxford: Oxford University Press, 2009. Цит. по: Wills M. China's Identity Crisis // The Oxonian Review, 2010, Feb. 15. (<http://www.oxonianreview.org/wp/chinas-identity-crisis/>).

Такое самовосприятие создает конфликт внешней («для других») и внутренней («для себя») идентичности. Эту конфликтность усиливают «периодические рецидивы и всплески архаичности», об опасности недооценки которых предупреждают исследователи²³⁸. Образ Китая как динамично развивающегося конкурента ведущих экономик мира, мощного центра силы и возможного кандидата на мировое лидерство слабо согласуется с комплексом «национального унижения». Но он активно используется политической элитой как мобилизующая сила: Китай доказывает не только миру, но, в первую очередь, самому себе, что страна едина в переживании своей истории и что у нее «одна мечта», а ее граждан объединяет устремленность в будущее. Олимпийские игры в Пекине, Экспо-2010, мероприятия по проведению года Китая за рубежом используют классические средства из арсенала мягкой силы для создания положительного образа Китая в мире. Признанным символом Китая стала панда, этот национальный бренд олицетворяет китайскую уникальность вкупе с миролюбием и заметно потеснил традиционного дракона.

Пока процессы конструирования национально-государственной идентичности нового Китая идут в русле, которое целенаправленно формирует государство. Над ними довлеют проблемы социального неравенства и этнонациональных противоречий, но бурный экономический рост позволяет направлять этот процесс в нужную государству сторону. Идентичность китайской нации выстраивается на сочетании нынешнего экономического успеха и уважения к истории как к неотъемлемой части национального опыта. Следующим шагом может стать стремление взять мирный реванш у исторических противников, возведенное в ранг спланированного общества национального проекта... Однако при китайском капитализме уже выросло поколение городских жителей, которое становится носителем «гибридных» ценностей. Оно может оказаться менее восприимчивым к национально-цивилизационным основаниям идентичности, к которым апеллирует нынешняя государственная политика.

Гражданская идентичность как ресурс общественного развития

Взятые для сравнительного анализа примеры позволяют сделать вывод о значении политической культуры как опоры эффективной государственной политики формирования идентичности. В трансформирующихся обществах такая политика становится вместилищем для национальной идеологии, компенсируя идиосинкразию в отношении жестких идеологических моделей. Упор в публичной политике делается на конструировании национально-государственной идентичности на цивилизационных основаниях, но на практике ее нередко подменяет этническое самосознание. Государство в лице политической элиты апеллирует к эмоциональным основаниям идентичности. Большую роль на всех этапах политической и социальной организации играет феномен лидерства (начиная с лидера государства – «отца» молодой нации). *В ситуациях активной социокультурной динамики политическая идентичность оказывается пластичной структурой, и становление ее гражданских оснований становится определяющим фактором упрочения демократических институтов.*

В развитых странах трудности укрепления политической нации стимулируют поиски новых ориентиров и новой мотивации развития. В центре внимания оказывается человек как носитель гражданского самосознания, на которое опираются институты политической нации. Основной упор делается на социальной

²³⁸ Корсун В.А. Идентичность с «китайской спецификой». Цит. соч. С. 78.

политике, она используется в качестве инструмента общественной консолидации. Но в политическую практику «в форме дебатов об идентичности» (по выражению А.Турена) возвращается и морально-этический, и этнический, и даже примордиальный дискурс. *За нынешними «дебатами об идентичности» и «борьбой за идентичность» просматриваются контуры иной конфигурации будущего мироустройства, в котором само государство теряет свою идентичность. Она трансформируется в констелляцию идентичностей, и некоторые из них уже сегодня претендуют на политико-институциональное оформление.* Формирование надэтнической гражданской идентичности оказывается для современного государства вопросом выживания.

Эффективность политики формирования идентичности предопределяет экономический успех, динамичное развитие страны. *Социальная консолидация на основе гражданской идентичности и последовательная модернизация идут рука об руку.* Но государство – только один из участников такой политики. В нее вовлечены гражданские организации и группы интересов, интеллектуальные сообщества и экспертные структуры, институты социальной сферы и культуры, СМИ, бизнес, органы местного самоуправления, сами граждане. Характер такой вовлеченности, ее качество и повестка дня позволяют оценить ограничения и перспективы эволюции политических практик современной демократии.

Л.А. Фадеева,
Пермский государственный университет

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: СТРАТЕГИИ И АКТОРЫ²³⁹

Идентичность рассматривается в социальных науках как множественная, гибкая, изменчивая, социально конструируемая, меняющаяся в зависимости от исторического и политического контекста и стратегии акторов структура. Один из важных моментов в исследовании идентичности – вопрос о том, в какой степени она может быть сконструирована, на какой основе и какими акторами, влияют ли на эффективность конструирования идентичности разные стратегии. В ходе конференции этот вопрос активно обсуждался участниками. О.Ю.Малинова справедливо отметила, что «политику идентичности», направленную на интеграцию стоящих за ними сообществ, поощрение солидарности» проводят все современные государства²⁴⁰. И.С.Семененко обратила внимание на то, что в качестве актора конструирования выступает не только государство; более того, в «иной конфигурации будущего мироустройства» само государство может утратить идентичность²⁴¹. Пример формирования макрополитической идентичности наднационального образования дает Европейский Союз. Нередко ЕС в целом рассматривается исследователями как инновационный политический институт. В других случаях акцент в определении политики идентичности делается на таких институтах, как Европейская комиссия и Европейский парламент. Так или иначе,

²³⁹Статья подготовлена в рамках гранта Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров № 09-95275-000-GSS «Борьба за идентичность и новые институты коммуникации».

²⁴⁰ См. в данном сборнике: Малинова О.Ю. Российская политическая элита и конструирование макрополитической идентичности.

²⁴¹ См. в данном сборнике: Семененко И.С. Национальные практики формирования идентичности: опыт сравнительного анализа.

анализ политики формирования европейской идентичности дает возможность определить стратегии и механизмы, используемые для таких целей политическими институтами. Тем более, что о европейской идентичности речь идет преимущественно как о коллективной и политической. Некоторые авторы считают необходимым уточнить, что европейская идентичность означает чувство принадлежности граждан ЕС к данному наднациональному образованию²⁴².

Практически единодушно европейская идентичность оценивается в Европеистике (European Studies) как социальный конструкт, который тесно сопряжен с процессами интеграции. Любопытно, что проблематика идентичности включена авторами коллективной работы «Исследовательская повестка дня для Европеистики» в раздел «Теории интеграции. Конструктивизм»²⁴³. Франк Шиммельфенниг называет идентичность и социализацию ключевыми концептами конструктивистского анализа европейской интеграции²⁴⁴. В таком случае закономерно акторами конструирования выступают «архитекторы» Европейского Союза, политическая элита. Соответственно, европейская идентичность как элитный проект становится объектом критического анализа в духе «дефицита демократии».

В 2003 г. Ф.Черутти опубликовал статью «Политическая идентичность европейцев?». Знак вопроса в заголовке был не случайным: автор полагал, что становление политических институтов Европейского Союза не сопровождалось должным образом формированием политий²⁴⁵. В этом же году под его редакцией вышел двухтомник «Душа Европы: о культурной и политической идентичности европейцев», целью которого было развернуть публичную дискуссию по проблеме европейской идентичности. В ходе этой дискуссии наиболее распространенным оказалось суждение об идентичности европейцев как о социальном конструкте. Разумеется, этот конструкт имеет основания, благодаря общему историческому прошлому европейского континента, историко-культурному происхождению Европы, однако, основное внимание уделяется приверженности единым политическим принципам²⁴⁶, «конституционному патриотизму», как предложил называть этот подход Ю.Хабермас.

В манифесте "После войны: возрождение Европы", опубликованном 31 мая 2003 г. по-немецки на страницах "Frankfurter Allgemeine Zeitung" и по-французски в газете "Liberation" Хабермас и Деррида подняли «вопрос, муссируемый многочисленными скептиками: существуют ли исторический опыт, традиции и достижения, которые способствуют осознанию европейскими гражданами совместно выстраданной и требующей совместного формирования политической судьбы?»²⁴⁷. Их ответ на данный вопрос включал предложение учитывать при конструировании

²⁴² Sylke N. European Identity and the Future of Europe// Maurizio Bach, Christian Lahusen, Georg Vobruba (eds.) Europe in Motion. Social Dynamics and Political Institutions in Enlarging Europe. Berlin, Edition sigma, 2006. P. 157.

²⁴³ Research Agenda in EU Studies. Stalking the Elephant/ Ed. by M.Egan, N.Nugent, W.E.Paterson. London, Palgrave Macmillan, 2010. P. 40-44.

²⁴⁴ Schimmelfennig F. Integration Theory // Research Agenda in EU Studies. Stalking the Elephant / Ed. By M.Egan, N.Nurgent, W.E.Paterson. London, Palgrave Macmillan, 2010. P. 41.

²⁴⁵ Cerutti F.A Political Identity of Europeans? (<http://the.sagepub.com/cgi/content/abstract/72/1/26>).

²⁴⁶ European Values and Identity. (<http://www.euractiv.com/en/culture/european-values-identity/article-154441>).

²⁴⁷ Хабермас Ю., Деррида Ж. Наше обновление после войны: второе рождение Европы // Отечественные записки, 2003, № 6. (<http://www.strana-oz.ru/?numid=15&article=715>).

европейской идентичности социальные, политические и культурные факторы, в том числе коренящиеся в прошлом: «Различие между наследием, перенимаемым нами, и тем, которое мы хотим отвергнуть, требует столько же осторожности, сколько и решительности в интерпретации, с помощью коей мы его усваиваем. Исторический опыт предлагает себя лишь для осознанного усвоения, без которого он не сможет обрести силы, образующей идентичность... Будущее Европы должно слышаться в буйной какофонии многоголосой публичности»²⁴⁸. В публичной дискуссии формировалось и новое понимание гражданской идентичности.

Впрочем, европейская идентичность оказалась в повестке дня в кругах политической элиты намного раньше, и есть резон обратиться к некоторым основным вехам в становлении политики идентичности. Еще в декабре 1973 г. девять министров иностранных дел стран-членов Европейских Сообществ (к тому периоду к шестерке стран-участниц присоединились Великобритания, Ирландия и Дания) подписали Декларацию европейской идентичности²⁴⁹. В этой декларации утверждается, что, несмотря на вражду и конфликты в прошлом, сегодня европейские страны имеют общие цели и интересы, именно поэтому они смогли объединиться в единую организацию, фундаментальными принципами которой являются демократия, закон и права человека.

В 1974 г. на саммите ЕЭС в Париже обсуждался большой пакет инициатив по реформированию структур организации. Бельгийский премьер-министр Л.Тиндеманс в своем докладе высказал следующую идею: население Европы не хочет видеть структуры единой европейской организации забюрократизированными и технократическими, поэтому необходимо максимально приближать функционирование организации к повседневной жизни граждан. Посредством использования средств коммуникации, распространения культурных продуктов, формирования европейских образовательных стандартов граждане будут приобщаться к общеевропейской политической и культурной жизни. «Дальнейшее развитие европейского проекта невозможно без поддержки людей», – сказал Л.Тиндеманс²⁵⁰. Однако, на том этапе его идеи поддержки не получили. Однако, постепенно в элитных кругах стало складываться представление, что европейская идентичность имеет не только эмоциональное, культурное, психологическое измерение, но и вполне прагматичное, утилитарное: она означает поддержку европейской интеграции и институционального развития ЕС²⁵¹.

С 1980-х годов в центре внимания политических деятелей стран-участниц Европейского Сообщества оказались проблемы социального и политико-культурного контекста европейской интеграции²⁵². 26 июня 1984 г. на саммите в Фонтенбло главы государств и правительств десяти стран-членов организации объявили о том, что они хотят усилить европейскую идентичность граждан своих государств. В итоге была организована рабочая группа, целью которой являлась разработка мер, способных усилить единую европейскую идентичность и сформировать внутреннее

²⁴⁸ Там же

²⁴⁹ Document on the European Identity published by the Nine Foreign Ministers (Copenhagen, 14 December 1973). (<http://www.ena.lu/>).

²⁵⁰ Tindemans L. Report on European Union (29 December 1975). (<http://www.ena.lu/>).

²⁵¹ Sylke Nissen. European Identity and the Future of Europe// Maurizio Bach, Christian Lahusen, Georg Vobruba (eds.) Europe in Motion. Social Dynamics and Political Institutions in Enlarging Europe. Berlin, Edition sigma, 2006. P.161

²⁵² Зидентоп Л. Демократия в Европе. М., 2001. С. 42 – 43.

пространство Европы без границ²⁵³. Проект, в рамках которого развивалась деятельность по реализации этих мер, получил название «Народная Европа» («A People's Europe»)²⁵⁴.

Был предпринят комплекс разнонаправленных мер, имеющих целью усиление европейской составляющей в идентичности населения ЕЭС. Важными институциональными вехами и маркерами стали взаимное признание государствами-членами ЕС дипломов о высшем и профессиональном образовании (1985); установление соответствия профессиональных стандартов в европейских государствах, участвующих в интеграции, в области ряда профессий и сфер²⁵⁵; введение единого для граждан стран-членов ЕЭС паспорта; принятие в 1986 г. единых символов Европейских сообществ - флага и гимна²⁵⁶. Как отмечает А.Тэвдой-Бурмули, появление европейского паспорта, введение европейского гимна, флага – это политические акции, обладающие символическим смыслом. Их цель, с одной стороны, подтвердить возникновение еще одного уровня идентичности – европейской; а с другой – стимулировать ее развитие²⁵⁷. Шло оформление пространства символической политики. Официальная политика Европейского Союза в 1990-е – начале 2000-х годов включала кодификацию европейской культуры посредством символов и церемоний, их массивификацию и ритуализацию. Значительный акцент был сделан на развитии единого образовательного пространства. В 2000 г. Европейская Комиссия объединила все образовательные программы в общий проект «Lifelong Learning Programme» (2007-2013). 2001 г. был объявлен «Европейским годом языков», успешное осуществление которого увенчалось учреждением Европейского дня языков, который отмечается каждый год 26 сентября²⁵⁸.

В рамках политики ЕС в области культуры и образования разработана программа, специально нацеленная на развитие единой европейской идентичности – «Европа для граждан» («Europe for Citizens»). Программа предусматривает работу на нескольких направлениях: налаживание сотрудничества между муниципалитетами разных европейских стран; поддержку гражданских инициатив и организаций гражданского общества различных уровней, развитие сотрудничества между ними; проведение специальных мероприятий (концертов, общеевропейских празднований, конференций), направленных на укоренение и поддержание европейского гражданства; сохранение памяти о прошлом Европы (в том числе и темных сторонах ее истории) и распространение знаний о современном этапе развития Европы²⁵⁹.

Акцент на культурной и образовательной составляющей особенно важен с учетом значимости культуры для европейцев. Опросы общественного мнения

²⁵³Shore C. European Union and the Politics of Culture. (<http://www.brugesgroup.com/mediacentre/?article=13>).

²⁵⁴Документы см. в эл. библиотеке «Народная Европа». (http://www.ena.lu/peoples_europe-020102134.html).

²⁵⁵Обердорфф А. Политическое становление Европы // Европейская интеграция: современное состояние и перспективы. Минск, 2001. С. 21.

²⁵⁶A People's Europe. (<http://www.ena.lu/>).

²⁵⁷(<http://www.intellectuals.ru/cgi-bin/proekt/index.cgi?action=articul&statya=viewstat&id=147613&versia=1>).

²⁵⁸Языковое разнообразие (<http://www.rus-eu-culture.ru/591/596/>).

²⁵⁹Europe for Citizens Programme 2007-2013. Programme guide (http://eacea.ec.europa.eu/citizenship/programme/documents/EACEA_2008_0185_EN.pdf).

фиксируют, что для 77% европейцев культура важна как таковая, что они интересуются культурными событиями в своей стране и в соседних государствах. 67% опрошенных соглашаются с наличием единой европейской культуры, отличной от культур остальных континентов, а 76% поддерживают точку зрения, что европейская культура не едина, а разнообразна, но в этом разнообразии она неразделима, целостна и поэтому отлична от всех прочих. Важность культурного сотрудничества в Европе признают 89% граждан ЕС. Большинство поддерживающих европейскую политику в области культуры граждан – молодые люди, живущие в городах и имеющие высшее образование. Среди культурных ценностей единой Европы они назвали: мир, свободу мнения, социальную справедливость, терпимость, открытость, уважение к истории, культурное разнообразие²⁶⁰.

В то же время, главными акторами, конструирующими европейскую идентичность, оставались элита и еврократия. Институциональные рамки задавали учредительные договоры и акты Европейского Союза, а также программные документы, реализующие мероприятия в рамках направлений совместной политики государств-членов ЕС. В связи с этим конструирование европейской идентичности продолжало оцениваться преимущественно как элитный проект²⁶¹. В повестку публичной политики аналитиками, экспертами, гражданскими активистами были поставлены вопросы демократического дефицита в ЕС и засилья еврократии, проблемы европейского гражданства и Европейской конституции²⁶². Исследователи, публицисты, активисты включились в дискуссию о европейской идентичности как многоплановом и многоуровневом феномене. Дискуссия обострилась в процессе обсуждения и принятия Конституции ЕС. Анализируя статистику Евробарометра, можно обнаружить, что только 4% европейских граждан считают себя исключительно европейцами; в сознании 6% европейцев европейская идентичность стоит на первом месте по сравнению с национальной; европейская идентичность значима, но первое место занимает национальная у 43% граждан ЕС; и, наконец, только национальная идентичность присуща 41% европейцев²⁶³. Референдумы являются одной из наиболее важных форм вовлечения граждан ЕС в политический процесс, вот почему неудача референдумов во Франции и Нидерландах по вопросу о конституции сделала конституционный процесс «драмой европейской идентичности» (выражение российского исследователя Д.Ефременко)²⁶⁴.

Существуют и другие сложности на пути формирования европейской идентичности: дифференциация на «коренных» (базовых, основных, создающих ядро) европейцев, «периферийных» европейцев, потенциальных европейцев и не-

²⁶⁰ Eurobarometer Survey on Cultural Values within Europe. (http://ec.europa.eu/dgs/education_culture/publ/pdf/culture/barometer_en.pdf).

²⁶¹ Buggert S. and Preller K. European identity as a multilevel construct. Which Factors Influence Support for European Union and European Identity (www.uni-konstanz.de/.../european_identity_buggert.prellwer.pdf).

²⁶² Fossum J.E. 2001. Identity Politics in the European Union. // *European Integration*, Vol. 23, № 4; Jacobs D., Mayer R. *European Identity: Construct, Fact and Fiction / A United Europe: the Quest for Multifaceted Identity*. Maastricht: Utrecht University; Laffan, Brigid. 1996. *The Politics of Identity and Political Order in Europe* // *Journal of Common Market Studies*, Vol. 34, № 1.

²⁶³ Eurobarometer 72. Public opinion in the European Union (http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb72/eb72_first_en.pdf).

²⁶⁴ Ефременко Д.В. Драма европейской идентичности // *Политическая наука*, 2005, № 3. С.157.

европейцев (Клаус Эдер)²⁶⁵; барьеры – этнические, религиозные, культурные, социальные. Отмечаются признаки трансформации идентичности, продолжаются поиски ответа на вопрос, чем характеризуется «европейскость» в современном мире²⁶⁶. До сих пор нет серьезных подвижек в том, что касается расширения круга акторов процесса конструирования европейской идентичности.

Помимо референдумов, участие в выборах в Европарламент является формой политического вовлечения граждан и актуализации политической идентичности. И если одни авторы делают акцент на слабом интересе граждан к данному институту и выборам, то по мнению других, гражданская Европа проявляется раз в 5 лет – во время выборов в Европарламент²⁶⁷. Выборы организованы по системе партийных списков. Избиратели голосуют не за конкретных политиков, а за партии, которые получают число мандатов, пропорциональное доле набранных голосов²⁶⁸. Как известно, большинство партий стран-членов Европейского Союза являются членами панъевропейских политических объединений. Депутаты от национальных партий, проходя в Европарламент, автоматически присоединяются к соответствующей фракции²⁶⁹. Их индивидуальные позиции в значительной мере обусловлены отношением фракций.

Из семи представленных в Европейском парламенте последнего созыва (после выборов 2009) политико-партийных групп лишь три включили в свои электоральные стратегии проблематику европейской идентичности. Две из них (Европейские консерваторы и Европа свободы и демократии) выступают против развития наднациональной идентичности европейских граждан²⁷⁰. Они считают, что европейская идентичность разрушает основы идентичности национальной, и последней грозит опасность быть погребенной под общеевропейскими идеями, символами и принципами²⁷¹.

В противоположность им Европейская народная партия видит своей главной целью развитие европейской интеграции, базой для которой, по словам партийных лидеров, является прочная и развитая европейская идентичность. Соответственно, европейская идентичность рассматривается ими как основа существования самого Евросоюза и как неотъемлемая составляющая сознания европейцев²⁷². Социалисты подчеркивают важность сохранения и уважения идентичности каждой из стран Евросоюза, и настаивают на обеспечении свободы для самовыражения культур всех стран ЕС. В то же время они дорожат общеевропейским культурным наследием и говорят о том, что в разнообразии европейских культур – сила Европейского Союза. И все же акцент эта фракция делает на социально-экономической составляющей,

²⁶⁵ Eder K. *Collective Memory and European Identity: The Effects of Integration and Enlargement*. Burlington: Ashgate Publishing Company, 2005.

²⁶⁶ Jacobs D., Robert M. *European Identity: Construct, Fact and Fiction // A United Europe: the Quest for Multifaceted Identity*. Maastricht. (Utrecht University).1998

²⁶⁷ Казаюз Ж. *Европейская идентичность // Европейская интеграция: современное состояние и перспективы*. Минск, 2001. С. 311.

²⁶⁸ Выборы в Европарламент – проблемы избирательной практики Евросоюза. (http://www.cikrf.ru/international/evroparl_160609.jsp).

²⁶⁹ Political groups. (<http://www.europarl.europa.eu/parliament/public/staticDisplay.do?id=45&pageRank=4&language=en>).

²⁷⁰ Europe of Freedom and Democracy: Group Political Platform. (<http://www.efdggroup.eu/>).

²⁷¹ European Election Manifesto. (<http://www.ecrgroup.eu/>).

²⁷² Our vision of Europe in 2020. (<http://www.epp.eu/>).

подчиняя ей все остальное²⁷³. Альянс либералов и демократов, напротив, делает упор на политической компоненте: для них быть европейцем – значит быть либералом²⁷⁴.

Партийная дифференциация по вопросу о европейской идентичности важна не столько в плане влияния фракций на общественное мнение, сколько тем, что отражает наличие широкого спектра суждений и позиций европейской общественности. Впрочем, в трактовке Ю.Хабермаса европейская общественность – это не все заинтересованные и активные граждане, а особые коммуникации гражданских обществ стран-членов ЕС по политически и социально значимым темам²⁷⁵.

Европейские исследователи расходятся в оценках того, нужно ли что-то кардинально менять в интеграционном процессе для актуализации европейской идентичности; замедлит ли интеграцию то, что граждане ЕС приоритетной продолжают считать национальную, а не европейскую идентичность. Очевидно, что стратегия конструирования европейской идентичности как элитного проекта не дала ожидаемых результатов. Сказалась и «молодость» Европейского Союза как объекта идентичности. Выглядят правомерными попытки элитных кругов ЕС смягчить и разнообразить политику формирования макрополитической идентичности, сместить акценты в сторону культурных и образовательных компонентов основания европейской идентичности, расширить круг акторов, учитывать «целенаправленную работу по формированию политических сообществ» и деятельность интеллектуальных, экспертных сообществ²⁷⁶. Аналитические статьи и записки экспертов, доклады и выступления в ходе научных и публичных дискуссий создают необходимое пространство и основания для того, чтобы конструирование европейской идентичности не было сугубо элитным проектом и осуществлялось с учетом всей многогранности и сложной композиции самого этого феномена.

**Е.С. Крестинина,
ИМЭМО РАН**

ФОРМИРОВАНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Динамика общественного мнения по вопросам европейской интеграции не может быть в полной мере объяснена с позиций изменения баланса экономических выгод и издержек. В числе других объясняющих факторов можно выделить и состояние национальной политической идентичности. *Политическая идентичность* – особый вид социальной идентичности, связанный с (само)определением сообщества и индивида в политических категориях в процессе соотнесения с определенными политическими институтами и имплицитно подразумевающий специфическую для данного сообщества и его членов форму участия в политическом процессе, в том числе и взаимоотношений с другими участниками политического процесса, не являющимися членами данного сообщества. Значение политической

²⁷³The new social Europe. (<http://www.pes.org>).

²⁷⁴ European Liberals and Democrats: Past and Present. (<http://www.alde.eu/en>).

²⁷⁵ Хабермас Ю., Деррида Ж. Наше обновление после войны: второе рождение Европы // Отечественные записки, 2003, № 6. (<http://www.strana-oz.ru/?numid=15&article=715>).

²⁷⁶ Семенов И.С. Реальность и миражи европейской идентичности / Внутриполитические трансформации в странах Запада: реальность и перспективы. М.: ИМЭМО РАН, 2007.

идентичности в том, что, отвечая на базовые вопросы «кто?» и «какой?», она определяет положение индивида и группы в социальном и политическом пространстве.

На уровне ЕС на сегодняшний день обозначились некоторые контуры социальной общности, однако говорить о выработанной социальной и политической идентичности еще рано: в понятие «быть европейцем» разные индивиды вкладывают различный смысл. А с развитием политической компоненты интеграции обозначилась проблема «дефицита демократии», связанная с отстраненностью европейских граждан от осуществления политического процесса в ЕС. Дефицит демократии одним из своих следствий имеет проблему доверия европейским институтам. Следовательно, необходимо формирование и развитие новых идентичностей, учитывающих сложность текущих процессов, в том числе и в политической сфере, и гармонизирующих соотношение национального и наднационального в политическом сознании граждан. Таким образом, встает проблема построения европейской политической идентичности и формирования европейского демоса. Национальные политические идентичности в данном процессе способствуют как усилению, так и ослаблению динамики становления наднациональной общности.

Одним из инструментов укрепления европейской политической идентичности является трансформация институциональной архитектуры политики. Соотношение институтов и идентичности можно рассматривать с трех точек зрения – функционалистской, социализирующей и убеждающей²⁷⁷. Первая предполагает практически автоматическое изменение коллективных идентичностей с изменением институциональной архитектуры: чувство принадлежности в этом случае никак не опосредуется сознанием, а нерелексивно принимается как импульс среды. Механизм социализации связывают с формированием у непосредственно вовлеченных в такую деятельность институтов определенного представления о «правилах игры» и «приемлемом поведении» и, как следствие, изменение их идентичности. Однако в рамках данного механизма не совсем ясным остается то, как идентичность распространяется за пределы непосредственно вовлеченного круга лиц. Механизм убеждения дополняет механизм социализации, делая упор на ролевые характеристики институтов как акторов и агентов новой идентичности, что позволяет им распространять такую идентичность через конструирование мифов, символов и фреймов. Институты в рамках данного механизма выступают в роли законодателей повестки дня, задают оптику ее рассмотрения, постепенно формируя некий набор целей, ценностей, убеждений, практик и в, конечном счете, идентичности.

Механизм социализации и убеждения позволяет проанализировать формирование политической идентичности на уровне элит, вовлеченных непосредственным образом в политические процессы на европейском уровне. На текущем этапе европейского строительства позиция элит по отношению к европейской интеграции играет ведущую роль. В первую очередь потому, что именно элиты во многом выступают в качестве «законодателей» повестки дня, т.е. инициируют рассмотрение европейских проблем под определенным углом зрения, способствующим или препятствующим формированию позитивного восприятия процессов европейского строительства массовым сознанием. Исследования показывают, что, чем больше расхождение внутри элитных кругов по вопросам европейской интеграции, тем чаще оказывается мобилизованной эксклюзивная

²⁷⁷ Identities in Europe and the institutions of the European Union / R. K. Herrmann, M.B. Brewer and T. Risse (eds.) Lanham, MD.: Rowman and Littlefield, 2004. P. 240-245.

национальная идентичность и тем более неоднозначное отношение к европейскому проекту проявляется в массовом сознании²⁷⁸.

Представители политического класса, непосредственно вовлеченные в деятельность европейских политических институтов или национальных политических институтов, которые, тем не менее, находятся под влиянием европейской политики, вынуждены вырабатывать определенную позицию относительно протекающих процессов. То есть среди представителей политической элиты, и, особенно, среди включенных в политический процесс на уровне ЕС, нет не определившихся в своем отношении к европейскому проекту. Есть сторонники, скептики, противники, но нет тех, кто не имел бы четко сформулированной позиции, равно как и тех, кто не ощущал бы политического значения европейских институтов²⁷⁹. Однако, вместе с тем, представляется преждевременным утверждение о наличии единого европейского политического класса, скорее можно говорить о выстраивании взаимоотношений элитных групп внутри европейского пространства.

Важную роль в укреплении европейского уровня в политической идентичности элит играют европейские институты бюрократического типа. Б.Лаффан, рассматривая такой бюрократический институт, как Суд Европейского союза, указывает, что с его учреждением и развитием европейского права сформировался отдельный слой служащих (адвокаты, судьи, юристы), чья профессиональная, а затем социальная и политическая идентичность поднялись на европейский уровень²⁸⁰. Устойчивость позиций еврократии и ее благополучие (в том числе и материальное) напрямую зависит от успешной реализации европейского проекта, поэтому лояльность еврократии европейским ценностям достаточно высока. Гораздо менее однородна идентичность у вовлеченных в деятельность межнациональных институтов ЕС. Сама специфика межнациональных институтов предполагает сочетание национального и наднационального, т.е. логика деятельности выстраивается не на подчинении, а на балансе интересов. Таким образом, у элиты, связанной с межнациональными институтами, идентичность носит не «вложенный», а «пересеченный» характер: элита такого рода не отрывается от национальной проблематики и не переходит в полной мере на европейскую «оптику». С одной стороны, подобное положение дает возможность для эффективной трансляции европейского на национальный уровень. Так, Б.Лаффан видит перспективу распространения европейской идентичности на национальный уровень через тех представителей национального политического класса, которые вовлечены в деятельность Европейского совета и которые, «будучи представителями национальных государств, тем не менее обязаны развивать вторичную лояльность к коллективной арене»²⁸¹.

Но при этом наличие тесной связи с национальным уровнем разработки и принятия политических решений не дает элите, вовлеченной в межнациональные институты, сложиться в единый европейский политический класс. Это связано с тем,

²⁷⁸ Hooghe L., Marks G. Does Identity or Economic Rationality Drive Public Opinion on European Integration? // PS: Political Science & Politics, 2004, N 37. P. 415-420.

²⁷⁹ См. Feron E., Crowey J., Giorgi L. The emergence of a European political class. Europub D3, 2007.

²⁸⁰ Transnational identities: becoming European in the EU Governance in Europe / R.K. Herrmann, T. Risse-Kappen, M.B. Brewer (eds.). NY, Rowman and Littlefield Publ., 2004. P. 86-87.

²⁸¹ Ibid. P. 94.

что национальная принадлежность оказывает достаточно существенное влияние на восприятие и отношение к европейской политике и порождает неоднородность, к примеру, внутри европейских политических партий²⁸². Так как связи с национальным уровнем весьма тесны, представители межнациональных институтов не столь сильно, как представители евробюрократии, обязаны своим благополучием процветанию и укреплению европейского уровня. Более того, отсутствие единой политической идентичности представителей европейских межнациональных институтов затрудняет выработку паттерна «трансляции» идентичности на уровень масс. Как отмечает М.В.Стрежнева, «многим по-прежнему ближе либеральная модель его политической организации, предполагающая сохранение основ национального суверенитета... для подобной организации развитие транснациональных связей сулит серьезную проблему... Отсюда предпочтение, которое правящие круги отдают соответствию политической системы ЕС формальным демократическим критериям, позволяющим выделять в качестве политических субъектов демократии в Евросоюзе “европейских” граждан (то есть только национальных граждан государств-членов), тормозя тем самым оформление коллективного транснационального субъекта»²⁸³.

Дж.Уолсен предлагает разделять институты на укорененные (living) и формальные (legal)²⁸⁴. Разница между укорененными и формальными институтами заключается в разных возможностях влияния на общественное сознание. Формальные институты могут быть приняты обществом, пользоваться его доверием (т.е. не вызывать у общества протеста), но при этом они являются внешними по отношению к обществу из-за того, что люди не чувствуют с ними связи. За укорененными институтами признается *значимость*, их влияние на повседневную жизнь не подвергается сомнению и, следовательно, появляется *необходимость* тем или иным образом выстраивать с ними отношения. Именно укорененные институты способны оказывать значительное влияние на формирование идентичности. Однако, если посмотреть на состояние массового европейского сознания, то можно заметить, что евроинституты в большинстве своем воспринимаются именно как формальные, а не как укорененные. На уровне массового сознания европейское зачастую опосредуется через национальное. Это выражается в том, что среди граждан ЕС наблюдается низкий уровень знаний о европейских институтах и невысокий уровень вовлеченности в их деятельность. Так, в ходе исследования «Граждане Европы и будущее Европейского союза» отмечалось, что «недостаток знаний о принципе работы Европейских институтов представляется значительным, часто – очень значительным, иногда – неподдающимся измерению»²⁸⁵. Относительно известным институтом является Европейский парламент. Однако интерес среди граждан стран-членов ЕС к участию в выборах в этот орган остается на относительно низком уровне. По мнению многих исследователей, причина низкой вовлеченности в европейскую политику связана с тем, что и в СМИ, и в сознании людей главный акцент пока остается на национальных проблемах. А компетенция

²⁸² Feron E., Crowley J., Giorgi L. The emergence of a European political class. Europub D3, 2007. P. 36.

²⁸³ Стрежнева М.В. Структурирование политического пространства в Европейском союзе. (Демократизация) // МЭиМО, 2010, №. 1. С. 63.

²⁸⁴ Olsen J.P. Organising european institutions of governance. A prelude to an institutional account of political integration. Preprint. (http://www.arena.uio.no/publications/wp00_2.htm).

²⁸⁵ The European citizens and the future of Europe. May 2006. P. 58.

европейских институтов наиболее выражена в тех сферах, с которыми рядовые граждане в повседневной жизни мало соприкасаются²⁸⁶.

Вместе с тем, несмотря на низкий уровень участия в европейских парламентских выборах, наиболее часто называемым базисом европейской идентичности оказываются «демократические ценности». Так, в ходе опроса весной 2009 г., когда респондентам было предложено назвать две наиболее важные составляющие европейской идентичности, 41% опрошенных назвали «демократические ценности», остальные популярные ответы собрали по 23-24% голосов²⁸⁷. Но при ответе на вопрос «Что значит быть европейцем, назовите самые важные, по вашему мнению характеристики?» (максимум 3 ответа), на важность «реализовывать гражданские права, например, голосовать на европейских выборах», указали только 29% опрошенных²⁸⁸.

Вышеприведенные данные опросов наглядно демонстрируют, что пока о складывании общей массовой политической идентичности граждан ЕС речи не идет. Большинство населения приняло и одобряет формальные рамки Евросоюза, однако еще не видит для себя возможности их конкретного наполнения, ограничиваясь общими констатациями важности «демократических ценностей», «ощущения себя европейцем» и т.п. Все это, однако, *не говорит о невозможности построения европейской политической идентичности в будущем: главным позитивным моментом на данном этапе является отсутствие конфликта национального и наднационального в массовом сознании.*

Таким образом, европейская политическая идентичность как целостный феномен пока не существует. Преодоление институционального кризиса ЕС подтвердило вектор на углубление политической интеграции и создало предпосылки для формирования наднациональной идентичности. Но основной вклад в этот процесс на начальном его этапе должны внести национальные политические и общественные силы (в том числе СМИ), которые могут способствовать переформированию текущей повестки дня европейского строительства и усилению европейского видения национальных процессов.

**Г.И. Вайнштейн,
ИМЭМО РАН**

ИДЕНТИЧНОСТЬ ИНОКУЛЬТУРНЫХ МЕНЬШИНСТВ КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

То обстоятельство, что проблематика идентичности (и особенно идентичности национальной и цивилизационной) совершенно явно приобрела сегодня политическое звучание, в первую очередь, на мой взгляд, объясняется тем, что феномен национальной идентичности, а в многонациональных обществах феномен наднациональной, по сути дела, цивилизационной, идентичности все отчетливее осознается в качестве фактора, цементирующего общество и обеспечивающего включенность его граждан в реализацию общегосударственных задач социально-политического развития. Если говорить о Европе, стремящейся к укреплению и

²⁸⁶ См., например, Moravcsik A. In defence of the 'democratic deficit': reassessing legitimacy in the European Union // Journal of Common Market Studies, Vol. 40. N.4. P. 615.

²⁸⁷ Standard Eurobarometer 71. The future of Europe. Spring 2009. P.39.

²⁸⁸ Ibid. P. 47.

расширению наднационального политического единства, то здесь с вероятностью реализации этой интегрирующей функции цивилизационной идентичности связываются особые ожидания политического класса.

Однако, хотя нынешние процессы глобализации, и, в частности, региональной экономической и социально-политической интеграции, в немалой степени способствуют приобщению масс к идее европейской общности, эти же процессы выступают и в качестве существенного препятствия, замедляющего, а то и вовсе блокирующего решение этой задачи. В этом плане особого внимания заслуживает такой фактор, как миграция. Неуклонно возрастающее присутствие в европейском пространстве инокультурных меньшинств, образуемых выходцами из не западных стран, подавляющую часть которых составляют выходцы из мусульманских стран Азии, Ближнего Востока и Северной Африки, все отчетливее вступает в противоречие с целями формирования европейской идентичности.

Сегодня речь идет именно о меньшинствах, численность которых не превышает в целом 6% всего населения Евросоюза. Однако, в соответствии с экспертными оценками, эти неевропейские меньшинства, и, особенно, самая многочисленная категория в их составе — лица мусульманского вероисповедания, в сравнительно недалеком будущем способны стать если не большинством европейского населения, то, по крайней мере, весьма значимой в количественном отношении величиной в его составе. Даже если допустить, что эти прогнозные оценки излишне драматизируют перспективы роста инокультурной составляющей населения Европы, то и тогда неверным было бы недооценивать масштабы деструктивного влияния фактора инокультурных идентичностей на процессы общественно-политического развития в Европе. Уже сегодня, несмотря на сравнительно ограниченные в количественном отношении размеры этой составляющей, она представляет собой источник значительной политической напряженности в Европе, вносящий весьма существенные коррективы в политическую повестку дня и расстановку политических сил.

Эта напряженность обусловлена не просто тем фактом, что в результате нынешних миграционных процессов Европа столкнулась с изменением ее национально-этнической структуры. Гораздо важнее то, что это изменение ведет к серьезной трансформации ее культурного облика. Значительная масса оседающих в Европе выходцев из незападных стран развивающегося мира оказывается не только не способной, но, главное, не желающей интегрироваться в европейское культурное пространство, оставаясь носителями чуждой европейцам культуры, непривычных для европейцев норм общественного поведения и враждебных их менталитету ценностей. В связи с этим не просто осложняется формирование общеевропейской идентичности, но и размывается та культурная и ценностная гомогенность, которая на протяжении многих веков была характерной чертой ряда европейских стран.

Думается, что этот новый для Европы феномен инокультурных идентичностей относится к числу тех явлений, значение которых определяется не столько их количественными параметрами, сколько их качественными характеристиками. И с этой точки зрения важно то, что Европа сталкивается с явным усилением негативного содержания этого «качества», а именно - с нарастанием антизападного радикализма инокультурных меньшинств, со все более широким и открытым выражением их представителями враждебного отношения к ценностям и культурным нормам европейских государств. Говоря, в частности, о радикализации настроений мусульманских меньшинств в Европе, в ноябре 2006 года тогдашний министр иностранных дел Чешской Республики Александр Вондра заявил, что эта тенденция представляет собой «фундаментальную угрозу европейскому либерализму и

демократии». Выступая перед участниками конференции «Религия и политика», он сказал: «Думаю, что все мы считаем наиболее тревожным тот факт, что в недавние годы эти радикальные тенденции выглядят набирающими силу. Активность сторонников радикального ислама и тех, кто симпатизирует ему в Европе, представляет собой сегодня главный вызов нашему континенту»²⁸⁹.

Вместе с тем, было бы неверным недооценивать и количественные параметры данного явления. С одной стороны, при относительно малой на сегодняшний день численности инокультурных меньшинств в общей массе европейского населения они уже являются весьма заметным чужеродным компонентом европейского пространства в некоторых странах Евросоюза и, особенно, в некоторых, преимущественно мегаполисных, регионах этих стран, образуя здесь совершенно неинтегрированные, обособленные в культурном и социально-экономическом отношении этнические «анклавы». С другой стороны, уже в ближайшие десятилетия Европу ожидает значительное расширение количественных параметров инокультурной составляющей. Быть может, это расширение произойдет не в столь драматических масштабах, в каких оно прогнозируется в наиболее алармистских демографических сценариях, но в принципе оно, судя по всему, уже неизбежно, и начавшийся процесс глубокого изменения национально-этнической структуры Европы необратим. При этом крайне важно отметить, что именно с этим процессом связываются расчеты радикальных исламистов, не скрывающих желание превратить приток мусульман в Европу в орудие достижения ими «демографического господства». На этом фоне нынешние миграционные тенденции и порождаемые ими трансформации европейского культурно-идентификационного пространства выглядят особенно тревожными.

Как уже подчеркивалось выше, сдвиги в этнонациональной структуре европейских стран усложняют формирование общеевропейской цивилизационной идентичности. Однако эта тенденция ведет не только к размыванию европейской идентичности. Возрастающее присутствие инокультурных меньшинств в определенной мере способствует также идентификационному самоопределению европейцев. На протяжении многих веков противопоставление себя «другим» выполняло важную функцию в осознании европейцами своей общности. Сегодня одним из таких основных негативных компонентов конструирования европейской идентичности становится осмысление европейцами своего единства через неприятие цивилизационных особенностей «новых жителей Европы». Тем самым по мере расширения инокультурной составляющей в структуре европейского населения общественно-политическая жизнь Европы наполняется новыми антагонизмами и все больше форматируется в конфликтных категориях «*мы*» – «*они*».

Эти изменения в содержании европейской политики позволяют прогнозировать сохранение и нарастание выявившихся в последнее время новых тенденций в расстановке политических сил, отличительной особенностью которых является усиление позиций праворадикальных партий, в чьей деятельности антииммигрантская, и, особенно, антиисламская, направленность занимает важнейшее место. До недавнего времени активность этих партий воспринималась как маргинальное для либерально-демократической политики Европы явление, в котором находят выход лишь пережитки расистских и ксенофобских настроений, в целом чуждые современным европейцам, приверженным принципам толерантности и идеям мультикультурализма. Реальность, однако, свидетельствует о том, что

²⁸⁹Vondra A. Radical Islam Poses a Major Challenge to Europe // Middle East Quarterly, Summer 2007, Vol.14, № 3. P. 66.

правый радикализм упрочивается на политической сцене современной Европы и что этот процесс связан не только с живучестью ксенофобских взглядов, но и с провалом политики, руководствующейся мультикультуралистскими идеями относительно возможности гармоничного сосуществования носителей разных культурных норм.

В то же время сегодня можно говорить уже не только об укреплении праворадикальных партий в политическом пространстве Европы, но и об определенном смещении вправо всей оси европейской политической жизни (по крайней мере, в вопросах, касающихся отношений между представителями коренных европейских национальностей и так называемыми «новыми гражданами» Европы). Это проявляется, с одной стороны, в том, что электоральные успехи правых радикалов ведут к их включению в процесс выработки реальной политики, а с другой - в том, что происходит известная радикализация системных политических сил и представителей традиционного политического истеблишмента.

Общим знаменателем радикализации общественно-политической жизни Европы становится утрата европейцами, включая и представителей политического класса, прежнего оптимизма относительно благотворности для западного общества сохранения мигрантами их культурного своеобразия. Согласно обследованию, проведенному несколько лет назад в семи странах Евросоюза, в среднем около четверти граждан таких государств, как Бельгия, Германия, Франция, Дания, Голландия, Великобритания и Швеция, высказывают негативное отношение к идее мультикультурного общества, отрицая тезис о том, что религиозное, культурное и расовое разнообразие играет позитивную роль в общественной жизни. От 55 до 65% граждан в этих странах присоединились к мнению о том, что у «мультикультурного общества» должны существовать пределы²⁹⁰. И хотя представители европейской политической элиты остаются в большинстве своем верны мультикультуралистской риторике, реальная политика все отчетливее свидетельствует о пересмотре либеральных подходов к проблеме интеграции иммигрантских меньшинств и о поиске более эффективных способов ассимиляции «новых жителей» Европы, которые побудили бы их жить в соответствии с общепринятыми общественными ценностями и нормами поведения.

В то же время конкретный процесс корректирования политики в области иммиграции протекает весьма болезненно, наталкиваясь на ожесточенное сопротивление сторонников либеральной модели отношения к инокультурным группам населения и становясь, таким образом, новым источником политической поляризации европейского общества. При этом есть достаточные основания ожидать, что борьба вокруг проблем, касающихся иммигрантов, будет обостряться и усложняться по мере включения самих «новых жителей» Европы в политическую жизнь принимающих их стран. На данный момент обретение все большей их частью политических прав пока еще не сопровождается появлением самостоятельных политических структур, артикулирующих их интересы. Однако было бы неверным недооценивать способность представителей разных неевропейских этнических меньшинств выступать, несмотря на всю их внутреннюю неоднородность, а нередко даже взаимную враждебность, в качестве единого «политического лобби», с которым европейские политики вынуждены считаться в ряде конкретных вопросов внешнеполитического и внутривнутриполитического характера.

²⁹⁰Majorities Attitudes toward Minorities // European Union Monitoring Centre on Racism and Xenophobia, Vienna, 2005. P.12.

Исходя из сказанного, можно, думается, говорить о том, что *возрастающая этнонациональная, культурная и конфессиональная неоднородность европейского общества делает достаточно реальным сценарий, при котором на смену социально-классовым конфликтам, или, во всяком случае, в дополнение к ним, придут социокультурные конфликты.* Думается, что это изменение окажется особенно тяжелым испытанием для европейской демократии.

**А.Г. Большаков,
Казанский (Приволжский) государственный университет**

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЮЖНОГО КАВКАЗА В УСЛОВИЯХ ДИВЕРСИФИКАЦИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Основными акторами формирования региональной идентичности являются национальные государства, региональные международные организации, социальные сети. В регионах, которые образованы в результате системных посткоммунистических трансформаций, подобными акторами выступают также «спорные государства» (непризнанные и несостоявшиеся государства) и ведущие мировые державы.

Посткоммунистические трансформации последних двадцати лет привели к диверсификации постсоветского пространства. Одним из наиболее значимых элементов данного процесса выступает регионализация территории бывшего Советского Союза. Возникло несколько новых регионов: Центральная Азия, Южный Кавказ, Балтийско-Черноморское Междуморье.

Проблемы политической идентичности Южного Кавказа четко видны в ракурсе различий терминологии, применяемой в России, западных странах, самом регионе. В Российской Федерации обнаруживается следующая тенденция: понятие «Южный Кавказ» активно применяется в науке, но в последние годы вытесняется в официальной публицистике. «Закавказье» (сугубо географический термин в советское время) постепенно становится основным понятием в российском официальном дискурсе. В политическом плане термин «Южный Кавказ» в Российской Федерации является чем-то полузапретным, но при этом он популярен в мире (например, у антиглобалистов, подвергающих правительства западных государств постоянной и жесткой критике и симпатизирующих российской политике по отношению к Грузии). В самом регионе все основные акторы идентифицируют себя через «Южный Кавказ», определенным исключением являются лишь Абхазия и особенно Южная Осетия. Эти же два государственных образования могут относительно легко поменять свою собственную идентичность и связать ее с Северным Кавказом и Россией в целом. Поэтому исключение Абхазии и Южной Осетии может поменять границы региона Южного Кавказа, но не приостанавливает процесс формирования его собственной политической идентичности²⁹¹.

На мой взгляд, в рамках академических политических исследований региональной идентичности Южного Кавказа можно использовать в качестве основного методологического инструментария универсальную схему изучения конфликта, поскольку конфликты различного уровня и вида составляют «сеть

²⁹¹ См. более подробно об этом: Маркедонов С.М. Сепаратизм на Большом Кавказе в постсоветский период: предпосылки, итоги, перспективы // Актуальные проблемы Европы: Сб. научн. тр. / РАН ИНИОН. Гл. ред. Т.Г. Пархалина / Сепаратизм в современной Европе. М.: ИНИОН, 2009, № 3. С.39-64.

безопасности», которая придает региону необходимую устойчивость и способствует удержанию ситуации в относительно стабильных рамках. Продуктивные возможности при изучении региональной идентичности имеют различные сравнительные методы, в том числе компаративный анализ, можно использовать метод сценарного прогнозирования. Универсальным методологическим подходом в исследованиях региональной идентичности может быть признан конструкционизм (конструктивизм), пришедший в политическую науку из социологии.

Три национальных государства и двадцать восемь народов, которые населяют Южный Кавказ, демонстрируют невозможность единого социокультурного менталитета на небольшой по мировым меркам территории. Однако данному региону присущи общие характеристики, которые делают любые мирные процессы затруднительными и объясняют постоянную конфликтность. По мнению известного норвежского ученого Й.Галтунга, препятствиями для любого мирного процесса на Кавказе являются: воинственный менталитет, менталитет «начальника» и менталитет жертвы²⁹². С этой точкой зрения можно согласиться, имея в виду то, что к менталитету традиционных обществ относятся и такие черты, как гостеприимство, щедрость, мужество, честь, достоинство. Фактор постоянной конфликтности создает основу для идентичности Южного Кавказа, примерно так же дело обстоит и с Северным Кавказом, но здесь существует общероссийская идентичность внутреннего региона.

Деление на Северный и Южный Кавказ возникло уже после крушения Советского Союза и носит преимущественно политический характер. Конечно, оно накладывается на географические реальности, которые связаны с наличием горного кавказского хребта и выделяют в качестве Южного Кавказа – географическое Закавказье. Культурные различия Южного и Северного Кавказа достаточно существенны, но они не препятствуют единому кавказскому менталитету людей, которые родились и живут на данной территории. Политическое разделение гораздо более жесткое. Северный Кавказ – это территория Российской Федерации. Южный Кавказ включает три национальных государства и три «спорных государства». В целом Южный Кавказ гораздо меньше по территории и составляет 1/3 от всего населения Кавказа.

Формирование идентичности Южного Кавказа происходит постепенно. Динамика данного процесса включала несколько этапов. Первый – институционализация государственности трех национальных государств региона (Азербайджана, Армении, Грузии), которая осуществлялась на фоне постоянных протестов и требований независимости непризнанными государствами (Абхазией, Нагорным Карабахом, Южной Осетией). Второй этап состоял в поддержании «замороженности конфликтов», соблюдении соглашений об их прекращении, охране территориальной целостности существующих национальных государств. На третьем этапе произошла «разморозка двух из трех существующих конфликтов» в форме «пятидневной войны» России и Грузии. После этого Российская Федерация вернула свои военно-стратегические позиции в регионе, утраченные после закрытия в 2005 году военных баз в Грузии. Россия создает свои базы в Абхазии и Южной Осетии, продлила до 2044 г. нахождение базы в Гюмри (Армения). Свое влияние в регионе расширили Турция и Иран. Западные страны наоборот потеряли свое доминирование в регионе, поскольку были заняты своими внутривнутриполитическими проблемами, экономическим кризисом, конфликтами в Ираке и Афганистане. Однако

²⁹² Галтунг Й. Некоторые наблюдения на Кавказе: Текст лекции (на англ. и рус. яз.). Тбилиси, 2000. С. 2.

влияние США, ведущих европейских государств, международных организаций значительно в Грузии, Азербайджане, Армении, Карабахе.

Политическую идентичность Южного Кавказа преимущественно определяют три национальных государства, хотя роль непризнанных или частично признанных государств несколько выросла за последнее время. Два региональных актора реализуют многовекторную политику (Азербайджан и Армения), Грузия – прозападное государство, такие «спорные государства», как Абхазия и Южная Осетия, имеют явную пророссийскую ориентацию, а Карабах находится преимущественно в орбите влияния западных стран, но и роль России для данной территории немаловажна. При этом Грузия имеет очень хорошие отношения с Азербайджаном и Арменией, а они в свою очередь находятся в конфликте между собой. Следовательно, политическая идентичность на Южном Кавказе формируется во взаимодействии с США и Европейским Союзом, с одной стороны, и Россией, с другой стороны. Турция и Иран осуществляют полноценное сотрудничество с тремя национальными государствами и пытаются строить экономические взаимосвязи с двумя «спорными государствами» (Абхазией и, особенно, Карабахом²⁹³) без их юридического признания. Южная Осетия, как правило, не воспринимается региональными державами в качестве отдельного от Российской Федерации экономического и политического актора. Экспансия Китая носит в регионе преимущественно скрытые формы.

«Пятидневная война» между Россией и Грузией из-за Южной Осетии в значительной мере изменила ситуацию на всем Южном Кавказе в пользу российских геополитических интересов. Российская Федерация смогла одержать военную победу над Грузией, отстоять фактическую самостоятельность двух пророссийских республик, признать их в качестве самостоятельных государств, что немало, учитывая, что Россия – это один из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН. Миссии ОБСЕ и ООН прекратили свою деятельность на Южном Кавказе за исключением Грузии. Россия не допускает распространения деятельности этих миссий на Абхазию и Южную Осетию. Все предыдущие соглашения, заключенные под эгидой ООН и ОБСЕ в 1992-1994 гг., в связи с изменением ситуации, утратили свою силу. Два конфликта на Южном Кавказе перешли в разряд урегулированных, хотя и неопределенных с юридической точки зрения.

Однако итоги «пятидневной войны» можно интерпретировать как двойственные, поскольку в некоторой мере они ослабили позиции России. Так, например, Российская Федерация не смогла обеспечить признание новых государств Южного Кавказа в рамках ШОС, СНГ или ОДКБ. События августа 2008 г. сказались и на обострении обстановки на российском Северном Кавказе. Признание Абхазии и Южной Осетии очень сильно воодушевили этнических сепаратистов и, особенно исламских фундаменталистов, действующих в этом российском регионе. После признания независимости Абхазии Россия столкнулась с растущим черкесским национализмом, потеряли свою стабильность Адыгея, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессия. Сохраняет определенный риск фактор потенциальной исламизации Абхазии со стороны диаспоры, проживающей в Турции. Правда, в настоящее время, он не представляет существенной угрозы.

²⁹³ Миносян С. Региональные процессы на Южном Кавказе после пятидневной войны» и ситуация вокруг Нагорного Карабаха // Майендорфская декларация 2 ноября 2008 года и ситуация вокруг Нагорного Карабаха. Сборник статей / Составители В.А.Захаров, А.Г.Арешев. М.: НП ИД «Русская панорама», 2009. С. 39-40.

Федеральным властям России на Северном Кавказе противостоит хорошо организованная политическая (преимущественно исламская) оппозиция, действующая посредством системы насильственных действий, применяемых против властей и своих сограждан (экстремизм, угрозы, теракты, политические убийства и пр.). Вооруженные атаки на представителей силовых структур и власти происходят на Северном Кавказе практически ежедневно, что, по понятным причинам, не является нормальным явлением для мирного времени. Попытки интенсивного экономического развития региона со стороны федеральных властей пока не могут обеспечить его стабильности. В условиях, когда федеральные законы не принимаются населением в качестве главенствующих правил, общество регулируется внутренними отношениями, этническими традициями, исламским правом. Ислам приобретает все большую роль на Кавказе, становясь ключевым фактором политики.

Представляется, что Россия заинтересована в дальнейшем формировании и укреплении идентичности Южного Кавказа, поскольку альтернативный проект «Кавказ», появившейся в 2009-2010 гг., играет в настоящее время на руку сепаратистам и исламистам на Северном Кавказе. В регионе Южного Кавказа значительно возрастает роль Грузии, пытающейся реализовать новую линию, направленную на формирование стабильного, единого, свободного Кавказа, нацеленного на вхождение в Европейский Союз²⁹⁴. Учитывая прозападную политику грузинского государства, подобный проект явно невыгоден России²⁹⁵, которая должна предпринять все усилия для поддержания своей целостности и обеспечения стабильности на Северном Кавказе.

Потенциально возможны, на мой взгляд, четыре проекта трансформации региональной политической идентичности Южного Кавказа в ближайшее десятилетие. Первый – «вытеснение» Запада; второй – «вытеснение» Российской Федерации; третий – компромисс через уступки и сотрудничество глобальных и региональных игроков; четвертый – присоединение Абхазии и Южной Осетии к Российской Федерации, геополитические противостояния НАТО, ОДКБ, ГУАМ, стоящих за ними ведущих мировых держав, трех национальных государств, Карабаха. Наиболее вероятным видится именно четвертый сценарий развития событий, при этом *политическая идентичность («Южный Кавказ») в ближайшие годы будет все больше доминировать над социокультурной («Кавказ»)*.

Возможен также и вариант синтеза третьего и четвертого проекта, когда период конфронтации великих мировых и региональных держав, международных организаций будет меняться на период «перезагрузки» отношений между ними. Что-то подобное мы как раз наблюдаем в мировой политике в настоящее время. Дальнейшее продвижение в формировании идентичности Южного Кавказа напрямую зависит именно от контента внешней среды региона. Внутренние факторы конструирования идентичности Южного Кавказа пока находятся на втором плане.

²⁹⁴ Дарабади П. Кавказ и Каспий в мировой истории и геополитике XXI века. М.: Издательство «Весь Мир», 2010. С. 178.

²⁹⁵ Беспалов С.В., Власов А.В., Голубцов П.В., Казанцев А.А., Караваев А.В., Меркушев В.Н. Механизмы формирования позитивного образа России в странах постсоветского пространства. М.: ЕСПИ, ИАЦ МГУ, 2008. С. 93.

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТРАНСФОРМИРУЮЩИХСЯ ОБЩЕСТВАХ И РОЛЬ ГОСУДАРСТВА: ОПЫТ КАЗАХСТАНА

Общества переходного периода, возникающие как следствие распада более крупных государств, сталкиваются с рядом проблем на пути построения национальной государственности.

Во-первых, вновь образовавшиеся страны зачастую пытаются построить собственную государственность, отрицая предыдущий опыт и теряя позитивные достижения предшествующего политического режима.

Во-вторых, в условиях глобализации экономическая свобода отдельных граждан и корпораций приводит к тому, что теряется одна из опор национальной государственности в классическом понимании. Это заставляет государства выработать новые формы взаимодействия с внешним миром.

В-третьих, для большинства государств переходного периода характерна этническая неоднородность. Дело в том, что в период существования региона в составе более крупного государства внутренние миграционные процессы – естественные или спровоцированные мобилизационным типом развития, как в СССР – вносят изменения в его этническую карту. Таким образом, во вновь образовавшихся государствах остро встает национальный вопрос – разные этнические группы вынуждены сосуществовать в условиях, когда значение одной из них преувеличивается по отношению к другим, из-за чего растет напряженность в отношениях между представителями разных этнических общностей.

Для построения сильного в политическом и экономическом плане государства обществу необходимо утвердить общие для всего населения ценности, которые стали бы основой построения новой государственности.

Построение государственности в трансформирующихся обществах зачастую происходит целенаправленно, с осознанным выбором одного из двух наиболее вероятных путей развития – опоры на этническую составляющую и усиление этнонациональной идентичности, либо построения единой нации путем формирования общей национально-государственной идентичности как опоры государственности.

Опыт Казахстана по построению государственности на основе формирования национальной идентичности хорошо иллюстрирует эти тенденции. С момента создания Республики Казахстан в 1991 г. руководство страны взяло курс на построение новой государственности на основе этнической идентичности титульной национальности с попытками ассимиляции представителей других народностей. В частности, во всех учебных заведениях было введено обязательное изучение казахского языка, начиная с первого класса школы, в учебную программу вводились дополнительные предметы, такие, как история Казахстана и казахская литература. Города и улицы переименовывались, привычные названия переводились на казахский язык. Происходило воссоздание исторической памяти, большое внимание уделялось поиску исторических героев – в честь малоизвестных исторических персонажей переименовывались улицы, их имена активно внедрялись в пространство повседневности. При этом проводилась большая просветительская работа, в первую очередь с использованием СМИ, направленная на формирование в сознании казахстанцев образа исторически сильного и независимого государства. Так, например, один из центральных проспектов в крупном казахстанском городе –

Караганде – был переименован из Советского в проспект имени Бухар-Жырау, с установкой памятника оратору на одной из площадей города. Имя Бухар-Жырау до переименования было известно только в узкой среде филологов, и понадобились значительные информационные усилия со стороны государства для объяснения его роли в истории Казахстана жителям Караганды и всей страны.

Претерпел изменение календарь - к праздничным датам были добавлены День независимости, День Конституции и День Республики, напоминающие об этапах обретения Казахстаном суверенитета. Мусульманский праздник Наурыз стал государственным, напротив, большинство государственных праздников, отмечавшихся ранее в СССР, было отменено.

Однако попытки построения казахстанской государственности на основе укрепления казахской этнической идентичности и ассимиляции других народностей не привели к достижению желаемых результатов в полной мере. В первую очередь, в силу того, что значительная русскоязычная часть населения республики оказалась невосприимчива к подобным инициативам. Несмотря на все меры по сохранению межнационального мира внутри государства, такие, например, как придание русскому языку статуса языка межнационального общения, в стране сохранялась некоторая национальная напряженность. Она была вызвана, прежде всего, неопределенностью перспектив дальнейшего развития. Многие представители нетитульных национальностей, напуганные межнациональными конфликтами в соседних государствах и перспективами дальнейших мер по ассимиляции, предпочли эмигрировать. В начале 1990-х годов XX в. значительная часть этнических немцев, евреев и русских переселились на историческую родину. Стоит отметить, однако, что эти процессы в не меньшей степени были вызваны социальной и экономической неопределенностью, характерной для развития всех государств постсоветского пространства, готовностью стран - реципиентов принять поток дешевой рабочей силы и отсутствием препятствий для выезда со стороны Казахстана. Не пытаясь противостоять оттоку населения, Казахстан заключил ряд соглашений с соседними странами об упрощенном порядке принятия гражданства. Фактически это означало, что все желающие представители русской этнической группы могли свободно переехать в Россию.

Новый этап построения национальной идентичности казахстанцев подвел к необходимости формирования общих для всех граждан ценностей, которые могли бы послужить основами построения государственности. Этот этап развития общества ознаменовался поисками новых ресурсов построения национальной идентичности и на ее основе государства-нации. Предыдущий опыт государственного строительства показал необходимость найти общие для всех граждан ориентиры, которые могли бы сплотить население и постепенно сформировать казахстанскую нацию. Усилия властей по формированию идентичности должны были найти отклик у населения для их успешной реализации.

В рамках проведения государственной политики формирования казахстанской нации в 1996 г в Казахстане была принята «Концепция формирования государственной идентичности РК», в которой официально провозглашался курс на построение государства-нации на основе «демократическо-правовой государственности» с учетом исторического опыта времен практически полной этнической гомогенности общества. Концепция определяла государственную идентичность как «соответствие всех элементов государства признакам независимого государства». При этом основами развития государственности были определены «экономическая и гуманитарная интеграция в мировое сообщество и

социальная интеграция в национальном государстве»²⁹⁶, а условием достижения желаемой цели – формирование у граждан национальной идентичности как осознания себя частью единого народа вне зависимости от этнической принадлежности. К этому времени социальный и этнический состав населения государства, претерпевший изменения сразу после обретения независимости, пришел в состояние относительной стабильности, сохраняющейся до настоящего времени, и уже мог рассматриваться как опора построения государственности.

Принятые в последующие годы документы, в частности, стратегия развития страны «Казахстан 2030», укрепили и детализировали направления развития, провозглашенные в Концепции. При этом основой акцент делался на рост социального благополучия и достижение высоких экономических показателей. Казахстан объявил своей целью вхождение в число наиболее конкурентоспособных стран мира. Благодаря своему географическому положению и возможностям политического и социально-экономического развития страна позиционировала себя как центр Центральноазиатского региона и связующее звено между Европой и Азией. По аналогии с «азиатскими тиграми» Казахстан должен был соответствовать образу снежного барса, которому присущи мудрость, хитрость, ум и энергия. Этот образ отражал историческое представление казахов о существовании тотемных животных – символов рода - и нес смысловую нагрузку, связывая будущее страны с традициями казахстанского региона. Государственная политика, направленная на формирование образа современного Казахстана, основывалась, в том числе, на укреплении в сознании граждан образа великого государства, существовавшего до присоединения территорий к России.

Для достижения поставленных целей в республике активно проводились социальные и экономические реформы. Так, основой экономического благополучия страны было объявлено малое и среднее предпринимательство, для развития которого были приняты такие меры, как введение упрощенной регистрации и документооборота, введение налоговых льгот и пр. Построению гражданского общества призвано было способствовать введение государственного социального заказа – практики поддержки неправительственных организаций посредством выделения грантов. Система образования была приведена в соответствие с международными нормами: было введено единое национальное тестирование, объединяющее выпускной экзамен в школе и вступительные экзамены в вузы, а система высшего образования перестроена в соответствии с нормами Болонской Конвенции. Примером реализации тезиса о том, что Казахстан должен стать кузницей высококвалифицированных кадров, может служить президентская образовательная программа «Болашак», которая позволяет молодым гражданам страны на конкурсной основе за счет государства пройти обучение в лучших университетах мира. «Доктрина национального единства Казахстана», принятая в 2010 г., декларирует, что «...ориентация на конкурентоспособность должна стать важнейшей частью нашего общенационального духа. Каждый гражданин Казахстана должен прочувствовать это, как стремление стать лучше, богаче, умнее, как потребность сделать все, чтобы его страна процветала».²⁹⁷ То есть власть, с одной стороны, формирует у граждан желаемый образ государства, с другой – на основе

²⁹⁶ Концепция формирования государственной идентичности РК. (http://kazakhstan.news-city.info/docs/sistemsl/dok_pegeez.htm).

²⁹⁷ Доктрина национального единства Казахстана, 2010. (http://www.assembly.kz/?ft=2000&type=93&java_tree=93).

формируемого образа укрепляет государственность, а собственно ресурсом развития государственности выступает строящаяся национальная идентичность.

Действия руководства страны за годы суверенитета, направленные на интеграцию государства в мировую политическую и экономическую системы, политика укрепления социальной сферы и гражданско-правовых аспектов государства позволяют говорить о реализации задекларированного курса построения национальной идентичности и государства-нации на основе принципов толерантности, профессионализма и гражданской активности. Результаты усилий, направленных на построение политически и экономически сильного национального государства, в полной мере удастся оценить в ближайшие десятилетия. Но уже сейчас целенаправленно формируется образ успешной и динамичной страны: по данным Агентства Республики Казахстан по статистике, в течение последних 10 лет ежегодный прирост ВВП составлял 10%, а по объему инвестиций на душу населения Казахстан занимает третье место в мире²⁹⁸. Это дает основания говорить об эффективности проводимого курса.

Но при этом политика государства по формированию национальной идентичности сталкивается с рядом серьезных ограничений. Они произрастают из проблем, характерных для постсоветских обществ и препятствующих их социальной консолидации. Это, прежде всего, закрепившиеся социальное неравенство и разрывы в уровне благосостояния и доступа к культурным ресурсам развития различных групп населения. Несмотря на то, что дифференциация по уровню доходов выражена в Казахстане не так сильно, как, скажем, в России (согласно официальным данным, соотношение доходов 10% наиболее и наименее обеспеченного населения составил в 2008 г. 6,2, а коэффициент Джини по 20% группам населения 0,274)²⁹⁹, расслоение общества характерно и для Казахстана. Экономическая эффективность государства оценивается гражданами в контексте личных достижений. Естественно, наиболее охотно такие новые ценности, как экономический успех, прежде нехарактерный для казахстанского общества, разделяются в более обеспеченных слоях. Менее успешные в экономическом плане жители менее восприимчивы и к таким приоритетам государственной политики. Хотя казахстанская идентичность строится на универсалистских принципах, но большинство населения разделяет традиционные ценности вкупе с унаследованными из советского прошлого практиками государственного патернализма. Сказывается и этническая разнородность, требующая последовательного выстраивания общего культурного пространства. Однако ядро национальной идентичности молодой нации закономерно формируется вокруг исторических символов титульного народа, и достижение синтеза оказывается непростой задачей.

Существующие в Казахстане формы традиционных клановых отношений, в которых значительную роль играет жузовое и родовое деление, также мешают утверждению гражданской идентичности. Ограничения режима, в котором президент выступает как «лидер нации» и как воплощение ее идентичности, ставит серьезные ограничения на пути развития гражданского самосознания, без которого невозможно построение политической нации.

²⁹⁸ Эксперт. Рейтинговое агентство. Казахстан, 2010, (http://raexpert.kz/researches/leasing_2010_young/becoming/).

²⁹⁹ Уровень жизни населения в Казахстане 2004 – 2008. Статистический сборник. Астана, 2009. С. 75. (http://www.stat.kz/publishing/DocLib/Urovenzjisni_rus_09.pdf).

Государственная политика целеориентирована на формирование национальной идентичности в Казахстане и, как следствие, национальной государственности, не только на основе общности языка, культуры и истории народа, но и на общности стремления к экономическому и социальному успеху. В данном случае можно говорить о том, что наряду с такими параметрами, как языковая, культурная и религиозная общность, одним из ресурсов построения и укрепления национальной идентичности и, следовательно, национальной государственности служит экономическое развитие и социальная стабильность страны.

**Г.З. Рахимуллина,
Казанский государственный энергетический университет**

РОЛЬ ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ)

Изменение социально-политической ситуации, сопровождавшееся превращением советского пространства в постсоветское, явилось причиной многих социально-культурных деформаций, которые отразились как на отношениях социальных акторов, так и на концептуализации этих отношений. Социальная и теоретическая деконструкция советской социально-политической общности привела к разрушению социально-психологической самоидентификации ее бывших членов и актуализировала скрытые измерения идентичности. Ресурс этничности стал играть более важную роль в социально-политических отношениях, в организации и мобилизации общественных сил. Организационно оформились и приобрели значительное влияние этнонациональные движения, стремящиеся пересмотреть политические, социально-экономические и культурно-языковые практики. Вышли из латентной стадии этнические конфликты в Фергане, в Ошской области т. д.

Последние десятилетия отмечены повышенным интересом государств Центрально-азиатского региона к проблемам национальной, этнической и религиозной идентичности. В периоды трансформации обществ происходит актуализация исторического опыта и знаний, обостряется историческая память народов. Она берет на себя важную компенсаторную функцию, потребность в которой ощущается в переломные моменты истории: когда этнической группе грозит утрата культуры и языка, когда народ ведет борьбу за политическую самостоятельность, в условиях суверенизации и формирования новых государств.

В СССР идеология формировала символическое поле ценностей и идентичностей. Язык межнационального общения был важнейшим средством социальной мобилизации и конструирования многонациональной общности – советского народа. Однако в рамках универсалистской идеологической стратегии построения общей идентичности и, несмотря на этническую дискриминацию и пресечение автономного выражения националистических чувств, советское государство проводило и политику поддержки этнонациональных меньшинств. После развала СССР это символическое поле стало стремительно ослабевать. В этой динамичной ситуации вполне закономерно разросся второй полюс идентичности, на основе которой была выстроена советская государственность – этнонациональный. Многообразие культур и языков в границах постсоветского пространства породило многоцветную палитру новых властных националистических риторик, поддерживающих их теорий и усиливающих их воздействие мифологий. После разрушения Советского Союза политические элиты государств Центральной

Азии в поисках обоснования легитимности своей власти обратились к символическим ресурсам этнического прошлого региона.

Распад мировой биполярной системы привел к кризису идеологии и, как следствие, к потере устойчивых идентификационных ориентиров. Молодые государства испытывают потребность в том, чтобы найти свое место в мире, определить корреляцию соотношения: «Свои» – «Чужие». Одним из важных факторов формирования национально-государственной идентичности является язык, а именно, статус национального языка или языков.

Формирование и поддержание отношений, образующих социальный ландшафт, происходит на основе языка как ключевого инструмента социальной коммуникации. Язык является основной средой определения, сохранения и передачи социального опыта и инструментом объективации субъективных значений. Язык преобразует психологические феномены в социальные факты, придает индивидуальным переживаниям интерсубъективное значение. Подобная функция языка лежит в основании конструирования этнической идентичности, которая не представляет собой некую внешнюю для живой динамической индивидуальности вербальную конструкцию, а есть реальное «схватывание» самого себя. Важность языка для утверждения социальной идентичности не только в том, что язык, по словам П.Бергера и Т.Лукмана, делает субъективность понятной и «более реальной» для самого индивида, но и в сохранении стабильности идентификационных ориентиров. Именно стабильность позволяет ухватить и зафиксировать те формы тождественности и те различия, которые составляют содержание этнической идентичности³⁰⁰. Сепаратисты, ставящие целью отделить свой регион от большой страны и ослабить связи своего населения с большой нацией, всегда начинают с языка – политическими средствами сокращают сферу применения прежнего общего языка на своей территории, прекращают его преподавание в школах, иногда даже доходят до смены алфавита своего этнического языка³⁰¹.

Язык играет важную роль в национальной и этнической дифференциации, так как он фиксирует не только духовное бытие той или иной общности, но и обеспечивает ощущение взаимной комплиментарности отличия от других наций и этносов. Следовательно, национальную и этническую идентичность необходимо рассматривать в тесной связи с языком, так как именно он является одним из важнейших условий существования макросоциальной общности. В эпоху Модерна процессом создания и употребления языка стало управлять государство, что позволило приглушать этническую идентичность населения отдельных местностей и собирать его в большие народы и нации. Важным нововведением стало утверждение государственного языка. Эта прерогатива государства и сегодня является одним из важных инструментов национальной политики и предметом межэтнических противоречий и конфликтов.

Что касается стран Центральной Азии, то произошедшая здесь социальная и теоретическая деконструкция советской этнокультурной конфигурации привела к разрушению социально-психологической самоидентификации и позволила актуализировать скрытые изменения идентичности. Ни одно из государств на этой части постсоветского пространства не имеет мононациональной структуры, хотя титульные нации составляют от 60 до 90% населения. При этом в каждом

³⁰⁰ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.

³⁰¹ Кара-Мурза С.Г. Язык и этнос. (<http://www.contrtv.ru/common/2012/>).

государстве имеется широкий диапазон национальных меньшинств³⁰². Такая полиэтничность оказывает значительное влияние на формирование политической повестки дня. Все центрально-азиатские государства во главу угла своей внутренней политики ставят вопрос укрепления национальной составляющей для формирования мононациональной государственной идентичности. М. А. Хрусталеv правомерно выделил две основные задачи, стоящие перед правящей элитой центральноазиатских государств в условиях полиэтничности региона и этнократического характера власти в Центральной Азии: консолидацию титульных этносов и легитимацию этнократии³⁰³.

В качестве механизма достижения этих целей используется национальный язык. Во всех республиках региона реализуется политический курс, направленный на развитие только государственных языков титульных этносов. Республиканские законы о языках периода 1989-1990 гг. восстановили функции титульных языков и придали русскому девалифицированный юридический статус языка межнационального общения и только в редких случаях - официального языка. Русский язык потерял свою политическую гегемонию, но поддерживал без помощи идеологии свои прагматические функции на уровне бытовой жизни, как единственная престижная «лингва франка» Центральноазиатского мультиэтнического региона, как рабочий язык межгосударственного взаимодействия на постсоветском пространстве и как язык образования высшего уровня, благодаря историческому престижу своей культуры, пользующейся признанием у всех национальностей региона. До сих пор нередки случаи, когда русский язык признается родным нерусскими народами³⁰⁴.

В рамках языковой политики бывшие советские республики в первую очередь издали законы, направленные на защиту титульного языка и, хотя формально гарантируется право преподавания на языках меньшинств, на практике резко уменьшилось финансирование для развития обучения на русском языке и на других языках. Примером является продолжение медленного, но неуклонного насаждения казахского языка в качестве обязательного для делопроизводства во всех отраслях и регионах Республики Казахстан. Одной из основ национальной идентичности рассматривается знание всеми гражданами Казахстана казахского языка. Видно стремление выстраивать общегражданскую идентификацию на принципе владения казахским языком как важнейшем её основании.

На разных уровнях анализа все больше внимания уделяется тому неоспоримому факту, что этническая идентичность связана не столько с реальным использованием языка всеми членами группы, сколько с его символической ролью в формировании чувства родственности с группой и, одновременно, в процессах межгрупповой дифференциации³⁰⁵. Как свидетельствуют события последних десяти лет, борьба многих республик бывшего СССР за независимость началась именно с движений за возрождение национального языка. Глубокая связь языка с этнической идентичностью обнаруживается даже в попытке выделения новой идентичности,

³⁰² Кузьмина Е.М. Особенности государственного развития Центральноазиатского региона на современном этапе // Центральноазиатский вектор международной политики. Аналитические записки МГИМО (У), 2007. Июнь. Вып. 4(24). С. 4–24.

³⁰³ Хрусталеv М. А. Этнополитическая ситуация в Центральной Азии // Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: энергетика и политика. М., 2005. С. 61–62.

³⁰⁴ См.: Перотто М. Язык и образование в постсоветской Центральной Азии // Вестник Евразии, 2008, № 4.

³⁰⁵ Донцов А.И., Стефаненко Т.Г., Уталиева Ж.Т. Язык как фактор этнической идентичности // Вопросы психологии, 1997, № 4. С. 75–86.

конструируемой в настоящее время на основе общего языка – «русскоязычной национальности» в постсоветской диаспоре³⁰⁶.

Все страны региона – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан – имеют полиэтничный состав населения с более или менее высокой долей титульного этноса. В связи со значительными преобразованиями во всех сферах жизни в период постсоветской трансформации, перераспределением ресурсов и формированием новых элит в странах региона усилилась внутривнутриполитическая борьба, составной частью которой стала эксплуатация этнических и религиозных лозунгов в целях политической мобилизации населения. В государствах Центральной Азии появились так называемые радикальные движения этнических меньшинств – русских в Казахстане и Кыргызстане, узбеков в Таджикистане.

Для многих молодых государств наличие общего языка является ключом к упрочению государственности. Само формирование этих наций отчасти явилось следствием процесса лингвистической стандартизации, в ходе которой региональные диалекты были вынуждены уступить диалекту центра. Если одному-двум диалектам удастся выжить, то они становятся средоточием альтернативного (субнационального или протонационального) сопротивления. В результате господствующая нация каждый раз обнаруживает неприятие прочих языков, отводя им роль исключительно языков внутрисемейного общения или отправления религиозного культа.

В некоторых случаях признание языка какого-либо национального меньшинства, проживающего на территории национального государства, и передача ему, даже в весьма ограниченной степени, административных функций открывает путь к решению конфликтных ситуаций между национальным большинством и национальными меньшинствами. Изменение статусов этнических общностей и языков на территории суверенных республик бывшего СССР, обострение политических проблем, вызванное актуализацией этнической идентичности их населения, убеждают в необходимости серьезного изучения взаимосвязи языка и этнической идентичности в этом полиэтничном регионе.

³⁰⁶ Там же.

Часть III. Проблемы анализа российской идентичности

Н.Е. Тихонова,
Институт социологии РАН

СТАНОВЛЕНИЕ НОВОЙ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Россия только-только начинает продвигаться по пути социокультурной и политической модернизации. Во всяком случае, в этом меня убеждают все данные исследований динамики и состояния общественного сознания в России, проводившихся нами за последние 10 лет³⁰⁷. В то же время, *гражданская нация может сформироваться только в обществе, прошедшем этап модернизации.*

Если с позиций модернизационной парадигмы подойти к проблеме распада СССР, то распад сообщества, различные системные элементы которого (в нашем случае – бывшие союзные республики) различались как особенностями переживаемого ими этапа модернизации, так и ее обозримыми перспективами, представляется скорее «сбрасыванием с России оков и пут», нежели утратой ею части своего могущества. Без Средней Азии и Кавказа Россия явно теряет в геополитическом смысле, но так же явно выигрывает в смысле возможностей и темпов политической и социокультурной модернизации, хотя на автоматическую реализацию этих преимуществ рассчитывать не приходится.

Сразу оговорюсь при этом, учитывая многообразие существующих трактовок процесса модернизации, что я не рассматриваю модернизацию как безусловное благо – как всякое социальное явление или процесс, она имеет как плюсы, так и минусы. Я согласна с неомодернистским подходом к этой проблеме, допускающим множественность форм и путей модернизации³⁰⁸. Тем не менее, сама по себе необходимость скорейшего завершения Россией процесса модернизации, начатого еще в период индустриализации и культурной революции в прошлом веке, не вызывает у меня сомнений. Пока же хуже всего, на фоне экономической, социальной, культурной и даже политической модернизации, в России обстоит дело

³⁰⁷ Речь идет в первую очередь об исследованиях ИКСИ РАН «Массовое сознание россиян в период общественной трансформации: реальность против мифов» (1995); «Молодежь новой России: Какая она? Чем живет? К чему стремится?» (1997); «Граждане новой России: кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить?» (1998); «Россияне о судьбах России в 20-м веке и своих надеждах на новое столетие» (2000); «Новая Россия: десять лет реформ глазами россиян» (2001), «Богатство и бедность в современной России» (2003); «Мегаполисы и провинция» (2004); «Экономическая элита России в зеркале общественного мнения» (2004); «Граждане новой России: кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить?» (2004); «Собственность в жизни россиян: мифы и реальность» (2005), «Городской средний класс современной России» (2006); «Молодежь современной России» (2007); «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010) и др. Краткое описание тех из них, данные которых упоминаются в тексте, приведено в приложении в конце статьи.

³⁰⁸ Подробнее см.: Тихонова Н., Аникин В., Горюнова С., Лежнина Ю. Концепция модернизации в работах классиков социологической мысли второй половины XIX – начала XX вв. / Социология: методология, методы, математическое моделирование, 2007, № 1; Тихонова Н., Аникин В., Горюнова С., Лежнина Ю. Эволюция концепции модернизации во второй половине XX вв. / Социология: методология, методы, математическое моделирование, 2007, № 2.

с социокультурной модернизацией, под которой я подразумеваю *формирование определенного типа сознания (отражающего формирование новых идентичностей) и детерминированных им поведенческих практик, протекающего во внутреннем единстве с формированием соответствующих общественных институтов*. Без формирования нового типа личности, являющегося продуктом социокультурной модернизации, никакие модернизационные инициативы, разработанные на макроуровне, не могут быть продуктивными в силу отсутствия их поддержки на микроуровне – ситуация, с которой уже неоднократно сталкивалась Россия в своей истории.

В рамках модернизационного подхода то, что зачастую представляется проявлением постимперского синдрома, приобретает совершенно иной смысл. И для рядовых россиян их ностальгия по прошлому, о которой сегодня много говорят, оказывается отнюдь не грезами об утраченном величии империи, а следствием сложности поиска новых идентичностей в качественно изменившихся исторических условиях, что я и постараюсь показать на конкретных эмпирических данных. Поиска, который, возможно, приведет в среднесрочной перспективе к формированию гражданской нации, но пока еще не позволяет ставить о ней вопрос как о реально существующем социальном субъекте.

Начнем с проблемы отношения россиян к распаду СССР, затем проанализируем, насколько оправданы попытки разжигания у них «великодержавных» настроений, обратив особое внимание на ситуацию в так называемых «продвинутых» группах, и прежде всего у молодежи, а затем посмотрим, какую роль в мифе об имперских амбициях россиян играет поиск ими новых макроидентичностей.

Россияне в массе своей негативно воспринимают распад СССР и Беловежские соглашения – 73% опрошенных спустя ровно десять лет после распада Союза сказали, что относятся к этому событию отрицательно. Однако это совсем не значит, что для них это какое-то чрезвычайное событие, продолжающее сохранять свое драматическое значение.

Достаточно сказать в этой связи, что, отвечая на вопрос о том, что было самым трагическим событием в истории России в XX веке, распад СССР упомянула только четверть опрошенных (при том, что можно было выбрать 3 (!) наиболее трагических события российской истории в прошлом веке). По значимости распад Союза в этом списке опередили Великая Отечественная война, сталинские репрессии, война в Чечне. Более того, в одном ряду по остроте переживания с распадом Союза оказались для россиян война в Афганистане и авария на Чернобыльской АЭС, и лишь немного отстали от него коллективизация и раскулачивание.

СССР вообще воспринимается большинством россиян не столько через государственническую, сколько через социально-экономическую призму, как первое государство во всей многовековой истории России, которое обеспечило справедливость для простых людей и сделало для них возможной приличную жизнь (2004 г.). И если говорить об образах различных эпох, сложившихся у россиян, то СССР при Л.Брежневле ассоциируется для них, прежде всего, с такими понятиями, как социальная защищенность, жизнерадостность, успехи в образовании, доверие между людьми, успехи в науке и технике. Для России времен Б.Ельцина ведущей ассоциацией является понятие «кризис». Для современной же России в числе ведущих ассоциаций – возможность стать богатым человеком, преступность и бандитизм, коррупция и взятки, гражданские и политические свободы – образ, как видим, достаточно противоречивый. Но при таких образах эпох, сложившихся у широких масс населения, неудивительна и ностальгия по СССР, и желание около

40% наших сограждан жить, если бы у них была возможность такого выбора, во времена Советского Союза. Тем не менее, наиболее массовой (45%) является все-таки группа, выражающая желание жить в современной России (2004 г.).

Таким образом, *ностальгия по Советскому Союзу связана в первую очередь с тем образом жизни, который с ним ассоциируется, и с его достижениями в образовании, науке, экономике, а не с его ролью сверхдержавы, выступающей вторым полюсом мировой политики наряду с США.* Оценивая самые большие достижения России в 20 веке, лишь по 28% упомянули создание СССР и превращение СССР в мировую сверхдержаву. Гораздо значимее для населения России оказались ликвидация неграмотности, создание мощной промышленности, бесплатная медицина, освоение космоса, т.е. те достижения страны, которые не касались государственного устройства страны или ее роли сверхдержавы (2000 г.).

Но чем же еще, помимо воспоминаний о «благополучных старых временах» их молодости, руководствуются россияне, негативно оценивая распад Союза? Что это – переживания за порушенные человеческие судьбы и разделенные семьи, символ тех негативных перемен, которые, начавшись с распада Союза, затем болезненно ударили по большинству из них или что-либо еще?

Судя по имеющимся данным, доминирующим в этой оценке является именно гуманитарная составляющая. Причем эти установки очень устойчивы – и в 1995, и в 2001 гг. ответы россиян на вопрос об их оценке распада СССР совпали с точностью до одного процента. В обоих опросах с показателем в 44% лидировал ответ: «Это беда для многих людей, живущих в республиках бывшего СССР», а по 30% в обоих случаях отмечали, что это событие имело в равной степени и хорошие, и плохие стороны. Лишь по 14% полагали, что это катастрофа мирового значения, а остальные в основном либо утверждали, что благодаря этому создались условия для возрождения России, либо затруднились с ответом. Как видим, и в этой позиции доминирует настроение, что жаль, конечно, что СССР больше нет, но вообще-то это не самая большая проблема сегодняшней жизни.

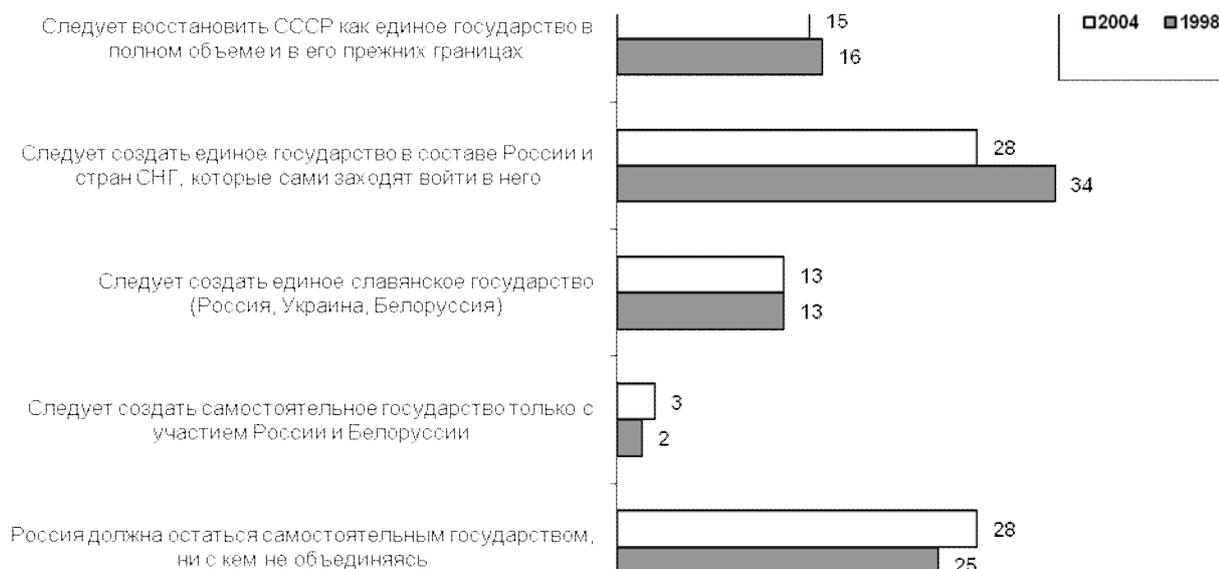
Проверим правильность предлагаемой интерпретации на отношении россиян к вопросам о роли России на постсоветском пространстве, о судьбах СНГ и роли России на мировой арене в целом.

В этой связи надо, прежде всего, отметить, что, сожалея о распаде Союза, лишь около четверти россиян считают необходимым его восстановление. При этом в вопросе о восстановлении СССР прослеживается постепенный рост изоляционистских настроений (см. рис. 1).

Как видим, хотя «объединительный» настрой у россиян продолжает присутствовать, но о желательности восстановления СССР говорит лишь каждый шестой-седьмой россиянин. Более того, если посмотреть данные за больший временной период, то мы увидим, что поддержка сохранения Россией своей самостоятельности как государства выросла с 1995 по 2004 гг. с 23% до 28%, а установка на восстановление СССР сократилась с 23% до 15%. Разрыв, как видим, не очень большой, зато тенденция очевидна, и вместо паритета (23% на 23%) в 1995 г. к 2004 г. соотношение сторонников самостоятельности России и восстановления СССР стало практически 2:1.

Рисунок 1.

Динамика отношения россиян к идее восстановления СССР, в %³⁰⁹

Наиболее предпочтительной моделью объединения с бывшими советскими республиками почти для половины населения России представляется создание нового объединения бывших советских республик на добровольной основе по типу Европейского Союза, решающее и проблемы с визами, и проблемы трудовой миграции, и другие повседневные и гуманитарные проблемы россиян, однако, вероятным такое развитие событий считает лишь 6% (2000 г.) В нынешнем же своем виде СНГ вызывает у россиян серьезный скепсис. Во всяком случае, на понятие Россия положительную реакцию в тесте на ассоциации в 2004 г. давали 94% респондентов, на понятие СССР – 86%, а на СНГ – лишь 41%.

Интересно, однако, что если от всего населения перейти к более «продвинутой» его части – экономически активному городскому населению, исключив из рассмотрения пенсионеров и сельских жителей, то СССР начинает вызывать меньше положительных эмоций, а СНГ – несколько больше. Во всяком случае, судя по данным исследования ИС РАН 2006 г. «Городской средний класс в современной России», репрезентировавшего все экономически активное городское население страны, на понятие «Россия» положительную реакцию в тесте на ассоциации давали 96% респондентов, на понятие СССР – лишь 71%, а на СНГ – чуть более половины (51%). Вряд ли удивительно при этом, что отношение к СССР прямо зависело от возраста, и положительные ассоциации это понятие вызывало у 59% молодежи до 30 лет, 76% 30-50-летних и 83% россиян в возрасте 50-60 лет. Зато отношение к СНГ было практически одинаковым у всех возрастных когорт, колеблясь в диапазоне 50-53%. Это говорит о том, что более «продвинутые» группы населения в меньшей степени тоскуют об СССР, зато вполне толерантно относятся к СНГ, несмотря на всю его рыхлость. При этом они, впрочем, не верят в то, что СНГ сумеет превратиться в более прочное и целостное образование. Во всяком случае, молодежь в возрасте до 30 лет (2007 г.) в массе своей (64%) считала, что у этого в значительной степени формального объединения нет никаких шансов при их жизни

³⁰⁹ На рисунке не указаны затруднившиеся с ответом.

превратиться в новый, внутренне целостный Союз государств. И лишь 10% ее представителей полагали, что возникновение такого нового государства возможно в ближайшие 5-10 лет.

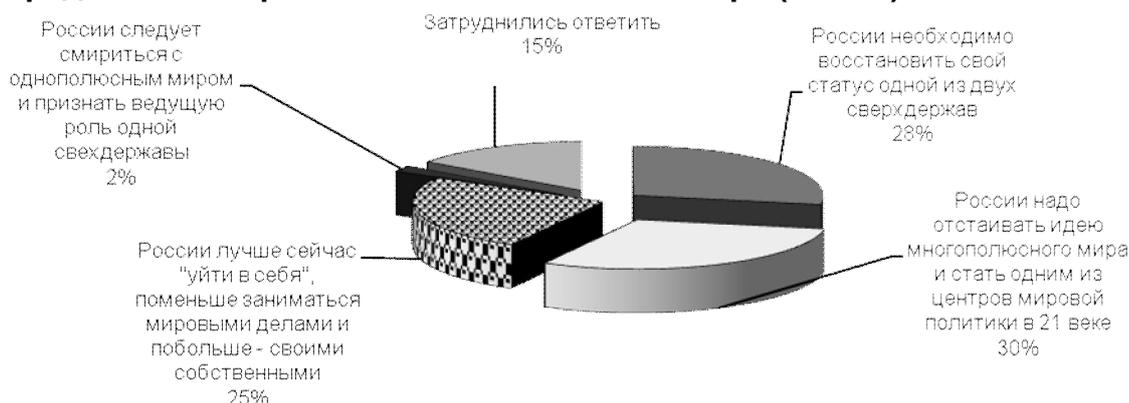
Таким образом, данные многолетних наблюдений свидетельствуют об одном и том же – *при всем сожалении о распаде Союза, россияне в массе своей приняли новую реальность и, будучи настроены на такую модель объединения, которая поможет решить гуманитарные проблемы, отнюдь не хотят при этом восстановления никакой «империи».* При неограниченных выборах характеристик, которые отражали бы их «Я-самоидентификации», т.е. те характеристики, которые, с их точки зрения, подходили бы для них лично, 72% экономически активного городского населения (2006 г.) вообще не упоминали проблематику державности, и по 14% указали, что они либо ощущают себя гражданами великой державы, либо, напротив, чувствуют себя гражданами страны, которая перестала быть великой державой. Гораздо более значимыми для них оказались профессиональные, национальные, региональные корпоративные, классовые и т.д. идентификации. Таким образом, почти для трех четвертей населения страны проблематика «державности» вообще находится вне значимых для них характеристик их жизни.

Важно, что и на предстоящие десятилетия авторитет России в мире население нашей страны увязывает, прежде всего, с уровнем ее экономического развития, а отнюдь не военной мощью. И когда 85% россиян говорят о том, что «Россия – великая держава, и она должна заставить другие государства и народы уважать себя», то подавляющее большинство из них имеют в виду отнюдь не бряцание оружием. У 84% россиян существует четкое понимание, что «только подняв экономику, мы заставим мир себя уважать» (2001 г.) И лишь чуть более 10% россиян видят другие пути к тому, чтобы попытаться добиться уважения к стране на международной арене. При этом и *под великой державой россияне понимают не столько сверхдержаву типа США, сколько страну с мощной экономикой, входящую в число наиболее развитых стран мира* (см. рис. 2).

Как видим, лишь для 28% россиян актуализирована потребность видеть Россию сверхдержавой, для 72% же доминируют в качестве желательных другие модели ее будущего на мировой арене, при этом наиболее распространена позиция (30%), согласно которой Россия должна стать просто одним из центров нового, формирующегося многополюсного мира.

Для большинства россиян, при всей важности самоощущения себя гражданами великой державы, есть и более важные задачи, которые стоят перед страной, нежели достижение ею статуса «великодержавности». В их числе – повышение качества жизни (61%), наведение порядка во всех сферах (39%), создание равных возможностей для всех (37%) и другие. Такая задача России, как стать великой державой XXI века, оказалась актуальной среди других наиболее значимых задач, стоящих перед страной, всего для 17% респондентов (2004). Более того, снижение авторитета России в мире в числе трех наиболее значимых последствий начавшихся в 1991г. реформ назвали для общества 30% россиян, а для себя лично – всего 6% (2001 г.) Таким образом, *желание видеть России великой державой у части населения присутствует, но острой потребностью для подавляющего большинства россиян его назвать нельзя* – действительно актуально оно оказывается опять-таки примерно для четверти населения.

Рисунок 2.
Представления россиян о месте России в мире (2000 г.)

Два факта в этой связи нуждаются в особом внимании. **Во-первых**, несмотря на все сделанные выше оговорки, 85% россиян хотят все-таки видеть Россию экономически процветающей и воспринимаемой миром именно поэтому как великая держава страной – факт, который нельзя не учитывать элитам. В противном случае, даже при «сильной» международной, но «слабой» экономической политике их деятельность на международной арене будет восприниматься населением весьма скептически. Не случайно, хотя около 40% населения убеждено, что за период пребывания у власти В. Путина международное положение страны улучшилось, основная масса населения, включая и часть видящих в нем положительную динамику, по-прежнему недовольна местом России в мире. Решающее значение для россиян среди факторов, тормозящих это развитие, имеет коррумпированность и эгоизм российской бюрократии (45%). И это естественно в условиях, когда две трети наших сограждан убеждены, что российская бюрократия заинтересована в первую очередь в сохранении и постоянном увеличении своего богатства и влияния, и лишь 2% – что она заинтересована в подъеме России и росте ее могущества (2005 г.).

Второе же обстоятельство, которое заслуживает особого анализа – причины потребности в возвращении России статуса одной из великих мировых держав (хотя, подчеркнем еще раз, и необязательно статуса сверхдержавы, пытающейся «тягаться» с США). Помимо простого и естественного желания жить в богатой и процветающей, а не отсталой и раздираемой противоречиями стране, в числе этих причин и то, что россияне утратили некую эйфорию по отношению к Западу и стали смотреть на его отношение к России гораздо прагматичнее и трезвее. При этом они, естественно, понимают, что, *находясь в окружении стран, думающих в первую очередь о собственных интересах, Россия сможет действительно защищать свои собственные интересы, только будучи сильной сама.* И стремление видеть Россию великой державой тесно связано с убежденностью большинства (57%, данные 2000г.) россиян в том, что «усиление России представляет собой угрозу для европейских стран, поэтому эти страны не заинтересованы в действительном подъеме России». Но, признавая «разумный эгоизм» европейских стран, подавляющее большинство россиян не воспринимает их как врагов и не видит в них источник реальной угрозы для России в XXI в.

Более того – вектор симпатий россиян устойчиво направлен на Европу. В тесте на положительные ассоциации, предложенном в 2006г. экономически активному городскому населению России, 83% (!) респондентов сказали, что Европа вызывает у них положительные ассоциации. И хотя этот вектор симпатий направлен на Европу скорее как на культурно-историческое, чем как на политико-правовое пространство

(неслучайно положительные чувства к Европейскому Союзу продемонстрировали лишь 65% россиян), общий положительный характер отношения к Европе сомнений не вызывает. Еще наглядней он становится при сравнении, например, с Азией, вызывающей положительные чувства лишь у 53% экономически активного городского населения.

Совсем иная картина с Соединенными Штатами – почти половина населения допускает, что в нынешнем столетии США могут стать источником серьезных угроз для России, связывая это с их агрессивной политикой, их желанием навязать свою волю всему миру, ставшем особенно наглядным для россиян после югославских событий. При этом в роли потенциальных союзников европейские страны выступают для россиян в два с половиной раза чаще, чем США, да и к расширению ЕС лишь 14% россиян (2000 г.) относятся отрицательно в отличие от расширения НАТО, которое ассоциируется у них в большей степени с Соединенными Штатами. Во всяком случае, картины распределения симпатий и антипатий к США и НАТО практически совпали – доля испытывающих по отношению к ним скорее положительные эмоции составляла в 2006г. среди экономически активного городского населения 37 и 35% соответственно, и однозначно доминирующим по отношению к ним являлся негативизм. Если же рассматривать оценку отношения развитых стран Запада к России в восприятии россиян без их разделения на Европу и США, то она на протяжении последних десяти лет весьма устойчива и по состоянию на 2004г. выглядела следующим образом (см. рис. 3).

Рисунок 3.

Представления россиян об отношении развитых стран Запада к России (2004 г.)

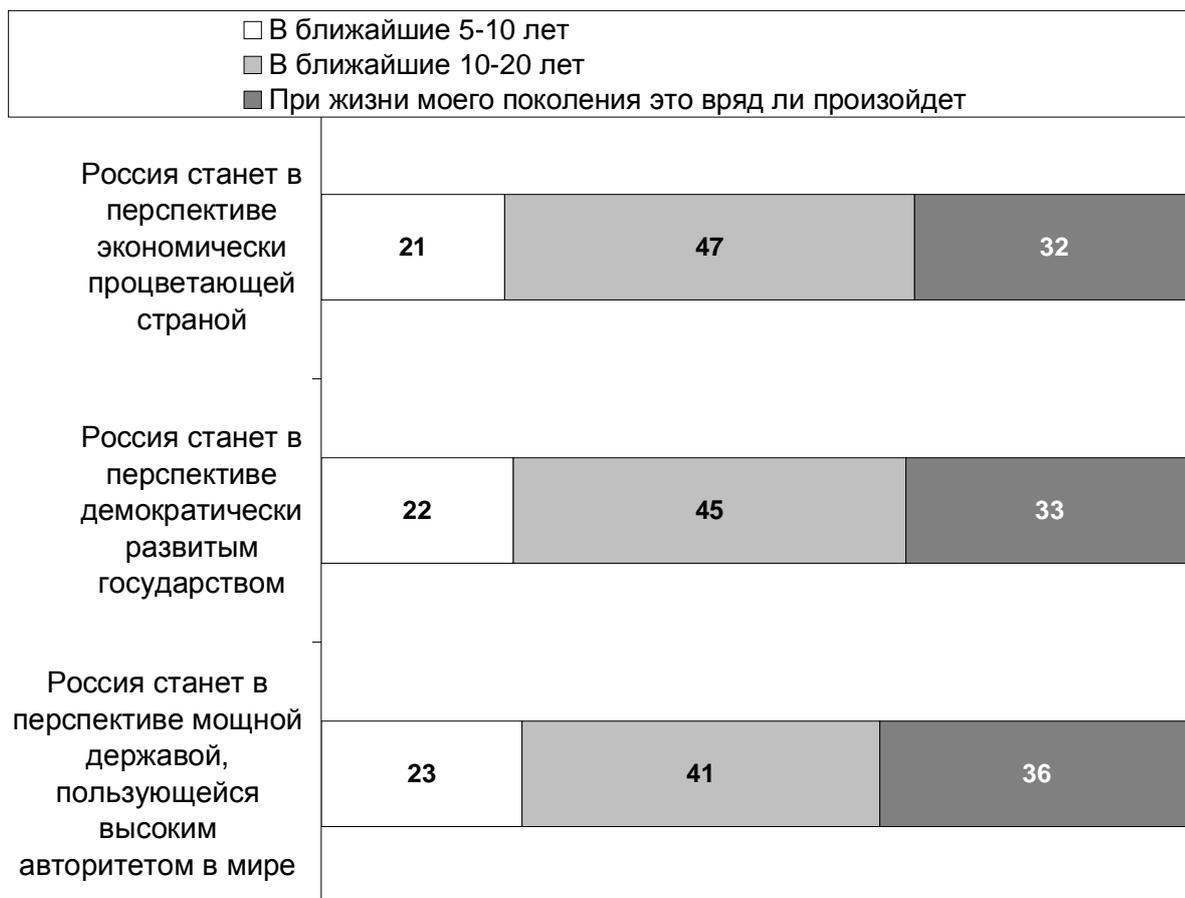

При этом, хотя около трети населения винит в недостаточно высоких темпах экономического роста России «злокозненную» политику Запада (2005), большинство все-таки считает, что Запад реального вреда или ущерба России сейчас не наносит, или, точнее, что он несопоставим с тем ущербом, который мы как страна наносим себе сами.

Третье обстоятельство, которое заслуживает внимания при оценке отношения россиян к возвращению России статуса одной из великих мировых держав, это то, что, стремясь к этому, они не надеются на реализацию этой задачи в ближайшем будущем. Даже среди молодежи, отличающейся в этом вопросе большим оптимизмом, увидеть Россию мощной державой, пользующейся высоким авторитетом в мире, рассчитывает в ближайшие 5-10 лет менее четверти (см. рис. 4).

Рисунок 4.

Оценка перспектив России на возвращение ею своих позиций на международной арене молодежью до 30 лет (2007 г.), в %

Наконец, **еще одно**, и самое главное, на мой взгляд, обстоятельство, обуславливающее те настроения, которые часто трактуются некоторыми политиками как постимперский синдром, – это *кризис идентичности в смысле самоидентификации, самоотжествления себя с некоторыми общностями*. И здесь мне хотелось бы вернуться к вопросу о проблеме модернизации России.

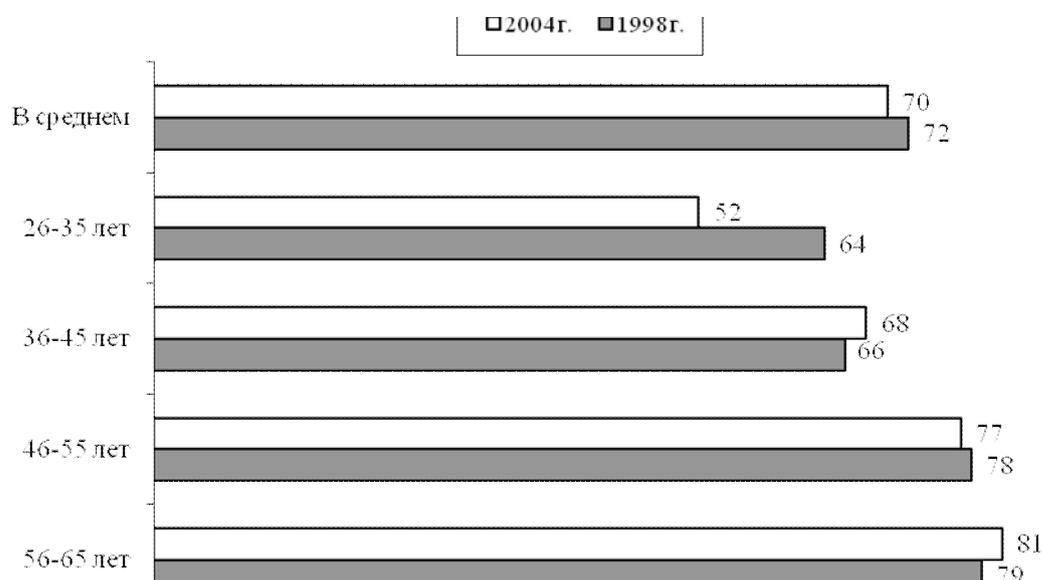
Как известно, общества традиционного типа предполагают особую модель идентичности, при которой личность как самостоятельное «я» в массовом масштабе просто отсутствует или, по крайней мере, является чем-то вторичным, подчиненным и малозначимым по отношению к общности, а, следовательно, особая роль принадлежит так называемым макроидентичностям – с общиной, народом, государством и т.п.³¹⁰ И действительно, официальная иерархия идентичностей и в Российской империи, и в СССР строилась одинаково: держава, коллектив

³¹⁰ Напомню в этой связи, что основная функция социальной самоидентификации для человека - это фиксация единства его интересов с различными социальными общностями, которые (даже если сам он это до конца не осознает) защищают его основные интересы, способствуют реализации потребностей в самоутверждении, развитии и самовыражении. Причем, учитывая множественность социальных ролей, в которых выступает один и тот же человек, система самоидентификации всегда носит иерархический характер, и принципиальное значение имеют вопросы о том, в какой последовательности соотносят себя люди с различными общностями. Не останавливаясь подробно на этом вопросе, отметим, что в этом направлении уже давно и плодотворно работают коллективы под руководством В.А.Ядова и Н.И.Лапина.

(производственная или сельская община), семья, сам человек. В реальной модели идентичностей роль микроидентичностей, прежде всего семьи, была, естественно, гораздо выше. Тем не менее, россияне действительно ощущали свою принадлежность к большой, державно-народной общности как важнейшую часть своих самоидентификаций, а потому очень болезненно восприняли крушение Советского Союза. И до сих пор свыше 70% тех, кому в момент распада СССР было 27-28 лет, продолжают говорить о том, что в Советском Союзе они испытывали чувство принадлежности к большому сообществу (при 10-15% этого чувства не испытывали), и даже в возрастной когорте 25-35 лет, т.е. среди тех, кому в конце 1991 г. было не более 22 лет, этот показатель составляет свыше половины (см. рис. 5).

Рисунок 5.

Согласие с позицией «В Советском Союзе я испытывал чувство принадлежности к большому сообществу», в %

Данные опросов показывают также, что самоидентификация с макрообщностью в современной России распространена намного меньше. Хотя гражданином России при выборе трех своих основных характеристик для самопредставления за рубежом все же назвали бы себя около половины респондентов (2003 г.), но устойчивая внутренняя самоидентификация с россиянами характерна менее чем для трети опрошенных (см. табл. 1). Как видно из табл. 1, если говорить об устойчивых самоидентификациях россиян, то решающую роль играют самоотождествление с семьей и друзьями.

Второй по значимости ряд устойчивых самоидентификаций образует чувство общности с различными социальными группами, которое часто испытывают не менее половины россиян. Часть этих идентификаций также имеет вполне предметный характер (товарищи по работе или учебе), а три относятся к абстрактно-символическому типу общностей (люди, разделяющие те же взгляды на жизнь, люди того же поколения и люди той же профессии и рода занятий). Примыкает к ним и самоидентификация с людьми той же национальности. Третью группу составляют самоидентификации, которые стабильно разделяют свыше четверти россиян, включая и самоидентификацию с россиянами. Наконец, последнюю группу составляют относительно мало распространенные самоидентификации, которые

постоянно разделяют менее четверти россиян, включая самоидентификацию с гражданами СНГ и со всеми людьми на планете.

Таблица 1.
С кем и в какой степени испытывали чувство общности (Мы-самоидентификации) россияне (2004 г.), в %

С кем испытывали чувство общности	Часто	Иногда	Практически никогда
1. С товарищами по работе, учебе	50,8	39,5	9,7
2. С людьми своего поколения	52,9	41,4	5,7
3. С людьми той же национальности	46,8	41,9	11,3
4. С людьми той же профессии, рода занятий	53,0	37,9	9,1
5. С людьми, разделяющими взгляды респондента на жизнь или его верования	54,2	37,3	8,5
6. С друзьями	77,5	19,8	2,8
7. С людьми, живущими в том же городе или поселке	29,5	52,6	17,9
8. С россиянами	31,0	47,5	21,5
9. Со своей семьей	80,3	16,4	3,2
10. С людьми того же материального достатка	43,0	45,6	11,4
11. С гражданами СНГ	10,8	38,2	51,0
12. С теми, кто не утратил веры в будущее	29,1	44,6	26,3
13. С теми, кто не ждет “манны небесной”	30,9	41,0	28,1
14. Со всеми людьми на планете	10,3	31,2	58,5
15. С теми, кто не любит “высовываться”	13,2	39,3	47,5
16. С общностью “советский народ”	16,4	34,8	48,9
17. С теми, кто уверен, что главное – как повезет	11,7	44,0	44,3
18. С людьми, близкими по политическим взглядам, позициям	28,1	47,0	24,9
19. С теми, кто не интересуется политикой	18,3	47,5	34,2

Схожие тенденции характерны и для более благополучного во всех отношениях, нежели население страны в целом, экономически активного городского населения. При этом в исследовании 2006 г. часть предложенных респондентам идентификаций совпадала с предлагавшимся ранее набором, а часть была новой (см. табл. 2).

О чем свидетельствует такое распределение? Прежде всего – об активном поиске россиянами вообще и относительно более образованной и благополучной частью населения в особенности новых макроидентичностей, вписывании ими себя во все более густую сетку социальных ролей. При этом *гражданская идентичность (с россиянами) столь важная для формирования гражданской нации, не относится сегодня к числу устойчивых Мы-самоидентичностей населения страны*. Даже в благополучных слоях, где общее число идентичностей намного выше, чем в среднем, она не относится к числу ведущих. Так, например, как видно из таблицы 2, она характеризует лишь половину экономически городского населения России. Более того, в крупных городах (свыше 500 тыс. человек) доля тех, кто устойчиво ощущает себя гражданином России/россиянином, составляет всего 48%. То же относится и к молодежи, демонстрирующей в целом большую тягу к абстрактным идентичностям: доля устойчиво ощущающих себя гражданами России/россиянами у городской молодежи до 30 лет составляет 50% при 54% по городскому населению в

среднем. В целом идентификация себя с гражданами России в наибольшей степени характерна для не самых благополучных слоев населения – жителей средних и малых городов в возрасте 40-60 лет, у которых она достигает примерно 60%.

Таблица 2.
С кем и в какой степени испытывало чувство общности (МЫ-самоидентификации) экономически активное городское население России (2006 г.), в %³¹¹

С кем испытывали чувство общности	Часто	Иногда	Практически никогда
1. С товарищами по работе, учебе	75,1	22,9	1,9
2. С людьми своего поколения	67,8	30,3	1,8
3. С людьми той же национальности	62,2	33,2	3,9
4. С людьми той же профессии, рода занятий	67,3	28,7	3,4
5. С людьми, разделяющими взгляды респондента на жизнь или его верования	61,8	32,7	4,9
6. С друзьями	83,5	14,5	1,8
7. С людьми, живущими в том же городе или поселке	<u>57,3</u>	36,9	5,3
8. С россиянами	54,1	38,7	6,7
9. Со своей семьей	84,0	13,8	1,8
10. С людьми того же материального достатка	62,6	31,5	5,0
11. С гражданами СНГ	19,9	47,1	32,0
12. Со всеми людьми на планете	19,9	41,5	37,3
13. С людьми, близкими по политическим взглядам, позициям	38,3	42,6	17,5
14. Со всеми людьми на планете	19,9	41,5	37,3
Новые идентификации, предложенные респондентам в 2006 г.			
1. С людьми той же веры, религии	44,9	38,3	15,8
2. С теми, кто чувствует себя в жизни уверенно	44,7	44,3	10,4
3. С приверженцами русской культуры	38,5	43,8	16,6
4. С теми, кто считает себя наемными работниками	30,4	48,7	19,9
5. С теми, кто имеет собственное дело, бизнес	19,4	47,5	32,2
6. С теми, кто оказался в числе постоянно нуждающихся	19,4	48,6	31,3
7. С европейцами	18,2	40,2	40,3
8. С представителями крупного капитала	6,9	22,4	69,6
9. С теми, кто находится у власти	5,4	25,7	68,3

Учитывая значимость и неожиданность вывода о том, что почти половина россиян (причем это относительно более «продвинутой» их часть) не чувствует себя гражданами России, проиллюстрируем его также на примере так называемых Я-самоидентификаций, отражающих не то, с какой общностью и как часто идентифицирует себя человек, а то, что он сам о себе думает, каков его образ «Я» в его собственных глазах (см. рис. 6).

³¹¹ Жирным выделены МЫ-идентификации, набравшие заметно большее число голосов, чем по населению в целом (разрыв составляет свыше 10%), а курсивом и подчеркиванием – набравшие заметно меньшее число голосов.

Рисунок 6.
Я-самоидентификации экономически активного городского населения России
(2006 г.), в %³¹²

Как видно из рисунка 6, хотя гражданин России – это самая популярная Я-самоидентификация городских жителей России в возрасте до 60 лет, однако лишь 58% их характеризуют себя таким образом! А ведь вопрос звучал следующим образом: «Что Вы думаете о себе? Выберите из списка *все те* характеристики, которые подходят лично для Вас». То есть свыше 40% городских жителей вообще не воспринимают себя как граждан своей собственной страны.

Интересно, впрочем, не только то, что почти половина городского населения России не ощущает себя гражданами своей страны, но и то, что данные еще раз свидетельствуют – *«великодержавный» дискурс вообще не актуален для трех четвертей городского населения.* При этом наименее популярен он в городах с численностью свыше 1 млн. человек (где всего 22% выбрали оба определения, связанных с великодержавностью России), а наиболее популярен (около трети респондентов) – у тех, кто проживает в городах с численностью от 250 тыс. человек до 1 млн. Однако при этом в крупных городах (500 тыс. – 1 млн. населения) с небольшим перевесом доминирует ощущение себя гражданами державы, которая перестала быть великой (19% против 16%), а в средних городах – ощущения себя гражданами великой державы (21% против 13%). Таким образом там, где ситуация складывается наиболее благополучно, эта проблема в большей степени уходит из сознания населения. Там, где она относительно благополучна, она присутствует, но в целом к ней относятся скептически. И лишь там, где ситуация в целом

³¹² На рисунке не представлены 7 самоидентификаций, набравших менее 7%.

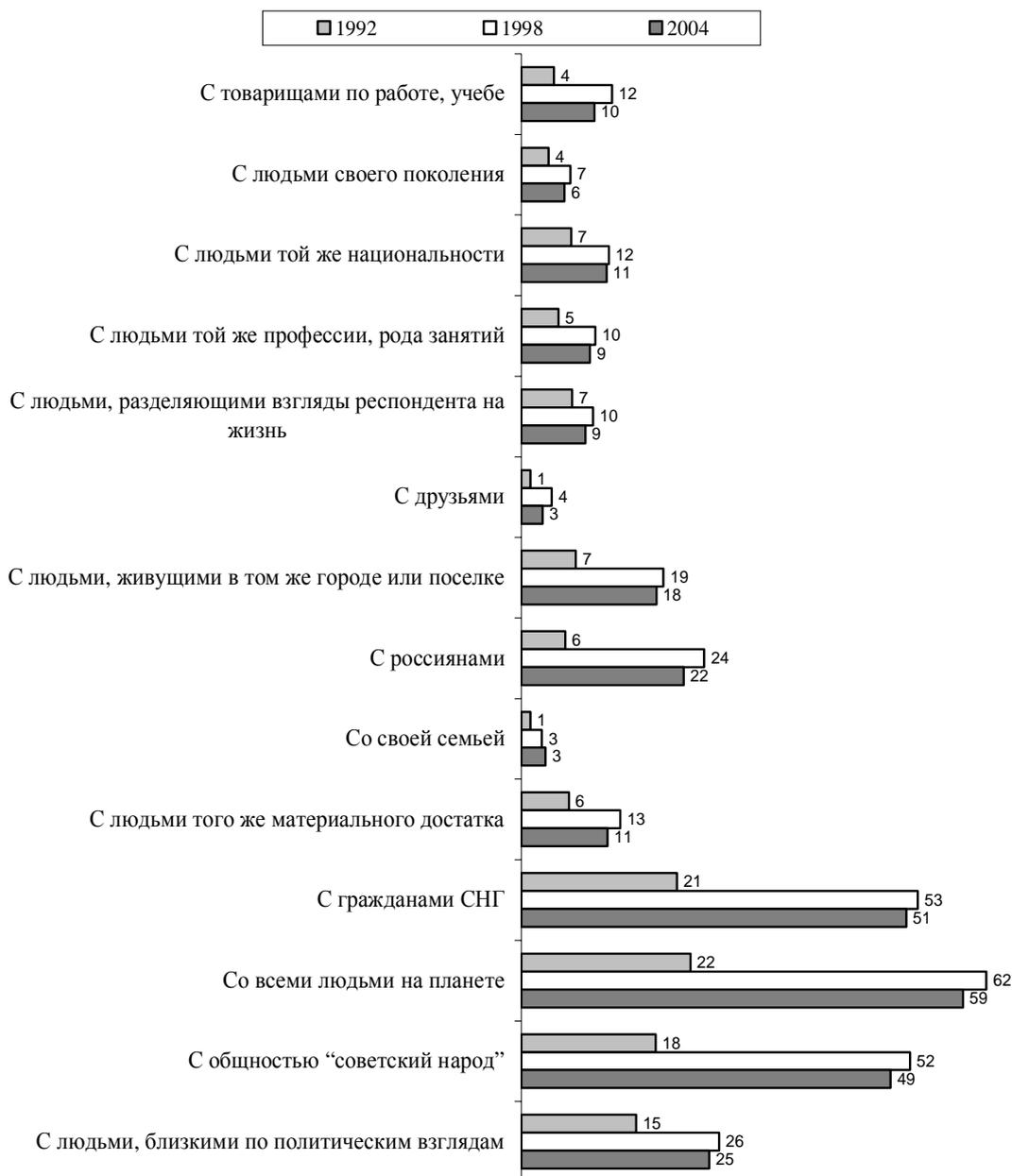
неблагополучна, как в большинстве малых городов, актуализировано ощущение статуса России как великой державы.

Еще одно обстоятельство, которое обращает на себя внимание при анализе данных таблиц 1 и 2, а также рисунка 6, – это *очень большая роль абстрактных, символических общностей в жизни россиян*. Если занимающие два первых места по распространенности в общем списке отождествления себя с такими реальными, «предметными» общностями, как семья и друзья, выглядят вполне естественно, то устойчивая самоидентификация более чем половины россиян (и примерно двух третей горожан в возрасте до 60 лет) с такими символическими, абстрактными общностями, как люди с теми же взглядами на жизнь, представители определенного поколения или той же профессии, по меньшей мере заставляет задуматься. Трудно сказать, что здесь играет решающую роль, но, безусловно, что абстрактные, символические общности очень важны для наших сограждан, имеют для них личностную, эмоционально окрашенную значимость, и, в принципе, это могло бы являться основой для формирования надэтнических объединений. Причем роль эта с годами по большинству из них не уменьшается (см. рис. 7).

Однако как раз самоидентификация с гражданами России имеет тенденцию к падению, что заставляет скептически относиться к возможности формирования в ближайшем будущем в России гражданской нации. В этом плане особенно наглядными являются так называемые отрицательные идентичности – те, с кем респонденты никогда не испытывают чувство общности. На рисунке 7 хорошо видно, что и идентичности-лидеры (семья и друзья), и ведущие макроидентичности негражданского характера (люди того же поколения и профессии, разделяющие взгляды респондента на жизнь, или люди той же национальности), практически не изменили за последние 15 лет своей популярности. В то же время доля *никогда* не идентифицирующих себя с россиянами выросла с 1992 г. (когда Россия только-только конституировалась как самостоятельное государство) до 2004 г. примерно втрое – с 6 до 22%! Сократилась популярность и остальных общностей, так или иначе связанных с гражданскими, территориальными или политическими сообществами, однако темпы падения популярности этих идентичностей были меньше.

Именно с огромной ролью макроидентичностей в сознании россиян связана, на мой взгляд, и болезненно переживаемая ими до сих пор утрата того чувства принадлежности к большому сообществу, ощущения себя частичкой чего-то огромного и единого, которое большинство из них испытывало в Советском Союзе и которое не смогла заместить идентификация с гражданами России. Именно ностальгия по этому чувству сопричастности часто принимается за тот самый пресловутый постимперский синдром.

Рисунок 7.
С кем россияне никогда не испытывали чувство общности, в %³¹³

Нельзя не отметить в этой связи и то, что, в отличие от эмоциональной идентификационной компоненты, значимость утраты которой не слабеет с годами, идеологический крах советского этапа их жизни россияне пережили гораздо легче и возрастная динамика в отношении к суждению о том, что «с крахом СССР во мне было разрушено все, во что я когда-то верил», очень наглядно демонстрирует устойчивый уход от советской идеологии младших возрастных когорт. Фактически

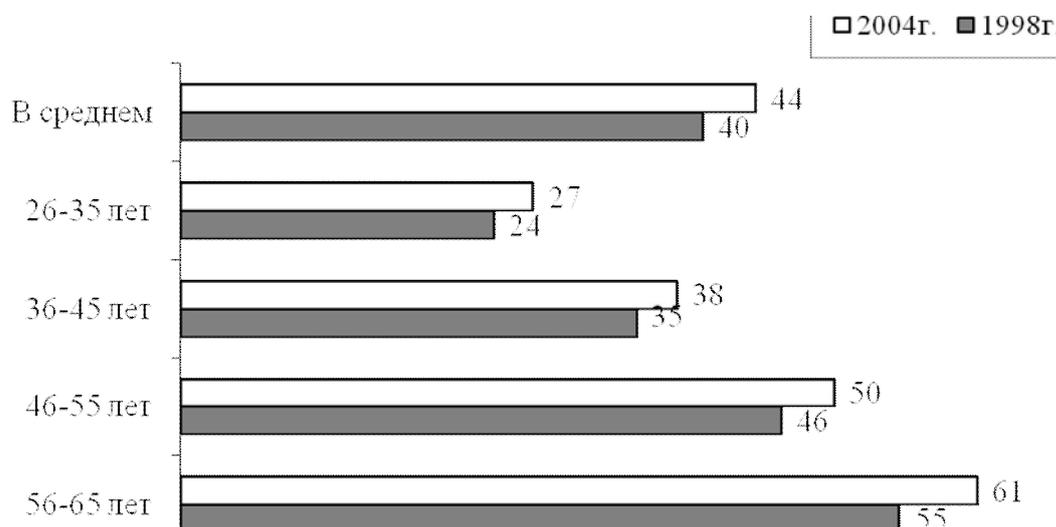
³¹³ Данные по состоянию на 1992 год взяты из книги: «Социальная идентификация личности – 2». Книга 1. М.: Институт социологии РАН, 1994. С.22-28. Подробно динамика идентификаций россиян за период 1992 – 1998 гг. была проанализирована мной в работе: Тихонова Н.Е. Самоидентификация россиян и ее динамика // Общественные науки и современность, 1999, № 4. С. 5-18.

только в группе старше 55 лет большинство говорило о личном идеологическом крахе, сопровождавшем для них распад СССР (см. рис. 8).

Рисунок 8.

Динамика значимости утраты идеологической составляющей советского периода их жизни у представителей разных возрастных когорт, в %

(согласие с позицией «С крахом СССР во мне было разрушено все, во что я когда-то верил»)

Заметим в этой связи, что национально-этнический фактор оказывается в системе МЫ-идентификаций важнее, чем гражданственный, хотя для Я-идентификаций соотношение обратное. Это значит, что во взаимоотношениях представителей разных национальных общностей есть напряженность, и именно это актуализирует чувство своей национальной принадлежности. Точно также в условиях обострения классового конфликта актуализировались бы прежде всего МЫ-, а не Я-самоидентификации.

В этой связи очень важно понять, что означают сегодня для россиян «люди той же национальности» и кого они склонны считать русскими (см. рис. 9).

Однозначно доминируют идентификации «русскости» по культуре и по отношению к России, т.е. опять-таки абстрактные, символические основания для идентификаций. В целом же наиболее характерным типом национальной идентичности в России сегодня выступает конвенциональная идентичность, предполагающая принятие единых «правил игры», закрепленных в национальной культуре, и это одна из наиболее характерных особенностей российской национальной культуры в целом. Причем для признания человека «своим» не важна его этническая идентичность – он должен лишь вне зависимости от нее принять эти «правила игры» как свои, поскольку именно они, по мнению россиян, в наибольшей степени соответствуют условиям России и служат ей во благо. Это объясняет как удивительную легкость ассимиляции большинства русских в чуждой им культурной среде других стран без образования диаспор (они просто «меняют правила игры», вливаясь в другую общность безотносительно к этнической принадлежности), так и болезненность отношения к мигрантам, образующим особые диаспоры, и, соответственно, живущим внутри них по своим правилам, не принимая

норм традиционной российской культуры³¹⁴, и, самое главное, это объясняет и отношение россиян к сегодняшней России, не являющейся для многих из них «своей», так как она живет не по тем «правилам», которые воспринимаются ими самими как естественные и справедливые. Изменить это положение за счет той или иной политики СМИ или различных пиар-акций невозможно, т.к. противоречит повседневному опыту людей. А без этого ни о каком возрождении патриотизма не может быть и речи. Неслучайно процесс постепенного размывания традиционалистской модели мира в общественном сознании россиян, вызвав кризис идентичности, не сопровождается быстрым замещением ее более современными гражданскими идентификациями – ни субъективных, ни объективных условий для этого в современной России просто нет.

Рисунок 9.

Кого, по мнению россиян, можно считать русским человеком (2004 г.), в % (допускалось 2 ответа)

Тот идейно-мировоззренческий, ценностный и идентификационный вызов, который бросил россиянам внезапный слом всей их прежней жизни, они пытались преодолеть и успешно преодолевали за счет попыток «вписывания» себя в новые социальные роли и новые, ранее нехарактерные для них общности взамен утраченных. На смену утерянным макроидентичностям приходили в первую очередь идентичности микроуровня, а также общности, характерные для стран с рыночной экономикой, причем скорее раннеиндустриальных, чем развитых. Несколько огрубляя, можно сказать, что в России росли самоидентификации с теми общностями, которые для стран Западной Европы были характерны почти сто лет назад, в период жесткой вертикальной стратификации и острой классовой борьбы. Речь идет, прежде всего, об имущественной идентификации и идентификации по

³¹⁴ В этой связи нельзя не отметить, что, хотя применительно к внутрироссийской модели развития общества по-прежнему отчетливо доминирует убеждение, что Россия – общий дом многих народов, оказывающих друг на друга свое влияние, и все народы России должны обладать равными правами, но за последние десять лет был зафиксирован рост националистических настроений в полтора раза – как жестких («Россия должна быть государством русских людей»), так и мягких («Составляя большинство, русские должны иметь больше прав, так как на них лежит основная ответственность за судьбу страны в целом»).

политическим взглядам. Одновременно выросли и некоторые отрицательные идентичности, но только те, которые связаны с территориально-гражданскими основаниями (гражданин России, СНГ и т.п.).

То, что волнует россиян сегодня – это не сама по себе утрата Россией статуса великой державы, а движение страны «не по тому пути», не позволяющее им в полной мере идентифицировать себя со своей собственной страной. И хотя россияне действительно хотят видеть Россию великой державой, но это значит для большинства из них не бряцание оружием или поиск внешних врагов России, а *экономическое процветание страны, развитие образования, науки, культуры, уважение к ней со стороны мира как к одной из наиболее «продвинутых» стран, возможность уважать самих себя как ее граждан и, самое главное, возвращение страны на рельсы тех целей и ценностей, которые разделяются большинством населения, и которые позволили бы россиянам снова ощущать себя частью единой и могучей общности.* Добиться же этих целей, восстановить единство общества можно в современном мире лишь двигаясь по пути модернизации, способной сделать Россию конкурентоспособной на мировой арене.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Исследование РНИСиНП «Массовое сознание россиян в период общественной трансформации: реальность против мифов» было проведено в октябре 1995 г. В ходе исследования было опрошено 2017 человек в возрасте 18 лет и старше, представлявших 12 укрупненных социально-профессиональных групп: рабочие предприятий, шахт истроек; инженерно-техническая интеллигенция; работники торговли, бытовых услуг и транспорта; гуманитарная и творческая интеллигенция; служащие государственных и частных предприятий и учреждений; военнослужащие и сотрудники МВД; предприниматели малого и среднего бизнеса; пенсионеры; студенты вузов; работники в селах; безработные; домохозяйки. Опрос проводился методом стандартизированного интервью по двухступенчатой выборке. На первой ступени в рамках экономических районов (согласно районированию Госкомстата РФ) были отобраны области, края и республики, где должен был проходить опрос. На втором этапе интервьюирование проводилось по квотной выборке, с соблюдением пропорций населения по полу, возрасту, типу поселений и социально-профессиональной принадлежности, репрезентирующих население страны в целом.

Принцип построения двухступенчатой выборки (сначала – по регионам согласно районированию Госстата и Росстата РФ, а затем – по квотам возраста, пола, типа поселения и социально-профессиональной принадлежности так, чтобы выборка в целом репрезентировала по этим параметрам все взрослое население России, соблюдался и в большинстве остальных исследований. При этом могла меняться общая численность выборки, ее возрастной состав и населенные пункты, где проходил опрос. Поэтому ниже при характеристике исследований будут указаны только отличия их выборки от общей модели построения выборки, описанной выше.

Исследование РНИСиНП «Граждане новой России: кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить?» было проведено в июне-июле 1998 г. по общероссийской выборке с общей численностью респондентов 3000 человек в возрасте от 16 до 65 лет. По отношению к описанному выше принципу формирования выборки характерной особенностью данного исследования выступало задание квот по возрастным когортам, имевшим в итоговой выборке равное представительство. Возрастные когорты, квоты по которым были заданы в исследовании, выглядели следующим образом: 16-25 лет, 26-35 лет, 36-45 лет, 46-55 лет, 56-65 лет

Исследование РНИСиНП «Россияне о судьбах России в 20-м веке и своих надеждах на новое столетие» было проведено в марте 2000 г. с общей выборкой 2050 человек в возрасте от 18 лет и старше. Характерной особенностью в целом типичной общероссийской выборки данного исследования являлось задание дополнительных квот по национальности респондентов.

Подробнее о методических аспектах всех этих исследований см.: «Россия на рубеже веков». М., РОССПЭН, 2000.

Исследование ИКСИ РАН (созданного на базе РНИСиНП) «**Новая Россия: десять лет реформ глазами россиян**» было проведено в ноябре 2001 г. по стандартной модели общероссийской выборки с общим числом респондентов 1750 человек.

Исследование ИКСИ РАН «Граждане новой России: кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить?» было проведено в июне-июле 2004 г. по той же модели выборке, что и исследование 1998 г., только общее число респондентов составляло не 3000 человек (по 600 в каждой возрастной когорте), а 2500 человек (по 500 человек в каждой возрастной когорте). Подробнее о данном исследовании см.: «Российская идентичность в условиях трансформации». М., Наука, 2005.

Исследование ИС РАН «Бюрократия и власть в новой России» было проведено в июне-июле 2005 г. по стандартной общероссийской выборке общей численностью 1503 человека, репрезентирующей население страны по полу, возрасту, типу поселения и региону проживания..

Исследование ИС РАН «Городской средний класс современной России» было проведено в октябре 2006 г. Оно репрезентировало по полу, возрасту, типу городских населенных пунктов определенной численности и региону проживания не все население страны, а лишь экономически активное городское население России. Выборка этого исследования включала 1750 человек и носила трехступенчатый характер. Вначале из всего экономически активного городского населения России в возрасте от 18 до 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин согласно статистическим данным задавались квоты для 12 территориально-экономических районов страны согласно районированию Росстата. Затем внутри каждого региона задавались квоты на представительство в выборке жителей городов различной численности (в т. ч. городов с населением более 1 млн. человек; городов с населением от 500 тыс. до 1 млн. человек; городов с населением 250-500 тыс. человек; городов с населением 100-250 тыс. человек; городов с населением менее 100 тыс. человек). Поселки городского типа в выборку не включались. На третьем этапе составления выборочной совокупности на основе статистических показателей задавались квоты по полу и возрасту для жителей определенных типов поселений каждого из территориально-экономических районов.

**О.Ю. Малинова,
ИНИОН РАН**

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА И КОНСТРУИРОВАНИЕ МАКРОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

После распада СССР все новые независимые государства столкнулись с проблемой конструирования идентичности стоящих за ними сообществ. Для России эта задача с самого начала осложнялась множеством проблем. Во-первых, речь шла о формировании существенно *новой* идентичности, ибо в рамках СССР проект многонациональной Российской республики (в отличие от других союзных республик) не имел вполне четких культурно-политических очертаний. Во-вторых, сохранялась неопределенность в отношении границ конструируемого сообщества (как политико-географических, так и культурно-символических). В-третьих, идеологические расколы, сложившиеся в годы перестройки и углубившиеся с началом реформ, затрудняли конструирование моделей коллективной идентификации, способных стимулировать солидарность, перекрывающую мировоззренческие различия. В-четвертых, в меняющемся международном и внутривнутриполитическом контексте определение Значимых Других, в соотнесении с

которыми предстояло конструировать новую макрополитическую идентичность, также стало поводом для разногласий³¹⁵. Эти и другие факторы обусловили очевидную противоречивость политики идентичности, проводившейся в постсоветской России. Предметом данной статьи станет ретроспективный анализ символических аспектов этой политики.

Учитывая сложность и неоднозначность понятийного ряда, с помощью которого описывается сообщество, стоящее за новым российским государством («многонациональный народ», «граждане России», «россияне», «русские» и др.), мы будем говорить о конструировании *макрополитической идентичности*. Данный термин охватывает все основания идентификации рассматриваемого сообщества, присутствующие в *публичном дискурсе*, позволяя анализировать возникающие между ними смысловые конфликты. В то же время его можно рассматривать в качестве общего знаменателя для понятий, с помощью которых «российская идентичность» описывается в *научном дискурсе* – таких, как «политическая нация»³¹⁶, «гражданско-государственная (национально-гражданская) идентичность»³¹⁷, комбинация «этнического и наднационального (цивилизационного) начал»³¹⁸.

Конструирование макрополитической идентичности является важной составляющей политики современных государств. Причем интерпретация стоящих за государствами сообществ в качестве наций в рамках сложившейся политической картины мира является доминирующей: в эпоху модерна утверждение демократического представления о власти, выражающей волю народа, происходило параллельно с продвижением националистической идеи о том, что именно нации являются легитимными единицами политической организации. И хотя действительность никогда в полной мере не соответствовала этой идее, последняя оказала определяющее влияние на формирование способов социального воображения, присущих современным обществам. Именно идея нации задает общую рамку, в которую так или иначе должна быть вписана макрополитическая идентичность: последняя связывается с принадлежностью либо к *нации* (определяемой по разным основаниям), либо к *наднациональному сообществу*. Причем предполагается, что в первом случае узы, скрепляющие сообщество, оказываются прочнее. Хотя идея нации отличается достаточной гибкостью, чтобы применяться к очень разным политическим сообществам, в некоторых случаях ее сложно вписать в сложившиеся социокультурные и политические реалии – особенно если притязания разных групп, претендующих на этот статус, сталкиваются.

Все современные государства в той или иной мере проводят «политику идентичности», направленную на интеграцию стоящих за ними сообществ, поощрение солидарности, формирование определенного представления о нас,

³¹⁵ Малинова О.Ю. Россия и «Запад» в XX веке: Трансформация дискурса о коллективной идентичности. М.: РОССПЭН, 2009. С. 141-178

³¹⁶ Паин Э.А. Исторический «бег по кругу» (Попытка объяснения причин циклических срывов модернизационных процессов в России) // *Общественные науки и современность*. 2008, № 4. С. 9.; Каспэ С.И. Политическая нация и ценностный выбор: общие положения, российский случай (1) // *Полития*, 2009, № 2. С. 5.

³¹⁷ Дробижеева Л.М. Процессы гражданской интеграции в полиэтничном российском обществе (Тенденции и проблемы) // *Общественные науки и современность*, 2008, № 2. С. 69

³¹⁸ Зевелев И.А. Будущее России: нация или цивилизация? // *Россия в глобальной политике*, 2009, № 5. С. 99.

опирающегося на те или иные интерпретации истории и культуры и т.п. Инструментами этой политики являются официальный язык, школьные программы, требования, связанные с приобретением гражданства, национальные символы и праздники и т.п. Такая политика, с одной стороны, призвана обеспечить интеграцию и солидарность граждан поверх социальных, этнических, религиозных, языковых, политико-идеологических и прочих границ, а с другой – связана с теми или иными решениями проблемы различий (т.е. с поиском адекватных способов их «признания», либо с попытками их «сгладить»/оставить «незамеченными»).

«Политика идентичности» является важной составляющей *символической политики*. Опираясь на концепцию символической борьбы П. Бурдьё, под данным термином мы понимаем *деятельность политических акторов, направленную на производство и продвижение/навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих*. Рассматриваемая таким образом символическая политика является не противоположностью, а скорее специфическим аспектом «реальной» политики. Очевидно, что в вопросах, имеющих отношение к политике идентичности, значение данного аспекта чрезвычайно велико (однако было бы неверно сводить такую политику исключительно к ее символической составляющей). Хотя государство не является единственным актором символической политики, оно занимает особое положение на этом поле, поскольку обладает возможностью навязывать поддерживаемые им способы интерпретации социальной реальности с помощью властного распределения ресурсов, правовой категоризации, придания символам особого статуса, возможности выступать от имени макрополитического сообщества на международной арене и т.п. В связи с этим и публичные высказывания акторов, представляющих государство, имеют особое символическое значение и, как правило, становятся объектами соотнесения для других участников дискурса. Вместе с тем доминирование интерпретаций социальной реальности, поддерживаемых от имени государства, отнюдь не предрешено: даже если «нужная» нормативно-ценностная система навязывается насильственными методами, у индивидов остается возможность «двоемыслия». Символическая политика осуществляется в *публичной сфере*, т.е. виртуальном пространстве, где в более или менее открытом режиме обсуждаются социально значимые проблемы, формируется общественное мнение, конструируются и переопределяются коллективные идентичности, иными словами – имеет место конкуренция разных способов интерпретации социальной реальности. Институциональные параметры публичной сферы оказывают значимое влияние на стратегии и возможности акторов символической политики.

Мы рассмотрим основные тенденции символической политики, направленной на конструирование макрополитической идентичности в России в 1990-х и 2000-х гг., сосредоточив внимание на двух взаимосвязанных проблемах: выбора основания идентификации сообщества, стоящего за новым Российским государством и определения критериев принадлежности к нему. Нас будет интересовать символическая политика, проводимая от имени государства и выражаемая в нормативных решениях и официальных высказываниях высших должностных лиц.

Обращает на себя внимание, что в российском контексте предметом острых дискуссий стал ключевой вопрос: как макрополитическое сообщество, стоящее за новым государством, соотносится с идеей нации, которая в рамках сложившейся картины мира задает основной принцип легитимации «самоопределяющихся» политических единиц? Введенная Конституцией 1993 г. формула «многонациональный народ Российской Федерации» дает основания для разных способов ответа на этот вопрос. С одной стороны, она очевидным образом

учитывает традиции советского дискурса, который отождествлял «национальность» с этничностью и демонстрировал равное символическое признание всех групп, подпадающих под данную категорию. На практике равное символическое признание дополнялось сложной иерархией форм институционализации этничности. Стремясь избежать конфликтов, связанных с отказом в привычном признании прав «национальностей», создатели Конституции последовали примеру советской политики идентичности, рассматривавшей макрополитическую идентичность как наднациональную («новая историческая общность – советский народ»): для определения основания макрополитического сообщества было выбрано существительное «народ», прилагательное же «многонациональный» было зарезервировано для составляющих его «национальных» групп. С другой стороны, Конституция отводит роль суверена «народу» как целому, а не совокупности составляющих его групп и устанавливает равенство прав и свобод всех граждан РФ независимо от национальности, что открывает возможность для интерпретации обладающего суверенитетом сообщества как гражданской нации. Именно такая интерпретация ст. 3 Конституции была предложена в первом президентском послании Б.Н.Ельцина Федеральному собранию.

Однако идея российской нации как сообщества всех граждан РФ с самого начала вызвала оппозицию со стороны тех, кто усматривал в ней ущемление прав «национальностей», или выражал озабоченность тем, что перенос понятия «нация» на «общегосударственный» уровень может спровоцировать этнические конфликты. Против утверждения такой концепции выступают и те из русских националистов, кто полагает, что Россия должна оставаться империей и предпочитает сочетать рассуждения об особой роли в создании и поддержании этой империи русских как этнической группы с символическим признанием «многонациональности». Даже представители либерально-демократической части спектра, которые считают строительство российской гражданской нации желанной перспективой, не рассматривают макрополитическое сообщество, стоящее за Российским государством, как сложившуюся нацию³¹⁹. Более оптимистичный подход к оценке перспектив формирования гражданской нации настойчиво утверждает академик В.А. Тишковым, по мнению которого основным препятствием «для признания существования российской нации» является не «недостаток схожести и солидарности россиян», а неготовность политической и интеллектуальной элиты признать факт ее существования³²⁰.

Вопрос об основаниях макрополитической идентичности тесно связан с вопросом о ее границах, или о критериях принадлежности к сообществу, стоящему за новым Российским государством. На этот счет также существуют разные точки зрения. С одной стороны, политические границы, сложившиеся после распада СССР, не всеми были восприняты как окончательные. Различные проекты реинтеграции постсоветского пространства, от экстремистской идеи полного или частичного восстановления государства в прежних границах, высказываемой некоторыми «имперскими» националистами, до более умеренной концепции постепенного сближения за счет формирования межгосударственных союзов, побуждают к

³¹⁹ Паин Э.А. Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М.: Новое издательство, 2004. С. 18; Ясин Е.А. 2007. Фантомные боли ушедшей империи // После империи (под ред. И.М.Клямкина). М.: Фонд «Либеральная миссия». С. 16

³²⁰ Тишков В.А. Что есть Россия и Российский народ? // Pro et contra, 2007, № 3 (37). С. 29-30.

воображению границ российской макрополитической идентичности как временных/открытых. С другой стороны, с учетом особенностей постсоветской ситуации (широкое распространение русского языка и русской культуры как внутри РФ, так и на постсоветском пространстве) оказываются возможными различные подходы к конструированию идентичности по этнокультурным и лингвистическим основаниям. В российском политическом дискурсе сосуществуют разные способы определения русской идентичности, которая остается необходимым и существенным дополнением идентичности российской³²¹. За разными подходами к определению русскости стоят не только геополитические амбиции политиков, но и противоречивые представления граждан о границах групп, с которыми они себя отождествляют.

Учитывая, сколь противоречивы представления об основаниях и границах макрополитической идентичности, стоящей за новым Российским государством, обнаруживаемые в элитарном дискурсе и массовом сознании, вряд ли нужно удивляться, что официальная символическая политика в этих важных и чреватых конфликтами вопросах не отличалась последовательностью. В 2000-х, как и в 1990-х годах, нормативные решения и официальные высказывания высших должностных лиц колеблются между интерпретацией конституционной формулы «многонациональный народ Российской Федерации» в смысле наднациональной надстройки над идентичностями составляющих «народ» «национальностей» (в духе «новой исторической общности – советский народ») или в значении гражданской нации. Так, в принятой накануне президентских выборов 1996 г. указом Б.Н.Ельцина «Концепции государственной национальной политики РФ» Россия определяется как «многонациональное государство» (не «народ», как в Конституции)³²². Термин «нация» в данном документе вовсе не используется. Неоднократные попытки принять федеральный закон, призванный заменить Концепцию 1996 г., так и не увенчались успехом. В 2003 г. в Думу был внесен законопроект «Об основах государственной национальной политики РФ», в 2006 г. – зарегистрирована новая редакция проекта ФЗ, имеющая название «Об основах государственной политики в сфере межэтнических отношений в Российской Федерации» (№ 369190-3). В случае его принятия закон с новым названием стал бы весьма решительным шагом в направлении концепции российской гражданской нации. Однако этот шаг пока не сделан: рассмотрение законопроекта уже не в первый раз отложено. Возможно, первой ласточкой станет принятие 1 июня 2010 г. Правительством Москвы документа, имеющего название «Концепция реализации государственной политики в сфере межэтнических отношений в городе Москве».

Столь же неоднозначно и представление оснований макрополитической идентификации в риторике официальных лиц. В выступлениях всех трех российских президентов существительное «нация» и производные от него прилагательные систематически использовались по отношению к России как нации в ряду других наций, т.е. в «западном» значении данного слова (в таких словосочетаниях как «национальные интересы», «национальная безопасность», «национальная промышленность», «здоровье нации», «общенациональные проблемы», «национальные проекты» и т.п.). При этом понятие «нация» связывалось не только с Россией как участницей международной системы государств, но и со стоящим за нею

³²¹ Миллер А.И. Нация как рамка политической жизни // Pro et contra, 2007, № 3 (37). С. 11, 14.

³²² Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. 1996. Утверждена Указом президента РФ от 15 июня 1996 г. (<http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/up/909/2051/>).

сообществом, имеющим определенные исторические и культурные традиции и обладающим политической субъектностью и волей к коллективному действию. Но наряду с этим в выступлениях российских президентов сохраняются и упоминания о проблемах «межнациональных отношений» (иногда как синоним в том же тексте используется термин «межэтнический»), о России как «многонациональной стране», о задаче поддержания «межнационального мира» и т.п.

Анализируя дискурс лояльной власти части политического класса в 2000-х гг., нетрудно обнаружить, что проект гражданской российской нации отнюдь не рассматривается ею в качестве однозначной и несомненной цели. В частности, на это указывает так называемый «Русский проект» «Единой России», запущенный в 2007 г. Проект предполагал проведение виртуальных и «живых» дискуссий, призванных дать ответ на вопрос на «десять русских вопросов». Внедряя термин «русский» вместо политкорректного «российский», организаторы проекта преследовали двойную цель: дистанцироваться от политики ельцинского периода и «национального нигилизма» «либералов-западников» и «реабилитировать» традиции имперского прошлого и культуры, за которой исторически закрепилось название «русская». При этом настойчиво подчеркивалось, что «русскость» следует определять в терминах языка и культуры, а не происхождения³²³. По-видимому, «Русский проект» можно рассматривать не только как средство предвыборной мобилизации части националистически настроенного электората, но и как попытку оценить возможные альтернативы проекту «российской гражданской нации», не сумевшему завоевать достаточной поддержки.

В дальнейшем чаша весов стала склоняться в пользу проекта «российской нации». В начале 2008 г., в преддверии президентской избирательной кампании «Русский проект» был свернут и вскоре при активной поддержке сверху был создан Общероссийский союз общественных объединений «Российская нация», призванный распространять и упрочивать в общественном сознании идею политической и гражданской нации, а затем учреждены одноименный Интернет-ресурс³²⁴ и журнал «Вестник Российской нации». По мнению Г.И.Зверевой, эти шаги знаменуют движение в направлении «учреждения “российской нации”». Впрочем, как она показывает, выбор ключевого словосочетания не означает однозначной поддержки проекта «гражданской» нации и отказа от идеи «многонационального народа». Как полагает Зверева, «российская нация» оказывается «зонтичным понятием», которое «позволяет нивелировать общественные разногласия, «покрывать» и «поглощать» разные представления о том, какой должна быть доминанта коллективной идентичности в современной России»³²⁵. Хотя выбор понятия, безусловно, не отменяет конкуренции разных представлений о российском макрополитическом сообществе, на наш взгляд, не стоит преуменьшать его значимость с точки зрения того, что П.Бурдые назвал «властью номинации»³²⁶. Выбор «номинации» – разумеется, если он закрепится в официальных текстах и речевых практиках российского политического класса – не положит конец дискуссиям «о нации», но переведет их в другую плоскость, внося некоторую определенность в базовый

³²³ Исаев А. «Единая Россия» – партия русской политической культуры. М.: Изд-во «Европа», 2006. С. 7-9.

³²⁴ (<http://www.rosnation.ru/index.php?D=10>)

³²⁵ Зверева Г.И. Учреждение «российской нации»: год 2008 // Пути России: современное интеллектуальное пространство: школы, направления, поколения. М.: Университетская книга, 2009. С. 423.

³²⁶ Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 72-77.

вопрос о соотношении между макрополитическим сообществом и идеей нации. Впрочем, пока этот выбор не состоялся – скорее мы имеем дело с тенденцией, судьбу которой определит время.

Не менее сложно обстоит дело с определением границ указанного сообщества и критериев принадлежности к нему. Еще в начале 1990-х годов на уровне государственной политики был сделан выбор в пользу «гражданского» принципа определения российской нации и равенства ее членов независимо от их этнической, религиозной и расовой принадлежности (этот принцип закреплен в Конституции 1993 г.). Примерно в то же время был введен в оборот термин «соотечественники», указывающий на потенциальных членов культурно-политической общности, выходящей за рамки государственных границ России. Обычно данный термин относят к тем, кто проживает за пределами РФ, но, сознавая свои культурные и языковые связи с Россией, стремится, так или иначе, идентифицировать себя с «олицетворяемым» ею сообществом. На протяжении всего постсоветского периода государственная политика по отношению к соотечественникам колебалась между разными подходами к включению указанной категории в сообщество, связанное с Российским государством. В 1990-х годах политика государства в значительной мере определялась стремлением создать каналы для непосредственного включения «соотечественников» в российскую гражданскую нацию: в этом направлении работал закон о гражданстве 1991 г. (с более поздними изменениями и поправками), предусматривавший облегченную процедуру получения российского гражданства для граждан бывшего СССР, а также дипломатические попытки распространить институт двойного гражданства (впрочем, не вполне успешные). Новый закон о гражданстве, принятый в 2002 г., изменил практику приема в гражданство в сторону ужесточения и отразил тенденцию к ограничению каналов прямого включения «соотечественников» в российскую гражданскую нацию. Другой подход, практиковавшийся и в 1990-х, и в 2000-х годах, связан с конструированием более широкой общности, опирающейся на историческую и культурную идентификацию с Россией, и курсом на «поддержку соотечественников за рубежом». Однако поскольку соблазн использовать ресурс «соотечественников» сопряжен с риском осложнения отношений с выстраивающими собственные национальные идентичности новыми независимыми государствами, на практике при реализации данного курса обнаруживается «существенный разрыв между жесткой риторикой и реальной политикой»³²⁷.

Подводя итоги, следует отметить, что символическая политика Российского государства, направленная на конструирование макрополитической идентичности, с неизбежностью отражала существующие конфликты между разными интерпретациями ее основания (нация или наднациональная «общность») и границ/критериев включения (гражданство, этническая и конфессиональная принадлежность, язык и культура). Оставаясь в пределах конституционных рамок, предписывавших принцип включения на основе равного гражданства, государственная политика идентичности постсоветского периода демонстрировала значительную меру неопределенности, пытаясь так или иначе удовлетворить ожиданиям сторонников разных подходов. Следует признать, что более «определенная» символическая политика была бы чревата конфликтами, последствия которых трудно предсказать, однако сохранение неопределенности в

³²⁷ Зевелев И.А. Соотечественники в российской политике на постсоветском пространстве: наследие империи и государственный прагматизм // Наследие империй и будущее России. М.: Новое Литературное Обозрение, 2008. С. 241.

отношении «оснований» и «границ» означает, что *конструирование макрополитической идентичности, стоящей за Российским государством, остается «замороженным» проектом, к работе над которым рано или поздно придется вернуться.* Во второй половине 2000-х годов в символической политике государства наметилась линия на более определенную поддержку модели российской нации-согражданства. Но с учетом отсутствия прочного общественного консенсуса в пользу данной модели (в том числе – и в рядах лояльной власти части политической элиты), трудно строить прогнозы относительно устойчивости данной тенденции.

**К.Г. Холодковский,
ИМЭМО РАН**

РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ – КОЛЕБЛЮЩАЯСЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Банальной, но вряд ли оспоримой истиной является зависимость проблем российской идентичности от двух связанных между собой факторов: промежуточного положения страны между Европой и Азией и отставания от наиболее развитых стран, преодоление которого – в реальности или в идеологических конструкциях – стало головной болью российской элиты. Оба фактора накладывали свой отпечаток на всю историю России последних столетий. Отсюда двойственность в самоидентификации россиян: принадлежит ли страна Европе или Евразии? Права Л.М.Дробижева, заметив в одной из своих работ, что эта двойственность – свойство людей, живущих в стране постоянно догоняющего развития³²⁸.

В своей явной форме двойственность российской идентичности восходит к реформам Петра I. Европеизация российской элиты породила культурный раскол формирующейся российской нации, проявлявшийся затем в разных формах (отчуждение между дворянством и народом, разделение культурной элиты на западников и славянофилов, радикализм интеллигентов-модернизаторов в противовес архаичному самосознанию «толщи» общества, и т.п.). Своеобразные формы приобрел этот раскол после революционных событий 1917 года. Первоначально это был конфликт между советским вариантом модернизационного сознания (с изначальной прививкой к нему архаичных установок) и традиционной идентичностью. После уничтожения крестьянства этот конфликт был по видимости снят установлением единомыслия, за которым скрывалось быстрое перерождение официальных установок и идеологических ценностей в традиционном державническом духе. В позднесоветский период конфликт возродился, прежде всего, в форме «двоемыслия» - противостояния официальной политизированной системы ценностей (имевшей отнюдь не только вербальный характер, но во многом определявшей модус действия или бездействия) и фактически оппонирующей ей аполитичной, основной компонентой которой стала идеализация западного «качества жизни». Именно эта внутренняя двойственность была определяющей чертой позднесоветской идентичности, на фоне которой до поры до времени статистически незначимой была идентичность интеллигентов – активных диссидентов и скрытых «западников».

Ситуация изменилась с развертыванием перестройки. Борьба в «верхах» и снятие цензуры привели к выдвиганию на первый план того интеллигентского

³²⁸ Дробижева Л.М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. М.: Academia, 2002. С. 235.

меньшинства, которое было настроено на решительные модернизационные и демократические перемены. Не сумев в полной мере добиться своих целей на политической арене, оно, тем не менее, оказало существенное влияние на настроения массовых слоев общества, о чем свидетельствуют, в частности, миллионные тиражи ряда журналов, занимавших отчетливую общественную позицию, сочувствие значительной части населения, особенно крупных городов, противникам ГКЧП. Во многом благодаря этим процессам в фактуре российской идентичности закрепился феномен значимого (хотя и в основном пассивного) модернизаторского меньшинства.

В исследовании современной российской идентичности мы уже можем опираться не только на данные центров изучения общественного мнения (прежде всего, Левада-центра) и ряд конкретных аналитических материалов, но и на специальное исследование, проведенное три года назад Институтом социологии РАН³²⁹. Эти материалы показывают, что подавляющее большинство российских граждан идентифицирует себя ныне уже не с покойным Советским Союзом, а с новой Россией, с Российским государством и его гражданами, и что эта самоидентификация перекрывает, как правило, региональную самоидентификацию³³⁰. Правда, как мы знаем, в полном значении общепринятыми символами этой новой самоидентификации являются обычно лишь две вещи: победа в Великой Отечественной войне и те или иные спортивные успехи. Так что если в смысле преодоления региональной разобщенности и единой идентификации со своей страной формально все в порядке, в смысле содержательной характеристики национально-гражданской идентичности это не совсем так.

Как выясняется, мы снова пришли все к той же двойственности. Исследование Института социологии свидетельствует, что по типу своей идентичности в российском населении можно выделить две группы: большинство и меньшинство. Первые – традиционалисты (я бы сказал – квази-традиционалисты, поскольку с ликвидацией крестьянства ушли в прошлое такие важные свойства традиционализма, как общинность, «соборность»). Для них характерны патерналистские ожидания по отношению к государству, ориентация на «хороших руководителей», предпочтение общества социального равенства обществу индивидуальной свободы, недоверие к Западу, мнение, что модель западной демократии для России не подходит, и т.д. Вторые – модернисты. Это примерно в два раза меньшая группа, для которой характерны те особенности сознания, которые типичны для эпохи модерна (предпочтение индивидуальной свободы, ориентация на инициативность, высокая оценка демократии, свободы слова и печати, независимости суда, и т.п.).

Но картина, как выясняется, сложнее. Во-первых, есть и большая (примерно треть опрошенных) промежуточная группа, противоречивое сознание которой сочетает в себе признаки двух разных групп. Во-вторых, в разных аспектах между модернистами и традиционалистами существуют либо качественные, либо только количественные различия. Так, резкая разница между ними – в отношении к идее всевластия государства и свободе личности. Но в отношении к рынку, в

³²⁹ Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад Института социологии РАН. М.: 2007.

³³⁰ Как констатируется в вышеупомянутом исследовании Института социологии, «роль россиянина, гражданина России является сейчас самой распространенной «Я-идентификацией». И житель определенной местности, и представитель конкретной национальности отстают от нее в разы» (Указ. соч. С. 23).

представлениях о некоторых демократических нормах, о том, должно ли государство отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельных граждан, различие не так уж велико. И если идентичность многих россиян, отнесенных к модернистской группе, еще не является, по-видимому, в полной мере модернистской, то, напротив, ценности модерна уже начинают проникать в сознание традиционалистов. В еще большей мере это можно, очевидно, сказать о промежуточной группе.

В-третьих – и это, несомненно, самое важное – налицо явные подвижки в соотношении этих групп во времени. Если в конце 80-х – начале 90-х годов мы были свидетелями заметного расширения слоя модернистов (во многом на основе негативной идентичности – отталкивания от советских образцов), то в последующем, как говорит не только исследование Института социологии, но и многочисленные опросы центров изучения общественного мнения, происходит его значительное сужение. Уже в 1993 г. Т.И.Заславская констатировала: «Разочарование значительной части общества в либерально-демократических идеалах и ценностях. Массовое возвращение людей к традиционным российско-советским ценностям, привычному образу жизни, опеке и социальным гарантиям государства».³³¹ Если в 1989 г. на вопрос, бывают ли ситуации в жизни страны, когда народу нужен сильный и властный руководитель, 26,2% выбрали ответ «постоянно», а 15,7% – «иногда», то уже в 1996 г. – соответственно 36,7% и 31,7%³³². Меньшинство превратилось в подавляющее большинство! И наоборот, если в 1989 г. подавляющее большинство респондентов полагало, что человек безусловно или в какой-то мере несет моральную ответственность за события в стране, уже через пять лет так считало лишь меньшинство. Процесс «отступления модернистов» продолжался и в 2000-е годы. Согласно исследованию Института социологии, в 2004 г. соотношение традиционалистов и модернистов было 41:26, а в 2007 г. – уже 47:20.

Исследователи Института социологии, несомненно, правы, когда говорят, что это произошло из-за ухудшения объективных условий существования массовых слоев, которое было связано с негативной стороной проведенных преобразований. Я бы добавил к этому, что ухудшение носило и субъективный характер, потому что авангардная роль модернизаторской, либерально-демократической интеллигенции оказалась сугубо кратковременной, а властями и обслуживающей их интересами частью интеллектуальной элиты предпринимались целенаправленные усилия, чтобы затормозить распространение свободолобивых и демократических настроений, воскресить в массах дух державничества. «Все последние годы, – писала не так давно одна из ведущих сотрудниц ГУ-ВШЭ, – мы видели, что с помощью СМИ в общество вводятся новые, во многом как раз старые, идеологемы: величие России, временно утраченное и «опозоренное» в 1990-е годы, антизападная ориентация, изоляционизм, особый путь России, патриотизм «негативного», агрессивно направленного вовне толка, представление об истории России как циклической, движущейся по кругу и перед остающимися практически неизменными на протяжении веков вызовами»³³³. Эти усилия не пропали втуне. Если еще в 2000 г. согласно опросу зарубежных социологов больше половины (52%) опрошенных

³³¹ Заславская Т.И. Трансформация российского общества как предмет мониторинга. // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения, 1993, № 2. С. 7 – 8.

³³² Левада Ю.А. Комплексы общественного мнения (Статья вторая) // Там же. 1997, № 1 (27). С. 10.

³³³ Борусяк Л. Проект «Имя Россия» как новый учебник истории // Вестник общественного мнения, 2008, № 5 (97). С. 58.

россиян «в значительной» или «в некоторой степени» считали себя европейцами, то уже в 2005 г. их доля сократилась до четверти (25%)³³⁴. Конец 1990-х и 2000-е годы отмечены в России не только интенсификацией традиционализма, но и ростом национализма и ксенофобии, особенно в молодежной среде.

Таким образом, изучение представлений, ценностей и установок современных россиян ясно говорит о лабильности нынешней российской идентичности под влиянием как объективных, так и субъективных факторов, о подвижности ее элементов, если, конечно, речь не идет о «ядрах» обеих противостоящих идентификационных групп. Пока что общий итог ее эволюции весьма разочаровывает. Инерция традиционности велика. И все же... Российская идентичность еще отнюдь не стала идентичностью эпохи модерна, но она и не «устоялась», не замерла в неподвижности, о чем говорит не только ее изменчивость, но и «взаимопроникновение» представлений и ценностей, наличие наряду с существенными качественными и чисто количественных различий между двумя группами. Это наводит на мысль о возможности в будущем новых колебаний идентичности под влиянием изменения объективных и субъективных условий, процессов ее «дозревания» до более близкого к европейскому уровню.

Это предположение могло бы быть подтверждено (или опровергнуто) исследованием, «опрокидывающим» выявленные на современном материале закономерности в прошлое (по крайней мере в период с конца XVII века) – с той поправкой, конечно, что рамки тогдашнего общества были по сравнению с современным значительно сужены. Схематически эти закономерности могли бы быть сформулированы следующим образом. *В предреформенную эпоху (а в истории России они повторялись не раз) на авансцену выдвигается группа (слой) носителей модернизаторского, если угодно – западнического сознания, вносящая благодаря своей ведущей роли новые элементы в российскую идентичность. Однако под влиянием минусов (неизбежных или субъективно обусловленных) развертывающихся преобразований происходит реакция – пробуждение и активизация наиболее традиционных пластов идентичности, выход на поверхность носителей традиционалистского («самобытного») сознания, «утапливающих» в своей массе модернистов. Реформы подвергаются ограничениям или наступает период контрреформ.* Однако положительные стороны даже ограниченных реформ вносят известные изменения в общество, расширяя со временем ряды модернистов и промежуточные слои и группы. Постепенно формируются новые интересы, созревает потребность в новых преобразованиях.

**В.И. Пантин,
ИМЭМО РАН**

ОСОБЕННОСТИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИИ

В данной работе рассматривается одна из составляющих идентичности – национально-цивилизационная. Значение процесса формирования российской национально-цивилизационной идентичности определяется, прежде всего, тем, что без него российское общество будет оставаться атомизированным, не способным к

³³⁴ Уайт С., Макалистер Й. Беларусь, Украина, Россия: Восток или Запад? // Там же, 2008, № 3.(95). С.18.

самостоятельному и органичному политическому, экономическому, социальному и культурному развитию. Соответственно, Россия либо будет лишена реальной субъектности в мировой политике и экономике, либо вообще не сможет существовать как единое общество и государство. Последнее, а именно возможный распад России в случае невозможности формирования национально-цивилизационной идентичности как фундамента и скрепы российского общества чревато масштабными геополитическими потрясениями и гораздо более трагическими последствиями, чем распад Советского Союза.

Особенности и противоречия формирования российской национально-цивилизационной идентичности, проявляющиеся, например, в его чрезвычайно замедленных темпах, в периодических расколах образованной части российского общества на "западников" и "почвенников" ("славянофилов"), в зигзагообразном политическом и социокультурном развитии российского социума³³⁵, безусловно, не являются случайными и определяются целым рядом объективных и субъективных факторов. К числу объективных факторов относятся полиэтничность российского общества, характерные для России сложные климатические условия, относительно низкая плотность населения, огромная территория, неразвитость инфраструктуры и сложность коммуникации между жителями разных российских регионов, историческая запоздалость возникновения и развития российской цивилизации и связанное с этим мощное политическое, экономическое, военное, культурное и демографическое давление на Россию с Запада и с Востока. Последнее обстоятельство четко выразил крупный британский историк и философ А.Дж.Тойнби, отнюдь не питавший особых симпатий к России, но вынужденный объективно констатировать исторические факты и тенденции: «Отчуждение началось в XIII веке, после нашествия татар на Русь. Татарское иго продолжилось недолго, ибо татары были степными кочевниками и не могли укорениться в русских лесах и полях. В результате татарского ига Русь потерпела убытки, в конце концов, не столько от татар, сколько от западных соседей, не преминувших воспользоваться ослаблением Руси, для того чтобы отрезать от нее и присоединить к западнохристианскому миру западные русские земли в Белоруссии и на Украине. Только в 1945 году России удалось вернуть себе те огромные территории, которые западные державы отобрали у нее в XIII и XIV веках. Западные завоевания средневекового периода отразились на внутренней жизни России и на ее отношениях с западными обидчиками. Давление Запада на Россию не только оттолкнуло ее от Запада, оно оказалось одним из тех тяжелых факторов, что побудили Россию подчиниться новому игу, игу коренной русской власти в Москве, ценой самодержавного правления навязавшей российским землям единство, без которого они не смогли бы выжить»³³⁶. Как известно, после распада СССР давление на Россию и с Запада, и с Востока не только не уменьшилось, но напротив, существенно возросло.

Среди субъективных факторов, затрудняющих формирование российской национально-цивилизационной идентичности, следует отметить низкий уровень самоорганизации российского общества на всех уровнях, слабую способность договариваться и идти на компромиссы, стремление к крайностям, о котором писали

³³⁵ См., например: Ахиезер А.С. Между циклами мышления и циклами истории // Общественные науки и современность, 2002, № 3; Поиск национально-цивилизационной идентичности и концепт «особого пути» в российском массовом сознании в контексте модернизации. М.: ИМЭМО РАН, 2004.

³³⁶ Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. М.; СПб.: Прогресс – Культура, 1996. С. 157.

самые различные авторы, начиная с Юрия Крижанича и кончая Александром Ахиезером. Как ни парадоксально, многие из этих субъективных факторов (например, низкая способность к самоорганизации или стремление к крайностям) в той или иной мере связаны с отмеченными выше географическими и климатическими факторами – низкой плотностью населения, резкими климатическими перепадами, неустойчивостью сельскохозяйственного производства (подавляющая часть территории России является зоной рискованного земледелия). Разумеется, в современных условиях, при высоком уровне урбанизации, развитии новых средств связи и новых технологий ситуация существенно меняется, но историческая инерция, особенно на ментальном уровне, все еще дает о себе знать.

Перечисленные объективные и субъективные факторы позволяют понять, почему формирование российской национально-цивилизационной идентичности происходит так медленно, сложно и противоречиво. В этой связи важно подчеркнуть, что к исследованию российской идентичности нельзя механически подходить с мерками, которые используются, например, для исследования национальной и гражданской идентичности жителей западноевропейских государств, США, Японии или Южной Кореи. Для многих из перечисленных государств характерна либо моноэтничность и небольшая территория с компактным проживанием основной массы населения, либо жесткая "расчистка" (вплоть до поголовного истребления) местных коренных жителей и создание нового государства с преобладанием законопослушного англоязычного населения (США, Канада, Австралия, Новая Зеландия). В отличие от них в России существовала и продолжает существовать ярко выраженная полиэтничность, причем многие народы и этносы считают своей исконной территорию, на которой они преимущественно проживают. Все это, безусловно, затрудняет формирование единой российской национально-цивилизационной идентичности, которая складывается "поверх" множества других составляющих идентичности (прежде всего этнической и региональной) и требует для своего развития немалых целенаправленных усилий со стороны общества и государства. В то же время формирование российской национально-цивилизационной идентичности в чем-то подобно формированию европейской идентичности, которое также происходит довольно медленно, сложно и противоречиво (как известно, общая европейская идентичность формируется на протяжении более, чем тысячи лет, и этот процесс все еще далек от завершения).

Подводя итоги, можно констатировать, что в условиях современной глобализации формирование российской национально-цивилизационной идентичности происходит весьма сложно и противоречиво, но все-таки достаточно закономерно и последовательно. При этом российская национально-цивилизационная идентичность отличается и от европейской, и от американской, и от китайской, и от арабской или центральноазиатской (в частности, на отличие российской цивилизации и российской идентичности от европейской указывали многие западные авторы³³⁷). Более того, как показывает опыт последних двух десятилетий, элиты и массы стран ЕС не считают россиян европейцами и боятся экономического проникновения России в Европу. Тем самым все представления о том, что россияне в скором времени станут европейцами, являются иллюзорными, хотя

³³⁷ См., например: Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2 т. М.: Айрис-пресс, 2003; Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М., СПб.: Прогресс-Культура, 1996; Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV – XVIII вв. М.: Прогресс, 1992.; Huntington S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs, Summer 1993, Vol. 72. № 3.

тесное взаимодействие между Россией и Европой не только возможно, но и необходимо. Основами российской национально-цивилизационной идентичности остаются русский язык, сложная российская история, русская и российская культура, православное христианство и умеренный ислам, сохранившиеся, несмотря на все гонения советского периода, традиции и обычаи. Хотя социокультурные и социально-политические расколы присутствуют в современном российском обществе, они вряд ли существенно более значимы по своим последствиям, чем расколы европейских обществ на коренных жителей и мигрантов из исламских стран или раскол американского общества на потомков белых протестантов и афроамериканцев или «латинос» (в настоящее время этот раскол проявляется в резком политическом размежевании американского общества на "неоконов" ("чайников") и умеренных либералов). *Основная проблема формирования российской идентичности, как представляется, состоит в том, что в российском обществе совершенно недостаточно развиты процедуры согласования интересов разных социальных и этнических групп*, что, в свою очередь, связано с неразвитостью гражданского общества и с неумением большинства людей цивилизованно отстаивать свои социальные права. Однако это тема особого исследования.

А.А. Вилков,

Саратовский государственный университет

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Одной из важнейших социальных проблем в современной России является отсутствие устойчивой общенациональной политической идентичности. Научная актуальность данной проблемы обусловлена тем, что, несмотря на достаточно большое количество исследований по различным аспектам политической идентичности и идентификации³³⁸, имеют место самые различные трактовки данных понятий и соответственно различные подходы к их анализу.

Одним из самых распространенных является понимание политической идентичности как важнейшей доминанты массового сознания, как смысложизненных установок, имеющих глубокие социокультурные корни³³⁹. Однако в такое

³³⁸ Волкогонова, О.Д., Белоусов, С.О. Феномен региональной идентичности как фактор политического процесса в России // Россия и современный мир, 2009, № 1. С. 46-58; Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С.Магун М.: Издательство Института социологии РАН, 2006; Зайцев И.В. Проблема формирования политической идентичности: опыт социально-психологического исследования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия Социальные науки, 2007, № 2 (7). С. 40-46; Крестинина Е. Социально-политическая идентичность в условиях интеграции // Власть, 2008, № 4. С. 36-38; Насыров И.Р. Региональная идентичность и международное сотрудничество регионов // Изв. вузов Поволжский регион, 2008, № 4. С. 103-111; Рубцов А.В. Российская идентичность и вызов модернизации. М.: Экон-Информ, 2009; Тимофеев И.Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции. М. Издательство МГИМО (У) МИД России, 2008.

³³⁹ Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. Часть 1. (Предисловие. Политическая активность и гражданское участие в контексте российской идентичности. Внешнеполитические аспекты российской идентичности) // Полис, 2008, № 1. С. 68.

классическое понимание современные авторы, нередко стремятся привнести новый ракурс. Например, И.Н.Тимофеев, вполне традиционно определяет, что «политическая идентичность, во-первых, понимается как совокупность политических принципов, служащих основанием ответа на вопрос «Кто мы?». Во-вторых, – как совокупность представлений, задающих уникальную сущность государства через соотнесение со значимыми «другими» («Мы – Они»), через маркирование символических границ. В-третьих, как совокупность представлений о прошлом политического сообщества, об исторических событиях, значимых для граждан и осознания ими своей политической общности»³⁴⁰. Данное определение вполне соответствует устоявшемуся пониманию идентичности: качество существования, основанное на ощущении тождества самому себе и непрерывности своего существования во времени и пространстве и на осознании того факта, что твои тождество и непрерывность признаются окружающими³⁴¹. Однако далее автор уточняет, что понятие политической идентичности «близко по своему смыслу понятиям политической идеологии и политического самосознания, пересекаясь с ними, но не будучи тождественным им. С понятием идеологии его роднит выраженность в виде нормативной политической доктрины, совокупности политических принципов, отраженных в доктринальных документах»³⁴². Тем самым автор предложил своеобразную нормативную трактовку политической идентичности, сделав акцент на её доктринальной основе. Однако, как представляется, конституционное закрепление данного понятия («Мы многонациональный народ Российской Федерации»), равно как и в других законодательных актах, либо политических программах и доктринах, еще не означает его актуализации в массовом сознании.

По нашему мнению, *политическая идентичность это, прежде всего, результат самосознания индивида и является собой продукт самоидентификации на основе устойчивых социокультурных и социопсихологических критериев, отражающих социальную интегрированность и ощущение естественной включенности данного индивида в крупную, политически оформленную общность, представляющую и защищающую его разнообразные интересы.* Из такого понимания логически следует, что нормативно закрепленная политическая идентичность граждан и результаты их самосознания могут не совпадать, что создает реальную угрозу целостности государства. Поэтому «нормативная» политическая идентичность должна быть подкреплена последовательной, масштабной, целенаправленной работой по её внедрению в массовое сознание. По сути, данная задача обуславливает основной вектор деятельности всех государственных и общественных институтов политической социализации.

О масштабах социальной значимости такой работы свидетельствуют, например, данные опросов, проведенных в 1994-1995 гг. в целом ряде российских республик, которые показывают, что с регионом себя идентифицировали в большей степени, чем с Россией, 85,7% сельских и 59% городских татар, 80,1% якутов, 63,7% тувинцев, 55,3% осетин. Остальные представители титульных народов имели двойную идентичность, и почти никто не отдавал предпочтение российской

³⁴⁰ Тимофеев И.Н. Российская политическая идентичность сквозь призму интерпретации истории // Вестник МГИМО, 2010, № 3. С. 51-52.

³⁴¹ См.: Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.

³⁴² Тимофеев И.Н. Российская политическая идентичность сквозь призму интерпретации истории // Вестник МГИМО, 2010, № 3. С. 52.

идентичности³⁴³. Попытки Б.Н.Ельцина и его команды внедрить в массовое сознание понятие «россияне» не увенчались успехом и не привели к его повсеместному и повседневному использованию.

Одной из причин этого, на наш взгляд, стало отсутствие общенациональной идеологии. Конституционный запрет на государственную идеологию имел своей целью закрепление политического плюрализма и предотвращение возможностей возвращения тоталитарной системы. На место господства партийно-государственной коммунистической системы пришла конкуренция множества партий и общественных объединений, идеологические ориентиры которых не были укоренены в массовом сознании даже в малейшей степени. В результате произошла фрагментация политической идентичности не только по партийно-идеологическим расколам, но и по этнорегиональным и территориальным размежеваниям³⁴⁴. Процессы суверенизации национальных республик сопровождались активным внедрением соответствующих республиканских политических идеологий и обоснованием доминирования региональных идентификаций³⁴⁵. Тенденции суверенизации проявились и во многих «русских» субъектах Российской Федерации (проекты «Большая Волга», «Сибирская республика», «Большой Урал» и другие).

Укрепление «вертикали власти» и соответствующие политические преобразования в 2000-е гг. несколько изменили ситуацию и ослабили действие центробежных тенденций в Российской Федерации. Тем не менее, социологические опросы последних лет свидетельствуют о продолжающемся преобладании этнического начала в определении политической идентичности. В ранжировании структурных элементов самоидентификации россияне в большинстве случаев позиционируют себя, прежде всего, как «русский», «татарин», «башкир», «еврей», «чеченец» и т.д.³⁴⁶.

О потенциальной опасности преобладания региональной идентичности свидетельствуют и непрекращающиеся попытки использовать её не только для дестабилизации существующего политического режима, но и для разрушения российского государства. Например, инициативная группа «настоящих сибиряков» через интернет предлагает жителям Сибири во время переписи идентифицировать себя по национальности «сибиряками». По мнению инициаторов, это поспособствует «пробуждению» их коллективного этнонационального самосознания и поможет преодолеть колониалистское отношение Москвы к региону. Один из участников обсуждения этого вопроса написал, что если в переписных листах отметится «даже несколько тысяч сибиряков», то они могут потребовать создания внутри России национально-культурной автономии, обратиться в ООН, что, по его мнению, будет «только началом наших требований»: «Программой-максимум на первом этапе

³⁴³ Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика / Ин-т этнологии и антропологии РАН. М., 1995.

³⁴⁴ Туровский Р.Ф. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей? Под ред. М. Макфола и А. Рябова; Моск. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 1999. С. 87-136.

³⁴⁵ См., напр.: Сагитова Л.В. Региональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере республики Татарстан) // Центр и региональные идентичности в России / под ред. В.Гельмана, Т.Хопфа. СПб; М.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2003. С. 77-124.

³⁴⁶ См.: Суханов В.М. Региональная политическая идентичность в современной России: идеологические, социокультурные и исторические основания. Саратов: Издательский центр «Наука». 2008.

национального сибирского движения предлагается формирование сибирской автономии с пересмотром бюджетного кодекса», чтобы сибиряки могли оставлять себе гораздо больше богатств своего региона, а не отдавать их Москве³⁴⁷.

Особую роль в формировании единой гражданской идентичности была призвана сыграть «Единая Россия». Действительно, данная партия стала одним из важнейших политических инструментов, с помощью которого центробежные тенденции в регионах были приостановлены и поставлены под контроль Москвы. Однако политическое скрепление региональных элит посредством их вхождения в единую партийную иерархию не было дополнено мощным идеологическим основанием. Попытки политически обосновать необходимость внедрения общенациональной идеологии в рамках концепции «суверенной демократии»³⁴⁸ после достаточно бурных дискуссий³⁴⁹ постепенно сошли на нет, хотя объективная потребность в такой идеологии, как представляется, постоянно возрастает. Агитационная работа партии под лозунгами единения России вокруг решения конкретных социально-экономических проблем играет определенную роль в формировании общероссийского идентификационного самосознания, но не решает проблему даже в удовлетворительной степени. Обусловлено это тем, что данная агитационная работа подчинена, прежде всего, технологической задаче формирования позитивного имиджа «Единой России» и соответственно укрепления её политического рейтинга.

«Приватизация» партией в рамках своего бренда идеи единения полиэтничной и поликонфессиональной России несет и серьезную потенциальную опасность. В условиях конституционно закрепленной многопартийности и обязательной конкурентности политической системы³⁵⁰ современной России, «монополия» на бренд единства страны искусственно ставит российских граждан в противоречивую ситуацию, когда голосование за любую другую партию, как бы подразумевает голосование «против» такого единства. Получается, что если избиратель искренне убежден в значимости данной ценности, он осознанно и мотивированно должен голосовать только за «Единую Россию». Гражданская и партийная идентичность полностью не смогли быть совмещены даже в СССР, в условиях тотального доминирования коммунистической идеологии. Поэтому недовольство конкретной деятельностью региональных партийных лидеров, реализацией каких-либо программ под эгидой «Единой России» неизбежно вызывает (большие, или меньшие) оппозиционные настроения в обществе. Это вовсе не означает, что все граждане, критически относящиеся к единоссам, или недовольные социально-экономическими результатами их деятельности, настроены против единства страны. Следовательно, целесообразно «демонополизовать» данную идею, заложив её в

³⁴⁷ Гobl Пол. Сибиряки надеются, что перепись в России станет возможностью заявить о своём самосознании и выдвинуть требования (<http://www.inosmi.ru/social/20100909/162771929.html>).

³⁴⁸ Наша российская модель демократии называется "суверенной демократией" (<http://www.edinros.ru/news.html?id=114108>).

³⁴⁹ Подробнее об этой дискуссии см.: Головченко В.И. Партийно-идеологический фактор трансформации современной России. Саратов: Издательский центр «Наука», 2009. С. 197-225.

³⁵⁰ Проблема имитационной модели такой конкуренции требует отдельного рассмотрения. Подробнее см.: Вилков А.А. Эволюция функциональности и конкурентности партий в современной России // Политико-правовые приоритеты социально-экономического развития России. Саратов: «Научная книга», 2009. С. 426-432.

основу общенациональной надпартийной идеологии, подкрепив её надпартийной идеей социальной справедливости, а также иными ценностями, разделяемыми большинством российского населения.

Многие из данных идей уже закреплены в Конституции Российской Федерации и требуют лишь институционального оформления и соответствующей процедурной легитимации в виде принятия закона или общенационального кодекса³⁵¹. Внедрение таким образом понимаемой идеологии на основе всей системы политической социализации сможет изменить соотношение между гражданской и региональной идентичностями в пользу первой, независимо от того, какая партия и какой лидер будут находиться у власти³⁵².

Таким образом, общенациональная политическая идентичность формируется в результате взаимодействия разнообразных объективных и субъективных факторов и представляет собой результат последовательных и долговременных усилий всех институтов политической социализации: от семьи, ближайшего окружения индивида, школы, вуза, армии, трудового коллектива и до СМИ и представителей различных сфер искусства. В основе лежит постоянное использование идентификационных маркеров, встраивающих индивидуальное позиционирование «Кто Я?» в социально-политическое пространство «Кто Мы?»

Процесс политической идентификации в условиях полиэтничной и поликонфессиональной России не может основываться на принципах «единства крови» или религии и представляет собой постоянные ответы на вопрос: почему «Мы» представляем собой единую политическую общность? Многообразие положительных доказательств лежат в самых разных системах координат общественных отношений и соответственно могут быть нацелены на различные уровни их восприятия отдельным индивидом. Поэтому они не могут быть сведены лишь к целенаправленным идеологическим, агитационно-пропагандистским усилиям, а использоваться во всей своей совокупности: от социально-экономических аргументов и до идейно-мировоззренческих обоснований.

Как представляется, эффективным процесс политической идентификации может считаться только в том случае, когда идентификационный маркер «Мы» воспринимается гражданами положительно в первую очередь на эмоциональном уровне и лишь затем на рефлексивном уровне. При этом, чувство гордости за возможность идентифицировать себя россиянином может быть обусловлено совокупностью факторов, ранжированных неодинаково, в зависимости от конкретных обстоятельств и в зависимости от индивидуальных характеристик человека. Для

³⁵¹ Заодно можно было бы реанимировать и подзабытый, но конституционно закрепленный, институт референдума.

³⁵² Об актуальности необходимости демонополитизации общественно востребованных идей и ценностей в современной России свидетельствует, например, гротескная ситуация, проявившаяся в сентябре-октябре 2010 г. вокруг создания общественного движения за ускоренную модернизацию «Россия, вперед!». Инициатива его создания исходила от лидеров партии «Справедливая Россия», но затем была «перехвачена» единороссами, которые обвинили своих политических оппонентов в стремлении использовать лозунг Президента РФ с целью «обеспечить себе политическую выживаемость». См.: Грызлов Б. Попытки «приватизировать» лозунг «Россия, вперед!» некорректны (<http://edinros.ru/text.shtml?15/7630>); Чеснаков А. Гудковское движение не имеет отношения к модернизации (<http://edinros.ru/text.shtml?15/7943>); Единороссы получили одобрение инициативы создания движения «Россия, вперед!» у президента (<http://edinros.ru/text.shtml?15/7434>)

одних позиционирование «Мы» – граждане великой державы может быть обусловлено, прежде всего, размерами территории государства, мощностью армии, историческими победами. Для других – величиим духовного наследия, успехами в области науки и искусства. Для третьих – на первом месте могут быть спортивные победы.

Идеологический фактор занимает особое место в совокупности других, определяющих структуру и характер политической идентичности российских граждан. Он не сводится к наличию единой государственной идеологии (запрещенной на конституционном уровне), а представляет собой единую ценностную основу политической культуры, позволяющую наметить маркеры для общенациональной (общегражданской) политической идентичности. С одной стороны, такая ценностная основа позволяет всем агентам политической социализации в условиях идейно-мировоззренческого плюрализма активно использовать рациональные аргументы, обосновывающие объективную обусловленность и преимущества нашей общности (исторические, социальные, экономические, культурные, геополитические, военные, демографические, и др.), с другой – результативно встраивать в структуру общенациональной политической идентичности все другие уровни идентичности – этнический, конфессиональный, региональный, корпоративный, половозрастной и другие.

Такое «идеологическое ядро» может включать в себя концептуализированное обоснование преемственности нашей сложной и противоречивой, героической и одновременно трагической уникальной российской истории, нашего современного состояния и перспектив будущего развития. Главная задача – обоснование всесторонней выгоды и неизбежности нашей общности в будущем и наличие объективных стратегических предпосылок нашего политического и социально-экономического единства, в условиях не снижающейся жесткой конкуренции геополитических интересов ведущих мировых держав.

З.А. Жаде,

Адыгейский государственный университет

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ПАТРИОТИЗМА У МОЛОДЫХ РОССИЯН

Проблема активизации молодежного ресурса для решения модернизационных задач в современной России является одной из актуальных и социально значимых. Противоречивые процессы глобализирующегося мира еще более тесно, чем это наблюдалось прежде, связали перспективы модернизации России с тем социальным слоем, которому предназначено воплотить эти изменения в жизнь, то есть с качественным состоянием молодежной социальной страты. В данных условиях одной из злободневных является проблема формирования патриотизма молодых граждан России, так как молодежь является потенциально наиболее социально активной частью населения. Она наследует степень развития общества, формирует образ будущего и должна рассматриваться как инновационный потенциал, роль которого необходимо учитывать во всех сферах жизнедеятельности общества. Будучи динамичным социально-демографическим образованием, молодежь выполняет в обществе важную функцию смены поколений, принимает непосредственное участие в преобразовании всех сфер жизнедеятельности социума. С другой стороны, характер и содержание деятельности молодежи в обществе как субъекта социального развития напрямую зависит от объективных условий социальной среды, предлагающих ей определенные модели социализации. Условия становления гражданского общества, сопровождающиеся процессами

распада прежней системы ценностей, идеалов, существующих моделей социализации и поисками новых, не могли не оказать влияние на личностное формирование и развитие молодежи.

Современный интерес к проблемам формирования идентичности молодежи обусловлен рядом причин, в числе которых инициированный государством и поддержанный обществом поиск единой российской и гражданской идентичностей как основы для возрождения национального самосознания и базы для воспитания молодежи. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. отмечается, что задачу гражданского образования и патриотического воспитания молодежи, содействия формированию правовых, культурных и нравственных ценностей среди молодежи позволит решить поддержка программ формирования единой российской гражданской нации, национально-государственной идентичности, воспитание толерантности к представителям различных этносов, межнационального сотрудничества.

По мнению исследовательской группы Адыгейского государственного университета под руководством профессора А.Ю.Шадже, социальная идентичность является открытой системой, ибо человек определяет себя в условиях постоянно меняющейся ситуации. Идентичность можно рассматривать как объемный, многогранный и собирательный концепт, вбирающий в себя содержание множества разных идентичностей³⁵³. Как показывают результаты социологического исследования студенческой молодежи Республики Адыгея «Молодежь и ее участие в выборах: формы и методы повышения электоральной активности», 60,8% русских отдали приоритет идентификации с гражданами России, 26,1% ощущают себя просто «людьми своей национальности», у адыгейцев названные предпочтения распределились как 24% и 28,2% соответственно. Российское гражданство для русских более значимо, чем для представителей других этносов. Отмечается, что отождествление себя с гражданами России идет по пути именно государственной идентичности. В частности, молодежь в большинстве своем мотивирует свою электоральную активность тем, что «участвовать в выборах – это их долг как граждан России». Итоги этого социологического исследования также свидетельствуют о том, что молодежь чувствует свою сопричастность к судьбе России и Республики Адыгея, и что она хочет более активно повлиять на позитивное будущее³⁵⁴.

Патриотическое самосознание предполагает высокий уровень развития коллективной идентичности – отождествления себя и своих отличительных черт с большими общностями людей и культурно-политическим единствами (народом, страной, государством). Любая идентичность важна потому, что определяет поведение человека. Патриотическая идентичность способна мотивировать солидарное поведение огромных масс людей, лишённое какого-либо корыстного интереса. В число основных функций патриотизма включена идентификационная, которая состоит в фиксировании единства интересов человека с интересами различных социальных общностей, обеспечивающих его самосохранение, защищающих его основные интересы, способствующих реализации потребностей в

³⁵³ См.: Жаде З.А., Куква Е.С., Ляужева С.А., Шадже А.Ю. Российская идентичность на Северном Кавказе. М.: Социально-гуманитарные знания, 2010. С. 23.

³⁵⁴ См.: Шадже А.Ю., Куква Е.С., Муляр А.Ю. Политическая и электоральная активность студенческой молодежи Адыгеи: социологический анализ // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология», 2009. Вып. 1.

самоутверждении, развитии и самовыражении. Патриотическая идентификация – это состояние групповой солидарности, формирующееся на основе этнического и политического единства, включающее коллективный (осознание и переживание своей целостности и тождественности) и индивидуальный (осознание и переживание индивидами своей принадлежности) уровни. Структура патриотической идентификации определяется такими подсистемами, как картина социального пространства и времени, образа «Мы» и представлений об отношениях с «Они».

По результатам исследования, проведенного в Республике Адыгея³⁵⁵, для 40% от общего числа респондентов патриотизм – это любовь к Родине; 25% выбирают ответ «гордость своим Отечеством»; 16% – «уважение культуры, истории страны»; 15% – «любовь к своей семье, к родному краю» и всего 4% понимают под патриотизмом «любовь к народу» (при этом такой ответ характерен для респондентов женского пола). В данном аспекте понятие «патриотизм» органично связано с понятием «Родина», его историческим прошлым. Для 54% студентов понятие «Родина» ассоциируется со страной, в которой они родились; 18% респондентов считают своей родиной Российскую Федерацию; 17% – государство, в котором живут; 11% – место рождения.

На вопрос «В чем для Вас заключается главная ценность патриотизма?» 54% ответили, что патриотизм побуждает действовать во благо своей страны, так считают 59% девушек и 41% юношей; 30% полагают, что главная ценность патриотизма в том, что он формирует чувство гордости за свою страну; 13% разделяют мнение о том, что патриотизм нацелен на сохранение целостности России, и всего 3% полагают, что это основной способ решения межнациональных конфликтов.

Следует согласиться с мнением специалистов, которые утверждают, что в перспективе, если не будут предприняты эффективные шаги по развитию и укреплению общероссийской идентичности, вероятно дальнейшее обострение кризиса идентичности и, как следствие – потеря нравственных и ценностных ориентиров у молодежи и других слоев общества. Для того, чтобы предотвратить подобное развитие событий, способное привести российское общество и государство к распаду, необходима целенаправленная и последовательная государственная политика, предусматривающая разумное сочетание этнического и общероссийского компонентов идентичности, формирование у жителей России, прежде всего у молодежи, чувства принадлежности к единому обществу и государству³⁵⁶.

Сегодня молодежь находится на пути становления, вектор которого будет во многом определяться направленностью общественно-политического развития страны. Самореализация самоопределение современной молодежи формируются в условиях трансформации всех сфер жизнедеятельности российского общества. Происходящие в России социально-политические, экономические, духовные и мировоззренческие преобразования оказывают преобладающее воздействие на становление общественно активной личности с гражданскими ориентациями.

³⁵⁵ Ешев М.А. Патриотизм и гражданский национализм в сознании студенчества (социологический анализ) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». Майкоп: Изд-во АГУ, 2009. Вып. 1. С. 144-151.

³⁵⁶ См.: Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Идентичность в системе координат мирового развития // Полис, 2010, № 3. С. 56.

На наш взгляд, формирование идентичности гражданина России позволит решить ключевые задачи развития нашего общества – обеспечить безопасность российского государства и общества, сохранить государственную независимость России; преодолеть мировоззренческий кризис; возродить уважение к государству, обществу, семье; отечественному историческому и культурному наследию. Решение задачи патриотического воспитания теснейшим образом связано с необходимостью выработки государством и обществом механизмов социальной консолидации, формирования идентичности и гражданского патриотизма молодежи России.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что необходимо наполнение идей патриотизма и гражданственности новым содержанием, которое было бы адекватным времени и в силу этого составляло бы надежную основу для интеграции российского общества и роста социального оптимизма. В этой связи особую остроту приобретает исследование идентичности, патриотизма и гражданственности как социокультурных концептов, имеющих глубокое ценностное содержание, изучение их динамики в миропонимании молодых россиян. Формирование идентичности и гражданского патриотизма молодых россиян является базовой предпосылкой укрепления государственности и консолидации общества в процессе модернизации России.

Н.М. Беляева,
Пермский государственный университет

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ МОЛОДЕЖНОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА³⁵⁷

Молодежь в силу особенностей своего возраста и отношения к жизни наиболее подвержена трансформационным процессам и быстрее других впитывает новые ценности, больше других нуждается в социальной и политической идентичности. Российская власть осознала это в начале 2000-х годов, когда господствовавшее в 1990-е годы отношение к молодежи как к проблеме сменилось отношением как к ресурсу, и на государственном уровне стала проводиться более или менее целенаправленная молодежная политика. Судя по всему, на это существенно повлияли события в некоторых странах постсоветского пространства (Грузия, Украина, Киргизия), где молодежь выступила движущей силой «цветных революций».

Новая система взаимоотношений власти и молодежи складывалась в контексте трансформации политического режима: усиления вертикали власти, централизации отношений федерального центра и регионов и т.д. В этих условиях получили развитие разнообразные инструменты воздействия власти на молодежь, которые имели целью развитию у молодежи лояльной по отношению к власти общественно-политической активности и формированию соответствующих политических ориентаций, ценностей и моделей поведения. Важнейшим инструментом стали молодежные политические организации, созданные при поддержке органов власти, система гражданского образования, молодежный парламентаризм, проектная деятельность, интернет-сайты органов власти по молодежной политике. Введение данных инструментов направлено не только на конструирование особой системы политических ценностей,

³⁵⁷ Статья подготовлена в рамках гранта Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров № 09-95275-000-GSS «Борьба за идентичность и новые институты коммуникации».

но и интеграцию политически и общественно активной молодежи в политическую систему.

В данной статье внимание сосредоточено на молодежном парламентаризме. Молодежный парламентаризм рассматривается как «система представительства прав и законных интересов молодежи как особой социальной группы, основанная на создании и функционировании при органах государственной (муниципальной) власти общественной консультативно-совещательной структуры молодежи – молодежного парламента, а также иных общественных институтов участия молодых граждан в жизни государства»³⁵⁸.

В 2001 г. при Государственной Думе РФ была создана Общественная молодежная палата, а в 2004 г. при Совете Федерации РФ – Молодежная парламентская Ассамблея. Региональные молодежные парламенты действуют сегодня более, чем в 60 субъектах федерации. На муниципальном уровне функционируют более 1000 подобных молодежных структур. Молодежные парламенты представляют различные категории молодежи в возрасте от 14 до 25 лет. Это школьники старших классов и студенты средних и высших учебных заведений (до 60%), представители работающей молодежи, молодежных политических объединений и общественных организаций, несформированное политическое сознание которых наиболее подвержено манипуляции.

Региональная практика свидетельствует об активном участии в деятельности молодежных парламентов представителей таких молодежных организаций, как «Молодая гвардия», Союз коммунистической молодежи, Молодежный центр ЛДПР, Молодежное «Яблоко», Российский союз молодежи, Российский союз студентов, при доминирующих позициях «Молодой гвардии». Вполне прогнозируемым результатом такого представительства является формирование в сознании молодых россиян системы державно-консервативных ценностей. Такие ценности, как Россия, Родина, порядок, безопасность, стабильность, справедливость, сильное государство, традиция, законность, патриотизм, президент как оплот и олицетворение сильного государства разделяют, по мнению экспертов, от 70 до 90% представителей молодого поколения³⁵⁹. Это сочетается с лояльным отношением к власти: 75% 18-25-летних россиян поддерживают Президента РФ, 82% – премьер-министра. 62% готовы голосовать за политическую партию «Единая Россия»³⁶⁰.

В сферу компетенции молодежных парламентских структур помимо представительства интересов молодежи входит участие в нормотворчестве (прежде всего, в сфере государственной молодежной политики), проведение социально значимых мероприятий, организация просветительской деятельности и подготовка молодых кадров для работы в политической сфере. Молодежные парламенты реализуют целый спектр направлений молодежной политики: занимаются организацией досуговой деятельности молодежи, развитием интеллектуальных и творческих способностей молодежи, защитой прав и интересов молодых граждан и др., тем самым, выступают одним из важнейших институтов гражданской социализации молодого поколения. Таким образом, у депутатов молодежных

³⁵⁸ Письмо Министерства образования РФ «О развитии молодежного парламентаризма в субъектах Российской Федерации» от 24.04.2003 г.

³⁵⁹ Молодежь и власть в поисках взаимной опоры: Фрагменты аналитического отчета по результатам всероссийского опроса молодежи // Полития, Зима 2005-2006, № 4. С. 34.

³⁶⁰ «Поколение Y»: социальный портрет современной молодежи 18-25 лет, составленный по данным Фонда «Общественное мнение» (http://bd.fom.ru/report/map/pokolenie21/press_r140410np).

парламентов формируется модель конвенционального политического участия, которую они не только усваивают и применяют в практической деятельности, но и транслируют остальной молодежной публике.

Исследовательский интерес автора статьи находится в субъективной плоскости развития молодежного парламентаризма и очерчивается кругом вопросов об идентичности молодых парламентариев: кто такой молодой парламентарий, чьи интересы он представляет, носителем какой системы ценностей выступает молодежный депутат? Поиск ответов на эти вопросы предполагает масштабное исследование молодых парламентариев; в рамках данной статьи автор предпринимает попытку исследования идентичности молодых парламентариев Пермского края.

Молодежный парламент Пермского края был создан 5 апреля 2009 г. С середины 2000-х годов в регионе формируются муниципальные молодежные парламенты, которые на сегодняшний день созданы в 38 территориях Пермского края. Автор данной статьи находится в постоянном взаимодействии с молодежными парламентскими структурами края и принимает активное участие в проводимых ими мероприятиях. Так, 9-11 июля 2010 г. состоялся Первый форум молодых парламентариев Пермского края, в котором принимали участие порядка 200 молодежных депутатов. В рамках форума автором статьи были проведены лекции о развитии молодежного парламентаризма в регионах России и организована дискуссионная площадка на тему «Молодежный парламент как площадка для законотворчества в области молодежной политики». 30 октября 2010 г. в Сылвенском сельском поселении Пермского края состоялся молодежный образовательный форум «Твое время 2010», участниками которого выступили председатели и члены молодежных парламентов Пермского района, депутаты Земского собрания и главы сельских поселений района, представители молодежных активов сельских поселений района. В работе форума автор статьи выступила модератором дискуссионной площадки «Молодежный парламентаризм – миф или реальность», в которой принимали участие порядка 50 человек. 20 ноября 2010 г. в Куединском районе Пермского края состоялся педагогический слет «От творчества учителя к творчеству ученика», в рамках которого автором статьи была организована дискуссия на тему «Молодежная политика на муниципальном уровне: миф или реальность?». Основными участниками дискуссии выступили представители муниципального молодежного парламента, молодежных организаций, школьники. Активное участие в данных и многих других мероприятиях предоставляет материал для включенного наблюдения, а анализ собранных эмпирических данных позволяет набросать «штрихи к портрету» молодого парламентария Пермского края.

1. «Молодой парламентарий – это житель определенной территории с активной гражданской позицией».

Для большинства молодых парламентариев края характерно позиционирование себя как лидеров, личностей с активной гражданской позицией, выражающих обеспокоенность сложившейся социально-экономической обстановкой в той территории, где они проживают, и готовностью решать насущные проблемы. Наиболее частые ответы на вопрос «Кто такой молодой парламентарий?»: лидер, активист, инициатор. При этом молодые парламентарии демонстрируют несформированную систему политических ценностей. Таким образом, на первый план выступает не социальная и политическая, а региональная (локальная) идентичность молодых парламентариев.

В дискуссиях о направлениях деятельности молодежных парламентов выявлен следующий посыл: данные структуры не должны концентрироваться только на

решении проблем молодежи, а должны, прежде всего, выступать носителями «свежих», новаторских идей для решения тех социально-экономических проблем, которые существуют в территории. В этой связи неудивительным выглядит тот факт, что члены данных структур не знакомы с понятием молодежной политики как самостоятельным направлением внутривнутриполитического курса государства.

Наиболее актуальными и волнующими участников проводимых дискуссий вопросами стали механизмы взаимодействия молодежного парламента с органами местного самоуправления, мотивации членов молодежных парламентов на участие в деятельности данных структур, выстраивания взаимоотношений молодежных парламентов с молодежной общественностью. Отсутствие системы отношений, обратной связи молодежных парламентов с остальной частью молодежи еще раз подтверждает отсутствие социальной идентичности молодежных депутатов.

2. «Молодой парламентарий – это молодой человек с большими амбициями и маленькими политическими знаниями».

Молодым парламентариям края не хватает теоретических и практических знаний о политической системе региона, структуре органов местного самоуправления, процедуре законотворчества и парламентской деятельности. Молодые парламентарии на данном этапе развития демонстрируют притязания на звание лидеров, при этом у них практически полностью отсутствуют умения принимать решения и отстаивать их в диалоге с органами власти, организовывать и проводить социально значимые мероприятия, разрабатывать и вносить законопроекты в нормативно-правовые акты, то есть, все то, что позволило бы реализовать на практике их лидерские качества. В процессе непосредственного общения с молодыми парламентариями сформировался заказ на организацию и проведение «Школы молодого парламентария» в Пермском крае.

Представляется возможным утверждать, что молодежный парламент воспринимается самими молодыми депутатами скорее как структура, позволяющая молодому человеку принимать активное участие в общественно-политической деятельности, выстраивать карьерную лестницу, реализовывать свои личные амбиции, нежели институт обратной связи, позволяющий услышать молодежные инициативы.

Опыт участия в мероприятиях, организованных молодежными парламентами Пермского края, позволяет сделать предварительные замечания относительно оценки данных институтов как инструмента конструирования идентичности современной молодежи. Молодежный парламент представляет собой дискуссионную площадку, где возможен постоянный диалог между органами власти и представителями молодежи; институт, обеспечивающий реальное систематическое участие молодежи в общественно-политическом процессе. Члены молодежных парламентов не только получают знания о политической системе и механизмах ее функционирования, но и учатся взаимодействовать с ее институтами в процессе политической практики. Молодежные парламенты закладывают систему ценностных ориентаций и установок в сознании молодого поколения, демонстрируют образцы политического поведения в диалоге с органами власти, формируют определенное отношение к действующему политическому режиму и системе. Закладываемая система ценностей и образцов поведения действительно становится критерием оценки поведения молодого человека, мерилем его отношения к реальности, когда пропускается им через себя в ходе активной общественно-политической деятельности. В данном контексте *молодежный парламентаризм можно с уверенностью рассматривать в качестве инструмента формирования идентичности современной молодежи*, результаты применения

которого в настоящее время пока могут быть полностью оценены в недалеком будущем.

**А.С. Горшков,
Пермский государственный университет**

«ИНАКОВОСТЬ» И ГЕНДЕРНЫЕ ВАРИАЦИИ МНОЖЕСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ³⁶¹

Во второй половине XX в. в западном континууме актуализируется проблематика «инаковости» в контексте «экспансии» философии постмодернизма (М.Фуко, Ж.Делез, Ж.Батай, говорившие о необходимости переосмысления идентичности в связи с пролиферацией категории Другого) и широкоформатного эмансипаторского мейнстрима. «Революция ценностей» (согласно Б.Хукс³⁶²), декларированная «новыми левыми», этническими меньшинствами, молодежными субкультурами и феминистками, привнесла в англо-саксонскую традицию качественные изменения в представлении о морфологии социума, не как одномерной статичной системы, а дифференцированной динамичной структуры, сотканной из множественных элементов. Самоидентификация детерминируется отнюдь не полом, расой, классом. Существенное влияние на процесс оказали этнические, женские и гендерные исследования, которые в рамках конструктивизма, оценивали «друговость» / «инаковость» как непохожесть индивидов / общностей, наличие особых ценностных, ментальных, культурных особенностей в сочетании со стремлением к легитимации посредством включения в гражданские и публичные коммуникации.

В России своеобразной точкой бифуркации в продуцировании множественных дискурсов идентичности послужила коррозия советской идеократической системы с последующей ликвидацией Союза, сопровождавшейся плюрализацией социума в к. 1980 – нач. 1990-х годов (гласность, перестройка, многопартийность и т.п.) Впоследствии, становление новой российской государственности под эгидой «демократов-младореформаторов» сопровождалось кардинальным поворотом к гуманистическим и гражданским ценностям в духе Всеобщей декларации прав человека, нашедшими отражение в Конституции 1993 года. Стремление к признанию РФ международным сообществом и интеграции в мировой контекст развития побудили политическую элиту России к формальному признанию «инаковых» идентичностей (этнической, гендерной, квир) в духе мультикультурализма. Об этом свидетельствует ряд политических инициатив: рекодификация уголовного законодательства (отмена статьи 121 УК РСФСР³⁶³, каравшей за мужеложество – 27 мая 1993 г.), подписание «Декларации принципов толерантности» (1995), «Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств» (1996), введение моратория на

³⁶¹Статья подготовлена в рамках гранта Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров №09-95275-000-GSS «Борьба за идентичность и новые институты коммуникации».

³⁶² См.: Хукс Б. Революция ценностей: обещание мультикультуральных перемен / Контексты современности – II. Хрестоматия, 2-е изд., перераб. и доп. Сост. и ред. С.А. Ерофеев. Казань: Изд-во Казанского университета, 2001. С. 115-119.

³⁶³ См.: Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 г. М., 1990; Уголовный кодекс Российской Федерации. Все редакции 1997-2005 годов. М., 2005; Кон И.С. Из истории статьи 121 Уголовного Кодекса РСФСР (<http://www.chaspik.spb.ru/cgi-bin/index.cgi?level=20&yea=2002&rub=6&stat=1>).

смертную казнь (1996-1999), а также – вступление в Совет Европы и ратификация «Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод» (1996 и 1998, соответственно). Тем самым, государство, де-юре, выступало ключевым актором в диверсификации публичного поля множественных идентификаций, получивших доступ к политической самореференции.

Однако, де-факто, действия правящей элиты были обусловлены не только внешними индикаторами глобализации, но и внутренними социальными кливажами, символизовавшими интенсификацию андеграундного мейнстрима. Либеральная эйфория начала 1990-х, помимо всего прочего, вывела на авансцену феминистки ориентированные практики, по отношению к патриархальным детерминантам маркируемые как «инаковые» (имплицитно – «маргинальные»). Консолидирующим посылом отечественных феминисток выступала «"групповая" ориентация, осознание специфики интересов женщин в качестве интересов определенной социальной общности, которые необходимо отстаивать и отдельно представлять на политической сцене»³⁶⁴. Акторами конституирования фемининной идентичности выступали как общественно-политические объединения (например, политическая партия «Женщины России», Клуб Р.М.Горбачевой), так и представители академического бомонда (О.Воронина, Н.Кочкина, С.Айвазова, Н.Пушкарева, И.Жеребкина, О.Рябова и др.). Совместные усилия вылились в генезис специализированных gender studies, артикулированных, в том числе, в учебных программах высшей школы (Ивановский государственный университет, Пермский государственный университет, Европейский Университет в Санкт-Петербурге и т.д.), а также – поддержанных специализированными научно-исследовательскими институтами («Московский Центр Гендерных Исследований», «Гендерные исследования – Центральноазиатская сеть»; университетская сеть для стран бывшего СССР – «Харьковский Центр Гендерных Исследований» и пр.).

Концептуализируя женскую субъектность, отечественные исследователи активно осваивали западный теоретико-методологический опыт (накопленный феминистками США, Англии, Франции за последние тридцать лет), используя некий «усредненный», синтетический инструментарий, агрегирующий в себе черты фрейдизма, либерально-реформаторской модели феминизма (Б.Фридан, В.Сапиро, В.Клейн и др.) и, в большей степени, – хоть и в смягченном варианте, – аттитюды радикального феминизма (в интерпретации К.Миллет, А.Дворкин, Б.Хукс, Н.Чоддору, Ю.Кристовой и др.³⁶⁵, концепт «Другого» С. де Бовуар). Общим в осмыслении гендерных идентификаций можно считать критику патриархального господства в сфере публичного и частного, связанного с сексизмом и андроцентризмом; требование равенства и транспарентности карьерных позиций и нейтрализации репрессивных механизмов власти; переоценки истории с учетом необходимости реставрации в ней фемининного и т.д.

Параллельно с генезисом женских инициатив, в диффузионном потоке 1990 – нач. 2000-х годов, происходит актуализация гей-сообщества, манифестирующего социальную «друговость» посредством политической самоорганизации (Либертарианская партия, ЛГБТ-сеть, аффилированная Европейскому союзу, санкт-петербургская ассоциация «Выход»; издание печатных СМИ – журналы «РИСК», «Ты», «Митин журнал», «КВИР» и т.п.), а также поиск поддержки среди правозащитников (Московская Хельсинская Группа, «Стратегия 31»). Российские

³⁶⁴ Айвазова С. Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998. С. 130.

³⁶⁵ См., например: Жеребкина И. Прочти мое желание ... Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. М.: Идея-Пресс, 2000.

гомосексуалы избрали «этническую модель идентичности» (имманентную американским эмансипаторским течениям 1960-70-х годов), суть которой сводится к легитимации гомосексуалов и получению ими <...> гражданских прав (по аналогии с этническими группами) с признанием их как сообщества³⁶⁶. Правовые основания были созданы в 1993 г. (декриминализация в результате модернизации Уголовного кодекса) и в 1999 г. (исключение гомосексуальности из реестра психических деструкций). В последние годы, в результате культивирования в российском обществе гетеросексистских³⁶⁷ интенций и табуирование общественно-политических акций гомосексуалов, появляются неформальные механизмы поддержания самоидентификации – «подпольные» перформансы, несущие в себе политизированный мессидж – несанкционированные гей - парады³⁶⁸, ежегодный международный фестиваль квир-культуры³⁶⁹ и ЛГБТ международный кинофестиваль «Бок о Бок»³⁷⁰, проводимые в Санкт-Петербурге. Пожалуй, единственным видом деятельности гей-сообщества, санкционированным сегодня государством (в лице органов здравоохранения), является реализация программ по профилактике ВИЧ и СПИДа (к примеру, проект LaSky³⁷¹).

В научной среде, первые шаги к анализу гей-«инаковости» были предприняты относительно недавно в контексте социологических (Е.Омельченко³⁷², фокусирующая внимание на эскалации гомофобии в молодежной среде), исторических и философских исследований (И.С.Кон³⁷³) и политических исследований (А.С.Горшков³⁷⁴). К тому же, в рамках гендерного модуса наблюдается формирование некой метаидентичности, рассматриваемой сквозь призму квир-теории (В.Суковатая³⁷⁵, И.Куприянова³⁷⁶), когерентной политическим трансформациям на

³⁶⁶ Джагоз А. Введение в квир-теорию. М.: Канон+, 2008. С. 88-93.

³⁶⁷ Гетеросексизм - идеологическая система, принижающая, отрицающая и стигматизирующая негетеросексуальные формы поведения, общения и взаимоотношений (определение американского социального психолога Г. Херека).

³⁶⁸ Инициатор – Николай Алексеев, 21 октября 2010 г. выигравший судебное разбирательство «Алексеев против России» в Европейском суде по правам человека, признавшем запрет гей-парадов 2006-2008 гг. в Москве грубейшим нарушением целого ряда статей «Европейской Конвенции по правам человека и основным свободам», а высказывания экс-градоначальника Ю.Лужкова («гей-парады – дело сатанистов») интолерантными.

³⁶⁹ Сайт Международного фестиваля квир-культуры (<http://www.queerfest.ru/>).

³⁷⁰ Сайт ЛГБТ Международного Кинофестиваля «Бок о бок» (<http://www.bok-o-bok.ru/>).

³⁷¹ Сайт проекта «La Sky» (<http://www.lasky.ru/>).

³⁷² См., например: Омельченко Е. В поисках гомофобии. Опыт исследования механизмов исключения «другой» сексуальности в провинциальной молодежной среде (http://feminist.org.ua/library/homosexuality/txt/omelchenko_homo.php)

³⁷³ См., например: Кон И.С. Лики и маски однополрой любви. Лунный свет на заре. 2-е изд. М.: АСТ, 2006.

³⁷⁴ Горшков А.С. Институционализация меньшинств в поле публичной политики. Диссертация на соискание уч. степени кандидата политических наук. Пермь, 2009; Вершинина Д.Б., Горшков А.С. Эволюция квир-идентичности в Великобритании // Вестник Пермского университета. Серия «История». Пермь, 2009. Вып. 3. С. 77-87.

³⁷⁵ См.: Суковатая, В. Квир-теория и литературные практики на Западе и в России [Текст] / В. Суковатая / Сб. Европейского гуманитарного университета (под ред. А. Лало и Н. Шитова) «Девиантность в социальном, литературном и культурном контекстах»: опыт мультидисциплинарного осмысления. Минск: Юнипак, 2004. С. 154-175.

Западе в 1970-80-е годы Дефиниция «квир» (от англ. queer – «странный», «чужаковатый», «эксцентричный») как альтернативная форма гендера была введена в общественно-политический дискурс Терезой де Лауретис в целях осмысления многогранности женской, а впоследствии – и мужской, гомосексуальной идентичности. Во многом, квир-теория опирается на исследования постмодернистского философа Мишеля Фуко³⁷⁷, показавшего, что гендер и сексуальность являются так же, как класс, раса и социальные ритуалы, значимыми семиотическими системами, необходимыми для адекватного восприятия окружающего мира. В основе квир-теории лежит представление о *вытеснении* – социальном, политическом, психологическом – как механизме конструирования квир-субъектности или квир-идентичности (следуя постструктуралистам Э.Лакло и Ш.Муфф, вытеснение в область дискурсивности, где сконцентрированы все «инаковые» элементы, вступающие в конфронтацию с центральным политико-ценностным курсом). Носителей подобной идентичности Фуко называет «маргинальным субъектом дискурса и практик». При этом, подчеркивает Элизабет Гросс, квир не просто характеризует маргинальную идентичность, а апеллирует к термину трансгрессивности. Трансгрессия – ключевой момент теории постмодернизма, буквально означает – переход непереходимых границ, отделяющих возможное от невозможного; по меткому замечанию М. Бланшо, это есть – «преодоление непреодолимого предела». То есть, квир-трансгрессия направлена на экстенсификацию «социального кругозора» с утверждением плюральной, многоступенчатой системы идентичностей в противовес классическим гендерным бинаризмам – женщина/мужчина (ибо, даже в этой дихотомии, возможны альтернативные сценарные самоидентификации – женщина-лесбиянка, мужчина-гей, мужчина с трансгендерной экзистенцией и т.п.) Но, при этом, согласно «эпистемологии чулана» Сэдживик Ив Кософски, квир может быть использован только при «самореференции»³⁷⁸ (поскольку собственная идентичность, может не совпадать с внешними оценками).

Расширение инструментального и эмпирического поля «инаковости» в рамках гендерных и квир-репрезентаций способствует раздвижению исследовательских горизонтов феномена множественной идентичности. *«Инаковость» можно трактовать как механизм самоидентификации дискурсивных маргиналий, выраженный в декламации и реализации самобытных социокультурных или политических интересов.* Однако, существуют и негативные коннотации «инаковости», неконгруэнтные глобальному тренду политики равных прав и возможностей, продвигаемой наднациональными институтами – ООН, ЕС, Советом Европы, Международной Амнистией, и номинально провозглашаемой и Россией.

³⁷⁶ См.: Куприянова И.С. Программа учебного курса «Введение в квир-теорию» // Кафедра психологии факультета философии и психологии Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (<http://www.genderstudies.info/programm.php>).

³⁷⁷ Фуко М. Воля к власти: по ту сторону знания, власти и сексуальности (http://www.booksite.ru/scr/page_122694.htm).

³⁷⁸ См.: Кософски С. Эпистемология чулана. М.: «Идея-Пресс», 2002. – 272 с.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМся ОБЩЕСТВЕ

Трудно определить, к какой именно области научного знания принадлежит термин идентичность. Им широко пользуются философы, социологи, политологи, этнографы, психологи. Восприятие социальных изменений массовым сознанием, конструирование образа социального мира, формирование социальной идентичности напрямую связаны с использованием социально-психологического подхода в анализе данных проблем.

Согласно Э.Эриксону, идентичность – это внутренняя непрерывность и тождественность личности, процесс организации жизненного опыта в индивидуальное. Формирование идентичности протекает большей частью бессознательно на всех уровнях психической деятельности³⁷⁹. Э.Эриксон выделяет различные виды идентичности. Прежде всего, он разделяет понятия идентичности индивида и идентичности группы. На индивидуальном уровне идентичность – это результат осознания человеком собственной временной протяжённости, ощущение уникальности своего жизненного опыта. На социальном уровне – это личностный конструкт, который отражает внутреннюю солидарность человека с социальными, групповыми идеалами и стандартами. А.Тэшлер полагает, что социальная идентичность – «это та часть индивидуальной Я-концепции, которая происходит от знаний индивида о собственной принадлежности к социальной группе или группам вместе с ценностными и эмоциональными проявлениями этой принадлежности»³⁸⁰.

Развитие идентичности нелинейно, оно проходит так называемые кризисы идентичности – периоды, когда возникает конфликт между сложившейся к данному моменту конфигурацией элементов идентичности с соответствующим ей способом вписывания себя в окружающий мир. Симптомы кризиса идентичности выражаются процессом распада упорядоченной системы освоенных в процессе социализации смыслов и ценностей. Групповая идентичность удовлетворяет одну из важнейших потребностей человека – потребность в безопасности. Переживание безопасности освобождает ресурс для активной жизнедеятельности, порождает чувство уверенности в будущем, приводит к стремлению к солидарности и сохранению преемственности. У человека существует потребность поддерживать позитивную социальную идентичность, т.е. быть убеждённым в том, что группа, к которой он принадлежит, наделена определёнными положительными чертами. В ситуации радикальных преобразований «границы» групп и, следовательно, критерии их оценки не просто размываются, но и постоянно изменяются³⁸¹. Поэтому потребность ориентации человека в окружающем социальном мире резко возрастает в периоды трансформаций и стремительных изменений в различных сферах общественной жизни.

Социальная реальность в советский период определялась имперским мифом. Данный тип социальной мифологии был востребован коллективным

³⁷⁹ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 32.

³⁸⁰ Цит. по: Иванова Н.Л. Проблема психологического анализа социальной идентичности // Психология, 2006. Т.3, № 4. С. 19.

³⁸¹ Андреева Г.М. Социальная психология и социальные изменения // Психологический журнал, 2005, Т. 26, № 5. С. 8.

бессознательным общества в ходе построения национальной модели государственности. Имперский миф характеризуется следующими особенностями³⁸²:

– он создается вокруг общего будущего, некоей модели, подлежащей реализации, требующий от отдельного человека терпения и жертвенности;

– глобальность имперского мифа определяет любые формы личностно мотивированной активности на достижении общей цели;

– для человека, выросшего в культуре имперского мифа психологически комфортными являются все альтернативные семье социальные образования (от трудовых коллективов до криминальных сообществ).

Имперский миф был психологически очень комфортен, нёс в себе возможность избегания мучительного выбора модели личной самоидентификации, давал ощущение осмысленности и важности любых личных жертв во имя сохранения государственности. В рамках этого мифа человек легко социализировался.

В условиях, когда имперский миф старались разрушить, народ оказался оторванным от своих собственных корней. Сознание людей фрагментировалось, становилось всё сложнее отвечать на вопросы: Кто мы такие? Куда мы идём? В данном случае для обозначения идентичности россиян в трансформирующемся обществе можно использовать образ Чебурашки, героя мультфильма советской эпохи, который появился неизвестно откуда, не имея никаких представлений о себе. Это существо можно рассматривать как проекцию спутанной идентичности³⁸³. Интересно, что уже в более стабильный период российских трансформаций, когда кризисные явления становятся не столь острыми, образ Чебурашки был использован как официальный символ олимпийской сборной России³⁸⁴.

Кризис идентичности для множества российских людей, живущих в эпоху перемен, связан с заменой и смещением ценностных ориентиров, изменением социальных стереотипов. Складывается ситуация «культурного шока», когда человек оказывается как бы в новой стране, где привычные предметы, явления и события выглядят по-иному, как чужие и непривычные³⁸⁵.

В ситуации непонятного настоящего и неопределенного будущего ответ на вопрос «Откуда мы?» становится единственным основанием для ответа на вопрос «Кто мы?». Прошлое становится практически единственной доступной массовому сознанию формой самоидентификации. Это явление можно объяснить активизацией архаических элементов и структур коллективного бессознательного, характерной для периодов глубоких трансформаций. С одной стороны, сегодняшний зрелый россиянин воспроизводит поведенческие и понятийные шаблоны, которые были привиты ему в детстве, в семье. С другой же стороны, он вынужденно приспосабливается к изменившейся реальности, диктующей зачастую прямо противоположные формы адаптационного поведения. Отсюда – появление болезненного расслоения психики, типичного для человека переходной эпохи. Происходит слом традиционных моделей поведения и форм их личностного

³⁸² Медведев В. Анализ структур коллективного бессознательного современного российского общества применительно к институту президентской власти // Всероссийская ассоциация прикладного психоанализа (<http://www.vapp.ru>)

³⁸³ Змановская Е.В. Основы прикладного психоанализа. Спб., 2005.

³⁸⁴ Информационный сайт «Турин-2006» – Сборная России (<http://www.olymp2006.ru/around/20060226/50170676.html>)

³⁸⁵ Андреева Г.М. Социальная психология и социальные изменения // Психологический журнал, 2005, Т. 26, № 5. С. 9.

обоснования³⁸⁶. У рядового человека при осмыслении своего существования в ситуации радикальных изменений возникает чувство утраты и «тоски» по привычным устоям. «В природе человека, – по словам П. Штомпки, – есть что-то тяготеющее к порядку, привычке, повторяемости, продолжительности, стандартизации, предсказуемости, само собой разумеющемуся. Этим удовлетворяется наше стремление к экзистенциальной безопасности. Травма происходит, когда происходит раскол, смещение, дезорганизация в упорядоченном, само собой разумеющемся мире»³⁸⁷. Последствиями «культурной травмы»³⁸⁸ являются крайняя слабость общественной солидарности, социальная апатия, переживание негативных эмоциональных состояний.

Ценности и нормы поведения прошлой эпохи эмоционально нагружены опытом ранних детских переживаний, связаны с вхождением в этот мир через идентификацию с родителями. Последствиями такого «предательства» родительской культуры на уровне личности выступают повышенная тревожность, а на общественном уровне – неустойчивость социальной сферы, непредсказуемость всплесков массовой агрессии и податливость массового сознания различного рода манипуляциям. В таком обществе нарушается преемственность воспроизводства «Сверх-Я». Это означает, что запреты и нормы сложившегося нового общественного устройства, альтернативные культуре детства, теряют личностный характер и становятся чем-то чуждым и навязываемым³⁸⁹. Возникает вакуум ценностных ориентиров, приемлемых моделей поведения. Это вызывает сильное напряжение, конфликт, сопровождающиеся различными страхами.

Следует отметить, что и в настоящее время уровень тревожности россиян остаётся достаточно высоким. Согласно опросу «ФОМнибус», проведённому 9-10 октября 2010 г. в 44 регионах, 51 % респондентов ответили, что в нашей стране преобладает тревожное состояние, 30% – спокойное, 19 – затруднились ответить. При этом своё собственное настроение в последнее время оценивают как тревожное 45% респондентов, 46% – как спокойное, 9% – затруднились ответить. Основными поводами к тревоге, по мнению опрошенных, являются нестабильность в ценах (19%), материальное положение (13%), нестабильность и неуверенность в завтрашнем дне (10%), безработица (10%)³⁹⁰.

Страхи и тревоги приводят к недоверию, разобщённости, самодеструктивным тенденциям, при этом нормы позитивной, одобряющей и поддерживающей солидарности подавляются. Массовое ощущение нестабильности жизни является одним из главных атрибутов психологического состояния современного российского общества. «Трудно ожидать высокой жизнеспособности и психологического благополучия общества, демонстрирующего ежегодный рост ВВП, но живущего в условиях криминализации, экономической и политической нестабильности,

³⁸⁶ Медведев В. Анализ структур коллективного бессознательного современного российского общества применительно к институту президентской власти. // Всероссийская ассоциация прикладного психоанализа (<http://www.vapp.ru>)

³⁸⁷ Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // Социс, 2001, № 2.

³⁸⁸ Емельянова Т.П. Культурная травма: социально-психологические аспекты (<http://psychology.rsuh.ru/archive/emelyanova2.doc>)

³⁸⁹ См.: Медведев В. Указ. соч.

³⁹⁰ Отчёт ФОМ по опросу населения 14.10.2010 «Спокойствие VS тревожность в российском обществе» (<http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom1040/d104014>)

социальной и физической незащищённости большинства граждан, деградации морали и т.п.»³⁹¹.

Итак, социальная идентичность в условиях трансформирующегося общества – сложное явление. С одной стороны, она сама формируется в определенном социальном контексте, с другой – оказывает влияние на процесс социальной адаптации личности. Распад имперской мифологической системы привёл к кризису идентичности, к ситуации неопределённости настоящего и будущего, а соответственно к психологическому дискомфорту, повышенной тревожности и потере чувства безопасности и уверенности. Активизировались архаические элементы и структуры коллективного бессознательного, что характерно для периодов кризисов и трансформаций.

Смена ценностей и ориентиров развития в изменяющемся обществе обнажает проблему возникающей пропасти между уходящим в историю прошлым и приоткрывающимся неопределённым будущим. В таком контексте проблема кризиса идентичности приобретает вполне прагматичный смысл. В условиях вакуума идей и ценностей социальная идентичность может целенаправленно конструироваться органами власти, с использованием инструментов символической политики. Весьма актуальным представляется дальнейшее изучение и анализ проблем социальной адаптации и формировании социальной идентичности в условиях социальных изменений и нестабильности с использованием междисциплинарного подхода.

³⁹¹ Цапенко И.П., Ушаков Д.В., Юревич А.В. Количественная оценка макropsихологического состояния современного российского общества // Психологический журнал, 2007. Т. 28. № 4. С. 29-30.

Часть IV. Идентичность в пространственном измерении: теоретические аспекты. Региональная и локальная идентичность в системе политической самоидентификации россиян

**Л.В.Смирнягин,
МГУ им. М.В. Ломоносова**

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ГЕОГРАФИЯ

Российский социолог А.Ф.Филиппов писал: «Социология пространства на самом деле развивается, но не столько социологами, сколько географами. Здесь, в общем, все логично: если географию понимать как «науку о пространстве», а социальную географию – как науку о человеческом поведении в пространстве, о размещении в пространстве социальных институтов, о планировании пространства, о перемещениях людей, в конце концов, об их представлениях о пространстве, то область социологии пространства будет, кажется, почти исчерпана»³⁹².

Эти слова звучат весьма лестно для географов. Однако их мог написать только человек, мало знакомый с истинным положением дел в современной российской географии. Нашу науку принято разделять на две разные части – физическую, посвящённую природным явлениям, и некую вторую часть, посвящённую явлениям общественным. За рубежом эту вторую часть почти повсеместно называют «гуманитарной географией» (human geography, géographie humaine и т.д.), а у нас – экономической географией, и это очень показательно. Ведь на самом деле экономическая география есть лишь часть гуманитарной, под куполом которой находятся также география культурная, социальная, политическая, однако российская «вторая часть» настолько жёстко ориентирована на чисто экономические проблемы, что подобный «надвиг» частного термина на общее понятие может показаться вполне правомерным. В советской экономической географии человек слишком долго трактовался почти исключительно как трудовой ресурс, как «фактор рабочей силы», а все социокультурные (а уж тем более политические) стороны его деятельности либо вовсе не принимались во внимание, либо находились на самом краю поля зрения географии. Эта «особенность» советской географии не преодолена до сих пор.

Неудивительно, что отечественная гуманитарная география сильно отстала в исследовании большинства тех вопросов, которые лежат за пределами сугубо экономической проблематики, притом отстала и от своих зарубежных коллег, и от мейнстрима всех социальных наук, в том числе и в собственном отечестве; и если бы А.Ф.Филиппов был известен как знаток положения дел в нашей социальной географии, то его слова в её адрес можно было бы счесть горькой иронией.

Неудивительно, что в нашей географии встал вопрос о заимствовании опыта зарубежных коллег и смежных социальных наук как единственном способе быстрого преодоления своей отсталости. Два главных источника заимствования были очевидны – это опыт западных коллег и багаж социологии (как отечественной, так и зарубежной).

³⁹² Филиппов А. Социология пространства: общий замысел и классическая разработка проблемы // Логос, 2000, № 2.

В зарубежной географии проблема региональной идентичности пользуется большим вниманием, в её исследовании принимают активное участие учёные с большим авторитетом, который порою выходит далеко за рамки самой географии. В англоязычной географической литературе сложилась целая традиция писать книги на эту тему под названиями, где обыгрывается созвучие терминов *space* (пространство) и *place* (место)³⁹³. Начало этому положил знаменитый американский географ и культуролог Джон Бринкерхофф Джексон (1909-1996)³⁹⁴, затем И-Фу Туан издал в 1977 году книгу «Пространство и место», которая стала настоящей классикой и в географии, и в культурологии³⁹⁵. К толкованию региональной идентичности обратилось немало географов самой высокой репутации. Среди них в первую очередь нужно отметить Дэвида Харви и Эдварда Соджи, чьи книги вышли в один год (1988) и под сходными названиями (соответственно «Условия постмодерности» и «Постмодернистские географии») ³⁹⁶. В современной мировой географии это, пожалуй, два исключительных примера того, как влияние сочинений географов распространилось далеко за пределы самой географии; для нашей темы важно то, что это влияние было в немалой степени связано именно с географической трактовкой идентичности – и местной, и региональной. Примером обратного влияния на эту тематику (извне на саму географию) можно счесть труд Анри Лефевра³⁹⁷ под характерным названием «Производство пространства», который снискал огромную популярность у географов Запада. В сугубо географическом плане эту тему детально трактовали такие крупные зарубежные географы, как, например, Э. Релф, Д. Грегори³⁹⁸ или Р. Сэк из университета штата Висконсин, выступивший с двумя работами на грани географии и социальной психологии – «Человеческая территориальность» и «Хомо географикус»³⁹⁹. К этим авторам постоянно обращаются почти все, кто исследует феномен региональной идентичности (в частности, упоминавшийся А. Филиппов рекомендует их сочинения студентам, которые в Высшей школе экономики слушают его курс «Социология пространства»).

Увы, у всех этих зарубежных сочинений есть, на взгляд отечественного географа, существенный недостаток, даже порок: для них региональная идентичность почти всегда – это некий весьма интересный, но второстепенный, почти забавный признак современного человека, находящийся в одном ряду с такими культурными явлениями, как фольклор, местная кухня, обряды, особенности

³⁹³ Типичный пример – сборник под редакцией Э.Картер, Дж.Доналда и Дж.Скуайрс «Пространство и место: теории идентичности и местоположения» (Carter E., Donald J., Squires L (eds.). *Space and place: theories of identity and location*. Lawrence and Wishart, London, 1993).

³⁹⁴ См. переиздание его основной книги «Смысл пространства, смысл времени» (Jackson J.B. *A sense of space, a sense of time*. Yale University Press, New Haven and London, 1994).

³⁹⁵ Tuan Yi-Fu. *Space and place: the perspective of experience*. University of Minnesota Press, Minneapolis, 1977.

³⁹⁶ Harvey D. *Conditions of postmodernity*. Blackwell, Oxford, 1989; Soja, Edward. *Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory*. L., N. Y.: Verso, 1989.

³⁹⁷ Lefebvre H. *Production of Space*. Blackwell, London, 1991.

³⁹⁸ Relph E. *Place and placelessness*. Pion, London, 1976; Gregory D. *Geographic Imaginations*. Oxford: Blackwell, 1994.

³⁹⁹ Sack R.D. *Human Territoriality: Its Theory and History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. Sack R.D. *Homo Geographicus: a framework for action, awareness and moral concern*. The Johns Hopkins University Press, Baltimore and London, 1997.

костюма. У них нет попыток построить на этой основе то особое понимание территориальной самоорганизации общества, к которому стали тяготеть некоторые российские географы⁴⁰⁰. Это резко (пожалуй, чрезмерно) снизило наш энтузиазм по заимствованию багажа, накопленного в этой области за рубежом.

Заимствование же у социологов с первых же шагов стало приводить ко всё большему разочарованию. Быстро выяснилось, что в социологии с давних пор сложилась целая традиция пренебрежительного отношения к пространству. Она идёт ещё от таких классиков социологии, как американец Т.Парсонс, немец Г.Зиммель, француз Э.Дюркгейм. В наше время по статьям российских социологов постоянно бродит цитата из П.Бергера и Т.Лукмана, повторяемая, словно мантра: «Мир повседневной жизни имеет пространственную и временную структуры. Пространственная структура здесь нас мало интересует. Достаточно сказать лишь то, что она имеет социальное измерение благодаря тому факту, что зона моих манипуляций пересекается с зоной манипуляций других людей. Гораздо важнее для нашей цели временная структура»⁴⁰¹. Тот же А.Филиппов с удовольствием цитирует Г.Зиммеля – своего предшественника в разработке социологии пространства: «Граница – это не пространственный факт с социологическим воздействием, но социологический факт, который принимает пространственную форму... Пространство само незначимо. Это люди придают ему смысл и действуют соответственно». И сам наш автор вторит Зиммелю почти в тех же выражениях: «..."пространство" представляет собой социальную и научную метафору»... "социальное пространство" – удобное, но все-таки лишь иносказательное выражение, подобно "социальной дистанции" или "социальной лестнице"⁴⁰².

Географу подобные утверждения кажутся весьма странными. Несколько лет назад мне довелось написать по этому поводу (в большом раздражении) следующее: «По Филиппову получается, что социальные взаимодействия не зависят от того, на каком расстоянии друг от друга находятся акторы. По Парсонсу, безразлично, что за пространство лежит на этом расстоянии, – океан или суша, враждебное или дружественное государство, оснащено оно средствами связи или нет. По Дюркгейму, неважно, соседствуют ли акторы друг с другом или разделены другими акторами. По Зиммелю, чувство идентичности, этот душевный порыв, одолевает людей вне зависимости от того, живут ли они территориально сплочённой группой или растворены в других группах»⁴⁰³.

⁴⁰⁰ Вот примечательный эпизод. С.Г. Павлюк, защитив кандидатскую диссертацию по региональной идентичности в США и России, имел возможность поехать в США и посетить там Рут Хейл, которая ещё в начале 70-х годов написала диссертацию о вернакулярных (обыденных) районах США. Эта книга стала буквально настольной для некоторых из нас. Когда же С.Павлюк изложил ей наши восторги по поводу её работы и наше толкование её результатов, она была искренне удивлена тому, что мы выводим значение её труда далеко за пределы узкой темы культурной географии, смежной с этнографией. Представление о вернакулярных районах как о территориальной самоорганизации общества было ей совершенно чуждо.

⁴⁰¹ Цит. по: Филиппов А.Ф. Социология пространства: общий замысел и классическая разработка проблемы // Логос, 2000, № 2. Невольно вспоминаются едкие слова М.Фуко, сказанные почти по этому же поводу, о «благочестивых потомках времени» и «остервенелых обитателях пространства».

⁴⁰² Там же.

⁴⁰³ Смирнягин Л.В. О региональной идентичности / Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Выпуск 17 «Меняющаяся география зарубежного мира». Москва-Смоленск, 2007. С. 21-49.

Возможно, для социологов и политологов пространство и связанная с ним региональная идентичность сильно заслонена идентичностью этнической, которая кажется им гораздо более мощной; региональная идентичность выглядит нередко как некое производное от этнической. Если это так, то это грубая ошибка: у этих идентичностей принципиально разные механизмы возникновения и существования.

А.Филиппов объяснил это по-своему: в пространстве размещаются лишь протяжённые вещи, а действие, процесс не имеют такого измерения. Книга, говорит А.Филиппов, может размещаться в магазине, покупатель и продавец – тоже, но сама покупка – нет. Отсюда следует, что все социальные явления как бы равнодушны к пространству. И А.Филиппов замечает: «Вот почему знаменитый американский теоретик Т.Парсонс, которому поклонялось целое поколение советских социологов, полагал, что для анализа действия пространство вообще значения не имеет»⁴⁰⁴.

О подобной аберрации приходится лишь сожалеть. Ведь там, где социологи всерьёз воспринимают пространство, они добиваются больших успехов, исключительно важных и для самой географии. Достаточно упомянуть Энтони Гидденса с его «локалами» или Мишеля Фуко с гетеротопией и гетеротопологией. Наша отечественная социология даёт немало неплохих примеров такого рода. Не претендуя на сколь-нибудь полный список таких удач (с точки зрения географа), упомяну недавнюю диссертацию М.Назукиной⁴⁰⁵, книжку В.Богомякова про тюменскую идентичность и статьи его «землячки» Н.Галактионовой⁴⁰⁶, работы нижегородца А. Макарычева⁴⁰⁷: счёт российским авторам, работающим по этой тематике вне географии, идёт уже на десятки. Особо следует отметить современную разработку понятия «социальное пространство» А.Филипповым; я берусь утверждать, что со времён В.П.Семёнова-Тян-Шанского никто из российских географов не философствовал о географическом пространстве так успешно и глубоко, как А.Филиппов.

Увы, почти все социологи и политологи страдают одним и тем же пороком (с точки зрения географов, конечно, не более): они твёрдо уверены, будто бы в социальных науках пространство можно выводить за скобки – хотя бы потому, что оно якобы не обладает собственными свойствами и нейтрально по отношению к социальным процессам. Для географов это, разумеется, неприемлемо. Поэтому им пришлось самостоятельно осваивать методологию региональной идентичности, исходя из базовой посылки, которая чужда почти всем социологам: социальное пространство обладает собственными свойствами, опосредующими социальные контакты людей, и состоит из районов или районоподобных частей, в рамках которых замыкается основная часть таких контактов, и которым адресована региональная идентичность местного населения. Активность российских географов в

⁴⁰⁴ Филиппов А. Гетеротопия родных просторов // Отечественные записки, 2002, № 6.

⁴⁰⁵ Назукина М.В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. Пермь, 2009.

⁴⁰⁶ Богомяков В. Региональная идентичность «земли тюменской»: мифы и дискурс. «Дискурс-Пи», Екатеринбург, 2007; Галактионова Н.А. Особенности современных процессов регионализации и формирования региональной идентичности // Регионология, 2010, № 2.

⁴⁰⁷ Напр., Макарычев А. Регионализм: проблемы и перспективы // Общественные науки и современность, 1999, № 3.

этой области стала заметной лишь на исходе прошлого века⁴⁰⁸, и лишь после его окончания она получила своего рода институционализацию благодаря серии защищённых по этой теме диссертаций по географии.

Особо знаковой в этом отношении стала защита докторской диссертации М.Крылова в 2007 г.; позже она была издана в виде монографии⁴⁰⁹. М.Крылов показал, что региональная идентичность – автономный культурный феномен, который сравнительно мало зависит от экономического развития территории или от культурного уровня обладателя идентичности. Для географов это имело большое методологическое значение, заведомо ориентируя исследования по региональной идентичности, так сказать, вглубь вместо того, чтобы искать ей главные объяснения за пределами собственно географических реалий. С этим был тесно связан другой столь же важный тезис автора – о т.н. «позиционных факторах», то есть географических обстоятельствах, которые играют большую роль не только в пространственной ориентации индивида, но и в складывании его системы ценностей. Тем самым он вывел региональную идентичность на уровень основных условий формирования индивида как такового.

М.Крылов открыл в нашей географии весьма содержательную полемику с теми, кто видит в региональной идентичности нечто рудиментарное, маргинальное, остаточное от уходящей в прошлое культуры; по этой логике, региональная идентичность в России носит якобы прежде всего компенсаторную функцию для провинциалов, которые угнетены своей провинциальностью по сравнению с уровнем жителей российских столиц. М.Крылов убедительно показал своим исследованием, что региональная идентичность – вполне здоровое отражение современной культуры россиян, что она развивается в ответ на перемены в общественной жизни, а вовсе не уходит на второй план под напором пресловутой глобализации. В то же время региональная идентичность не тождественна сепаратизму. В культурной географии Запада (особенно в американской) давно доказано, что региональная идентичность лишь укрепляет идентичность общенациональную, но в нашей стране всё ещё очень широко распространён предрассудок, согласно которому любовь к малой родине умаляет любовь к большой, а при сильном чувстве, мол, рождает сепаратизм.

Непосредственно по региональной идентичности географами были защищены всего две кандидатские диссертации – С.Павлюком и А.Гриценко⁴¹⁰. Однако число географов, которые так или иначе затрагивают эту тему, стало уже внушительным; перечислять их имена и труды значит занять этим перечислением несколько страниц, что не входит в планы автора. Тем не менее, нужно упомянуть хотя бы тех, кто работает в этой области наиболее активно. Это, конечно же, Д.Замятин, автор

⁴⁰⁸ Смирнягин Л.В. Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М., 1999. С. 108-115.

⁴⁰⁹ Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. Автореферат диссертации, представленной к защите на соискание учёной степени доктора географических наук. Москва, 2007; Крылов М. Региональная идентичность в Европейской России. Москва: Новый Хронограф, 2010.

⁴¹⁰ Павлюк С.Г. Традиционные и исторические районы как форма территориальной самоорганизации общества (на примере США и России). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата географических наук Москва. 2007; Гриценко А. Влияние политических и ландшафтных границ на региональную идентичность в российско-украинском порубежье. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата географических наук. Москва, 2010.

нескольких монографий и множества статей, в которых проблемы региональной идентичности постоянно присутствуют в рамках обсуждения широких вопросов культурной географии⁴¹¹. Вокруг него сложилась группа географов, работающих в сходном ключе (через призму культурных образов регионов и городов) – И.Митин, О.Лавренова, Н.Замятина, В.Чихичин из Ставрополя и др. Немало написал о региональной идентичности и регионализме в России (и в монографиях, и в статьях) наш ведущий теоретико-географ Б.Родоман, а также его ближайший соратник В.Каганский. Несколько работ непосредственно по региональной идентичности опубликовали Р.Туровский и Н.Петров. Сборник «Идентичность и география в современной России», изданный в Санкт-Петербурге в 2003 г., может служить своего рода смотром географических сил, «мобилизованных» на изучение этой проблемы⁴¹².

Обзор подобной литературы показывает, что общий подход географов к региональной идентичности в целом вполне соответствует тому дискурсу, который сложился у социологов и культурологов относительно идентичности вообще. Обычно она понимается географами как чувство принадлежности к общности людей, сложившейся на определённой территории, и как возникающая из-за этого солидарность с земляками по причине совместного проживания на одной территории в данный момент или в прошлом. Поставив себе задачу создать «коллекцию» целей, ради которых, по мнению географов, у человека возникает региональная идентичность, я насчитал шесть: страховка от социальных бедствий в надежде на защиту индивида избранной группой; удовлетворение психологической нужды в солидарности с себе подобными; разделение с группой ответственности за свои социально значимые действия; отличие своих от чужих; прогнозирование поведения других людей по шаблону представлений об их региональных идентичностях; самопознание, осознание собственных качеств по контрасту с качествами других (вы не знаете, что вы блондин, пока не встретите брюнета). Всё это достаточно похоже на другие типы идентичности.

Некоторые из упомянутых выше российских географов показывают на конкретном материале, что региональная идентичность, как и другие типы идентичности, может существовать и в активной форме, когда она возбуждена, например, внешним давлением на территориальную общность людей, и в скрытом (дормантном) состоянии, особенно если её носителям ничто не угрожает, и такую региональную общность приходится буквально извлекать из её носителей с помощью разных ухищрений, придуманных исследователями.

Географы не раз замечали, что в самом центре культурного района региональная идентичность зачастую «дремлет» или вовсе «спит», потому что не подвергается испытаниям, а на окраинах ареала, на его рубежах она сплошь и рядом оказывается активированной постоянными контактами с другими региональными идентичностями. Из-за этого крупные города, сложившиеся на стыках разных культурных районов, становятся ареной взаимодействия разных региональных идентичностей, и взаимодействие это далеко не всегда протекает спокойно⁴¹³; это ставит перед городской жизнью особо важную культурную роль сплочения

⁴¹¹ Правда, Дмитрий Замятин получил степень доктора культурологии.

⁴¹² Идентичность и география в современной России. СПб., 2003.

⁴¹³ Обсуждение этой проблемы см. Смирнягин Л.В. Город в страноведческой характеристике. Сент-Луис / Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Выпуск 16 «Территориальная структура хозяйства и общества зарубежного мира». Москва-Смоленск, 2009. С. 24-45.

региональных идентичностей, проторяя им путь к идентичности общенациональной. В связи с этим для географической литературы стало почти традиционным поднимать вопрос о «многоэтажной идентичности» (в России – вслед за тезисом Б. Родомана – о «многоэтажном патриотизме»). В американской географии не раз было описано то, как в сознании типичного жителя западной части штата Массачусетс органично уместаются представления о том, что он – житель Беркширских холмов, он же житель Массачусетса, Новой Англии, он же северянин, и это нисколько не мешает ему гордиться тем, что он гражданин Соединённых Штатов Америки. Подобным образом слесарь может одновременно чувствовать себя и рабочим, и «трудящимся» вообще, а географ – и учёным, и «работником умственного труда» вообще; многое тут зависит от того, с кем приходится иметь социальный контакт.

Американский опыт показывает, что такая идентичность далеко не всегда связана с солидарностью носителей друг с другом. Если чернокожий уроженец Алабамы встретит в Нью-Йорке белого земляка, то он почти наверняка заподозрит его в расистских предрассудках и предпочтёт общаться с белыми «чужаками» – жителями Нью-Йорка, поскольку жителям этого северного города расизм не свойственен. Подобное отчуждение присуще и многим другим видам идентичности; слесари или географы могут не только сотрудничать, но и соперничать в борьбе за рабочие места, зарплату или репутацию. В этой связи было замечено, что любовь к своему месту порою становится скрытым чувством, потому что сочетается с известной неловкостью и даже стыдом за «географию» своего происхождения; типичный пример – деревенские в городе. Тем самым региональная идентичность, как и другие виды, может оказаться источником серьёзных фрустраций и мотивом социальной агрессии.

Наряду с этими чертами, которые роднят региональную идентичность с другими видами, географы отмечают и некоторые её особенности. Чаще всего подчёркивают её относительную простоту. Она легко воспринимается при попытках насадить её сверху. Её лозунги легко понять и принять, особенно в периоды, когда общество находится в переходе от одного состояния в другое и прочие виды идентичности как бы размыты. Именно такой была Россия в годы перестройки и реформ. В сборнике очерков по политической географии «Весна-89» отчётливо показано, что во время первых демократических выборов в нашей стране региональная идентичность была самым распространённым видом политического сплочения, потому что идеологические и партийные предпочтения избирателей были крайне расплывчатыми⁴¹⁴. Географам важно подчёркивать, что региональная идентичность гораздо старше (можно сказать, древнее), чем этническая или тем более национальная. Об этом, кстати, весьма доказательно писал Э.Хобсбаум⁴¹⁵.

Региональная идентичность основана, как правило, на сугубо позитивных чувствах любви к малой родине, её эмоциональное представление связано с милыми сердцу носителя образами. Правда, некоторые социологи (например, А.Макарычев) утверждают, что региональная идентичность связана с обязательным представлением о своём оппоненте, однако наши исследования этого не подтверждают. Более того, они указывают на то, что *региональная идентичность особенно эффективна для сплачивания весьма разнородных общностей и идентичностей поверх разделяющих барьеров*, она делает это значительно легче, чем лозунги типа «пролетарии всех стран, соединяйтесь». Метафорическим

⁴¹⁴ Весна-89: география и анатомия парламентских выборов. Москва: «Прогресс», 1990.

⁴¹⁵ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. Спб, 1998

символом этого явления может служить стадион, на котором зрители истово и единодушно болеют за местную команду, невзирая на то, что среди них есть и пролетарии, и респектабельные представители высшего общества, и бомжи, и состоятельные служащие соседних банков. Это сплочение выходит далеко за пределы таких простецких явлений, как футбол и его болельщики, оно отчётливо проступает в политической жизни, оно способно мобилизовать «земляков» на общественные акции, поставляя лакомую добычу и народным героям, и беззастенчивым демагогам.

Российские географы могут предъявить некоторые достижения в исследованиях по региональной идентичности. Здесь есть два поля деятельности – теоретизация и полевые исследования. Обычно авторы работают в одном из них, лишь у М.Крылова и С.Павлюка эти направления сплавлены воедино.

В области теоретизации выделим два наиболее важных аспекта. Во-первых, это выведение самого понятия региональной идентичности на более высокий уровень и понимание её как основы территориальной самоорганизации общества. В этом, как мне представляется, российская география существенно опережает западную. Во-вторых, это разработка понятия вернакулярных (обыденных) районов: они есть плод общественного сознания, а не результат обработки статистики учёным, это т.н. «вторая реальность», имеющая гигантское влияние на социальную практику. Сам по себе это термин западный, и у нас внедряется не без труда⁴¹⁶, в том числе потому, что в западной традиции он воспринимается как нечто близкое этнографии, воспринимается в виде какой-то социальной патологии, приводящей к искажённому представлению о «реальном» пространстве. Российские географы стараются как можно тщательнее очистить этот термин от следов пребывания в подобном дискурсе.

В полевых исследованиях сложились две школы. Одна из них сформировалась вокруг М.Крылова и посвящает себя опросам жителей российских регионов, городов и местностей, делая упор на образованную их часть и на тщательное картирование полученных результатов. На этом материале отрабатываются некоторые гипотезы общегеографического порядка (например, у А.Гриценко – проблема влияния естественных и исторических рубежей на региональное самосознание жителей). Другая ведёт своё начало от студенческих полевых практик географического факультета МГУ, во время которых студентам под руководством С.Павлюка удалось разработать и отточить оригинальную методику наблюдений за дифференциацией городского пространства в сознании местных жителей. Эта методика с успехом применялась в исследованиях таких российских городов, как Пермь, Хабаровск, Ставрополь, Пятигорск, а также нескольких городов Центральной и Северной Европы; К.Пузанов использует её для сравнения ряда российских и американских городов.

Число российских географов, посвящающих свою деятельность проблемам региональной идентичности, достигло уже того количественного порога, за которым можно говорить о складывании полноценной научной дисциплины. Об этом косвенно свидетельствует и то, что среди этой группы учёных уже начались разногласия и дискуссии, которые были неуместны в тот период, когда участникам приходилось совместно доказывать другим коллегам правомочность своих занятий. Здесь наметилось три основные темы дискуссий. Первую из них можно описать с помощью терминов М.Назукиной «конструктивизм» и «антиконструктивизм»: конструктивисты

⁴¹⁶ Павлюк С., посвятивший вернакулярным районам свою диссертацию, был вынужден «по тактическим соображениям» назвать их традиционными и историческими.

полагают, что региональная идентичность «изобретается» культурной или политической элитой ради специальных целей и насаждается среди граждан, антиконструктивисты утверждают, что она складывается в сознании граждан стихийно, под действием особенностей среды обитания и событий общей истории. Подавляющее большинство социологов, по-видимому, конструктивисты, у географов же преобладает антиконструктивистский подход, хотя некоторые из них его не придерживаются (например, С.Павлюк).

Вторая тема – это т.н. аспатиальность русской культуры. Автором этого термина и связанного с ним понятия является автор этой статьи, ему издавна оппонирует М.Крылов. Тезис об аспатиальности утверждает, что в русской культуре по сравнению с некоторыми другими (например, с американской) существенно ослаблено (хотя и не вовсе отсутствует) чувство пространства, ослаблена реакция на главные его свойства – на расстояние, на границу, на место; благодаря этому русским удалось охватить своей государственностью гигантские пространства, но это сильно затрудняет им освоение этих пространств. М.Крылов, возражая, приводит много фактов, противоречащих этому представлению. В последнее время точки зрения сближаются, потому что в России в самом деле идёт активный процесс развития региональной идентичности; Крылов видит в этом возрождение былых качеств русской культуры, а Смирнягин – появление новых.

Третья тема связана с попытками автора этой статьи довести до логического финала наше представление о региональной идентичности как основе территориальной самоорганизации общества. В этом свете районирование каждой страны должно строиться не на статистических и тому подобных изысканиях географов, а на исследовании присущих данному обществу вариантов региональной идентичности, будь она активной или дормантной. Главный аргумент в пользу этого представления о районировании заключается в том, что общество ведёт себя в пространстве в соответствии с собственным представлением о нём, как бы сильно ни отклонялось оно от представлений учёных о «реальных» районах. Эта идея была изложена в развёрнутой форме в докторской диссертации автора⁴¹⁷. Увы, в российской географии оно встречает сейчас больше возражений, чем поддержки. Несогласие с этой позицией высказывает наш ведущий специалист по историко-культурной географии В.Стрелецкий. Нашим «классическим» экономико-географам трудно принять мысль о том, что районирование страны может быть основано на чём-то ином, нежели различия в развитии производительных сил. Р.Туровский вообще отрицает объективное существование районов (как бы вослед чисто американской традиции).

В заключение хочется выразить надежду, что развитие географических исследований по региональной идентичности и ознакомление с ними социологов позволит последним «излечиться» от пренебрежения реальным земным пространством с его метрикой и топологией, вернуть значение трём главным ипостасям географического пространства – протяжённости, месту и границе. Кто знает – а вдруг это спровоцирует какие-то подвижки в самой методологии социологических исследований. По этому поводу вспоминается крылатая фраза Б.Родомана, сказанная им много лет назад: если вы размышляете в правильном направлении и делаете это достаточно долго, то неминуемо приходите к мысли, которая давно известна на Западе. На Западе же география сейчас в большой моде,

⁴¹⁷ Смирнягин Л.В. Районирование общества: теория, методология, практика (на материалах США). Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора географических наук. Москва, 2005.

и это знаменует капитальный сдвиг в эпистемологии: два века в науке господствовал интерес к процессам, то есть ко Времени, а «нынешняя эпоха, - сказал ещё в 1967 году Мишель Фуко, - будет, наверное, прежде всего эпохой пространства». То есть географии...

**Д.Н. Замятин,
Российский НИИ культурного и природного наследия
им. Д.С.Лихачева**

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ТЕРРИТОРИЯ: ГУМАНИТАРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ДИСКУРСЫ

В данном исследовании мы попытаемся описать и интерпретировать основную проблематику, связанную с ключевыми гуманитарно-географическими подходами и дискурсами при изучении идентичности и территории. При этом мы полагаем, что гуманитарная география является достаточно широкой междисциплинарной научной областью, находящейся на стыке гуманитарных (прежде всего, социокультурная антропология, философия, социология, психология, филология, политология, искусствоведение, история) и естественных наук (география, физиология, биология, экология). Следует отметить также, что исследованиями проблемы «идентичность и территория» в той или иной степени занимаются практически все из выделенные нами выше гуманитарные дисциплины; тем не менее, ни одна из них до настоящего времени пока не ставит эту проблему как основополагающую и/или центральную.

Итак, *гуманитарная география* – междисциплинарное научное направление, изучающее различные способы представления и интерпретации земных пространств в человеческой деятельности, включая мысленную (ментальную) деятельность⁴¹⁸. Базовые понятия, которыми оперирует гуманитарная география – это культурный ландшафт (также этнокультурный ландшафт), географический образ, региональная (пространственная) идентичность, пространственный или локальный миф (региональная мифология). Понятие «гуманитарная география» тесно связано и пересекается с понятиями «культурная география», «география человека», «социокультурная (социальная) география», «общественная география», «гуманистическая география»⁴¹⁹.

⁴¹⁸ Подробнее см.: Замятин Д.Н. Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. Смоленск: Ойкумена, 1999; Он же. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003; Он же. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004; Он же. Власть пространства и пространство власти: Географические образы в политике и международных отношениях. М.: РОССПЭН, 2004; Он же. Гуманитарная география. Материалы к словарю гуманитарной географии // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2. М.: Институт наследия, 2005; Он же. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак: 2006; Замятина Н.Ю., Митин И.И. Гуманитарная география. Материалы к словарю гуманитарной географии // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 4. М.: Институт наследия, 2007; Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 1–5. М.: Институт наследия, 2004–2008.

⁴¹⁹ Lowenthal D. Geography, experience and imagination: towards a geographical epistemology // Annals of the Association of American Geographers, 1961. Vol. 51, No. 3. P. 241-260; The Interpretation of Ordinary Landscapes: Geographical Essays / Ed. By D.W. Meinig. N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1979; Tuan Yi-Fu. Topophilia: A study of environmental perception,

Первоначально гуманитарная география развивалась в рамках антропогеографии (начало XX в.), позднее – в рамках экономической и социально-экономической географии (с 20-х гг. XX в.). Значительные научные достижения в понимании цели и задач гуманитарной географии связаны с развитием культурного ландшафтоведения, географии населения, географии городов, географии туризма и отдыха, культурной географии, поведенческой (перцепционной) географии, географии искусства⁴²⁰.

В начале XXI в. понятие «гуманитарная география» часто воспринимается как синоним понятия «культурная география». В отличие от культурной географии, гуманитарная география: 1) может включать различные аспекты изучения политической, социальной и экономической географии, связанные с интерпретациями земных пространств; 2) позиционируется как междисциплинарная научная область, не входящая целиком или основной своей частью в комплекс географических наук; 3) смещает центр исследовательской активности в сторону процессов формирования и развития ментальных конструктов, описывающих, характеризующих и структурирующих первичные комплексы пространственных восприятий и представлений.

К научно-идеологическому ядру гуманитарной географии можно отнести: культурное ландшафтоведение, образную (имагинальную) географию, когнитивную географию⁴²¹, мифогеографию⁴²², сакральную географию. Гуманитарная география развивается во взаимодействии с такими научными областями и направлениями, как когнитивная наука, культурная антропология, культурология, филология, политология и международные отношения, геополитика и политическая география, искусствоведение, история.

Проблема взаимоотношений идентичности и территории или территориальной идентичности – одна из главных для гуманитарной географии. Наряду с концептами географического образа, культурного ландшафта и локального мифа концепт

attitudes, a. values / With a new pref. by the author. N.Y.: Columbia University Press, 1990; Daniels S. Place and Geographical Imagination // *Geography*, 1992, No. 4 (337). P. 310-322; Jordan T.G., Domosh M., Rowntree L. *The Human Mosaic: A Thematic Introduction to Cultural Geography*. Sixth Edition. N.Y.: Harper Collins College Publishers, 1994; *Geography and National Identity* / Ed. by Hooson D. Oxford, Cambridge (Mass.): Blackwell, 1994; Schama S. *Landscape and Memory*. N.Y.: Vintage Books, 1996; *Cultural Turns/Geographical Turns. Perspectives of Cultural Geography* / Ed. by S. Naylor, J. Ryan, I. Cook and D. Crouch. N.Y.: Prentice Hall, 2000; *Studing Cultural Landscapes* / Ed. By I. Robertson and P. Richards. N.Y.: Oxford University Press, 2003 и др.

⁴²⁰ См. подробнее: Голд Дж. Психология и география: Основы поведенческой географии. М.: Прогресс, 1990; Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. М.: Ин-т Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 1997; Туровский Р.Ф. Культурная география: теоретические основания и пути развития // *Культурная география* / Науч. ред. Ю.А.Веденин, Р.Ф.Туровский. М.: Ин-т Наследия, 2001. С. 10-94; Лавренова О.А. Новые направления культурной географии: семантика географического пространства, сакральная и эстетическая география // *Культурная география* / Науч. ред. Ю.А.Веденин, Р.Ф.Туровский. М.: Институт Наследия, 2001. С. 95-126; Стрелецкий В.Н. Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // *Известия РАН. Сер. геогр.* 2002. № 4. С.18-28.

⁴²¹ Замятина Н.Ю. Когнитивные пространственные сочетания как предмет географических исследований // *Известия РАН. Сер. геогр.* 2002. № 5. С. 32-37.

⁴²² Митин И.И. Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. Смоленск: Ойкумена, 2004.

территориальной или региональной идентичности рассматривается как базовый, определяющий при постановке различных методологических, теоретических и прикладных проблем в гуманитарной географии. В гуманитарной географии учитывается всё обилие определений термина «территориальная идентичность», используемого во многих гуманитарных и социальных науках. В первом приближении гуманитарная география может использовать эти определения, как бы брать их «на веру», однако далее мы попытаемся показать, в чём состоит когнитивная специфика гуманитарно-географической интерпретации этого понятия и, соответственно, гуманитарно-географических подходов и дискурсов.

Базовые когнитивные модели территориальной идентичности

Сформулируем первичную простейшую (элементарную) когнитивную «платформу», важную для нашего дальнейшего исследования. Итак, предполагается, что территория обладает или имеет конкретный информационный объем, существует некоторый информационный банк относительно определённой территории, а также и банк знаний. В свою очередь, понятие и концепт идентичности, что идентичность всегда кому-то принадлежит, она всегда относится к чему-то и/или к кому-то, включает в себя конкретные эмоции, чувства, образы (воображение), а также возможность рационализации этих чувств и образов. Наконец, элементарное понятие территориальной идентичности возникает, когда в логическом отношении пересекаются и начинают взаимодействовать концепты территории и идентичности (мы здесь пока не говорим о собственно феноменологии территориальной идентичности в широком смысле, ограничиваясь формальной логикой).

Далее логически мы можем предположить, что концепт идентичности является активным по отношению к концепту территории, который остаётся, в свою очередь, пассивным. Иначе говоря, в данном представлении, концепт территории выглядит как подстилающая поверхность, фон, подложка, а концепт идентичности трансформируется, перестраивается, видоизменяется, оказываясь в определённом территориальном контексте. Такое представление может быть опять-таки базовым, впоследствии эта элементарная когнитивная модель может быть усложнена и/или переработана. Так или иначе, собственно территориальная идентичность, согласно этой когнитивной модели, является результатом неких содержательных отношений, в результате чего может возникать и обратная связь: представление о территории меняется, поскольку может меняться территориальная идентичность, становящаяся в процессе своей трансформации синтетическим и динамическим концептом.

Попробуем теперь перейти к несколько более сложной когнитивной модели территориальной идентичности. Предположим, что концепт территории включает в себя не только конкретный объем информации и знаний (грубо говоря, это «физическая» модель территории), но и некоторые представления о ней, не связанные прямо с какой-либо точной информацией или знанием. Иначе говоря, помимо собственно «физической» территории, теперь существует и «метафизическая» территория. Именно в этом слое «откладываются» локальные мифы, «складируются» географические образы-архетипы, формируется представление о культурных ландшафтах. Следует сразу отметить, что «метафизическая» территория часто и чаще всего возникает в воображении отдельных людей и сообществ, являющихся либо пришлыми на данной «физической» территории (формально – случай иммигранта и диаспоры), либо физически покинувшими определённую территорию или страну (случай эмиграции). В любом случае, мы можем говорить здесь о том, что подвижность людей и человеческих сообществ способствует формированию метафизики территорий:

удалённость от родного места может рождать локальный миф о нём, прибытие на новую территорию и жизнь на ней могут способствовать развитию новых географических образов и мифов, необходимых для укоренения здесь. Концепт территории, тем не менее, остаётся и в этой усложнённой модели когнитивно неподвижным, статичным; территория рассматривается, используя лингвистическую метафору, в условном «страдательном залоге».

Географический образ – система взаимосвязанных и взаимодействующих знаков, символов, архетипов и стереотипов, ярко и в то же время достаточно просто характеризующих какую-либо территорию (место, ландшафт, регион, страну). Географический образ – центральное понятие *имагинальной географии*. Как правило, отдельные географические образы могут формировать, в свою очередь, образно-географические системы (метасистемы).

Близким по смыслу к понятию географического образа является понятие географического имиджа (имиджа территории). Синонимы географического образа – образ территории, образ региона, образ места, образ пространства. Как инвариант понятия «географический образ» может рассматриваться понятие *культурного ландшафта*. В содержательном плане наиболее продуктивно использование понятия географического образа совместно с понятиями *когнитивно-географического контекста* и локального (регионального, пространственного) мифа.

Географический образ есть феномен культуры, характеризующий стадияльное (общий аспект) и уникальное (частный аспект) состояния общества. Данный феномен является важным критерием цивилизационного анализа любого общества. Качественные характеристики географических образов в культуре, способы репрезентации и интерпретации географических образов, структуры художественного и политического мышления в категориях географических образов являются существенными для географического, культурологического, исторического, политологического анализа развития общества.

Локальные мифы, будучи одним из устойчивых типов пространственных представлений на протяжении, по крайней мере, всех известных письменных историй⁴²³, претерпевают в эпоху модерна столь существенные системно-

⁴²³ См., например: Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издат. Фирма «Восточная литература» РАН, 1998; Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994; Он же. Космос и история: Избранные работы. М.: Прогресс, 1987; Он же. Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2000; Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука. Гл. ред. восточной литературы, 1985; Кэмпбелл Дж. Мифический образ. М.: АСТ, 2002; Хьюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996; Барт Р. Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000; Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976; Вен П. Греки и мифология: вера или неверие? Опыт о конституирующем воображении. М.: Искусство, 2003. С. 100-106; Неклюдов С. Структура и функции мифа // Мифы и мифология в современной России. М.: АИРО-XX, 2000. С. 17-39; Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004; Торшилов Д.О. Античная мифография: миф и единство действия. СПб.: Алетейя, 1999; Терехин Н.М. Сакральная география Русского Севера. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1993; Он же. Метафизика Севера. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 2004; Фадеева Т.М. Крым в сакральном пространстве: История, символы, легенды. Симферополь: Бизнес-Информ, 2000; Абашев В.В. Пермь как центр мира. Из очерков локальной мифологии // Новое литературное обозрение. 2000. № 6(46). С. 275-288; также: Митин И.И. Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. Смоленск: Ойкумена, 2004.

структурные изменения, что оказываются не только вполне традиционными ментальными нарративами, описывающими и характеризующими определённые места и территории, но и принципиально, жизненно, экзистенциально важными компонентами видения не только прошлого и настоящего, а также и будущего – будущее начинает как бы закрепляться, "фиксироваться" соответствующими легендарными событиями и историями, уверенно проецируемыми в пространство ещё не сбывшегося, не состоявшегося, однако весьма возможного и желательного. Если понимать под локальными мифами систему специфических устойчивых нарративов, распространённых на определённой территории, характерных для соответствующих локальных и региональных сообществ и достаточно регулярно воспроизводимых ими как для внутренних социокультурных потребностей, так и в ходе целенаправленных репрезентаций, адресованных внешнему миру, то основную суть когнитивных изменений, происходящих с локальными мифами и в них самих в эпоху модерна, в их самом первоначальном и грубом виде, можно свести к наглядным ментальным преобразованиям пространственной онтологии локальных мифов, их условных хтонических оснований⁴²⁴. Иначе говоря, пространство локальных мифов начинает быстро расширяться не возможными ранее темпами – не в смысле хорошо известной специалистам (филологам, искусствоведам, культурологам, психологам, историкам, этнологам, географам) повторяемости базовых архетипических сюжетов, воспроизводящихся в совершенно разных цивилизациях и культурах и на сильно удалённых друг от друга территориях, в совершенно различных порой природных и культурных ландшафтах⁴²⁵, а в смысле их семантической и образной экспансии в ранее не достижимые для них области ментальной и материальной жизни региональных сообществ.

Обобщённая когнитивная модель пространственных представлений в рамках гуманитарной географии

Итак, понятие и концепт территориальной идентичности «работает» в пределах гуманитарной географии в кругу понятий географического образа, локального мифа и культурного ландшафта, это его гуманитарно-географический контекст. Если выстраивать определённую иерархию соотношений этих понятий, имея в виду уровни рассмотрения пространственных представлений в рамках гуманитарной географии, то территориальная идентичность как бы надстраивается над географическими образами и локальными мифами, использует и впитывает их; в то же время именно территориальная идентичность оказывается рефлексивной основой для выявления и фиксации конкретных культурных ландшафтов, типичных для данной территории. Наряду с этим, территориальная идентичность как условный ментальный продукт оказывается под влиянием конкретных когнитивно-географических контекстов, имеющих отношение к изучаемой территории, а также проблематики «гений и место», персонализирующей и тем самым несколько упрощающей «технологии» воображения территориальной идентичности. Концепты «когнитивно-географический контекст» и «гений и место» являются своего рода

⁴²⁴ McLean S. Touching Death: Tellurian Seduction and Spaces of Memory in Famine Ireland // Culture, Space and Representation. A special issue of the Irish Journal of Anthropology. 1999. Vol. 4. P. 61—73; Crouch D. Spatialities & the Feeling of Doing // Social & Cultural Geography. 2001. Vol. 2. No. 1. P. 61—73; Замятин Д. Пришествие геократии. Евразия как образ, символ и проект российской цивилизации // Независимая газета. 23.07.2008.

⁴²⁵ См., например: Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука. Гл. ред. восточной литературы, 1985; Кэмпбелл Дж. Мифический образ. М.: АСТ, 2002.

вертикальными ментальными «лифтами», способствующими эффективному взаимодействию всех «этажей» концептуального «здания» гуманитарной географии.

Если структурировать в ментальном отношении основные понятия, описывающие образы пространства, производимые и поддерживаемые человеческими сообществами различных иерархических уровней, разного цивилизационного происхождения и локализации, то можно выделить на условной вертикальной оси, направленной вверх (внизу – бессознательное, вверху – сознание), четыре слоя-страты, образующие треугольник (или пирамиду, если строить трехмерную схему), размещенный своим основанием на горизонтали. Нижняя, самая протяженная по горизонтали страта, как бы утопающая в бессознательном – это географические образы; на ней, немного выше, располагается "локально-мифологическая" страта, менее протяженная; еще выше, ближе к уровню некоего идеального сознания – страта территориальной (региональной) идентичности; наконец, на самом вершине, "колпачок" этого треугольника образов пространства – культурные ландшафты, находящиеся ближе всего, в силу своей доминирующей визуальности, к сознательным репрезентациям и интерпретациям различных локальных сообществ и их отдельных представителей⁴²⁶. Понятно, что возможны и другие варианты схем, описывающие подобные соотношения указанных понятий. Здесь важно, однако, подчеркнуть, что, с одной стороны, всевозможные порождения оригинальных локальных или региональных мифов во многом базируются именно на географическом воображении причём процесс разработки, оформления локального мифа представляет собой, по всей видимости, "полусознательную" или "полубессознательную" когнитивную "вытяжку" из определённых географических образов, являющихся неким "пластом бессознательного" для данной территории или места. Скорее всего, онтологическая проблема взаимодействия географических образов и локальных мифов – если пытаться интерпретировать описанную выше схему – состоит в том, как из условного образно-географического "месива", не предполагающего каких-либо логически подобных последовательностей (пространственность здесь проявляется как наличие, насущность пространств, чьи образы не нуждаются ни в соотносительности, ни в иерархии, ни в ориентации/направлении), попытаться сформировать некоторые образно-географические "цепочки" в их предположительной (возможно, и не очень правдоподобной) последовательности, а затем, параллельно им, соотносясь с ними, попытаться рассказать вполне конкретную локальную историю, чьё содержание может быть мифологичным. Иначе говоря, при переходе от географических образов к локальным мифам и мифологиям должен произойти ментальный сдвиг, смещение – всякий локальный миф создается как разрыв между рядомположенными

⁴²⁶ Важно отметить, что для репрезентации всех выделенных уровней модели необходимо изучение локальных текстов; см., например: Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Изд. группа "Прогресс"–"Культура", 1995; Русская провинция: миф–текст–реальность / Сост. А.Ф.Белоусов и Т.В.Цивьян. М., СПб.: изд-во «Лань», 2000; Кривонос В.Ш. Гоголь: миф провинциального города // Провинция как реальность и объект осмысления. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001. С. 101–110; Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000; Люсый А.П. Крымский текст в русской литературе. СПб.: Алетейя, 2003; Геопанорама русской культуры: Провинция и её локальные тексты / Отв. Ред. Л.О.Зайонц; Сост. В.В.Абашев, А.Ф.Белоусов, Т.В.Цивьян. М.: Языки славянской культуры, 2004 и др.

географическими образами, как когнитивное заполнение образно-географической лакуны соответствующим легендарным, сказочным, фольклорным нарративом.

Если продолжить первичную интерпретацию предложенной выше ментальной схемы образов пространства, сосредоточившись на позиционировании в её рамках локальных мифов, то стоит обратить внимание, что, очевидно, локальные мифы и целые локальные мифологии могут быть базой для развития соответствующих территориальных идентичностей. Ясно, что и в этом случае, при перемещении в сторону более осознанных, более "репрезентативных" образов пространства, должен происходить определённый ментальный сдвиг. На наш взгляд, он может заключаться в "неожиданных" – исходя из непосредственного содержания самих локальных мифов – образно-логических и часто весьма упрощённых трактовках этих историй, определяемых современными региональными политическими, социокультурными, экономическими контекстами и обстановками. Другими словами, территориальные идентичности, формируемые конкретными целенаправленными событиями и манифестациями (установка мемориального знака или памятника, городское празднество, восстановление старого или строительство нового храма, интервью регионального политического или культурного деятеля в местной прессе и т.д.), с одной стороны, как бы выпрямляют локальные мифы в когнитивном отношении, ставя их "на службу" конкретным локальным и региональным сообществам, а, с другой стороны, само существование, воспроизводство и развитие территориальных идентичностей, по-видимому, невозможно без выявления, реконструкции или деконструкции старых, хорошо закреплённых в региональном сознании мифов⁴²⁷, и основания и разработки новых локальных мифов, часть которых может постепенно закрепиться в региональном сознании, а часть – оказавшись слабо соответствовавшей местным географическим образам-архетипам и действительным потребностям поддержания территориальной идентичности – практически исчезнуть.

Общие методологические подходы к изучению территориальной идентичности

Попытаемся теперь сформулировать общие методологические подходы к изучению территориальной идентичности, важные для дальнейшего понимания специфики соответствующих гуманитарно-географических дискурсов. Заметим, что эти подходы не носят жёсткого дисциплинарного характера, хотя, несомненно, имеют конкретное когнитивное происхождение.

Выделим три базовых подхода: *плюралистический*, основанный на понятии множественности (А); *уникалистский*, или *феноменологический*, рассматривающий определённую идентичность «здесь-и-сейчас» (Б); и *апофатический*, или – иначе – *онтологический*, сфокусированный на исследовании возможности/невозможности, наличии/отсутствии идентичности как таковой (В).

А. Плюралистический подход

Плюралистический подход опирается на представление о множествах территорий, в отношении которых могут самоопределяться те или иные личности,

⁴²⁷ См., например: Елистратов В.С. Евразийский Рим или Апология московского мещанства // Он же. Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопедический словарь. М.: Русские словари, 1997. С. 640–702; Конькова О.И. Ижорский мир: формирование и конструкция. Пространство и время // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 2. Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера / Отв. ред. Н.М.Теребихин. Архангельск: Поморский университет, 2006. С. 53–68; Дранникова Н.В. Мифология Кенозерья // Там же. С. 109–115.

группы, сообщества людей. Предполагается, что, во-первых, субъекты территориальной идентичности могут расходиться в своих представлениях об этих или иных объектах, т.е. территориях; более того, эти территориальные представления имеют свою динамику. Во-вторых, сами субъекты идентичности могут меняться, развиваться, трансформироваться, даже исчезать, что ведёт за собой смену общей «картины мира» территориальных идентичностей. В любом случае, множественность территориальных идентичностей способствует вновь и вновь возникающим антагонизмам, противоречиям между личностями и сообществами с пересекающимися территориальными идентичностями. Очевидно, что этот подход имеет по преимуществу социологическое происхождение, в рамках него возможны достаточно полные первичные описания территориальных идентичностей, привязанных к традиционным, посттрадиционным, а также современным обществам; здесь же группируется базовая проблематика национальных идентичностей и национализмов, во многом связанная именно с конкретными территориями и задачами их физической и метафизической делимитации (проблема «крови и почвы» в традиционном и посттрадиционном дискурсах)⁴²⁸.

Как бы то ни было, пространство и в начале XXI века выступает естественной образной основой для любого рода проектов идентичности, тем более, языковой идентичности, тесно связанной уже в эпоху зрелого модерна с идеолого-националистическими проектами, апеллирующими, как правило, к "крови и почве". Идеологическое наследие модерна, будучи, по преимуществу, западным (европейским) культурным и цивилизационным порождением, претерпевает очевидные социокультурные метаморфозы на территориях и в пространствах, чьи цивилизационные основания онтологически не сопрягаются или сопрягаются плохо с ключевыми "требованиями" процесса модернизации⁴²⁹. Подобные метаморфозы могут быть достаточно эффективно репрезентированы именно на геокультурном или геочивилизационном фундаменте, когда конкретное пространство / территория / регион / страна наделяется специфическими образными маркерами, расширяющими довольно "узкие" в идеологическом плане культурно-типологические матрицы⁴³⁰. При

⁴²⁸ Geography and National Identity / Hooson D. (ed.). Oxford, Cambridge (Mass.): Blackwell, 1994; Смит Э.Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / Пер. с англ. А.В. Смирнова и др.; общ. ред. А.В. Смирнова. М.: Праксис, 2004.

⁴²⁹ См., например, довольно курьезную политико-дипломатическую историю с написанием слова «Чехо-словакия» через дефис в советских дипломатических документах и прессе 1920–1930-х гг. в противоречии с официальным аутентичным написанием «Чехословакия» в 1920–1938 гг. и возникший вокруг этой истории дипломатический конфликт с явной опорой на языково-идеологический контекст // Кен О., Рупасов А. Политбюро ЦК ВКП (б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х годов): Проблемы. Документы. Опыт комментария. Часть 1. Декабрь 1928 – июнь 1934 г. Научное издание. СПб.: Изд-во «Европейский Дом», 2000. С. 494. См. также в более широком культурно-антропологическом контексте: Appadurai A. Modernity at Large. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996; Аппадурай А. Ставя иерархию на место // Этнографическое обозрение, 2000, № 3. С. 8–14; Соколовский С.В. Образы других в российской науке, политике и праве. М.: Путь, 2001.

⁴³⁰ См.: Замятин Д.Н. Геокультура и процессы межцивилизационной адаптации: стратегии репрезентации и интерпретации ключевых культурно-географических образов // Цивилизация. Восхождение и слом. Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса. М.: Наука, 2003. С. 213–256; Ср.: Батомункуев С. Указ. соч.; Горак С. Указ. соч.; Шнирельман В. От конфессионального к этническому: болгарская идея в

таким методологическим подходом становится возможным говорить об азиатском модерне, российском модерне, постсоветском модерне и т.д., не рискуя оказаться практически сразу в "плёну" евроцентристских или западнцентристских идеологических дискурсов.

Речевые и письменные языковые практики во многом зависят от структур повседневных коммуникаций и образов доминирующих культурных ландшафтов. Преобладающая речь на улице, в толпе, в кафе, уличные вывески, газетные киоски, продавцы в магазинах, язык бизнес-переговоров и лектора в университете, стендовая информация в государственных учреждениях, полки в книжных магазинах, дорожные указатели, программы телеканалов, содержание Интернет-сайтов – всё это обуславливает не только фон формирования языковых идентичностей, но и сами структуры таких идентичностей. Характерно, что языковые идентичности, в свою очередь, могут определять содержание и структуры обыденных культурных ландшафтов, влияя тем самым и на становление доминирующих географических образов страны или территории.

Фактический распад, агония модерна привела к сильнейшей дифференциации культурных и идеологических дискурсов, слабо или совсем не соприкасающихся друг с другом; пространство глобализации – в том его "изводе", который складывается в развитых западных странах – часто представляет собой сравнительно автономное сосуществование различных локальных идентичностей, культурных ландшафтов и географических образов, чья общность может быть зафиксирована лишь частично, фрагментарно, "одномоментно"⁴³¹.

Б. Феноменологический подход

Феноменологический подход ориентирован, в первом приближении, на разработку ментальных схем инструментального описания взаимоотношений, как правило, отдельной личности, человека с конкретным местом, территорией, причём главной проблемой здесь является переход от физического к метафизическому представлению территории, которая, фактически, может пониматься как некое «второе тело» субъекта территориальной идентичности. Стоит отметить также, что чёткая грань между субъектом и объектом территориальной идентичности в данном случае стирается. В то же время предполагается, что отдельные индивидуальные или персональные территориальные идентичности никоим образом не могут противоречить друг другу, хотя бы даже они содержательно пересекались; они находятся в разных феноменологических планах, или «регионах». В рамках данного подхода возникает устойчивая проблематика территориального/географического воображения, при этом само территориальное воображение постоянно вытесняется вполне рациональными ментальными схемами конкретной интерпретации территории.

Территории, места не существуют без поддерживающего и "объясняющего" его существования мифа или совокупности, системы мифов. Иначе говоря, именно географическое воображение, взятое в его феноменологически-нарративном

национальном самосознании казанских татар // Евразия. Люди и мифы. (Сб. статей из журнала «Вестник Евразии») / Сост., отв. ред. С.А.Панарин. М.: Наталис, 2003. С. 450–474.

⁴³¹ Малахов В. Культурный плюрализм versus мультикультурализм // Логос, 2000, № 6. С. 4–8; Mapping Multiculturalism / Ed. Avery F.Gordon and Christopher Neufield. Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 1996.

контексте, обеспечивает в итоге реальную географию и топографию региона⁴³². Можно при этом довольствоваться довольно простой локально-мифологической "формулой", утверждая, что место плюс (мифологическое) событие есть со-бытие места. Здесь могут быть введены условные когнитивные поправки на мифологичность или легендарность самого события, не подтверждаемого строгими историческими фактами (или, наоборот, хорошо подтверждаемого), однако не эти поправки определяют, по сути, действенность локальных мифов.

Эффективное функционирование феноменологической модели связано с представлением о том, что наличное бытие, как бы отвечающее за понятия действительности и / или реальности, не описывается какими бы то ни было образами или архетипами, с помощью которых могли бы действовать те или иные индивиды или какое-либо сообщество в целом⁴³³. Географическое воображение эпохи Модерна фактически "расправилось" с одномерными пространственными представлениями, как бы оукленными в пределах определённой культуры или цивилизации. Вместе с тем многочисленные ментальные образования и ментальные фантомы Модерна и Постмодерна "упакованы" в специфические западные оболочки – евроатлантическое или евроамериканское цивилизационное сообщество контролирует главные феноменологические процессы, диктуя смежным цивилизационным сообществам метацивилизационные правила создания и функционирования подобных ментальных оболочек. Тем не менее, сами онтологии все новых и новых, но все же типовых ментальных конструкторов остаются своего рода местом экзистенциальной свободы и оригинальных экзистенциальных стратегий.

В. Онтологический подход

Онтологический подход предполагает разработку бытийных аспектов территориальной идентичности. В сущности, именно здесь концентрируется проблематика гения и места: гений является творческой личностью, преобразующей место, присваивающей его себе, а место трактуется как мощная онтологическая необходимость, граничащая собственно с небытием. Таким образом, территория в контексте онтологического подхода перестаёт быть «пассивным» концептом; она приобретает онтологический статус, что означает невозможность любого представления конкретной территории вне определённого и онтологически интерпретированного дискурса. «Метафизическая» территория как бы срастается с «физической», как следствие этого возникает проблематика территориализации и детерриториализации. «Физическая» территория отходит на задний план и, хотя её нельзя назвать просто географическим образом, или «чистым» географическим образом, однако она растворяется в ментальном плане в композитном едином дискурсе территории как возможности-и-необходимости, что ведёт к когнитивному исчезновению дуализма «физической» / «метафизической» территорий.

Образно-географическое моделирование взаимоотношений гения и места означает, прежде всего, удвоение и одновременно трансформацию исходных специфических географических образов-архетипов, в которых так или иначе можно интерпретировать творчество или биографию гения, проецируя их на конкретную топографию, приобретающую экзистенциальный и порой драматический характер.

⁴³² Ср.: Теребихин Н.М. Сакральная география Русского Севера. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1993; Он же. Метафизика Севера. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 2004; Рахматуллин Р. Две Москвы, или Метафизика столицы. М.: АСТ, 2008.

⁴³³ Ср.: Пелипенко А.А. Генезис смыслового пространства и онтология культуры // Человек, 2002, № 2. С. 6—22.

Между тем, пока остается не затронутым и не разобранным вопрос о генерализированной когнитивной структуре взаимодействия гения и места. Нужна некая обобщенная когнитивная модель, описывающая и объясняющая в первом приближении характер подобного взаимодействия, его исходные предпосылки и наиболее очевидные результаты. Понятно, что таких моделей может быть несколько, поскольку ни одна модель в данном случае не может быть исчерпывающей – хотя бы в силу самой уникальности любой творческой деятельности, а также географической уникальности исследуемого места. Кроме того, вполне возможно использование плодотворных аналогий из других сфер и областей знания, позволяющее обнаружить и зафиксировать наиболее существенные черты изучаемого процесса.

Попробуем представить и описать одну из таких моделей. В самом общем виде в ней присутствуют три элемента или образа: место, произведение гения (причем "открытое произведение" в духе Умберто Эко) и пространство. Как видим, в этой модели нет собственно гения, он заменяется результатом самой творческой деятельности. Образ открытого произведения гения здесь является определяющим: произведение (книга, живописное или музыкальное произведение, архитектурное сооружение, кинокартина, коммеморативное событие и т.д.) открыто и месту, и пространству – и тем самым оно становится тем ментальным (образным) фильтром или мембраной, позволяющей месту и пространству эффективно взаимодействовать в образно-символическом отношении. Интерпретируя иначе, можно сказать, что открытое произведение гения является необходимой трансакцией, обеспечивающей, поддерживающей и в то же время производящей условный коммуникативный акт между образами места и пространства. Пространство здесь может мыслиться как сам по себе "скользящий" и *пред-стоящий* образ места; посредством открытого произведения место *пред-восхищается* как новое пространство, как место (для) будущего, при этом само будущее как бы размещается внутри гипостазируемого произведением места.

Эта модель может быть дополнена, в духе принципа дополнительности Нильса Бора, другой, в которой место рассматривается как аналог света. В отличие от предыдущей, данная модель центрируется образом места, а не произведения гения. Представим себе место как некую распространяющуюся, подобно свету, субстанцию. Это распространение, опять-таки подобно свету, происходит двояким образом – в виде отдельных мельчайших частиц, корпускул, и одновременно в виде волны, кванта, определенными пространственными "порциями". Модель, основы которой заимствованы из квантовой механики, позволяет несколько более точно описать динамику взаимодействия гения и места. Попробуем описать эту модель более подробно.

Место распространяется в пространство, оно "пытается" как бы вернуться в пространство (если представить себе, что любое место когда-то выделилось из пространства и обособилось от него). Условная конечная "миссия" места – "размазаться" в пространстве так, чтобы изменились параметры и условия существования/функционирования самого пространства. Ключевую роль в процессе "возвращения" места в пространство играет гений, творческая личность. Как это происходит?

Гений способствует восприятию и воображению места как волны; благодаря гению место перестает восприниматься как совокупность информационных частиц-корпускул. Этот процесс неокончателен, противоречив, и место живет как реальный образ именно этим противоречием: гений силится представить место-волну "размазанной" в пространстве, в то же время параллельно существует и движется

обычный информационный поток, формирующий место. Эту модель можно назвать моделью волновой динамики места.

Территориальные идентичности и понятие пространственности

Так или иначе, территориальные идентичности в своей когнитивной основе опираются на понятие пространственности. Как правило, культурно-географические дискурсы конца XX века имеют дело с бинарной оппозицией «место – пространство», в которой концепт места связывается с территориальной определённой, зафиксированностью, освоенностью, чётким масштабированием, тогда как концепт пространства ориентирован в свою очередь на территориальную неопределённость, отсутствие чётких территориальных границ, неосвоенность или малоосвоенность. Между тем, эти вполне очевидные методологические воззрения, коренящиеся, собственно, в самом языке, обладают, несомненно, когнитивной подвижностью (так, понятие местности, с одной стороны, коренится в понятии места и обладает некими территориальными рамками или границами, но, с другой стороны, всё же не имеет точно оговариваемых границ и черт), и, наряду с этим, во многом зависят от включения тех или иных социологических «регистров», своеобразных когнитивных «призм», посредством которых через межличностные и межгрупповые взаимодействия проявляется то, что обычно называют или пытаются определить как образ территории, или, более точно, географический образ. Следовательно, та или иная чётко отграничиваемая, лимитируемая территориальная единица – например, дом, двор, селение, квартал и т.д. – могут быть одновременно внешним маркером определённой территориальной идентичности, и, в то же время, обладать собственным, оригинальным географическим образом, онтологически обусловленным естественной пространственностью интересующего нас места. В сущности, в контексте трактуемого таким образом понятия пространственности и территорию можно определить как пространство, имеющее некое множество географических образов и располагающее людьми или сообществами, выражающими своё отношение к нему (открыто или латентно, сознательно или бессознательно; при этом, сами люди и/или сообщества не обязательно должны жить, постоянно или временно, здесь).

Современные методологические и теоретические интерпретации территориальных идентичностей базируются на соответствующих трактовках понятий пространства и пространственности. *В первом приближении можно говорить о двух ключевых идеологических подходах, оказывающих прямое влияние на данные интерпретации – это, безусловно, марксизм и постмодернизм, сочетающийся в ряде версий с постструктурализмом.*

В рамках современного марксизма пространство понимается как важнейший элемент капиталистического производства, по сути дела, пространство, с одной стороны может и должно воспроизводиться, а, с другой стороны, оно является важнейшим институтом, обеспечивающим устойчивость капиталистической системы в целом⁴³⁴. Мощные технологические инновации, связанные с компьютерной революцией, концептуальное развитие понятий виртуальности и виртуального пространства, киберпространства, сетевого пространства видоизменили марксистские подходы, но не трансформировали их радикально. Борьба, в том числе классовая борьба, за пространство, за способы его представления и воображения продолжается и в рамках сетевых и виртуальных пространств. Двойная анонимность сетевых агентов в Интернет порождает как бы безличные

⁴³⁴ Lefebvre H. The Production of Space. Oxford: Basil Blackwell, 1991.

пространства, обладающие в то же время четкими, хорошо репрезентированными образами. Особенно ярко это видно также на примере современных урбанизированных пространств, создающих впечатление безместности, пустынности, анонимности, заброшенности, стандартности, безликой повторяемости⁴³⁵. В таких условиях территориальные идентичности оказываются своего рода «редкостью», за которую надо бороться, которую надо целенаправленно производить и перераспределять, вследствие чего возникает и экономика территориальных идентичностей.

Характерно, что даже постмарксистское видение проблематики пространства, заявленное в социологической теории П. Бурдьё, вынуждено работать с пространственными категориями как с «капиталом»; вся методологическая борьба Бурдьё с наследием Маркса оборачивается лишь усилением символических аспектов воображения пространства, которое остаётся эквивалентом своего рода метафизического тела, к которому применимо то или иное насилие⁴³⁶. Тем не менее, в концепции Бурдьё мы можем видеть некоторое возвращение к неоплатоническим интерпретациям пространственности, в рамках которых телесность, сопряженная с динамическими душевными пертурбациями, вполне эффективно с когнитивной точки зрения трансформируется в понятие габитуса. Соответственно, и территориальные идентичности могут теперь восприниматься как ментальные схемы людей и сообществ по поводу присвоения тех или иных символических и/или культурных пространств.

Постмодернистский дискурс пространственности и территориальных идентичностей не выглядит однородным; он, скорее, представляет собой совокупность методологических и теоретических практик и приёмов, призванных разрушить модернистское понимание пространства и, одновременно, создать идеологическое обоснование социокультурным процессам глобализации и регионализации современного мира. В этой связи мы наблюдаем устойчивый постмодернистский интерес к пространствам переходным, динамическим, пограничным, трансграничным – там, где нет четких границ и строгих и ограниченных символических интерпретаций⁴³⁷. Туризм, путешествия, возрастающая мобильность и территориальная подвижность, «текучесть», относительность как пространств, так и территориальных идентичностей – эти темы и концепты обуславливают как идеологическую ангажированность постмодернистских версий пространственности, так и неизменный релятивизм методологических построений, связанный, например, с известным понятием глокализации. В сущности, территориальная идентичность в постмодернистской трактовке оказывается, говоря в терминах Леви-Строса, «бриколажем» географических образов, локальных мифов и культурных ландшафтов, складывающихся в некую ментальную мозаику в конкретный момент времени; говорить об устойчивой, истинной, верной в последней инстанции территориальной идентичности здесь не приходится.

⁴³⁵ Сойя Э.У. Дигитальные сообщества, Сим-сити и гиперреальность повседневной жизни // *Project International*, 15. 03. 2007. С. 127–141.

⁴³⁶ Бурдьё П. Практический смысл / Пер. с фр.; общ. ред. и послесл. Н.А.Шматко. Москва: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001; Он же. Социология социального пространства. Москва: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.

⁴³⁷ *Culture, Globalization and the World-System. Contemporary Conditions for the Representation of Identity* / Ed. by A.D. King. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997; Байман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.

Воображение территориальной идентичности и понятие гетеротопии М.Фуко

По всей видимости, иерархизация (в содержательном смысле) социальных контактов вкупе с детальным масштабированием территории позволяют говорить в параллельных регистрах (социологическим и географическим) форматирования территориальных идентичностей. С одной стороны, можно фиксировать размеры и размах социальных контактов на уровнях межличностного общения, внутри и между различными профессиональными и социальными группами, внося поправки на случайное общение; с другой стороны, можно привязывать эти уровни к конкретным территориальным единицам – дом, двор, улица, поселение, город, местность, район и т.д. Мы получаем, таким образом, первоначальную коммуникативную матрицу, в рамках которой можно, выделяя отдельные социально-территориальные ячейки, проводить целенаправленные исследования территориальной идентичности. Этот взгляд выглядит довольно позитивистским, если не ввести в эту упрощённую модель понятие образа территории, или географического образа. Нам представляется, что в случае введения в модель понятия образа территории она становится в значительной степени дедуктивной, ибо вполне можно полагать, что в результате социального общения на различных территориальных уровнях возникает определенный, или определенные образы территории, подвергающиеся в дальнейшем процессам своеобразной волновой интерференции. Если же ввести в модель понятие географического образа, то она приобретает не только физический, но и метафизический характер, поскольку можно предположить, что данная модель становится по преимуществу открытой, а, главное, она включает самого наблюдателя (исследователя), вносящего своё видение проблемы (само собой, при этом модель обретает и индуктивные качества). Иначе говоря, в любом случае, мы должны иметь дело с неоднородной в когнитивном отношении моделью, в которой процесс условного смешения социальных и территориальных параметров нуждается, так или иначе, во введении образно-географического «катализатора».

Контроверза марксизма и постмодернизма, постоянно актуализируемая в современных гуманитарно-научных дискурсах и проецируемая, естественно, и на проблематику территориальной идентичности, оказывается не самой интересной, если учесть то влияние, которое оказали работы М. Фуко на междисциплинарное методологическое поле.

Гетеротопия – пространство, репрезентируемое различными образами мест, причём эти образы мест могут быть несовместимыми или слабо совместимыми друг с другом. Первоначально понятие гетеротопии развивалось в рамках биологии и медицины, где под ней подразумевается изменение места закладки и развития органа у животных в процессе онтогенеза. Сам термин введен немецким естествоиспытателем Э. Геккелем в 1874 г. Впервые понятие гетеротопии переосмыслено в рамках гуманитарных наук французским философом и историком Мишелем Фуко в работе "Другие пространства" (написана в 1967, впервые опубликована в 1984 г.)⁴³⁸. Описание гетеротопии, по Фуко, называется *гетеротопологией*. Возможность появления гетеротопии связана с тем, что одно и то же пространство (территория, акватория, *ландшафт*) может использоваться, восприниматься и воображаться различными сообществами, группами или отдельными людьми с разными целями и в рамках совершенно различных представлений (бытовых, возрастных, гендерных, профессиональных,

⁴³⁸ Фуко М. Другие пространства // Он же. Интеллектуалы и власть. Часть 3. Статьи и интервью. 1970–1984. М.: Праксис, 2006. С. 191–205.

социокультурных и т.д.)⁴³⁹. Как правило, развитию гетеротопии могут способствовать разные, часто не совпадающие или лишь частично пересекающиеся временные ритмы деятельности сообществ, групп или отдельных людей, связанной с данным пространством (утро – вечер, день – ночь). Кроме того, смена исторических эпох часто ведёт к трансформациям, искажениям, забвениям старых смыслов и образов; возникновению новых смыслов и образов, связанных с определённым пространством (например, кладбище, лепрозорий, место инициации, центральная площадь, фонтан, пивной павильон, кафе, улица, место около памятника выдающемуся человеку), деритуализациям старых пространств и ритуализациям новых пространств, и, в итоге, формированию сложного конгломерата образно-смысловых конструкций и напластований (отдельные образные "слои" или "пласты" могут соприкасаться лишь хронологически и топографически, никак не сообщаясь в содержательном плане).

В историко-культурном контексте осмысление понятия гетеротопии стало возможным в эпоху модерна, когда вновь реконструируемые, воспроизводимые, воображаемые пространства стали рассматриваться как достаточно автономные – вне жёстких профессиональных, бытовых и социокультурных норм и установлений, определявших в том числе и жёсткую дифференциацию географического пространства, включая его строгую общественную и сакральную иерархизацию⁴⁴⁰. Быстрая трансформация понятия гетеротопии связана уже с эпохами первичной и вторичной глобализаций конца XIX – начала XXI века, когда резкое, взрывное увеличение социальной, профессиональной и географической мобильности, а также интенсивные межкультурные и межцивилизационные контакты создали расширенные урбанистические и субурбанистические пространства, в которых акты индивидуальной и групповой коммуникации воспринимались и воображались уже вне какой-либо общей жёсткой системы общественных норм, ритуалов и правил, регулирующей (хотя бы в идеале) все коммуникативные акты без исключения⁴⁴¹. В известном смысле, гетеротопия может рассматриваться как своего рода "шизофрения" геокультурного и геосоциального пространства, как бы продуцирующего "поток" автономных актов сознания, постоянно расщепляющий образ первоначального "материнского" пространства (будь то город в целом или какая-либо его часть, или же загородное пространство)⁴⁴².

В плане воображения гетеротопия способствует формированию различных метафизик, связанных с конкретным типом пространства или территории вообще –

⁴³⁹ Геннеп А., ван. Обряды перехода. М.: Восточная литература, 1999.

⁴⁴⁰ Подорога В.А. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX–XX вв. М.: Наука, 1993.

⁴⁴¹ Bauman Z. Liquid Modernity. Cambridge: Polity, 2000; Bauman Z. Liquid Arts // Theory Culture & Society, Vol. 24, Number 1. January 2007. P. 117–127; Bryant A. Liquid Modernity. Complexity and Turbulence // Theory Culture & Society, Vol. 24, Number 1. January 2007. P. 127–137; Pollock G. Liquid Modernity and Cultural Analysis: An Introduction to a Transdisciplinary Encounter // Theory Culture & Society, Vol. 24. Number 1. January 2007. P. 111–117; Ло Дж. Объекты и пространства // Социологическое обозрение, 2006, № 1.

⁴⁴² Lefebvre H. The Production of Space. Oxford: Blackwell, 1991; Филиппов А.Ф. Гетеротопология родных просторов // Отечественные записки, 2002, № 6 (7). С. 48–63; Филиппов А.Ф. Пространство политических событий // Политические исследования, 2005, № 2; Дайс Е. Украинский Орфей в московском аду, или Путь поэта // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2. М.: Институт наследия, 2005.

метафизики города, района, региона, территории, ландшафта⁴⁴³. В плане изучения современных социокультурных практик понятие гетротопии может использоваться при описаниях и характеристиках различных субкультур, тяготеющих к урбанистическим ареалам и зонам, пространствам крупных городских агломераций и мегалополисов (подростковые и молодёжные субкультуры, этнические диаспоры, сообщества спортивных, особенно футбольных болельщиков, иногда религиозные и парарелигиозные секты)⁴⁴⁴. В качестве прообраза современных гетротопий можно рассматривать различные варианты развития культа *гения места*, а также формирование культурных гнёзд и очагов в провинции⁴⁴⁵. Понятие и образ гетротопии является одной из скрытых (латентных) концептуальных основ современной массовой культуры – прежде всего, в рамках жанров фэнтези, триллера, хоррора (литература, кино, анимация, комиксы, живопись, визуальные искусства, цифровая фотография, видео-арт и т.д.)⁴⁴⁶.

Понятие гетротопии применяется в теоретической и прикладной социологии, культурологии, *гуманитарной и имагинальной (образной) географии*, социальной географии⁴⁴⁷, теории коммуникации, искусствознании, политологии, философии. Гетротопии различного социокультурного происхождения в процессе своего развития способствуют формированию устойчивых локальных мифологий, совмещающихся, взаимодействующих и порой конфликтующих на одних и тех же территориях.

Понятие гетротопии, перенесённое Фуко из биологии, и развитое уже в социальном контексте, позволяет говорить о действительном сосуществовании территориальных идентичностей на физически одной территории, как бы меняющей свои образы в зависимости от времени суток или сезона года, а также и конкретных социокультурных практик территориальных сообществ. Пространственные исследования в архитектуре и градостроительстве, испытавшие воздействие фукианского подхода, уверенно сочетают, наряду с гетротопией, понятия утопии, дистопии, к которым можно присоединить и понятие атопии. В результате мы наблюдаем содержательный концептуальный ряд, синтетически описывающий взаимоотношения определенной территории и ее условных агентов, или акторов; восприятие территории уже включено в данные концепты, и остаётся лишь характеризовать своего рода территориальные идеологии, преобладающие в

⁴⁴³ Метафизика Петербурга (Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 1). СПб.: ФКИЦ «Эйдос», 1993; Немчинов В.М. Метафизика города // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. С. 234–240.

⁴⁴⁴ Вахштайн В.С. Темпоральные механизмы социальной организации пространства. Анализ резидентальной дифференциации // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3.

№ 2; Вахштайн В.С. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. 2004. Т. 3. № 4. Рефлексивный мониторинг публичных мест: логика места и гетротопология пространства. Проект Центра фундаментальной социологии ГУ-ВШЭ (<http://www.cfs-leviathan.ru/content/view/14/26/>); Urry J. *Consuming Places*. L. & N.Y.: Routledge, 1995.

⁴⁴⁵ Щукин В. Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе. Краков: Изд-во Ягеллонского ун-та, 1997.

⁴⁴⁶ Тимофеева О. Гетротопики о гетротопиях (<http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/722/754/>).

⁴⁴⁷ Верлен Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география // Социологическое обозрение, 2001, Т. 1, № 2. С. 25–46. Soja E.W. *Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social theory*. London: Verso, 1990. Thrift N. *Spatial formations*. L. etc.: SAGE, 1996.

определённое время в конкретном месте или районе. Кроме того, если развивать дискурс Фуко, то и понятие утопии становится не просто стандартной социокультурной «меткой», а эффективной когнитивной развёрткой или проекцией каких-либо территориальных проектов / образов, в рамках которой собственно временные параметры не только социализируются и «присваиваются» как идеологический «продукт», но и интериоризируются как, по существу, дополнительное измерение пространственных отношений на конкретной территории.

Возможные решения охарактеризованной здесь проблемы могут быть найдены или быть сформулированы в рамках предлагаемого нами *геоспациализма* – методологического подхода, предполагающего, что онтологические статусы пространственности и её образных репрезентаций являются неотъемлемой частью любой общественной или социокультурной феноменологии; иными словами, определённое видение и ощущение пространства локализуется в ментальном плане как "пучок" социокультурных образов, представляемых, как "реальность".

Гуманитарно-географические перспективы исследования территориальных идентичностей

Гуманитарная география – так, как она сложилась в России в конце XX – начале XXI века – многим обязана классической западной культурной географии, особенно новой культурной географии, получившей развитие в 1970-1980-х гг. Естественно, что она унаследовала и один из базовых дискурсов новой культурной географии – дискурс территориальной (региональной) идентичности. Вместе с тем, сложное когнитивное происхождение российской гуманитарной географии (о чем будет сказано чуть ниже) привело к ее довольно серьезным концептуальным отличиям от западного аналога – это сказалось даже в названии (именно, *гуманитарная география*, а не география человека или гуманистическая география, или просто культурная география). Соответственно, и гуманитарно-географические дискурсы изучения территориальных идентичностей отличаются от таковых в их западных культурно-географических постановках.

Новая культурная география в её англосаксонском варианте изучает территориальные идентичности, как правило, на стыке трёх методологических направлений: это, безусловно, культурно-ландшафтное направление, обогащённое понятием ландшафтных образов; затем, пространственно-символическое направление, связанное во многом с концепцией Бурдьё и ориентирующееся на выявление комплексов символических и знаковых смыслов той или иной территории; и, наконец, направление, которое условно можно назвать «фукианско-беньяминовским» – здесь основной упор делается на процедуры идеологического манипулирования образами территории, рассматриваемого также в контексте властных отношений. Иногда в рамках всех трёх направлений для анализа конкретных территориальных идентичностей могут подключаться и психоаналитические концепции, чаще всего уже в юнгианском изводе. Несомненным остаётся факт, что концепт территориальной идентичности в рамках новой культурной географии является, в известной степени, когнитивным «тройным конём», поскольку именно благодаря ему происходит активное взаимодействие географии с гуманитарными науками и философией (можно даже говорить о «вторжении» и «засилье» гуманитарно-научных дискурсов в западной культурной географии, в позитивном смысле); с другой стороны, это ведёт зачастую, к отсутствию какой-либо оригинальной, самостоятельной мысли в конкретных исследованиях – по сравнению с аналогичной тематикой в социокультурной антропологии, социологии, литературоведении, философии, искусствознании.

Гуманитарная география в России начала развиваться в 1990-х годах, когда, с одной стороны, началось возрождение классической культурной географии, в силу понятных причин стадильно значительно отставшей от западной и практически начавшей постепенно осваивать концептуальные западные образцы; с другой стороны, появилась возможность прямо использовать методологические концепции гуманитарных наук, не выстраивая сложные когнитивные дедуктивные переходы от естественнонаучных позитивистских моделей к феноменологическим и онтологическим моделям социальных и гуманитарных наук. Таким образом, рядом исследователей был сделан методологический выбор: сразу формировать спектр когнитивных *индуктивных моделей*, ориентированных на гуманитарные науки без какого-либо позитивистского фундамента. Это, соответственно, может оказаться со временем и значительным когнитивным преимуществом гуманитарной географии в сравнении с различными вариантами эволюционного развития западной культурной географии – в случае ее возможной успешной институционализации в российских условиях⁴⁴⁸.

Исходя из сказанного, гуманитарно-географические дискурсы исследования территориальных идентичностей переносят когнитивный «центр тяжести» на проблематику географического воображения – так, как она может быть определена и в значительной степени решена с помощью гуманитарно-научных дискурсов. Именно через призму географического воображения в гуманитарной географии анализируется и понятие культурного ландшафта, сохраняющего в классической культурной географии позитивистские обертоны, что влияет на когнитивную эффективность изучения проблематики территориальной идентичности. Сочетание феноменологических и онтологических моделей территориальных идентичностей с опорой на первичные методологические модели понятия пространственности – одна из наиболее очевидных когнитивных перспектив гуманитарной географии. Само собой, гуманитарная география остается открытой в когнитивном плане как по отношению к вновь возникающим культурно-географическим, так и гуманитарно-научным дискурсам.

**Н.Ю. Замятина,
МГУ им. М.В. Ломоносова**

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ТИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ОБРАЗЫ ТЕРРИТОРИИ

Территориальная идентичность – сложное явление. Оно имеет отношение к личной и коллективной идентичности, к определению места человека и сообщества в окружающем мире. Особая проблема – соотношение «вертикальной» и «горизонтальной» составляющих территориальной идентичности, связанных, соответственно, с тождеством объекта «самому себе» и с ролевыми отношениями с окружением. На наш взгляд, соотношение "вертикальной" и "горизонтальной" идентичности – "ключ" к таким практическим аспектам изучения территориальной идентичности, как образ и бренд территории, а также к устойчивому развитию

⁴⁴⁸ Следует отметить, что в России продолжается, хотя и довольно медленное, развитие классической культурной географии; многие современные российские исследования до сих пор – до известной степени - можно квалифицировать и как культурно-географические, и как гуманитарно-географические. Есть также попытки институционального объединения двух родственных направлений, хотя методологически они остаются довольно различными.

территории в целом. Наконец, различные типы территориальной идентичности связаны с различными представлениями об окружающем пространстве.

"Четыре угла" территориальной идентичности

Сделаем несколько оговорок относительно того, как понимать территориальную идентичность. В первую очередь, важен вопрос об объекте изучения: связана ли территориальная идентичность с изучением отражающихся в пространстве общественных отношений или с изучением собственно пространства (возможно, отражающегося в общественных отношениях). Существуют сторонники как одного, так и другого подхода. Изучение территориальной идентичности как *пространственной репрезентации социальной идентичности* и других социальных процессов условно назовем социо-центричным подходом. Попытки изучения "прямой" идентификации людей с территорией – надо заметить, не оформившиеся в определенное направление – будем столь же условно именовать "пространство-центричным" (спатио-центричным) подходом.

Еще одно "измерение" проблематики идентичности – *различение личностной (индивидуальной) и коллективной (групповой) идентичности*.

Не ставя задачу исчерпывающего обзора различных подходов к исследуемой проблеме, обозначим в качестве реперов на этом "труднопроходимом" научном поле яркие примеры каждого из четырех подходов: изучение коллективной идентичности с точки зрения социо-центричного подхода, изучение коллективной идентичности с точки зрения пространство-центричного подхода, изучение личной идентичности с точки зрения социо-центричного подхода, изучение личной идентичности с точки зрения пространство-центричного подхода.

Типичный пример социо-центричного подхода представлен, например, у классика социологии Бурдьё, рассматривающего физическое пространство как одну из возможных репрезентаций социальных отношений: "Физическое пространство есть социальная конструкция и проекция социального пространства, социальная структура в объективированном состоянии (как например, кабийский дом или план города), объективация и натурализация прошлых и настоящих социальных отношений"⁴⁴⁹. Среди ярких примеров территориальной проекции социальных отношений – формировании городских "гетто", а также особенности использования пространства дома в традиционных обществах.

Пример другого рода – широко известная тема личного пространства. Личное пространство, на наш взгляд, также есть объект "социо-центричных" исследований: степень социальной близости с тем или иным человеком находит отражение в дистанции общения. Правда, в отличие от проблем гетто, здесь мы имеем дело с *территориальным проявлением не коллективной, а индивидуальной идентичности*.

Еще один поворот темы личного пространства (на наш взгляд, практически неизученный) – это представления об *образе "своей" территории* (заметим: не об образе конкретной территории, а скорее об образных критериях отнесения территории к "своей"). В работах по колонизации и переселениям периодически встречаются разрозненные свидетельства о том, что представители определенной национальности, например, чувствуют себя "как дома" только в безлесом ландшафте, или наоборот, только там, где растут деревья (а не в степи или тундре).

⁴⁴⁹ Бурдьё П. Социология политики: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А.Шматко / М.:SooLogos, 1993. С. 40. (<http://bourdieu.name/content/burde-sociologija-politiki>)

Видимо, существуют и установки, позволяющие чувствовать себя "как дома" в большом городе с высокими домами, или, наоборот, в районах с частной застройкой и т.д. На наш взгляд, это тематика уже относится к *пространство-центричному подходу*, и скорее связана с *индивидуальной, чем с коллективной идентичностью*. Сюда же, на наш взгляд, относятся исследования топофилии и топофобии.

Третий "репер" на поле территориальной идентичности - вернакулярные районы. Проблема вернакулярных районов достаточно популярна в географии (изучается, главным образом, после работ К.Линча и В.Зелински⁴⁵⁰). Собственно вернакулярные районы в большинстве случаев понимаются как общепринятая местным населением, "стихийная" сетка районирования территории, разметка населением окружающего пространства.

При этом, однако, нередко предполагается, что формирование представлений о районах обычно связано с формированием соответствующих "территориальных общностей людей"⁴⁵¹. Тем самым изучение вернакулярных районов как бы выходит за рамки декларируемого нами пространство-центричного подхода: изучающие вернакулярные районы претендуют не на изучение образов пространства, а на изучение социума. Но из самого факта разметки населением окружающего пространства отнюдь не следует, что автоматически аналогичным образом организуется по территориальному признаку само местное сообщество. Так, например, возможна ситуация, когда человек признает своим районом, родиной, «своим местом» Солнцево или Люберцы, но при этом не ощущает своей принадлежности и сопричастности *местному сообществу*. Возможно выделение района "красных домов" (реальный район в районе улицы Строителей в Москве), из которого автоматически не следует формирования сообщества "краснодомников". Наличие вернакулярных районов, на наш взгляд, не может автоматически означать наличия соответствующих сообществ – а проверка такого рода соответствий, насколько нам известно, адекватно не проводилась. Поэтому изучение представлений о членении территории мы относим к пространство-центричному подходу (объектами изучения служит пространство, территория, а еще точнее – *образы пространства у местного населения*), а изучение местных сообществ – к социо-центричному (объектом изучения служат сообщества).

Социум в пространстве или пространство в социуме. Проблема интенсификации идентичности

Тем не менее, проведенное нами разделение на социо-центричный и пространство-центричный подходы не столь однозначно, как сказано выше. При более детальном изучении становятся очевидны тесные связи между членением пространства обществом и пространственным членением самого общества.

⁴⁵⁰ Линч К. Образ города / Пер. с англ. В.Л. Глазычева; сост. А.В. Иконников; под ред. А.В. Иконникова. М.: Стройиздат, 1982; Zelinsky, Wilbur. North America vernacular regions // Annals of the association of American geographers, 1980, Vol. 70, No. 1. P. 1-16. Подробнее см.: Павлюк С.Г. Традиционные и исторические районы как форма территориальной самоорганизации общества (на примере США и России). Диссертация на соискание учёной степени кандидата геогр. наук. М.: 2007. (<http://www.mediafire.com/?mn2jzhdjynq>).

⁴⁵¹ Павлюк С.Г. Традиционные и исторические районы как форма территориальной самоорганизации общества (на примере США и России). Диссертация на соискание учёной степени кандидата геогр. наук. М.: 2007. (<http://www.mediafire.com/?mn2jzhdjynq>); Смирнягин Л.В. Районы США: Портрет современной Америки. М.: Мысль 1989.

Несложно доказать, что существует определенная власть пространства над поведением – хотя бы на примере так называемых гетеротопий Фуко. В гетеротопиях человек ведет себя не так, как в более привычном, "нормальном" пространстве. Однако все не так просто: на поведение человека влияют не только (а может быть, и не столько) свойства самого пространства, но и смыслы, которыми данный участок пространства наделен в обществе. Что же касается влияния непосредственных, физических свойств территории, то оно, по-видимому, сказывается только при длительном существовании на данной территории (так, например, при колонизации Дальнего Востока казаки на протяжении многих лет пытались воспроизводить хозяйственные навыки, не адекватные местным реалиям – см. воспоминания П.Кропоткина⁴⁵²).

Другой пример, более близкий к вернакулярным районам – это формирование наций в соответствии с концепцией Б.Андерсона⁴⁵³. Речь идет о роли территории колонии – и особенно информационных связей в рамках колонии – в формировании национальной идентичности. Пожалуй, это пример, наиболее близкий концепции формирования "территориальной общности людей": на базе территориально ограниченных функциональных связей формируется сообщество с явно выраженной идентичностью.

Однако, заметим: функциональные территориальные группировки и осознающие свою идентичность территориальные сообщества связаны не отношениями соответствия, а отношениями формирования. Как минимум, на каком-то этапе связанная функциональными отношениями территориальная группа не является осознающим себя как целое территориальным сообществом.

В концепции Андерсона есть еще более интересный аспект: *на формирование территориальной идентичности влияет заранее заданный образ общей территории*, в частности, – карта.

Здесь важно обратиться к проблеме интенсификации исходных оснований идентичности. В исследовании о формировании государственной идентичности немецкий специалист Я.Ассман характеризует процесс формирования идентичности как "доведение до сведения" индивида его принадлежности к некоторой культуре. Данный процесс, с другой стороны, есть процесс интенсификации исходных структур формирования идентичности, причем "доведение до сведения" является средством интенсификации: "Скорее, эта принадлежность [культуре – Н.З.], как нечто само собой разумеющееся, находится за пределами осознанного, мотивирующего поступка, представления о себе. Только через доведение до сведения – например, через обряды инициации, или через осознание, например, благодаря встрече с иного рода обществами и формами жизни – принадлежность может интенсифицироваться до мы-идентичности. Мы понимаем коллективную идентичность как социальную принадлежность, ставшую предметом рефлексии. Соответственно, культурная идентичность – это ставшая предметом рефлексии причастность к той или иной культуре, иначе говоря, признание своей принадлежности к ней...

Различие между исходной структурой и ее интенсификацией через рефлекссию можно проиллюстрировать примером феминизма. Каждый человек практически необратимо принадлежит к одному из двух полов. Однако говорить о «мужской» или

⁴⁵² Кропоткин П.А. Дневники разных лет / Сост., примеч., им. Указ. А.П. Лебедевой. М.: "Сов. Россия", 1992.

⁴⁵³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.

«женской идентичности» (в нашем понимании) имеет смысл только в том случае, если к этой принадлежности, имеющей исходно характер чистой классификации, присоединяются мы-сознание, чувство солидарности и товарищества, а также представление о себе как о члене сплоченной общности. Феминизм предлагает именно это: он порождает женскую коллективную идентичность. В подобном же смысле Маркс говорит о «коллективном субъекте» применительно к общественным классам. Через осознание общего положения принадлежность должна превратиться в сопринадлежность, а масса – в сплоченный коллективный субъект, способный к действию в силу своей идентичности. В обоих случаях это происходит через «контрастное» или «антагонистическое» сплывание, в первом случае через противопоставление себя мужчинам, во втором – верхним слоям общества. Антагонизм – типичный случай тех условий, которые вызывают осознание и интенсификацию исходных структур и тем самым становление коллективных идентичностей⁴⁵⁴.

С точки зрения автора, интенсификация идентичности⁴⁵⁵ может происходить в ходе праздничных обрядов, а в письменных культурах основным инструментом репрезентации и поддержания идентичности становится письменная история. Ассман указывает также на такие средства интенсификации идентичности как архитектурные сооружения, а также особенности внешнего вида членов сообщества (подробнее см. ниже).

Таким образом, процесс формирования идентичности связан с интенсификацией представлений об общности, при этом в процессе интенсификации они должны быть доведены до сведения индивида, то есть *репрезентированы*. Возвращаясь к Б.Андерсону, можно, тем самым, утверждать, что карта была именно такого рода инструментом "доведения до сведения" общности колониальных сообществ, и соответственно, средством интенсификации исходных структур формирования идентичности. Отсюда следует, что наличие образа общей территории является одним из факторов, превращающих *функциональную территориальную группу в территориальное сообщество* – по крайней мере, в случаях, рассмотренных Андерсоном. Таким образом, *членение обществом окружающего пространства, связанное с формированием образов отдельных его частей, оказывается одной из основ формирования соответствующих территориальных сообществ*.

Из этого, однако, не следует необходимости смешения образов территории, функциональных сообществ и идентичности. Процесс формирования идентичности

⁴⁵⁴ Ассман Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 143-144.

⁴⁵⁵ Пока оставим еще одну важную тему, а именно, соотношение осознания принадлежности, идентичности и сопричастности. Так, например, в территориальном аспекте индивид включен, например, в группу избирателей определенного избирательного участка. Придя в поликлинику, он оказывается принадлежащим к зоне ответственности педиатра Ивановой; придя записывать ребенка в детский сад, индивид оказывается включенным в группу прописанных на улице Цюрупы. На наш взгляд, приведенные примеры являются примерами территориальной принадлежности, но не сопричастности и не идентичности. Однако заметим, что в некоторых случаях приведенные примеры "исходных структур" могут быть интенсифицированы до сопричастности: скажем, могут возникать сетевые сообщества, борющиеся против нарушения закона на определенном избирательном участке, за отстранение от работы нерадивого педиатра Ивановой, а также против закрытия детского сада в районе, в который включается и улица Цюрупы. Проблема же соотношения сопричастности и идентичности требует отдельного исследования.

сложен, и имеет определенную длительность. Поэтому мы и полагаем, что при изучении вернакулярных районов необходимо строго различать отдельные аспекты, представленные нами в *таблице*.

Таблица

Объект исследования	Территория	Комментарий к объекту	Естественные (физико-географические) различия отдельных участков территории
		Роль в процессе формирования идентичности	Естественные (ландшафтные) условия формирования территориальных особенностей пространственной организации общественной жизни и/или образов территории
		Комментарий к роли	Влияние естественных условий на территориальную организацию общества обычно проявляется на значительных временных отрезках, зависит от уровня развития общества; ландшафтная организация территории, территориальная организацией общества и представления о членении территории могут не совпадать
	Общество	Комментарий к объекту	Территориальная организация общества: формирование населенных пунктов, районов и др.
		Роль в процессе формирования идентичности	Территориальные объекты общественной жизни (поселения, районы, пути сообщения и др.) формируются, испытывая относительное влияние вмещающего ландшафта и могут лечь в основу формирования территориальных сообществ, члены которых осознают свою общность друг с другом
		Комментарий к роли	--
	Представления о территории, образы территории	Комментарий к объекту	Стихийное районирование населением территории, выделение отдельных ее участков, вернакулярных районов, формирование топонимов
		Роль в процессе формирования идентичности	Служат средством (одним из средств) доведения до сведения индивидов оснований для их принадлежности к территориальной общности и, тем самым, одним из факторов формирования территориальной общности
		Комментарий к роли	Сформированность представлений об определенной территории не означает сформированности соответствующей территориальной общности (хотя и служит фактором формирования последней)
	Представления общества о самом себе, образы общества	Комментарий к объекту	Осознание каждым членом сообщества своей принадлежности к определенному сообществу, общность членов которого так или иначе репрезентирована
		Роль в процессе формирования идентичности	Формирование территориальной идентичности основано на осознание индивидом своей принадлежности к определенному сообществу, которое, в свою очередь, соотносится с определенными пространственными представлениями
		Комментарий к роли	Репрезентация общности территории (вербальная -- через топоним, визуальная -- через карту и др.), по-видимому, лишь один из видов репрезентации общности членов сообщества

Соответствие выделенных объектов друг другу (или, иначе, степень сформированности, стадия формирования территориальной коллективной идентичности) должно каждый раз становиться предметом специального рассмотрения.

Таким образом, мы получили усложненную картину поля выбора объектов изучения: различие личностной и коллективной идентичности, а при изучении коллективной идентичности – четыре объекта изучения, два из которых связаны, в первую очередь, с пространством (устройство собственно территории и его образ), а два – с обществом (собственно территориальная организация общества и ее образ).

Для дальнейших рассуждений мы остановимся на коллективной идентичности. Что же касается выбора между социо- и пространство-центричным подходом, то мы будем, не смешивая их, применять их сочетание, по мере рассмотрения проблемы переходя от одного объекта изучения к другому, каждый раз отдавая себе отчет в выборе объекта изучения.

Вертикальная и горизонтальная репрезентация территориальной идентичности

В связи с вышеизложенным обратимся к репрезентации территориальной идентичности. Одна из типичных стратегий позиционирования региона, которую можно без особых натяжек назвать сугубо местной или «почвеннической» (выводы делаются на основе выполненного Замятиной изучения описания регионов России на официальных сайтах субъектов РФ⁴⁵⁶). Эта древняя стратегия типична для традиционных культур. Ее содержание, по сути, сводится к факту существования данного места. Попутно утверждается, что оно одно является хорошим, правильным, а то и единственным. Комплекс представлений о нем почти всегда включает легенду о его происхождении или основании, в которой, как правило, присутствует главный герой – конкретный основатель. Вместо этой легенды или наряду с ней может появляться легенда о незапамятно-давнем происхождении места, но она не исключает героя, знаковой фигуры народной мифологии, усиливающей значение места. Десятки примеров этой мифологии содержат сообщение в духе «Ехал как-то царь Петр по нашей земле...».

При этом образ самого места обычно разработан слабо. Многие характеристики субъектов РФ сводятся к формуле «у нас душевные, работающие, гостеприимные люди, красивая природа и благодатная, щедрая земля, богатая на грибы, ягоды и таланты». Подобные описания устроены так, как если бы описываемая территория была одинока в пространстве⁴⁵⁷. Ведь характерное описание прекрасной и щедрой родной земли мгновенно теряет смысл, если в поле зрения появляется соседняя – не менее прекрасная и щедрая. Иногда в этом контексте добавляется соотнесение с объектами высшего ранга (в сердце России и т.п.), но не с равноценными географическими объектами. Иначе любимый край был бы неотличим от других мест с богатой природой и гостеприимными жителями. Их появление в поле зрения означает качественный скачок, радикально меняющий контекст формирования образа характеризуемой территории.

⁴⁵⁶ См. подробнее: Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю., Митин И.И. Моделирование образов историко-культурной территории: Методологические и теоретические подходы. М.: Институт наследия, 2008.

⁴⁵⁷ Примерно так обитатели некоторой округи понимают выражение «поехать в город». Для локального социума («мира») город, допустим райцентр, тоже единственен.

Другой полюс (тип) характеристики территории связан с излишней "зацикленностью" на другой, внешней территории – объекте постоянных сравнений⁴⁵⁸. Таковы фронтальные образы – Севера (в отличие от «материка»), Запада (в отличие от Востока США) и Востока (в отличие от европейского Запада России), ранние образы Америки (в отличие от Европы) и т.д. Они наталкивают на предположение, что именно излишняя пространственность может служить признаком незрелости «образообразования»⁴⁵⁹.

Образы, формируемые без соотнесения с образами других географических объектов, назовем условно **местными**, или «вертикальными», поскольку их содержание наращивается как бы по вертикали, безотносительно к окружающему пространству. А их антиподы – **пространственными**, «горизонтальными», как бы вросшими во внешнее пространство.

Очаги развитой городской культуры обычно могут похвастаться детально разработанной местной мифологией. В России ярким примером служит Санкт-Петербург. Детальный анализ формирования образа Петербурга в русской литературе проведен В.Н. Топоровым⁴⁶⁰. Показательно, что образ Петербурга содержит как "горизонтальную" (противопоставление Москве), так и "вертикальную", экзистенциальную составляющую. Как показано Топоровым, детально разработанный, объемный ("вертикально-горизонтальный") образ Петербурга - это в значительной мере плод культурного труда мигрантов, результат интенсивного «вживания» в чуждую культуру, напряженной культурной адаптации на новом месте.

Строго "вертикальные" образы, напротив, характерны для относительно замкнутых и традиционных сообществ – они «автохтонны». "Горизонтальные" образы характерны для территорий нового освоения, с неукоренившимся населением, где только начинается культурный труд "образного обживания земли".

Объективные процессы урбанизации, интенсивных миграций, расширения информационных контактов в наименее выгодное положение ставят территории с автохтонными, "вертикальными" образами, характерными для огромной массы населенных пунктов России: интровертные образы «благодатной» земли разрушаются. В столкновении с образами сотен других мест, "просто" благодатное и красивое место буквально теряет свою уникальность, а вместе с ней – отчасти и идентичность. Развитие же нового, более сложного и полноценного образа требует времени, а главное – интенсивной культурной жизни, для которой у местного сообщества порой просто нет человеческих ресурсов.

Тип репрезентации и формирование идентичности

На наш взгляд, "вертикальные" и "горизонтальные" образы территории связаны с двумя типами интенсифицирующих процессов формирования идентичности, описанных Ассманом. Механизм их в первом приближении может быть охарактеризован следующим образом. Чтобы общность была осознана, нужно,

⁴⁵⁸ Подробнее: Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю., Митин И.И. Моделирование образов историко-культурной территории: Методологические и теоретические подходы. М.: Институт наследия, 2008.

⁴⁵⁹ Аналогичное наблюдение сделал Л.В. Смирнягин, наблюдая слоганы американских городов.

⁴⁶⁰ Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., Прогресс – Культура, 1995. С. 259-367.

чтобы чувство общности было как-то интенсифицировано. Чаще всего интенсификация происходит двумя путями. Первый – столкновение с другой культурой (знаменитый пример, когда польские крестьяне почувствовали себя поляками, а не просто крестьянами, только эмигрировав в США). Второй – например, при формировании централизованного государства. В первом случае созданные преимущественно силой дифференциации (формирование идентичности как оппозиции Чужому), во втором – созданные преимущественно силой интеграции (вокруг некой общей «идеи»). Хотя данные процессы взаимосвязаны, Ассман выделяет общества, в которых интенсифицирующей силой (силой, превращающей принадлежность в идентичность) является либо интеграция, или дифференциация.

Характерно, что сообщества, созданные разными интенсифицирующими силами, обладают различными свойствами. Различается, в частности, их пространственное устройство. В интегративных сообществах развиты центр-периферийные отношения: центр задает некий культурный образец, который периферия в той или иной степени принимает: «Культура становится феноменом верхних слоев. При этом культура считает себя, как правило, не культурой элиты, противостоящей культуре народа, а культурой «просто», и разница лишь в том, что элита лучше ее усвоила и воплотила... Нижние слои были причастны культуре тем, что становились предметом ее внимания»⁴⁶¹. Соответственно, на периферии допустимо некоторое разнообразие, которое постепенно подвергается ассимиляции. Сообщества, идентичность которых связана с дифференциацией, напротив, отличаются внутренней однородностью.

В том и другом случае различаются и формы репрезентации идентичности. «Спутниками» политической интеграции, по Ассману, нередко выступает строительство монументальных зданий (Ассман упоминает любопытный проект строительства пирамиды в Лондоне – столице Британской империи)⁴⁶². «Спутником» дифференциации является выделение некоторой «пороговой структуры» (по Гелену), «пограничного признака», носителем которого может быть не только территория, но и человек: «Граница проводится орнаментами татуировки, раскраской тела, специально наносимыми увечьями, украшениями, костюмом, языком, кухней, образом жизни, в общем, культурой как вещным имуществом, преданиями, мифами и проч. (Вспомним шотландские орнаменты, которые одновременно являются отличительными знаками кланов)⁴⁶³.

Сочетая наши наблюдения о различных типах географических образов (вертикальные и горизонтальные) с разными типами интенсификации идентичности по Ассману, легко прийти к выводу, что "вертикальные" образы территории должны продуцироваться интегративными сообществами. Соответственно, "горизонтальные" образы характерны для сообществ, интенсифицирующей силой идентичности которых является дифференциация.

Таким образом, изучение формирования территориальной идентичности на определенной территории заставляет последовательно переходить от одного объекта изучения к другому: собственно территория, население территории, организованное тем или иным образом, местное сообщество (если оно сформировано), образ территории у местного сообщества, образ самого сообщества

⁴⁶¹ Ассман Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 160-161.

⁴⁶² Там же. С. 156.

⁴⁶³ Там же. С. 165.

у его членов. Образ территории, по всей видимости, играет важную роль в процессе репрезентации оснований для формирования территориального сообщества – и тем самым, для формирования территориальной идентичности. В свою очередь, образ территории может иметь различную форму: "вертикальные" образы связаны с утверждением существования определенной территории и мало связаны с окружающим пространством, "горизонтальные", напротив, основаны на отличиях данной территории от прочих. Тип образа территории, по-видимому, зависит от типа формирования сообщества: в случае, если территориальное сообщество сформирована интеграционными процессами, преобладают "вертикальные образы", если же формирование сообщества связано, в основном, с процессом дифференциации от чужаков, преобладают "горизонтальные" образы своей территории. Тем самым, процессы формирования территориальных сообществ, территориальной идентичности и образов территории тесно увязаны друг с другом.

**М.П. Крылов,
Институт географии РАН**

К ТЕОРИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ)

Необходимость изучения региональной идентичности (РИ) осознана автором давно. Проблема РИ воспринималась автором в контексте единства прошлого и современности, как своего рода географически осмысленный фактор наследственности в социальной эволюции человечества⁴⁶⁴. Позже хорошим стимулом стало обсуждение и дискуссия с Л.В.Смирнягиным, показавшим актуальность РИ с позиций современных общественных коллизий. Л.В.Смирнягин выдвинул тезис об «аспатиальности русской культуры» (в духе концепций А.Д.Градовского – М.П.Погодина, воспринятых и переосмысленных О.Шпенглером и др. западными мыслителями). Автору же близко утверждение Н.И.Костомарова: «.. не только в низшем, но и в среднем и в высшем классах нашего народа находится много местных отличий ... нужно только сжиться с ... обществом в каком-нибудь уездном городке; купцы и мещане сами наведут вас на отменную физиономию соседей своих в другом уездном городе, отличную от своей собственной»⁴⁶⁵

РИ часто служит предметом дискуссий. Это связано не только со слабой изученностью этой проблемы и различными установками исследователей, но и с понятийной неупорядоченностью. Отдельные авторы и научные школы вкладывают неодинаковый смысл в словосочетание «РИ». Большинство работ по РИ на самом деле посвящено этнической (этнотерриториальной) идентичности, идентичности этногосударственных реликтов. Поэтому РИ воспринимается как связанная с

⁴⁶⁴См. Крылов М.П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // Социологические исследования, 2005, № 3. С. 13 – 23; Крылов М.П. Региональная идентичность населения Европейской России // Вестник Российской Академии наук, 2009, № 3. С. 266 – 277; Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России, М., Новый хронограф, 2010; Krylov M.P. Regional Identity of the European Russia Population // Herald of the Russia Academy of Sciences. Pleiades Publishing, 2009, Vol.79, No. 2. P. 179 – 189; Krylov M.P., Gritsenko A.A. Regional identity in the Interior and Borderland Territories of the South-West European Russia // International Conference "Geography and Regional Development". Proceedings, Bulgarian Academy of Sciences, NIGGG, Sofia, 2010. P.113 –116.

⁴⁶⁵ Костомаров Н.И. Об отношении русской истории к географии и этнографии (1863) // Земские соборы. М., Чарли, 1995. С. 424 – 440.

сепаратизмом. Но если РИ обусловлена любовью к месту обитания, пейзажу, оригинальностью архитектуры и удобствами быта, то усматривать в таком чувстве сепаратизм – явное преувеличение. Автор понимает РИ как совокупность *пространственно* выраженных, *в конечном счете*, социокультурных отношений, связанных с понятием «*малая родина*».

В разных странах РИ проявляется в неодинаковых формах, с разной эффективностью «реагирует» на сходные исследовательские приёмы. Автор согласен с А.Ф. Филипповым и С.Г. Кирдиной, которые считают, что, несмотря на универсальность знания, в социологии и экономике национальная специфика отражается и в теоретических понятиях, и в фундаментальных научных проблемах, а не только в данных эмпирических исследований. Если во многих странах Запада РИ – черта повседневного быта, которая может заслонять некоторые глубинные стороны идентичности, то в России, напротив, РИ – глубинный, не всегда афишируемый людьми феномен, черта не образа жизни, а ментальности, мировосприятия. Если на Западе жёсткие культурные рубежи – это исходная данность, то в России – это результат рефлексии.

Недостаточно обращать внимание лишь на пространственную составляющую РИ. РИ характеризует тонус, стиль, уклад, «внутреннюю энергетику» местной жизни. В современной науке идентичность микро- и макросоциальных систем обычно рассматривается не столько как признак их застойности, стагнации или слабости, сколько как признак их долговременной результативности, внутренней мощи, своего рода пассионарности⁴⁶⁶. Тем самым предполагается возможность и необходимость связи между консервативными и динамичными элементами РИ, устойчивостью и развитием. В случае России изучение РИ означает особый акцент на самоорганизацию локально-региональных общностей, местный патриотизм, развитие помимо государственного вмешательства. Если энергия – это способность совершать работу, то РИ – это способность к социокультурной, гражданской и экономической активности. РИ – это не «стратегия Обломова», а «воля к жизни и развитию на данной территории». *Самосознание – шаг к самоорганизации.* Осознание своей специфики – это осознание своей оригинальности, нестандартности и индивидуальности, а тем самым – и некорректности спускаемых сверху шаблонных волюнтаристских решений, разрушающих процессы самоорганизации.

Неверен односторонний акцент на мобильность, при отождествлении социальной мобильности с мобильностью пространственно-территориальной, а укоренённости – с пассивностью, инертностью, препятствием для свободы (П.Щедровицкий, С.Гуриев, Л.Гудков, В.Мильдон, Б.Мезенцева, Н.Косларская, отчасти Ю.Левада, С.Баньковская). В интерпретации Ю.М.Борода, В.Ж.Келле, Е.Г.Плимака⁴⁶⁷, генетическое объяснение процесса возникновения капитализма у К.Маркса неизбежно приводит к выводу, что для создания общества нового типа было необходимо появление массы людей, «внезапно вырванных из обычной жизненной колеи», согнанных с веками насиженных мест и превращающихся в «нищих, разбойников, бродяг». Таким образом, разрушение укоренённости является как бы предпосылкой социального динамизма и обновления. Однако представляется, что такое разрушение сопряжено с весьма значительным *риском* для существования и

⁴⁶⁶ Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность, М., Изд-во МГУ, 1996. С. 13.

⁴⁶⁷ Бородай Ю.М., Келле В.Ж., Плимак Е.Г. Наследие К Маркса и проблемы теории общественно-экономических формаций. М., Политиздат, 1974. С.112 – 115.

дальнейшего развития культурно-цивилизационной системы и случай, конкретно описанный К.Марсом (возникновение капитализма на базе пауперизации населения Англии в XV – XVII вв.), *в общем виде является маловероятным*. Идея К. Маркса о необходимости разрушения укоренённости в сознании многих обществоведов оказалась совмещённой с концепцией мобильности П.А.Сорокина. Вопреки критикам укоренённости, В.Парето в своё время писал о двух присущих людям социальных инстинктах – «комбинаций» и «сохранения агрегатов» (пп.398, 405, 1067 – 1071 «Компендиума»). Гегель, Соловьёв, Ключевский, В.П.Семёнов-Тян-Шанский, Шпенглер и Чайлд считали оседлость основой прогресса, а неукоренённость причиной отсталости. Пока не ясно, какая из двух тенденций глобализации – «новый номадизм» и распространение «транскультуры» или «фриланс», возможность сотрудничества на удалённой основе, обращение к корням в ответ на внешние вызовы – победит в будущем. Представляется, что доминирование пространственной мобильности сопряжено с реваншем экономики по отношению к культуре и с новыми формами регулирования жизнедеятельности (ср. с дискуссиями о будущем постиндустриального общества и об «экономическом империализме»).

Альтернативные («релятивистские», «постмодернистские») подходы к РИ связаны с жёстким односторонним акцентом на «имидж», «бренд», «образ», «раскрутку», абсолютизирующие их в качестве основного и единственного проявления РИ (ср.: «РИ – это потёмкинская деревня, которая исчезнет после Потёмкина»⁴⁶⁸).

Автор считает, что *особенности России*, в частности, её этнокультурная однородность вне национально-территориальных образований, а также ослабленность политических и экономических механизмов, *позволяют выявить феномен РИ «в чистом виде»* (что позволяет его рассматривать во взаимосвязях с экономикой и политикой, не подменяя политикой и экономикой саму идентичность).

РИ в Европейской России, в той или иной форме, присуща всем жителям изучаемых территорий, однако достаточно чёткое, отрефлектированное самосознание характерно лишь определённой части жителей этих территорий, возможно, *меньшинству*. Многие важные черты коллективной психологии являются чрезвычайно размытыми и сколько-нибудь отчётливо зафиксированы могут быть лишь у отдельных, немногих индивидов, обладающих определёнными культурными чертами (ср. с принципом *ландшафтной индикации*; формулировка принадлежит аспиранту автора А.А.Гриценко).

Автором проведены экспедиционные исследования РИ на территории исторического ядра Европейской России, с максимально выраженной этнической однородностью⁴⁶⁹. Ранее автор изучал реакцию населения на деятельность местных «зелёных» движений, с учётом его укоренённости и потенциальной экологической мобильности⁴⁷⁰. Эта реакция, по нашему мнению, – *пример активности и самоорганизации местных социумов на базе идентичности*. С 2008 г., при активном участии А.А. Гриценко и по той же методике, автор проводит дальнейшее

⁴⁶⁸ Гельман В.Я. Политические элиты и стратегии региональной идентичности // Журнал социальной и культурной антропологии, 2003. Т. 6, № 2. С. 91 – 105.

⁴⁶⁹ Анкетирование 800 экспертов; для организации массовых опросов – 3050 + 510 респондентов - привлекались организации-соисполнители); концепция и методика исследования – автора. Основная часть работ была выполнена в 2001 – 2003 гг. в рамках индивидуального проекта РФФИ (№ 01-06-80362).

⁴⁷⁰ Индивидуальный проект РФФИ № 97-06-80101.

изучение *РИ* уже с учётом факторов этнического, этнополитических реликтов и государственной границы. Введение этнического фактора в имеющуюся методику облегчалось пространственно обусловленным, чаще плавным, реже мозаичным, взаимопереходом исторически украинского и исторически великорусского расселения в этнополитических реликтах – исторических регионах (б. Слободская Украина и Гетманщина; изучалась их российская часть), существованием различных смешанных форм самоидентификации (ср.: «Я хохлушка, но русская в душе», п. Кантемировка) и отсутствием диаспор украинцев или русских на этой территории. В связи с этим этническая идентичность могла быть рассмотрена как частный случай *РИ*.

Изучение б. Слободской Украины и Гетманщины показало устойчивость во времени различных форм *РИ* (связанных с этнополитическими реликтами, б. губерниями, древними этнокультурными рубежами). Историческая память – важный фактор и сохранения, и стимулирования *РИ* на разных пространственно-территориальных уровнях. Также стала ещё более очевидной роль позиционных факторов (ранее изученная на примере стресса соседства). Была выявлена конъюнктурная роль политической границы, искажающей *РИ* вблизи неё. Напротив, во втором поясе территорий по удалённости от границы *РИ* (в разных её формах) повышена, тесно связана с этнической идентичностью, прямой, чаще косвенной идентичностью Слободской Украины. В третьем по удалённости вглубь России поясе этническая идентичность относительно уменьшается, уступая место *РИ*; идентичность Слободской Украины исчезает. Здесь важно различать самосознание «для себя» («кем себя считают») и менее устойчивое, сиюминутное самосознание «для других» (например, при переписи населения).

В отзыве на автореферат диссертации А.А.Гриценко⁴⁷¹ известный географ, основоположник отечественной теоретической географии д.г.н. Б.Б.Родоман (РНИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва) написал: «... я отмечу то, что меня больше всего волнует – устойчивое «посмертное» существование бывших государственных и административных границ и оконтуриваемых ими ментальных районов, которые полуподсознательно продолжают жить в своём виртуальном мире, косвенно проявляясь в высказываниях, суждениях местного населения. Иными словами, автор доказал (или, выражаясь скромнее, показал) как бы бессмертие души культурного ландшафта!»

Обобщённо теоретические результаты автора могут быть сведены к следующему. Показана специфика мироощущения групп населения с различным характером самоидентификации: «местных по рождению» и «местных по убеждению», не имеющих малую родину, имеющих её в другом месте. Выявлена типичная структура местного сообщества по этому признаку. Показано доминирование «местных». По материалам анкетирования проиллюстрированы установки позитивной, негативной, поисковой самоидентификации. Введены понятия «стресс соседства», «триединство *РИ*». Развивающаяся традиция (*транстрадиционная РИ*) сопряжена с показателями благосостояния людей (обеспеченности врачами, душевым объёмом товарооборота и платных услуг) и степени демократичности выборов за 10 лет. Самосознание превосходства «гомо экономикус», вне корней (*надтрадиционная РИ*) сопряжено с показателями уровня промышленного развития, заработной платы и телефонизации населения, имеет отрицательную связь с уровнем демократичности выборов. «Застойная традиция» (*традиционалистская РИ*) – с законопослушностью. (Расчёты по нашим данным, с

⁴⁷¹ Гриценко А.А. Влияние политических и ландшафтных границ на региональную идентичность в российско-украинском порубежье. Автореф. канд. дисс. М.: ИГ РАН, 2010.

учётом своих материалов произвёл социолог В.Р.Попов, г. Череповец. В.Р.Поповым также показана связь характера РИ, с точки зрения её отношения к традиции, с чисто региональными индикаторами: показателями развития «центральных мест», по В.Кристаллеру, - для *транстрадиционной РИ*, вековой динамикой людности поселений – для *надтрадиционной РИ*). Хотя РИ тесно связана с социально-экономическим и политическим развитием, можно говорить о её автономии в социуме, благодаря показанной нами независимости РИ по отношению к параметрам уровня образования, отчасти возраста и уровня благосостояния.

Введение фактора географического пространства, пространственной морфологии и отказ от упрощённого (вопреки М.Веберу) пониманию «идеального типа» позволят иначе взглянуть на современные российские реалии (ценности традиции, традиционализма и модернизации, экономические и внеэкономические, эмоциональная связь с Родиной), чем это делают наши коллеги⁴⁷².

**Гриценко А.А.,
Институт географии РАН**

ИССЛЕДОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОКРАИНЫ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ)

Появившись однажды в психологии термин «идентичность», стремительно вошел в научный лексикон специалистов разных школ и направлений. Он получил новые звучания с добавлением к нему определений, характеризующих отдельные аспекты этого феномена, например, «национальная идентичность», «социальная идентичность», «этническая идентичность» и др. Автора как географа в большей степени интересует пространственный аспект идентичности, связанный с понятиями «региональная идентичность», «региональное самосознание», «малая родина».

Обнаружение и признание наличия пространственно-дифференцированной рефлексии у населения стало важной отправной точкой в исследованиях региональной идентичности. Выявлено, что регионализм сознания, как правило, связан с историческим наследием и исторической памятью, относительной этнической однородностью территории и культурным ландшафтом, политическими, экономическими и позиционными факторами, как это следует из проведенных географами исследований⁴⁷³. При этом на разных уровнях региональной идентичности можно выделить фоновые характеристики, носящие социально-экономическое или политико-административное значение, которые непосредственно не участвуют в формированию региональной идентичности,

⁴⁷² См. например: Российская идентичность в условиях трансформации. Опыт социологического анализа. М., Наука, 2005.

⁴⁷³ Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый хронограф, 2010. – 237 с.; Гриценко А.А. Влияние политических и ландшафтных границ на региональную идентичность в российско-украинском порубежье // Автореф. канд. дисс. М.: ИГ РАН, 2010; Кувенева Т.Н., Манаков А.Г. Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // Социологические исследования, 2003. № 7. С. 77–84; Смирнягин Л.В. О региональной идентичности // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ. Т.2: Идентичность и суверенитет: новые подходы к осмыслению понятий. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 81–107; Krylov M.P., Gritsenko A.A. Regional identity in the Interior and Borderland Territories of the South-West European Russia // International Conference “Geography and Regional Development”. Proceedings, Bulgarian Academy of Sciences, NIGGG, Sofia, 2010. P. 113 – 116.

однако без учета которых смысл идентичности может быть понят неправильно (например, сходные процессы в России и на Украине не могут быть абсолютно сопоставимы в условиях конструирования этнонациональной идентичности на Украине и сохранения в России «имперского» мышления).

Для региональной идентичности имеют значение параметры, которые иногда могут быть восприняты как частные и несущественные, поскольку они связаны с отдельными локальными чертами территории, а не с проявлением всеобщих значимых процессов. Например, при изучении региональной идентичности «всеобщими» часто считаются процессы взаимодействия самосознания населения и его политической ориентации, конструирование региональной идентичности в связи политическими установками региональных администраций. Якобы не существенными тогда считают различные параметры, отражающие специфику территории, культурного ландшафта, этнокультурного облика населения, т.е. в конечном счете – культурный код территории, что в наиболее явном виде проявляется в исторических городах, в частности, в обследованных ими городах б. Слободской Украины и Гетманщины в пределах РФ.

По глубокому убеждению автора, характер проявления региональной идентичности в Западной Европе существенно отличается от такового в России. В связи с этим автор полагает, что заимствование методологии исследований, критериев и маркеров идентичности у зарубежных коллег может приводить к недостаточно аргументированным выводам, например об аспатиальности, внепространственности русской культуры⁴⁷⁴. Однако указанное утверждение, благодаря своей парадоксальности, является в научном смысле позитивным, поскольку дало мощный толчок для появления новых исследований и концепций.

Автором были проведены полевые исследования в зоне российско-украинского приграничья в пределах России. Полученные материалы позволили говорить о различных уровнях проявления региональной идентичности: макро, мезо и субрегиональном. *Макроуровень*, как правило, связан с большими по площади территориями, границы которых размыты и не имеют четких ориентиров, например, «Центральная Россия», «Черноземье», «Средняя полоса России». Вопрос о существовании в советское и постсоветское время подобных неформальных *макрорегионов*, частично сочетающихся с экономическими районами, имевшими в 1928 – 1935 гг. административное значение, открыт. Однако, с нашей точки зрения, *макрорегионы* имеют в большей степени историческую подоплеку, не всегда связанную с экономическими факторами, например, Среднерусская черноземная область у П.П. и В.П. Семеновых-Тянь-Шанских.

Наиболее яркими в шкале идентичностей являются *мезорегионы*. Население чаще всего ассоциирует себя именно с ними. Так, для жителей российского порубежья быть брянскими, курскими или курянами, воронежскими, белгородскими существенно. В пространственном характере *мезорегионов* заметна инерционность общественного сознания, поэтому идентичность более молодых территорий обычно слабее, хотя брянская идентичность в этом правиле является скорее исключением. Правилom же оказывается неопределенность, по большинству позиций, существующего неформального Белгородского края: в восточной части Белгородской области сильна память об исторической принадлежности к Воронежу, в то время как на остальной части области – к Курску.

⁴⁷⁴ Смирнягин Л.В. Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М.: МОНФ, 1999. С. 108–115.

По мере укрупнения регионов эмоциональная, идентификационная связь с ними у населения ослабевает, достигая минимума на *макроуровне*.

Наиболее скрытым от взора исследователя являются *субрегионы*. Они являются результатом непосредственного осознания жителями отдельных населенных пунктов *пространства своей малой родины*. Например, жители г. Трубчевска Брянской области выделяют «Трубчевский край». Собственное имя края часто отсутствует у поселений с незначительным историко-культурным статусом – типа п. Навля Брянской области. Это, однако, не означает отсутствия в них представления о своей малой родине. Но поскольку *субрегиональный* уровень региональной идентичности наиболее активно сочетается с *местным патриотизмом*, который подпитывается исторической памятью, наследием, гордостью за место проживания, красотой старинной архитектуры и ландшафта, сила региональной идентичности, безусловно, выше в старинном г. Трубчевске, чем в индустриальной Навли⁴⁷⁵.

Нами была предложена методика картирования ментальных *мезорегионов* и *субрегионов*⁴⁷⁶. По характеру их границ можно судить о культурном тяготении к соседним регионам, к отдельным городам, о *культурной устойчивости* политических и административных границ и т.д.

При обобщении результатов полевых исследований нами были обнаружены различия в региональной самоидентификации населения, связанные со спецификой местных центров. В зависимости от разнообразных условий взаимодействия индивидов в населённых пунктах, неодинаковым оказывается понимание и восприятие своей малой родины и её пространственных пределов. Представляется возможным говорить о региональной идентичности большей или меньшей силы, проявляющейся в *величине пространства малой Родины* и *внутренней психологической мотивации населения*, побуждающей его интересоваться своей территорией и любить её.

Объединяя типы поселений и особенности коллективной психологии, автором было предложено выделять три типа регионального самосознания: *экстравертный*, *интровертный* и *интровертно-экстравертный*.

Экстравертный тип приурочен к крупным городам – часто областным центрам – или к новым индустриальным городам (Брянск, Клинцы, Курск, Белгород) и характеризуется ослабленной силой региональной идентичности. Население интересуется макрорегиональными проблемами в большей степени, чем проблемами своего региона. Это обнаруживается в частности при помощи анализа местной прессы. Ослабление силы региональной идентичности при этом сопровождается появлением «регионального космополитизма», который можно выразить такой фразой – «*наш город в регионе знают все, мы же не знаем (не хотим знать) в регионе никого*».

Интровертный тип приурочен к малым населённым пунктам, часто к сельским поселениям (Погар, Навля, Суземка, Тим, Ивня, Суджа). Население с подобным типом регионального самосознания интересуется в большей степени *местными проблемами*, чем проблемами своего региона. Ослабление силы регионального самосознания сопровождается эффектом «местечковости», который может быть охарактеризован следующей фразой – «*в нашем поселении мы знаем всех, но наше*

⁴⁷⁵ Это не связано с официальным статусом населенного пункта (город/поселок/село).

⁴⁷⁶ Гриценко А.А. Влияние политических и ландшафтных границ на региональную идентичность в российско-украинском порубежье // Автореф. канд. дисс. М.: ИГ РАН, 2010.

поселение не знает (не хочет знать) никто, да и мы особенно никого знать не хотим».

Интровертно-экстравертный тип приурочен к историческим средним и малым городам (Трубчевск, Стародуб, Севск, Почеп, Рылъск, Бирюч, Короча, Острогожск). Сила региональной идентичности повышена, что хорошо сочетается с наличием уникальных памятников историко-культурного и/или природного наследия, развитой исторической памятью у населения, относительно большим количеством любящих свой город, свою местность «за древность», «за приметы старины» и «красоту окружающей природы», а не только любящих свой город «за то, что здесь родился и/или вырос».

Мы полагаем, что подобная дифференциация регионального самосознания может найти выражение в структуре значимости для населения основных форм территориальных идентичностей – национальной, региональной и локальной. Так, по нашему мнению, уровень национальной идентичности может быть значительно выше при экстравертном типе регионального самосознания. В то же время относительно пониженный уровень национальной идентичности и повышенный уровень локальной идентичности может соответствовать интровертному типу регионального самосознания.

Полученные в ходе исследования материалы подтвердили гипотезу об особенно тесной взаимосвязи между региональной идентичностью, исторической памятью и этнокультурной ситуацией в приграничных регионах России и Украины. Тяготение приграничных регионов России к соседним территориям Украины проявляется в рамках исторических регионов украинского казачества – Слободской Украины и Гетманщины. Положение регионов у приграничья, своего рода «национальной окраины», способствует «укрытию» этнической идентичности населением. *Однако этнокультурное самосознание восполняется в региональной идентичности, которая неполитизировано отражает историко-этнокультурные реалии в развитии регионов.*

**А.А. Гончарик,
ИНИОН РАН**

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ключевое понятие в теоретическом анализе региональной идентичности - это пространство. Одним из факторов формирования идентичностей является дифференциация пространства, которая способствует появлению различных представлений об уникальных культурных традициях, сформированных на разных территориях.

Усиление непосредственного влияния географии на изучение политических процессов значительно увеличило интерес ученых в сфере общественных наук к пространству и расширило инструментарий политических исследователей в описании определения идентичности⁴⁷⁷. Критериями определения пространственной

⁴⁷⁷ См., например: Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003; Замятина Н.Ю. Модели политического пространства // Полис, 1999, № 4. С. 29-41; Новиков А.В. Культурная география как интерпретация территории // Вопросы экономической и политической географии зарубежных

идентичности считаются следующие: ощущение принадлежности к месту, символическая значимость места, образ места.

Основное население, проживающее на территории, представляет собой сообщество, объединенное общими представлениями, которые и являются основой территориальной идентичности. Эти представления формируются в процессе пространственного воображения, преобразования окружающей среды и накопления социального опыта. Большинство исследователей к основным характеристикам территориальной идентичности относят общность проживания, сознания и интересов, ощущение сплоченности и солидарности и формирующиеся на этой основе общие представления о территории⁴⁷⁸. Российский политолог Н.Петров выделяет пять уровней территориальных идентичностей – локальный, субрегиональный, региональный, макрорегиональный, общенациональный⁴⁷⁹.

Понятие региональной идентичности предполагает в своей основе определение региона, который в пространственном отношении обозначает территориальное образование суверенного государства, занимающее промежуточное значение между государственным и местным уровнем⁴⁸⁰. Регион – территория, обладающая целостностью и совокупностью уникальных характеристик (которые присущи только ему), взаимосвязью составляющих его структур и отношений.

Российский географ М.Крылов отмечает, что формирование регионов объясняется “социокультурным выбором жителей соответствующих территорий”⁴⁸¹, поэтому одна и та же территория может быть интерпретирована по-разному – регионом может быть и крупный город, административно-территориальная единица, совокупность административно-территориальных единиц или же историко-культурное пространство.

На наш взгляд, удачным обоснованием связи понятий региона и идентичности является подход, которого придерживается российский политолог А.Макарычев. Он рассматривает регионы “как “живые”, социально и интеллектуально конструируемые пространства”, а региональную идентичность объясняет “чувством принадлежности”, набором добровольно разделяемых норм и ценностей, приверженностью определенным процедурам”⁴⁸².

стран. Вып. 13. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. С. 84-95; Смирнягин Л.В. Культура русского пространства // Космополис, №2, Зима 2002/2003. С. 50-59.

⁴⁷⁸ Об операнализации различных территориальных идентичностях см. работы: Морозова Е.В., Улько Е.В. Локальная идентичность: формы актуализации и типы // Политэкс, 2008. № 4.; Шматко Н.А., Качанов Ю.Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социс, 1998, № 4; Deacon B. The reformulation of territorial identity: Cornwall in the late eighteenth and nineteenth centuries. – Open University, 2001. Chapter 1. Identity and territory. (http://www.exeter.ac.uk/cornwall/academic_departments/huss/ics/documents/Chapter1.pdf)

⁴⁷⁹ Петров Н. Формирование региональной идентичности в регионах России: общие закономерности, подходы к изучению. (http://www.dartmouth.edu/~crn/groups/centering_group_papers/Petrov.pdf)

⁴⁸⁰ Minichbauer R. Regional Strategies On Spatial Aspects of European Cultural Policy. 2004. (<http://eipcp.net/policies/minichbauer1/en>)

⁴⁸¹ Крылов М.П. Российская региональная идентичность как фокус социокультурной ситуации (на примере европейской России) // Логос, 2005, № 46. С. 285.

⁴⁸² Макарычев А.С. Глобальное и локальное: Меняющаяся роль государства в управлении пространственным развитием // Политическая наука, 2003, № 3. С. 14.

Наиболее распространенные описания идентичности связаны с несколькими измерениями:

– влиянием физического пространства (природный ландшафт, климат) на региональное сознание, общее миропонимание жителей и представления об общности на территории.

– символическим освоением и репрезентацией пространства, закреплением региона с помощью установления границ и формирования ментальной карты, в ходе чего происходит “символическая” связь жителей с пространством и формирование сообщества⁴⁸³.

– историей освоения культурного и социального регионального пространства, сопровождаемой анализом ценностно-окрашенных и эмоциональных представлений (например, “первичная родина” (“отечество”)⁴⁸⁴, “малая родина”⁴⁸⁵, территория проживания отдельного этноса или народа (зачастую – коренного)), а также коллективной истории (нарративы об освоении культурного и социального регионального пространства) и особенностей региональной культуры⁴⁸⁶. На основе этого формируются представления об уникальности и самобытности региона.

– общими ценностями (такими, как региональная гордость и патриотизм) с акцентом на динамике влияния культуры на формирование регионального самосознания и политические действия и установками по отношению к своему месту проживания: качество жизни, инфраструктура, образование, здравоохранение, работа, участие в общественной и политической деятельности, доступность культурных событий и т.д.

– различными региональными историями успеха (представления о будущем региона) - это могут быть истории об экономическом возрождении региона, о создании комфортных условий для жизни и работы в регионе. Формирование идентичности становится приоритетом региональной политики и социально-экономического развития, главной целью которых является повышение капитализации региона и привлечение инвестиций в регион (реализация культурных, социальных, спортивных проектов).

Таким образом, мы можем видеть, что в зависимости от исследовательского интереса, знаний о тех или иных процессах, контекста исследований региональная

⁴⁸³ См., например: Назукина М.В. Граница в дискурсе идентичности региональных сообществ России // Вестник Пермского университета. Серия “Политология”, 2007. № 1. С.11-17.

⁴⁸⁴ Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 444.

⁴⁸⁵ Крылов М. Российская региональная идентичность как фокус социокультурной ситуации (на примере европейской России) // Логос, 2005, № 46. С. 276.

⁴⁸⁶ См., например: Баранов А.В. Историческое сознание в контексте региональной идентичности и Юга России // Человек. Сообщество. Управление, 2003. № 2-3; История края как поле конструирования региональной идентичности: материалы семинара / Под ред И.И.Курилы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008; Политика и культура в российской провинции. Новгородская, Воронежская, Саратовская, Свердловская области / Под ред. С.Рыженкова, Г.Люхтерхандт-Михалевой (при участии А.Кузьмина). М., СПб.: ИГПИ: Летний сад, 2001; Суханов В.М. О некоторых вопросах становления региональной идентичности в России // Вестник Башкирского государственного университета, 2008, № 4. С. 1071-1079; Суханов В.М. Региональная политическая идентичность в современной России: идеологические, социокультурные и исторические основания. Саратов: Издательский центр “Наука”, 2008; Фадеева Л.А. Сквозь призму политической культуры: нация, класс, регион. Пермь: Пушка, 2006.

идентичность может быть рассмотрена в очень широком диапазоне тем: символического освоения пространства до региональной культуры, от ценностной основы закрепления социальной общности до использования региональной уникальности в прагматических политических целях элит.

Однако, большинство российских исследований региональной идентичности уделяют недостаточное внимание самому процессу формирования и конкурирующим дискурсам о региональной идентичности и ограничиваются рассмотрением символических форм при их недостаточной операционализации, анализируют региональное сообщество как единое целое без анализа данного сообщества как совокупности разных групп.

На наш взгляд можно выделить пять основных проблем при изучении формирования региональной идентичности:

Во-первых, концептуализация и операционализация основных рабочих понятий. Прежде всего, это само понятие региональной идентичности (социально разделяемые представления о границах сообщества, критериях принадлежности, которые формируют автостереотипы во времени и пространстве). Необходимо также обратить внимание на концепты, при помощи которых мы можем описать ее формирование и конструирование (к таким понятиям мы можем отнести символы, образы, нарративы и мифы). Следует определить субъектов, участвующих в конструировании (политическая и интеллектуальная элита), определении деятельности (ритуалы, дискурсы или практики), способ оценки этой деятельности (например, сравнение политики идентичности в разных регионах).

Во-вторых, выборка регионов, которая предполагает описание причин обращения исследователя к тому или иному региону. Также мы должны обратить внимание на то, что репрезентирует выборка (например, различные модели символической борьбы). Регион не всегда является сугубо административным образованием, он может выходить за рамки отведенных государством границ. Несколько регионов (административные единицы) могут быть объединены в мезорегион, обладающий с точки зрения воображаемой географии историко-культурными особенностями и объединяющий ряд территории в одно целое, имеющее общие исторические, экономические и политические параллели развития (например, Урал, Поволжье, Сибирь). Различные трактовки региона позволяют обратить внимание на тот факт, что идентичность российских регионов не всегда совпадает с административными границами. Однако «административная привязка региональной идентичности велика, что может свидетельствовать как о естественности территориально-государственного устройства России, представляющего собой, по сути, зоны влияния крупных центров, так и о вторичности РИ по отношению к административным структурам в условиях относительной долговременности последних и «загосударствленности» общества»⁴⁸⁷.

В-третьих, дизайн исследования (прежде всего сравнительного). Очень важно акцентировать внимание на критериях сравнения и описании гипотез.

На наш взгляд, эффективной моделью изучения формирования региональной идентичности является динамическая модель, предложенная финским географом

⁴⁸⁷ Петров Н. Формирование региональной идентичности в регионах России: общие закономерности, подходы к изучению (http://www.dartmouth.edu/~cm/groups/centering_group_papers/Petrov.pdf).

А.Пааси⁴⁸⁸, которая позволяет выделить основные этапы процесса идентификации и определить способы восприятия и интерпретации с помощью символических механизмов. Преимуществами данной модели являются изучение формирования региона как политического, экономического, социального и культурного пространства, применение обширного концептуального аппарата (практики, дискурсы, ритуалы, институты, ментальная карта). Устойчивость региональных границ зависит от интегрированности различных переменных (идентичности, культуры, институциональной структуры, политической мобилизации, коллективной солидарности, административных границ, географического положения региона) и внутренней самодостаточности региона, что в совокупности будет способствовать успешному становлению и укреплению регионализма. Успешность воспроизводства региональной идентичности заключается в единстве оснований, которые воплощаются в социальных практиках (т.е. наборе последовательных действий во времени и пространстве), дискурсах, институтах, посредством чего возникает территориальная принадлежность (то есть место общей совместной жизнедеятельности). Эстонский географ Г.Раагмаа, развивающий подход А.Пааси, предлагает сочетать и провести взаимодействие между различными географическими и социологическими концепциями региональной идентичности и концепциями регионального развития и планирования для того, чтобы рассматривать региональную идентичность как «инструмент планирования»⁴⁸⁹.

В-четвертых, выбор источников эмпирических данных (в зависимости от выбранных рабочих понятий – это могут быть политические документы, выступления региональных лидеров, региональные учебники по истории).

В-пятых, выбор методов сбора и обработки данных (например, социологические, дискурс-анализ и т.д.).

Для изучения региональной идентичности необходимо вписать идентичность в определенный пространственно-временной контекст (например, политическое пространство регионов ПФО постсоветской России, в котором предполагается рассмотреть интересы и стратегии элит). Тем самым учитывается разнообразие и изменчивость региональной идентичности.

Перспективным направлением в изучении региональной идентичности является изучение воспроизводства представлений о регионе посредством объяснения роли культурных и творческих индустрий, во-первых, как цепочки производства, распространения и потребления символических продуктов⁴⁹⁰, а, во-вторых, способом коммуникации внутри сообщества. В российском контексте данная проблематика сталкивается с трудностями в виду небольшого числа примеров такого рода в отличие от стран Европы (на региональном уровне – это Красноярский и Пермский край, Московская область, на городском уровне –

⁴⁸⁸ Paasi A. Region and place: regional identity in question // Progress in Human Geography, 2003. Vol. 27. №. 4. P. 475-485.

⁴⁸⁹ Raagmaa G. Regional Identity in Regional Development and Planning // European Planning Studies. 2002, Vol. 10, №1. P.55.

⁴⁹⁰ Впервые о том, что символическое производство и потребление (символов, образов, смыслов) начинает играть огромную роль в формировании территориальной идентификации заговорили британские социологи С. Лэш и Дж. Урри. Они считают, что изменения в структуре экономики, которые мы можем наблюдать в конце XX века связаны с тем, что материальные продукты экономики приобретают символическую значимость и становятся знаками, а наделение того или иного места смыслами происходит в дискурсах места (Lash S., Urry J. Economies of Signs and Spaces. L.: Sage, 1994).

Петрозаводск, Владивосток, Самара), недостаточной проработанности в российской гуманитарной науке способов описания творческих индустрий (отсутствие концептуализации понятия, заимствование западных, прежде всего, британских, терминов, механизмов подсчета производства и распределения культурных и символических продуктов, описания роли сообщества и политических элит в формировании стратегий культурной политики).

О.Б. Подвинцев,
Институт философии и права УрО РАН, Пермский филиал

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ДЕ-ФАКТО ДВУНАЦИОНАЛЬНЫХ СУБЪЕКТАХ РФ: КОНКУРЕНТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И ПОПЫТКИ СТИМУЛИРОВАНИЯ⁴⁹¹

В целом формирование и укрепление региональной идентичности противоречит задачам сохранения единства российского государства в его нынешнем состоянии. Региональная идентичность, при всей неравномерности ее развития в различных субъектах РФ, после распада СССР и до настоящего времени выступает конкурентом новой российской идентичности, причем конкурентом объективно более сильным и перспективным.

Однако, в некоторых случаях это противоречие не только снимается, но и превращается в свою противоположность. Речь в первую очередь идет о двунациональных субъектах РФ, имеющих два и более этноса, амбиции которых являются определяющими для развития региона. Региональная идентичность в данном случае становится конкурентом не для идентичности державной, а для идентичности национальной (этнической). Такая идентичность обладает особым мобилизующим потенциалом, и ее совпадение с территориальной идентичностью является одной из предпосылок, которые в наибольшей степени благоприятствуют возникновению межобщинных конфликтов и росту сепаратистских тенденций. Чувство принадлежности к единому многонациональному региону такому совпадению препятствует.

Ярким примером такого региона является Кабардино-Балкария. По переписи населения 2002 г. кабардинцы составляли более 55 процентов населения этой республики. Балкарцев было только неполных 12 процентов, но их положение и амбиции подкрепляются статусом одной из двух титульных наций. Доля русских в Кабардино-Балкарии с 1979 по 2002 г. сократилась с более, чем трети, до четверти.

В последние годы в различных сферах возникло немало конфликтных точек между двумя титульными нациями Кабардино-Балкарии. Затронули они и наиболее чувствительные струны идентификационной мифологии. Полем столкновений, перерастающих из научных дискуссий в реальное противостояние, стала, в частности, национальная история.

Так, один из ведущих современных кабардинских историков В.Х.Кажаров в позитивном плане характеризует Кабарду XVI-XVII веков как «империю» (правда, «малую»). Эта претензия вызвала резкую отповедь балкарского историка

⁴⁹¹ Статья подготовлена в рамках гранта Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров №09-95275-000-GSS «Борьба за идентичность и новые институты коммуникации».

Н.М.Будаева, заявившего, что суть ее в одном: «оживить старый миф, поднять рейтинг своему народу, причем не важно, какими методами»⁴⁹².

На почве подобных толкований истории реальный конфликт разразился в связи с инициированной кабардинским руководством республики и поддержанной активистами национальных организаций попыткой помпезно отметить в 2008 г. 300-летие Канжальской битвы. Речь шла о сражении, в котором кабардинцы одержали победу над войсками Крымского хана. При этом предпринимались попытки связать его с решающим поворотом в Северной войне, поскольку понесенное от кабардинцев поражение якобы помешало крымскому правителю прийти на помощь шведам под Полтавой⁴⁹³. К юбилею предлагалось, в частности, установить на горе Канжал тридцатиметровую стелу, а в Нальчике открыть мемориал⁴⁹⁴. Однако, решено было все же ограничиться организацией научной конференции и проведением конного похода по местам боевой славы. Поход в составе 30 всадников, для которых были отобраны лучшие лошади кабардинской породы с конезаводов республики, стартовал 14 сентября 2008 г. с площади Абхазии в центре Нальчика. К тому времени мероприятие было решено связать еще и с состоявшимся признанием Россией независимости Абхазии и Южной Осетии. Перед его началом этнограф Аслан Ципинов провел старинный народный обряд проводов всадников в поход. Участники похода за семь дней должны были пройти 500 километров, посетив 28 населенных пунктов республики⁴⁹⁵. Однако, уже утром следующего дня жители балкарского села Кенделен (Гунделен), расположенного в 50 километрах от Нальчика, преградили дорогу участникам похода, отказываясь пропустить их к горе Канжал. Свой протест они обосновывали тем, что никакой Канжальской битвы не было, а всадниками с флагами «несуществующей республики Кабарда» настоящей целью имеют «застолбить» балкарские земли. Противостояние продолжалось два дня, причем в переговорном процессе, чтобы всадники смогли продолжить движение, приняли участие старейшины балкарского и кабардинского народов, а также глава администрации президента Кабардино-Балкарии Альберт Кажаров, председатель парламента республики Ильяс Бечелов и другие руководители республики.

Протест в Кенделене был затем осужден как президентом республики Арсеном Каноквым, так и кабардинскими правозащитными организациями. При этом председатель Правозащитного центра КБР утверждал, что в результате произошедших событий некоторые молодые кабардинцы стали рассуждать следующим образом: «Если балкарцы считают, что, отмечая дату Канжальской битвы, мы "метим" их исконную историческую территорию, и считают возможным не пускать нас туда, почему мы не можем утверждать, что памятник Кулиеву или

⁴⁹² Будаев Н.М. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI-XX вв. (<http://www.balkaria.info/library/b/budaev/opinsk/opinsk02.htm>). При этом Будаев утверждает, что у Кабарды в данный период «не было не одного из характерных признаков государственности» и задает ехидный вопрос: «Очень любопытно было бы узнать, кто был первый император этой не известной в истории империи?».

⁴⁹³ В Кабардино-Балкарии празднуют 300-летие победы над крымским ханом. (<http://kavkaz-uzel.ru/newstext/news/id/1225204.html>).

⁴⁹⁴ В Кабардино-Балкарии будут отмечать 300-летие Канжальской битвы. (<http://kavkaz-uzel.ru/newstext/news/id/1206910.html>).

⁴⁹⁵ В Кабардино-Балкарии стартовал конный поход. (<http://www.kavkaz-uzel.ru/newstext/news/id/1228993.html>)

Мемориал жертвам репрессий находятся на исконно кабардинской исторической территории, и им там не место»⁴⁹⁶.

Современное состояние кабардино-балкарских отношений и развитие ситуации в регионе, который его руководство стремится позиционировать как «жемчужину Кавказа, республику мира и добра» показывает, что конфликт вокруг юбилея Канжальской битвы не был случайным эпизодом. Одним из свидетельств этого служат акции протеста, организуемые балкарцами в Москве.

Вторым подобным субъектом РФ является соседняя с Кабардино-Балкарией Карачаево-Черкесия. По сравнению с двумя другими адыгскими (черкесскими) автономиями, в Карачаево-Черкесии этот народ имеет наиболее слабые позиции. Собственно черкесов здесь всего около 50 тысяч, что составляет менее 12% населения республики (в последние десятилетия их доля росла, но незначительно). К этому следует добавить около 8% приходящихся на долю родственников им (а в еще большей степени абхазам) абазин. Ведущим этносом республики (почти 40% населения) являются карачаевцы, составляющие по сути единый тюркоязычный народ, с живущими в соседней республике балкарцами. При этом доля карачаевцев в населении региона в конце XX – начале XXI века росла наиболее быстрыми темпами.

Хрупкость данного субъекта федерации отчетливо проявилась в условиях кризиса 1990-92 гг., когда на территории региона провозглашались отдельные Карачаевская, Черкесская и даже Абазинская республики. Не остались в стороне и местные казаки, которым во многом свойственна своя особая идентичность, – в день создания ГКЧП, 19 августа 1991 г., были провозглашены Баталпашинская Казачья Республика и Зеленчукско-Урупская Казачья Советская Социалистическая Республика, которые 30 ноября 1991 объединились в Верхне-Кубанскую Казачью Республику. Лишь после прошедшего в марте 1992 г. референдума о единстве Карачаево-Черкесии и провозглашения ее в качестве отдельного субъекта РФ все эти образования были упразднены.

Хотя в дальнейшем на фоне горячих точек Северного Кавказа Карачаево-Черкесия выглядела островком стабильности, есть основания считать, что этнические конфликты в этом регионе вовсе не сошли на-нет (возможно, относительную стабильность ситуации в этом субъекте РФ как раз объясняет то обстоятельство, что конфликты на основе идентичности национальной в этой части России отошли на второй план по сравнению с конфликтами, принявшими оболочку межконфессиональных взаимоотношений). Интересно, например, что при проведении прямых выборов главы Карачаево-Черкесии голоса между кандидатами распределялись преимущественно по национальному принципу, при этом русская часть населения, оказывалась союзником черкесов⁴⁹⁷. Примечательно создание в республике в 2006-2007 годах двух новых муниципальных районов, образованных по принципу компактного проживания национальных меньшинств – Абазинского и Ногайского (причем территория первого из них оказалась состоящей из двух отдельных частей). В Карачаево-Черкесии, подобно Дагестану, все больше утверждается принцип закрепления отдельных политических постов и руководящих должностей за представителями тех или иных национальных общин и даже

⁴⁹⁶ Правозащитники Кабардино-Балкарии требуют наказать виновников противостояния конному походу. (<http://www.kavkaz-uzel.ru/newstext/news/id/1229156.html>). Упомянутые мемориалы находятся в Нальчике.

⁴⁹⁷ См., об этом, например: Ашихмина Я.Г. Выборы губернаторов в России: конкурентность и предсказуемость (1991 – 2005). Екатеринбург, 2010. С. 74-75.

складывающихся внутри них династий. Показательно в этом отношении избрание в 2010 году на пост Председателя Народного Собрания республики предпринимателя из Ставрополя Александра Иванова, отец которого возглавлял в 1995-1999 годах парламент республики первого созыва. Система эта, однако, в Карачаево-Черкесии не отрегулирована и дает сбои, крупнейшим из которых стала затянувшаяся и изобиловавшая неожиданностями история с выборами нового представителя законодательной власти республики в Совете Федерации Федерального Собрания РФ в 2009 году. Неудивительно, что проведение Всероссийской переписи населения в октябре 2010 года в Карачаево-Черкесии оказалось политизированным и сравнилось по своему значению с выборами (в т.ч. и с точки зрения возможных фальсификаций)⁴⁹⁸.

Конечно, не все субъекты РФ, в наименовании которых обозначены две титульные нации, следует относить к «двунациональным» регионам в предлагаемом нами смысле этого понятия. В частности, к таким регионам никак нельзя отнести Ханты-Мансийский округ, т.к. амбиции (даже, если таковые имеют место) двух его титульных народов никак нельзя в настоящее время считать определяющими для судьбы данного образования.

Есть, с нашей точки зрения, и противоположный случай. Это расположенный в Урало-Поволжском поясе России Башкортостан. Русские здесь занимают первое место по численности, но на их долю приходится лишь около трети общего состава населения республики. Более половины – это два близкородственных, но ревностно относящихся друг к другу народа: башкиры и татары. При этом их доли вполне сопоставимы: башкиры – около 30%, татары – около 25%.

Несмотря на этническую близость башкир и татар, последние выступают в настоящее время союзниками русскоязычной общины республики в противостоянии политики «башкиризации» республики (например, в вопросе об обязательном преподавании башкирского языка во всем школьникам региона). Более того, татарское население во многом является основной мишенью для этой политики, более уязвимо для нее и, соответственно, более болезненно на нее реагирует (катализатором этих процессов является, как известно, например, проведение той же переписи населения).

Ситуация осложняется тем, что в пограничном с Башкортостаном субъекте федерации татары являются титульной нацией. К тому же, столица этого субъекта, бурно развиваясь в последние годы, превратилась в мегаполис, притягивающий своими соблазнами жителей соседних регионов, даже вне зависимости от их национальности. Например, по рекламе туристических фирм в Башкортостане легко убедиться, что поездка в Казань стала сейчас в этом регионе самым востребованным из внутрироссийских маршрутов, обогнав путешествия в Москву, Санкт-Петербург, по Золотому кольцу и т.д. Конкуренцию Казани в этом отношении не могут составить и не более отдаленные от Башкортостана Екатеринбург и Челябинск. Вот как, например, описывает мотивы своего путешествия в Казань на одном из форумов русский по национальности житель Уфы: «...хотелось увидеть своими глазами отличия между своей родной Уфой и такой далекой, как сказка из детства, Казанью. Знаю, что башкирские власти всегда ревностно относились к успехам соседнего региона, страдая комплексом «младшего брата», причем не только на уровне столиц, но и на уровне правителей. Не знаю, как сильно было развито это чувство ущербности у Минтимера Шаймиева, но что касается нашего

⁴⁹⁸ Джантеева: итоги переписи населения в Карачаево-Черкесии могут изменить этнический состав органов власти (<http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/177303/>).

отставника – тут уж лучше не говорить вообще...». А это комментарий его земляка, татарина: «Это ваше восприятие города. Примерно тоже чувствую там и я... А для татар Казань всегда будет духовной столицей. Мы говорим не едем, а возвращаемся в Казань»⁴⁹⁹.

В результате в Башкортостане Татарстан видится как главный конкурент и соперник, что проявилось даже в процессе «изобретения» истории. Для доказательств глубокой древности Уфы группой башкирских историков при поддержке руководства накануне празднования 1000-летия Казани была развернута пропагандистская кампания по внедрению в массовое сознание идеи о существовании 1500 лет назад на слиянии рек Уфы и Белой древнебашкирского города «Башкорт» и чуть ли не десятков средневековых городов на территории Башкирии⁵⁰⁰.

На этом фоне в Башкортостане достаточна сильна была региональная идентичность, которая, однако, скорее всего, частично переплеталась с этнической. В феврале – апреле 2004 г. «Среднерусский консалтинговый Центр» провел исследование, по итогам которого зафиксировал, что 52% жителей Республики Башкортостан проявляют региональную идентичность, при 44% идентифицирующих себя как россиян⁵⁰¹.

В то же время в постсоветский период властями региона проводилась политика плавной башкиризации, интенсивность которой не снизилась, а, скорее, даже увеличилась в 2000-е годы. Основным актом в этом направлении следует считать упоминавшееся введение обязательного изучения башкирского языка в школах республики, Однако, весьма показательные изменения происходили в региональной идеологии и мифологии.

В частности в пантеоне знаковых для региона фигур на первый план стали выдвигаться деятели башкирского национально-освободительного движения. В 2001 году в деревне Кинзябызово Куюргазинского района Башкортостана был открыт музей имени Кинзи Арсланова, соратника Пугачева, командовавшего всеми нерусскими формированиями повстанцев. Как сообщалось, первый камень в основание этого «народного Храма Памяти» заложил еще в 1993 году лично президент республики Муртаза Рахимов. 23 апреля 2008 года в городе Кумертау на базе Башкирской Республиканской гимназии-интерната №3 прошла республиканская научно-практическая конференция «Роль личности народного героя Кинзи Арсланова в гражданско-патриотическом воспитании подрастающего поколения»⁵⁰².

Новые символические фигуры вытесняли старые, из советского пантеона. Так, еще в 1992 году именем Заки Валиди (создателя и руководителя Башкирского правительства во время гражданской войны) была названа уфимская республиканская библиотека (до этого имени Крупской). В 2008 году в честь него была переименована улица М.Фрунзе в Уфе.

Однако, главной культовой фигурой в Башкортостане в постсоветский период окончательно стал Салават Юлаев. Муртаза Рахимов следующим образом характеризовал его: «Он дорог всем нам, живущим в Башкортостане! Салават боролся за справедливость, отстаивал права угнетённого населения края. В его

⁴⁹⁹ Путешествие из Уфы в Казань. (<http://journalufa.com/328-puteshestvie-iz-ufy-v-kazan.html>).

⁵⁰⁰ (<http://www.ufagub.com/news/history/488/>).

⁵⁰¹ Среднерусский консалтинговый Центр (http://www.fesmos.ru/Publikat/21_Identity2004/identity_01.html).

⁵⁰² (<http://www.kinya.ru/?lang=&razd=9>).

яркой личности неразрывно соединились многие замечательные качества. Он вобрал в себя лучшие черты башкирского народа. Чувство собственного достоинства, стремление к независимости, нетерпимость ко всяким притеснениям составляли его духовный стержень»⁵⁰³. В республике учрежден орден «Салавата Юлаева», продолжает присуждаться премия его имени. Главной спортивной командой в регионе является хоккейный клуб «Салават Юлаев». Показательно, что в Уфе и без того величественный, возведенный в советские времена, памятник Салавату Юлаеву обустроен за последние годы значительно лучше, чем созданный тогда же монумент Дружбы народов. Изображение памятника Юлаеву является центральным элементом герба Республики Башкортостан.

Неудивительно, что в среде возникшего в республике русского национального движения разоблачение «культы Салавата» становится одной из приоритетных идеологических задач. Наиболее значимым шагом в этом направлении на данный момент стала книга уфимского историка Сергея Орлова «Пирамида Салавата», которая была издана в Казани. С другой стороны, примечательна и жесткая реакция нового, вступившего в должность в 2010 году, президента Башкортостана Рустэма Хамитова на попытки «развенчания» Юлаева: «есть святыне вещи, к которым относится и память о нашем народном герое. И я никому не позволю святое зачеркнуть!»⁵⁰⁴.

Свидетельством того, что проблемы межнациональных отношений все больше выходят в Башкортостане на первый план, с нашей точки зрения, является фактически основной вопрос, адресованный новому президенту Башкортостана после его вступления в должность - вопрос о его национальности. Вопрос оказался для него непростым, поскольку несколько недель ответа на него не давалось, а когда все же последовал ответ «башкир», на свет был извлечен справочник советских времен, в котором депутат совета Хамитов значился татарин.

В связи с тем, что угроза неконтролируемого роста в двунациональных субъектах РФ националистических движений разного толка и их перерождения в экстремистские формы представляется весьма реальной, от федерального центра можно было ожидать шагов, направленных на стимулирование здесь региональной идентичности. Такие шаги, действительно, предпринимались, однако, были крайне неуклюжими.

Наиболее ярким и характерным примером в данном случае является «волна юбилеев» присоединения к российскому государству, прокатившаяся по регионам во второй половине 2000-х годов. Она затронула, в частности, и Кабардино-Балкарию, и Карачаево-Черкесию, и Башкортостан – все три республики отметили 450-летнюю годовщину событий, относящихся ко временам Ивана Грозного, зарождению российской империи (кроме того 450-летие присоединения отмечалось в Адыгее, Удмуртии, Мари Эл, Чуваши, 300-летие в Хакасии, на 2011 год намечено празднование 350-летия в Бурятии).

Каждое из этих празднований позитивно воспринималось руководством региона (а иногда и инициировалось им) уже в силу возможностей привлечения

⁵⁰³ Рахимов М.Г.: «Имя Салавата Юлаева давно стало общероссийским символом дружбы народов» 21 июня 2008 г. (http://www.bashkortostan.ru/president/activity/index.php?ELEMENT_ID=2178). Название данного выступления, с нашей точки зрения, весьма примечательно и свидетельствует о том, в какой степени руководством Башкортостана осуществлялось жонглирование идеологическими штампами.

⁵⁰⁴ (<http://karim-yaushev.ru/2010/08/26/660/>).

дополнительных средств из федерального бюджета. Для федерального центра же в поощрении такой практики вероятнее всего основную роль играли политико-идеологические соображения. Однако, надуманность повода и содержания проводимых мероприятий не только сводила на нет желаемый идентификационный эффект, но и приводила к прямо противоположным результатам.

Торжественное празднование 450-летия присоединения Кабарды к России проходило в 2007 году. Действительно, как отмечают историки, «российская политика на Кавказе начиналась именно в Кабарде, именно на кабардинцев опиралась Россия в своих интересах. После того как в 1557 г. был заключен военно-политический союз России с Кабардой, появляются выходцы из Кабарды на русской службе»⁵⁰⁵. Монумент княжны Гошаней или Кученей (она же Мария Темрюковна) был установлен на одной из центральных площадей Нальчика еще в 1957 г. к 400-й годовщине соответствующих событий. Кабарда действительно была традиционным союзником России до конца XVIII века. Однако, в XIX веке кабардинцы, как и другие адыгские народы, оказывали сопротивление колонизации Кавказа Россией, а после того, как господство Царской империи утвердилось на их землях, значительная часть кабардинцев переселилась в тогдашние турецкие владения. Попытка противопоставления династического брака гораздо более позднему столетнему вооруженному конфликту, тема которого к тому же актуализировалась, выглядела совершенно неубедительно и не изменила тенденцию к обострению «адыгского вопроса».

Для Башкортостана празднование в том же 2007 году 450-летия «добровольного вхождения» в состав Российского государства стало также и еще одним ответным имиджевым ходом на вызов Татарстана, с всероссийским размахом отметившего тысячелетие Казани, Однако, придать башкирскому юбилею такие же масштабы, статус и тот же по силе резонанс не удалось.

Идущие из Москвы идеологические установки бездумно подхватывались на местах (не обязательно в самих республиках) и, облекаясь в привычные пропагандистские штампы, превращались уже в полный абсурд. Например, события 450-летней давности зачастую именовали не «присоединением» к России (или вхождением в ее состав), а «воссоединением» с ней. Чаще всего этот термин употреблялся в отношении Удмуртии, но также и в отношении Башкортостана и даже Кабарды. Иногда это приобретало уже совершенно курьезные формы, вроде утверждения о «450-летию воссоединения(!) республики(!) Кабардино-Балкария(!) с Россией», содержащегося, в частности, на общероссийском сайте «Почты Дедушки Мороза»⁵⁰⁶.

Важно отметить, что, несмотря на присваиваемый региональный статус, проводимые юбилейные мероприятия, даже при всех натяжках, могли стать праздником для кабардинцев, но не балкар, башкир, но не татар. Примечательно, что общеадыгский юбилей был достаточно скромно отмечен в Карачаево-Черкесии, причем преимущественно как черкесский и русский праздник.

Очевидно, что попытки стимулирования региональной идентичности были осуществлены по старым имперским рецептам и лекалам советских времен. Между тем, данная деятельность в современных условиях требует новых креативных подходов. Вероятно, более продуктивным было бы формирование представления о том или ином субъекте Российской Федерации не как о чьей-то национальной

⁵⁰⁵ Емельянова Н.М. Мусульмане Кабарды (http://lit.lib.ru/e/emeljjanowa_n_m/text_0010.shtml).

⁵⁰⁶ (<http://pochta-dm.ru/content/view/52/2/>).

территории с соответствующей национальной историей, а как о новой «стране», новом «государстве», пусть недавно сформировавшихся в новом виде, но имеющих широкие перспективы в будущем в рамках единой системы с другими такими же «странами» и «государствами». По крайней мере, для «двунациональных» регионов этот подход выглядит более предпочтительным с точки зрения сдерживания конфронтации по этническому принципу.

**Е.В. Морозова,
Кубанский государственный университет**

ЛОКАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ (КЕЙС КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

Реализация основных положений Федерального Закона №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» привела к некоторому изменению топологии регионального политического пространства. Феномен локальной политики в последнее время привлекает все большее внимание российских ученых, и одной из наиболее актуальных оказалась проблема конструирования локальной политической самости⁵⁰⁷.

Структура социальной идентичности включает не только когнитивный компонент (процесс и результат самокатегоризации, понимания человеком себя в терминах соотнесения с определенной социальной группой), но и аффективные и поведенческо-регулятивные компоненты – от чувства любви к «малой родине», готовности разделять практики, принятые в сообществе, до обязательств совершать поступки, вытекающие из ценностей, разделяемых данной группой⁵⁰⁸. Локальную идентичность традиционно относят к одному из уровней территориальной идентичности⁵⁰⁹. В условиях нестабильности общества локальная идентичность может являться существенной опорой для человека в возможности иметь определенность собственного положения в системе социального пространства, являться основанием к преобразовательной активности и частично компенсировать утрату других довольно важных социальных идентичностей. В обычных условиях она проявляется в формировании определенной системы ценностей и норм поведения жителей территории.

В ходе нашего исследования в Краснодарском и Ставропольском краях⁵¹⁰ была выявлена средняя значимость локальной идентичности в ряду других идентификационных ориентиров. По всей выборке в целом локальная идентичность заняла 5,5 ранга из 9 возможных после идентификации с ближайшим окружением (родственники, друзья, соседи, коллеги по работе). Сравнение полученных в ходе исследования результатов с данными общероссийских исследований показывает,

⁵⁰⁷ Назукина М.В., Панов П.В., Сулимов К.А. Конструирование локальной политической самости на местном уровне // Вестн. Пермского ун-та. Серия «Политология». 2007. Вып. 2. С. 19–36.

⁵⁰⁸ Подольская Е.А. Ценностные ориентации и проблема активности личности. Харьков: Основа, 1991.

⁵⁰⁹ Шматко Н.А. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социс. 1998. № 4.

⁵¹⁰ Морозова Е.В., Улько Е.В. Локальная идентичность: формы актуализации и типы // Политэкс. 2008. №4.

что в Южном регионе России локальная идентичность выражена значительно сильнее, чем в Центральной России и Северо-Западном регионе.

Локальная идентичность как общее чувство сопричастности может реализовываться через идентификацию с отдельными элементами: с малой родиной – местом рождения («место, где родился, родились родители»; «сама я родилась в Баку, но для меня малая Родина – Кочубеевка, потому что дети здесь родились»), с местом жительства («здесь я провел большую часть сознательной жизни»; «это место проживания»; «я ставрополец, потому что я тут живу»); с особенностями ландшафта и климата («у нас станица как-то компактнее ... сравнить с северной зоной края – станица Ленинградская, она более грамотно архитектурно сделана», «я обожаю в нашей станице голубые ели», «сразу вспоминаю Рождественскую набережную»); со значимыми историко-культурными событиями («у нас в станице 23 Героя Советского Союза», «на территории станицы формировались две дивизии», «я сразу вспоминаю Кавказскую войну 19-го века», «Краснодар – это прежде всего казачьи заставы»); со значимыми людьми – известными историческими и современными личностями («это прежде всего знаменитые люди, проживавшие в нашем крае. Горбачев. Конечно же, Андрей Разин», «Андрей Чемеркин – наш чемпион. Это гордость нашего края»); с близкими людьми («семья, самые дорогие и близкие и родные мне люди живут в Ленинградской, поэтому она для меня – малая Родина»), друзьями, с кем общаешься (непосредственные контакты), коллегами по работе; с экономической специализацией территории и уровнем социально-экономического развития («общность чувствуешь через сельское хозяйство», «можно похвастаться анапским вином»); с особыми реальными или приписываемыми чертами коллективного поведения («у нас балакают», «лучше наших людей вы нигде не найдете», «когда слышишь по телевизору наше “г” родимое, остро ощущается, вот это – наше»).

Были выделены позитивные ориентиры идентификации («Южная столица», плодородные по сравнению с другими земли, есть все, что нужно для жизни нормальному человеку, спортивные достижения соотечественников, есть курорты, позитивные изменения — построенные объекты, улучшенные дороги и др.) и негативные идентификационные образы («Да здесь самый знаменитый на весь Союз наркоманский район»).

Анализ данных показал, что важными дифференцирующими факторами локальной идентичности являются тип населенного пункта (краевой центр, курортный город, сельский населенный пункт), уровень социальной напряженности в муниципальном образовании, а также возраст респондентов. Вместе с тем эти факторы следует соотносить с реальным уровнем социально-экономического благополучия поселений.

Важнейшим фактором конструирования локальной идентичности является символическая политика муниципальных образований. Под символической политикой Г.Алмонд и Дж.Пауэлл понимают действия, совершаемые с целью построения единой общности, и достигается эта цель путем апеллирования к национальным чувствам народа, к гражданственности или доверию власти⁵¹¹. Формирование локальной идентичности, конструирование и продвижение имиджей муниципальных образований (далее МО) становятся важнейшими целями информационной политики представительных и исполнительных органов местного самоуправления. Она зачастую служит эмоционально-смысловой связкой для

⁵¹¹ Алмонд Г., Пауэлл Дж. и др. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М.: Аспект Пресс, 2002. С.257

многообразных элементов общественной жизни. Символическая политика выполняет следующие основные функции в общественно-политической жизни: ритуализация (упорядочение) массовых действий, контроль за массовыми эмоциями в ситуации социальных стрессов, придание общественно-политическому опыту позитивно-эмоционального содержания⁵¹². Механизм символизации позволяет осуществлять семантическую обработку информации молниеносно и бессознательно. Символы и символические процедуры призваны укреплять у населения уверенность, что власть справляется со своими задачами. По мнению ряда исследователей⁵¹³, *символическая репрезентация локальных сообществ и дискурсивные практики, связанные с ней, являются теми четко фиксируемыми эмпирическими факторами, которые могут указывать на степень политизации местных сообществ.*

В реальной политике российских муниципальных образований эти действия чаще всего реализуются в рамках двух стратегий: территориального маркетинга и воспитания/формирования местного патриотизма. В первом случае доминантой становится необходимость конкуренции территорий за ресурсы (прежде всего инвестиционные), во втором – обеспечение политической лояльности населения. Анализ политической практики в муниципалитетах Краснодарского края показывает, что избранная стратегия определяет набор механизмов и инструментов, которые используются в формировании локальной идентичности.

Территориальный маркетинг – это маркетинг в интересах территории, ее внутренних субъектов, а также внешних субъектов, во внимании которых заинтересована территория⁵¹⁴. В общем виде *территориальный маркетинг описывается как определенный образ мышления и действий руководителей регионального и/или местного уровня и предпринимателей, новая деловая философия активной предпринимательской деятельности.* Он предполагает планомерное и системное изучение состояния и тенденций развития территорий для принятия рациональных решений, направленных на создание и поддержание притягательности и престижа территории в целом, а также привлекательности сосредоточенных на ней ресурсов. Использование территориального маркетинга означает превращение территориальных органов власти в особого рода партнера для предпринимателей, способного не только учитывать индивидуальность своего региона при принятии решений по комплексному социально-экономическому развитию территории, но и осуществлять взаимодействие между органами власти и целевыми рынками: производителями, потребителями, инвесторами, новыми жителями, туристами и др. Одной из центральных категорий территориального маркетинга является *территориальный продукт*. Т.В.Сачук рассматривает его как сложную структуру, состоящую из трех элементов: во-первых, конкретные характеристики территории (природные ресурсы, климат, уровень безопасности и др.); во-вторых, территория как объект социальных и экономических интересов людей в момент

⁵¹² Миронцева С.А. Символическая политика в формировании местного сообщества // Человек. Сообщество. Управление. Развитие местных сообществ: теория и практика. Приложение. 2006. С.46.

⁵¹³ Назукина М.В., Сулимов К.А. Символическая репрезентация локальных политических сообществ: Пермский край и Свердловская область // Политическая наука. 2008. № 3.

⁵¹⁴ Панкрухин А.П. Маркетинг территории // Сайт «Гильдия маркетологов» - <http://www.marketologi.ru/publ>

времени «сейчас» или «завтра»; в-третьих, система организации и качество менеджмента территории⁵¹⁵.

Обычно стратегии территориального маркетинга реализуются с помощью целевых программ, брендинга территорий, специальных событий, выставок, форумов и др. Так, по данным Департамента внешнеэкономической деятельности Краснодарского края, в 2008 г. на территории края прошло 66 выставок и форумов (в Сочи и Краснодаре)⁵¹⁶. Муниципальные образования края принимают активное участие в престижных зарубежных выставках и форумах: это «Зеленая неделя» в Берлине, Всемирный экономический форум в Давосе, MIPIN в Каннах, Сити-Скейп в Дубае. Международный экономический форум «Кубань», который с 2002 г. ежегодно проводится в г. Сочи, дал стимул к более тесному взаимодействию субъектов Российской Федерации, привлек в регион новых инвесторов, повлиял на формирование его привлекательного имиджа. С каждым годом Форум приобретает все большую популярность. I Международный экономический форум «Кубань-2002» посетило около 500 человек, было подписано 8 инвестиционных соглашений. Форум «Кубань-2009» посетило уже более 8 тысяч человек, в итоге Краснодарский край подписал 177 соглашений на сумму 351 млрд. рублей⁵¹⁷. В Форуме приняли участие 54 российских региона и зарубежные делегации из 27 стран.

Говоря о *формировании местного патриотизма*, в публицистике любят употреблять выражение «воспитание любви к малой Родине». Арсенал методов и инструментов реализации данной стратегии рассмотрим на примере столицы края – муниципального образования г. Краснодар. В принятой органами местного самоуправления ещё в 1998 г. концепции гражданского патриотизма подчеркивается: «Концепция формирования гражданского патриотизма в Краснодаре представляет собой систему взглядов, принципов, направлений деятельности местного самоуправления Краснодара и разделяющих эти взгляды общественных объединений и граждан по развитию у краснодарцев чувства причастности к судьбе своего города, его проблемам и путям развития»⁵¹⁸. Это чувство причастности (по сути – локальная идентичность) формируется через образовательные программы (введение курсов кубановедение, дневника кубанского школьника, открытые уроки в музеях и памятных местах города) и массовые праздники (День города, Парад «чайников», Парад первоклассников и многие др.).

Большую роль в формировании идентичности играют произведения архитектуры и скульптуры, причем не только исторические монументы (восстановленные памятник Екатерине II, Александровская триумфальная арка), но и симпатичный «новодел» в случае, если происходит его интернализация. В качестве примеров последнего – скульптура "Собачкина столица", установленная в 2007 г. на перекрестке улиц Красной и Мира. Она создана В.Пчелиным по мотивам стихотворения Маяковского "Краснодар". Несерьезная бронза обрела популярность в городе и известность в интернете, притом, что вызвала возмущение у историков и краеведов. Но натертые школярами блестящие бронзовые носы мопсов свидетельствуют о том, что примета «действует»: если потрешь псине нос, успех на контрольной или экзамене обеспечен. Городская скульптура «Казачки пишут письмо

⁵¹⁵ Сачук Т.В. Территориальный маркетинг. СПб., 2009. С.40-45.

⁵¹⁶ Департамент внешнеэкономической деятельности Краснодарского края – <http://www.gokuban.ru/exh-activity/plan/58/>

⁵¹⁷ Международный экономический форум «Кубань» – <http://forumkuban.ru/results.php>

⁵¹⁸ http://krasnodar.news-city.info/docs/sistems/dok_pegepo.htm

турецкому султану» открыта в 2008 г., через 120 лет после посещения Репиным Кубани в целях сбора натурального материала для картины. Прохожий может присесть за бронзовый стол и стать частью композиции, сфотографироваться с запорожцами.

Основные проблемы, связанные с выработкой и реализацией символической политики на локальном уровне, видятся нам следующим образом:

– *Проблема субъекта.* В роли субъекта обычно выступают муниципальные власти в лице мэра/главы администрации. Имидж лидера оказывает большое влияние на имидж территории в целом. При этом власти либо берутся за самостоятельную разработку и воплощение политики конструирования идентичности (как бы она не называлась в официальных документах), либо привлекают профессиональных консультантов: имиджмейкеров, рекламистов, пиарщиков. Так, продвижением рекламной кампании «Курорты Краснодарского края» занималось агентство «Маккензи». В случае создания торговых брэндов, «попутно» выполняющих функцию идентификации не только товара, но и территории, на которой он создан, субъектную роль может брать на себя бизнес-сообщество («Коровка из Кореновки», «Кубанская буренка», «Краснодарский чай», «Вина Тамани»). Местное сообщество, сами граждане из круга субъектов часто выпадают. Это проблема, требующая отдельного рассмотрения, в том числе в контексте последствий «негативной субсидиарности», неосознанности территориальных интересов и дефицита институтов артикуляции и агрегирования этих интересов. Деятельность же властных субъектов чаще всего поражена вирусом кампанейщины, редкостью является её стратегическое планирование (особенно ярко это просматривается на примере муниципальной социальной рекламы). Локальная идентичность пока не рассматривается властью как реальный ресурс реализации своих планов и начинаний.

– *Проблема дефицита ресурсов.* Основными видами ресурсов для формирования локальной идентичности являются: географические, определяющие сумму представлений, включающих в себя локализацию муниципального образования и его природные особенности – рельеф, климат, флору, фауну и т.п.; культурные, охватывающие сумму представлений, связанных с совокупностью материальных и духовных ценностей, созданных людьми в пределах данного муниципального образования; этнические, включающие в себя сумму представлений о населяющих муниципальное образование этнических группах; исторические, включающие ассоциативные представления, связанные с историческим процессом развития данного местного сообщества. Чаще всего с проблемой дефицита ресурсов сталкиваются территории, возникшие в результате многократных «перекроек» административно-территориального деления и связанного с ним переименования, в том числе политико-конъюнктурного. Пример некоторых малых российских городов, таких, как Мышкин и Великий Устюг, говорит о том, что ведущую роль в развитии конкурентных преимуществ территорий способен сыграть концептуальный ресурс («родина Деда Мороза»).

– *Проблема вернакулярных районов.* Понятие «вернакулярный район» и идентичное по смыслу «образный район» относительно новы⁵¹⁹. Такие районы – продукты восприятия людей, они слабо связаны с физико-географическими или экономическими параметрами территорий. Часто названия «Краснодарский край» и «Кубань» употребляются как синонимы. Вместе с тем, основным условием появления вернакулярного региона «Кубань» является историческая и культурная

⁵¹⁹ См.: Павлюк С. Чувство места и низовой регионализм // Отечественные записки. 2006, № 5.

общность территории. Именно поэтому жители Сочи не считают себя кубанцами, зато жители территорий Карачаево-Черкессии, которые ранее входили в состав Кубанского казачьего войска, идентифицируют себя как кубанцы.

– *Проблема «фальшпродуктов»* может быть продемонстрирована на примере того же Краснодара и его городской скульптуры. Если упоминавшиеся ранее городские скульптуры органично вплетены в историко-культурный контекст, то появление на главной улице гранитного и довольно массивного «Кошелька» должно свидетельствовать о таких качествах горожан, как предприимчивость, бережливость, а сам кошелек, по мысли его создателей, должен стать символом благосостояния города. Каково же было разочарование автора этой статьи, когда Интернет на соответствующий запрос выдал фото «Кошелька», установленного на улице австралийского Мельбурна!

– *Проблема «чужого»*. Для понимания «самости» совершенно необходимо время от времени смотреться в зеркало чужой культуры, сравнивать себя с другими. Ведь в этой рефлексии «чужого» мы конструируем и себя. Как отмечают астраханские исследователи А.П.Романова и С.Н.Якушенков, феномен «чужого» – это не только продукт отношения к иному этносу, роду, языку. Это феномен инаковости как таковой, а отсюда и «чужести». «Чаще всего эти два конструкта являются полярно противоположными, причем отрицательные качества вынесены за границы своей культуры, тем самым концентрируя положительные качества среди «своих». Всё это приводит к тому, что Чужой начинает выступать как культуuroобразующий фактор, выполняя функцию некоего культурного маркера или национальной метафоры, призванной помочь самоидентификации»⁵²⁰. Главную характерную черту современной «чужести» можно выразить крылатой фразой: «Понаехали тут». Она обозначает процесс, связанный с ломкой привычных стереотипов и хаосом, который горизонтальная мобильность привносит в жизнь современного человека⁵²¹.

Для жителей Краснодарского края объем понятия «чужой» постоянно меняется. Сложившиеся в период освоения территории традиции совместного общежития людей разных этносов и конфессий предполагали терпимость и восприятие тех, кто давно проживает на данной территории, как «своих». В постсоветский период поток мигрантов из регионов конфликтов породил определенную агрессивность коренного населения по отношению к мигрантам, мигрантофобию. В полной мере это проявилось в конфликтных отношениях жителей Крымского района с турками-месхетинцами.

Для населения курортной зоны «чужими» стали отдыхающие, курортники – собственно говоря, те, кто обеспечивает экономическое развитие рекреационных территорий. Местные жители называют их «здыхами» и нередко наделяют комплексом негативных характеристик. В 2010 г. читатели региональной вкладки «Комсомольской правды» могли наблюдать за словесной перепалкой отдыхающих и жителей курортов. Приведу некоторые из сообщений: «Города юга самые чистые! И самые чистые они тогда, когда уезжают гости курортов. Приходилось бывать в разных населенных пунктах страны, видеть грязь, мусор и пивные бутылки на улицах. Привыкли вести себя так? Разруха в головах, а не в окурках на пляже»; «А ещё эти отдыхающие ездят по нашим дорогам как сумасшедшие. Такое

⁵²⁰ Романова А.П., Якушенков С.Н. Кто хуже незваного гостя... или о пользе Чужого у наших дверей // Приоритеты и интересы современного общества. Материалы международной научно-практической конференции г. Астрахань, 12-13 апреля 2010 г.

⁵²¹ Романова А.П. Концепт чужого в системе толерантных отношений // Каспийский регион. 2009. № 3.

впечатление, что они приехали не отдыхать, а совершать самоубийства»; «Знаете, когда по народным приметам заканчивается сезон? Когда заходишь в магазин, а там нет ни одного здыха в плавках»⁵²².

Проблема этой дихотомии не может быть решена административными методами, а планы регионального руководства по наращиванию рекреационного потенциала края должны иметь гуманитарную составляющую. Для начала неплохо было бы зафиксировать саму проблему как значимую. Иначе придется вновь читать сообщения разочарованных курортников: «Толку-то с красивой набережной, если в округе происходит такое? Все наши соседи сказали, что больше сюда не приедут»⁵²³.

Разумеется, названными проблемами их список не исчерпывается. Но и перечисленного достаточно, чтобы понять, что и ученых-политологов, и практиков-управленцев ждет, в общем-то, целина. Приветствуя дифференциацию изучения идентичности именно в проблемном поле политической науки, создание исследовательской группы и, в перспективе, исследовательского комитета РАПН по изучению идентичности, *хотелось бы обратить внимание на развитие междисциплинарных связей, на создание институциональных возможностей для интеграции усилий географов, социологов, психологов, маркетологов, специалистов в области рекламы и связей с общественностью, которые связаны с проблематикой формирования идентичности.*

К.А. Сулимов,
Пермский государственный университет

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ НА ЛОКАЛЬНОМ УРОВНЕ⁵²⁴

Острая дискуссия по поводу концептуализации понятия политической идентичности, развернувшаяся на конференции, по итогам которой сформирован данный сборник статей, заставляет обратиться к анализу конкретных случаев его возможного применения. Это обращение, разумеется, не может дать однозначных ответов концептуального порядка, но позволяет соотнести теоретическую дискуссию с эмпирическим контекстом, что полезно как для развития самой дискуссии, так и для понимания реальности.

Не вникая здесь детально в содержание полемики по поводу содержания и самой возможности понятия политической идентичности, необходимо указать на два ее значимых для нас полюса. Политическая идентичность может пониматься как «базовая» идентичность – в том смысле, что задает отношение индивида или группы с неким макроколлективом, в рамках которого воспроизводится сама их картина мира, имеющая целостность и «понятность»⁵²⁵. В данном случае мы, конечно,

⁵²² Комсомольская правда-Кубань. 2010. 23-30 сентября.

⁵²³ Там же.

⁵²⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Министерства промышленности, инноваций и науки Пермского края в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Городские коалиции и локальное управление в современной России»), проект № 10-03-82305а/У.

⁵²⁵ Панов П.В. Национальная идентичность: варианты конструирования националистической картины мира // Тезисы докладов научной конференции: Идентичность как предмет политического анализа (Москва, ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010 г.). (<http://www.identity.ucoz.ru/tezisu/panov.doc>).

имеем отсылку к тому, что принято называть гражданской идентичностью, лежащей в основе картины мира эпохи национальных государств. Другим вариантом осмысления политической идентичности является его осмысление как «особого вида социальной идентичности, связанного с (само)определением сообщества и индивида в политических категориях в процессе соотнесения с определенными политическими институтами и имплицитно подразумевающий и специфическую для данного сообщества и его членов форму участия в политическом процессе»⁵²⁶. Или, несколько иначе: политическая идентичность как один из «вариантов политической установки, позволяющей человеку отнести себя к той или иной референтной (позитивной или негативной) группе и определенным образом организовывать свое политическое поведение»⁵²⁷. В данном случае явным образом отклоняется восприятие политической идентичности как отсылка к картине мира, менталитету, представлению человека о своем месте в мире, и акцент делается на определенном политическом поведении/участии в политическом процессе.

Разумеется, противопоставление политической идентичности как схемы воспроизводства картины мира и политической идентичности как основания для политической деятельности (той или иной – по форме и содержанию) может быть снято указанием на то, что первое тесно связано со вторым и даже является его основанием. Но это справедливо только в том случае, если референтной группой, относительно которой определяется индивид или группа, является сам макроколлектив, т.е. нация, замкнутая в государство. Очевидно, что сегодня (да, пожалуй, и ранее) далеко не все политическое действие определяется через соотнесение с государством-нацией. Таким образом, гражданская идентичность лишь в очень редких случаях может приобретать измерение политической идентичности как основания для определенного политического действия. Но точно также под вопросом оказывается и истолкование гражданской идентичности как политической в смысле базовой, т.е. в тех случаях, когда речь идет о принципиальной картине мира. Так дело обстоит потому, что «складывается консенсус вокруг понимания идентичности как системы многоуровневых, а не взаимоисключающих предпочтений (по образу и подобию матрешки, когда локальная идентичность, например, «вкладывается» в региональную и гражданскую (национальную), а та, в свою очередь, интегрируется в наднациональную)»⁵²⁸.

В условиях множественных вложенных идентичностей⁵²⁹ возникает вопрос, какая из них является по-настоящему базовой, а какие производными? Точно также необходимо ставить вопрос о том, какие идентичности позволяют «определенным

⁵²⁶ Крестинина Е.С. Формирование европейской политической идентичности: состояние и перспективы // Тезисы докладов научной конференции: Идентичность как предмет политического анализа (Москва, ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010 г.). (<http://www.identity.ucoz.ru/tezisu/krestininaes.doc>).

⁵²⁷ Попова О.В. Развитие теории политической идентичности в отечественной и зарубежной политической науке // Тезисы докладов научной конференции: Идентичность как предмет политического анализа (Москва, ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010 г.). (<http://www.identity.ucoz.ru/tezisu/popova.doc>).

⁵²⁸ Семенов И.С. Гражданская идентичность как ресурс инновационного развития. Тезисы доклада на Ученом совете ИМЭМО РАН 23 апреля 2008 г. (http://www.identity.ucoz.ru/Statyi/Tezis_Semenenko.doc).

⁵²⁹ Вдобавок возможно, что матрешка имеет не только вертикальное, но и горизонтальное измерение – у одного субъекта может быть не одна индивидуальная и даже не одна локальная идентичность.

образом организовывать свое политическое поведение», а какие нет? А также, разумеется, как соотносятся идентичности из первого вопроса с идентичностями из второго вопроса? Думается, что однозначного, т.е. универсального на уровне указания на конкретные идентичности, ответа на все эти вопросы быть не может. Видимо, необходимо вести речь о сложных, контекстуальных и ситуативно-зависимых связях между разными идентичностями и с собственно политическим действием.

Сложная и противоречивая логика соотношения гражданской идентичности и политического действия может быть продемонстрирована на примере деятельности гражданской коалиции «За прямые пермские выборы», созданной в Перми в самом конце 2009 г. представителями ряда общественных организаций и академического мира с целью недопущения отмены прямых выборов населением главы города⁵³⁰.

Поводом к созданию коалиции стал запуск процесса изменения Устава Перми, который должен был привести к ключевой новации – изменению процедуры избрания главы муниципального образования. Ранее он избирался на прямых выборах населением города, новелла предполагала избрание его депутатами Городской Думы из своего состава. В 2009-2010 гг. наблюдается целая вереница аналогичных изменений в целом ряде крупных городов Российской Федерации⁵³¹. В 2009 г. произошел отказ от прямых выборов населением глав городов в Казани, Нижнем Новгороде, Ульяновске, Пензе (список не исчерпывающий), т.е. теперь они должны избираться депутатами представительного органа соответствующего города из своего состава. В 2010 г. аналогичные изменения произошли в Челябинске, Перми (решение было принято в июне 2010 г., т.е. коалиция проиграла), Барнауле, Орле и т.д. Во многих из этих городов также образовывались коалиции противников нововведения, но пермский случай представляется особым для наших целей, потому что, во-первых, несмотря на проигрыш, коалиция не была маргинальным субъектом, действия которого можно не принимать во внимание, и они фактически не видны на общем фоне⁵³², а во-вторых, потому в силу состава коалиции она не обладала ни административным, ни политическим, ни значимым экономическим ресурсом. То есть была в самом прямом смысле слов гражданской коалицией.

Вместе с тем, ее деятельность была, безусловно, политической и политически значимой. Как в традиционном смысле – предметом борьбы был ключевой с точки зрения решения вопроса о власти в городе институт, так как изменение процедуры избрания главы серьезно меняет всю конфигурацию городской власти и управления, как в отношении элитных групп, так и в отношении органов публичной власти. Так и в более широком контексте – коалиция публично представляла и продвигала определенным образом понятый общественный интерес, апеллируя разными

⁵³⁰ (См. сайт коалиции: <http://www.vyborpermi.ru>).

⁵³¹ Это иногда интерпретируется как устойчивый федеральный тренд, но его источники и протогоанисты неочевидны, и в каждом конкретном случае наблюдается своя и подчас своеобразная конфигурация факторов, условий и субъектов.

⁵³² Одна из ключевых структурных причин состоит в том, что «Пермь традиционно демонстрирует довольно высокий, по сегодняшним российским меркам, уровень локального активизма, воздействующего не только (и не столько) на борьбу за власть, но на процесс принятия решений и политико-экономическое управление в городе. Во всяком случае, в Перми «общественность имеет значение» в том смысле, что политические и экономические акторы не могут игнорировать ее реакцию при выработке и реализации политического курса». Цит. По: Борисова Н.В. Пермь: локальный режим в крупном российском городе // Неприкосновенный запас, 2010, № 70. (<http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/bo9.html>).

способами как горожанам с тем, чтобы они приняли этот интерес как свой и актуализировали его⁵³³, так и к различным собственно политическим силам с целью актуализации возможных прямых или косвенных союзников.

Представляется, что данная политическая деятельность тесно связана именно с гражданской идентичностью участников коалиции, т.е. являлась политической актуализацией определенного набора ориентаций и предпочтений, традиционно соотносимых с гражданской идентичностью (в данном случае она понимается не просто как пустая рамка идентификации с любым государством-нацией, а с определенным образом интерпретируемым в ценностном и институциональном отношении нацией-государством). Это проявляется, прежде всего, в аргументативном ряде коалиции, который отсылает к единству городского сообщества, принципам конституционализма, плюрализма, незыблемости прав, публичности и прозрачности деятельности органов публичной власти, их зависимости и ответственности перед населением, которое в свою очередь имеет право на участие в управлении и т.д. При этом все это имеет отношение не к некоему нормативному образцу, а к реальной стране и к реальному городу, в которых все это возможно и необходимо.

Политическая реакция коалиции (точнее, людей, ставших ее участниками) была очевидным образом ситуативной, контекстуальной и конечной. В ее основе оказалась эмоция протеста против недолжных действий административно-политических игроков. Она не была использована в качестве трамплина для индивидуальных политических карьер или превращения коалиции в постоянно действующего политического субъекта. Хотя политическая логика противостояния требовала более четко выраженного политического поведения коалиции (более четко выраженной групповой идентификации с коалицией как политическим субъектом). Но этого не случилось, и ключевым барьером здесь оказалась определенная гражданская идентификация членов коалиции. То есть, гражданская идентичность участников коалиции с одной стороны определила реактивный характер политического действия, а с другой задала ограничения на формы и степень политического участия. Главным ограничением стала неготовность к компромиссам, как с противниками, так и с возможными союзниками⁵³⁴. Доминировало желание остаться «вне политики», «на стороне граждан», при полном понимании, что коалиция занимается политикой (иногда с использованием эвфемистских определений, типа – гражданская политика). В поле гражданской идентичности оказалось невозможным консенсусно определиться с позитивным содержанием позиции коалиции, например, по вопросу о предпочтительной модели организации власти в городе и роли выборов в местном сообществе.

⁵³³ Например, Левада-центру был заказан социологический опрос пермяков с целью выяснения их отношения к новации, результаты которого показали, что 79% опрошенных высказались за сохранение прямых выборов мэра. Отчет о результатах исследования см. на сайте Левада-центра (<http://www.levada.ru>).

⁵³⁴ Что и стало одной из причин проигрыша, наряду, разумеется, с другими причинами как, например, конфигурацией политических акторов и пр.

РОЛЬ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ГОРОДСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ⁵³⁵

Понятие «городской политической режим» является к настоящему времени в достаточной мере разработанным в западной политической науке и в определенной мере известным в отечественной. И хотя к настоящему времени работ, посвященных городским режимам, много, и авторы этого концепта, и их последователи придерживаются в целом общего взгляда на природу и сущность городского режима, понимая под ним: «...коалиции, основанные на неформальных связях или формальных взаимоотношениях, и обладающие следующими ключевыми характеристиками:

1. участниками коалиции становятся акторы как из правительственных, так и из неправительственных кругов, при этом создание коалиции подразумевает участие бизнеса, но не ограничивается им;

2. сотрудничество, основанное на общественном производстве, является необходимым для объединения различных ресурсов, позволяющего обеспечить выполнение важнейших задач;

3. различные политические повестки дня, которые могут определять состав и соотношение участников коалиции;

4. установление прочных, длительных отношений вместо временных коалиций»⁵³⁶.

И в США, где эта концепция зародилась, и в Европе, России, где ее заимствовали для анализа городской политики и управления, учеными предлагались различные варианты типологии политических режимов. При этом, чаще всего, варианты типологий основывались на таком критерии, как характер, масштаб участия в коалициях бизнеса. Но не только роль бизнеса, как показали Г.Стоукер и К.Моссбергер, может быть использована в качестве критерия для выделения типов городских политических режимов. Используя кросс-национальный анализ в исследовании городской политики⁵³⁷, эти американские ученые предложили понятие «символического режима», которое включает «прогрессивные режимы» (в типологии К.Стоуна), а также возрождающиеся города, склонные к изменению своего имиджа⁵³⁸. Речь идет о том, что участники подобной коалиции переформируют идеологию или имидж города. Например, изучение в конце 1990-х годов Генри и Парамайо-Салкайнсом локального режима в г. Шеффилд показало, что «городские коалиции, развивающие спорт в качестве стратегии экономического развития, удовлетворяют особенностям символического режима во всех отношениях»⁵³⁹. Участники таких городских коалиций больше склонны к использованию символических стратегий в своих обращениях за общественной поддержкой.

⁵³⁵ Статья выполнена в рамках гранта Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров №09-95275-000-GSS «Борьба за идентичность и новые институты коммуникации».

⁵³⁶ Stoker G., Mossberger K. The Evolution of Urban Regime Theory: the Challenge of Conceptualization // *Urban Affairs Review*, Vol. 36, No. 6, July 2001. Pp. 810-835.

⁵³⁷ Stoker G., Mossberger K. Urban Regime Theory in Comparative Perspective // *Government and Policy*, 1994, Vol. 12. Pp. 195-212.

⁵³⁸ Stoker G., Mossberger K. Op.cit. 2001.

⁵³⁹ Ibid.

Следует отметить, что исследователи, изучавшие символические режимы, указывали на их неустойчивость в силу того, что их основой было использование идеологии, чувство коллективной гордости или локальной идентичности. И именно в силу своей неустойчивости подобные режимы в чистом виде редки. Однако, в качестве гипотезы, можно выдвинуть предположение, что *символические стратегии могут быть использованы и при других типах политических режимов в качестве не только стимулирующих общественную поддержку, но в совокупности с иными факторами обеспечить устойчивость коалиции и силу ее основных акторов – бизнеса и правительства*. Эта гипотеза верифицирована автором на примере городов Пермского края.

Случай г. Перми показывает, что формирование плюралистического пермского локального режима с элементами режима поддержания статус-кво началось в 1990-е годы. Факторами становления такого рода режима стали структурные характеристики и изменившиеся политические возможности. Однако качественное изменение структурных характеристик в начале 2000-х годов (восстановительный экономический рост) и практики политико-экономического управления на федеральном уровне (централизация и «открытие» регионов) обусловили становление в Перми элементов режима роста и развития. При этом активный политический курс городских властей затрагивал все новые сферы (коммунальная инфраструктура, ЖКХ, строительство) и сопровождался нарастанием конфликтов с участием локальных и внешних (региональных) акторов. Для городского режима Перми в конце «нулевых» характерна борьба между формирующимися коалициями роста при участии элементов прогрессистской коалиции.

Символическая политика в г. Перми, как показывает исследование, не приобрела характера политики идентичности в полной мере, поскольку ее агентами выступают акторы регионального уровня (губернатор, министерство культуры) и пространством ее распространения не является исключительно региональная политика. Более того, эта стратегия направлена в большей степени на формирование идентичности региональной, а не локальной, во всяком случае, в Перми. Это наблюдение достаточно интересно в плане поиска ответа на вопрос о том, каким образом взаимодействуют региональная и локальная идентичности в случае региональных столиц, чье название совпадает с названием субъекта федерации? Возвращаясь к вопросу о содержании и динамике символической политики в Перми, следует подчеркнуть, что основной идеей, актуализированной городскими властями (чаще всего с подачи властей региональных), была идея инновационного развития городского пространства и городской среды (дискуссии по градостроительству, архитектуре). При этом, если сама по себе градостроительная политика в условиях восстановительного экономического роста стала «местом» пересечения интересов властей, бизнеса и общественности, то ее символический потенциал не оказался востребованным городским сообществом в полной мере. Возможно, идея «нового лица» города безразлична большинству пермяков, озабоченных не столько тем, как будет развиваться городское пространство и как много в Перми будет тех или иных музеев, сколько вопросами более насущными: плата за услуги ЖКХ, городской пассажирский транспорт, чистота улиц и т.п. Иными словами, символическая политика в краевой столице играла и пока продолжает играть роль периферийного курса по отношению к другим политико-управленческим курсам: образование, ЖКХ, транспорт, городское строительство и т.п.

Совершенно иной вариант представляет собой г. Березники⁵⁴⁰. Исследование О.Ковиной показывает, что березниковский городской политический режим пережил трансформацию от «государства-хищника» 1990-х годов до ситуации «захваченного государства» в преимущественно сохраняющихся условиях режима «поддержания статус-кво», сформировавшегося в начале 2000-х годов. Характерными чертами этого нового режима стали: (1) доминирование в электоральных практиках бизнеса; (2) городской управленческий курс, ориентированный на налоговое благополучие как бизнеса, так и собственно городского бюджета. Городскую коалицию, таким образом, составляют: крупный бизнес (альянс «Уралкалия» и «Ависмы»), городская администрация и дума в качестве подчиненных аффилиатов, а роль «электоральной машины» играет движение «Березниковский характер», активно использующий манифестации личности Березников и березниковцев. Таким образом, символическая политика в городском пространстве Березников вобрала в себя черты политики идентичности, агентом которой выступает (формально) городское общественное движение «Березниковский характер». Но, будучи поддерживаемым, даже финансируемым крупным бизнесом в лице ОАО «Уралкалий» и ассоциированным с местной организацией партии «Единая Россия», «Березниковский характер» не может в полной мере считаться реальным агентом политики идентичности. Скорее следует утверждать, что в электорально-мобилизационных целях подобную символическую стратегию реализует бизнес, используя общественное движение в качестве «мобилизационной политической машины». Деятельность движения, его акции вызывают у определенной части горожан отторжение и неприятие, о чем весьма красноречиво свидетельствует блогосфера и независимые городские СМИ⁵⁴¹. В связи с этим, возникает вопрос об эффективности политики идентичности в березниковском случае.

Примеры Березников и Перми показывают, что отсутствуют или являются малозначимыми ценностные и мировоззренческие элементы, связующие городские коалиции. Политика идентичности в обоих случаях оказывается сопутствующей и периферийной по отношению к городскому управлению, будучи задействованной или в целях электоральной мобилизации (г. Березники), или в качестве продолжения политики идентичности внешних акторов (Пермь и краевая администрация). Однако это не означает, что городская политика в России лишена символического измерения. Напротив, описанные примеры позволяют предположить, что потенциал подобной стратегии не в полной мере осознан акторами локального уровня.

**К.А. Пунина, М.В. Ромашова,
Пермский государственный университет**

ГОРОДСКАЯ СРЕДА КАК «ПОЛЕ БИТВЫ» ЗА НОВУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ⁵⁴²

Постсоветская политическая ситуация характеризуется включением в политический процесс российских регионов. Одним из компонентов этого процесса

⁵⁴⁰ Более подробно о локальном режиме в Березниках см.: Ковина О. «Березниковский характер» в Березниках: роль политической машины в «захваченном государстве» (http://www.irena.org.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2262&Itemid=96).

⁵⁴¹ См., напр.: (www.beriki.ru); (<http://lord-pax.livejournal.com>); (<http://blogber.ru>); (<http://www.alpha.perm.ru/>) и др.

⁵⁴² Статья выполнена в рамках гранта Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров №09-95275-000-GSS «Борьба за идентичность и новые институты коммуникации».

является формирование регионального самосознания, которое выступает эффективным ресурсом в конкурентной борьбе. Регионализация общественного сознания не останавливается на уровне субъектов Федерации, а локализуется в конкретных городах и населенных пунктах, где человек воспринимает себя в первую очередь жителем определенной местности, и лишь затем обитателем региона. Региональная идентичность более подвижная, изменчивая, в отличие от мощной локальной идентичности, которая постоянно воспроизводится культурными институтами, властями, жителями и другими акторами в информационной среде ограниченной территории. Местные элиты активно используют этот ресурс во время избирательных компаний, манипулируя лозунгом «поддержим любимый город». Локальный патриотизм эксплуатируется властями крупных городов. Во многих регионах все большее внимание уделяется работе над имиджем городских территорий, задача которой сделать привлекательным для инвесторов регион в целом⁵⁴³.

Города втягиваются в борьбу за людские, информационные и денежные потоки, где обретение собственного неповторимого лица – первый шаг на пути его превращения в успешный⁵⁴⁴. На первый план выводится такой признак, положительно характеризующий любой город в глазах его жителей, как «столичность». Городская политика начинает все более активно проявлять себя в разрыве между административно-территориальной единицей – субъектом Федерации, и самим городским сообществом.

Все это свидетельствует о необходимости более детального исследования городской локальной идентичности, ее составляющих, стратегий, технологий и механизмов конструирования, ресурсов, акторов, изучения ее соотношения с региональной идентичностью, ее влияния на политический процесс, городскую политику и городские сообщества.

В общественных науках существует множество определений идентичности. В данном исследовании под городской идентичностью понимается процесс идентификации группы людей, составляющей население того или иного города, и результат противопоставления населению других городов. Городская идентичность является частью социальной идентичности личности наряду с возрастной, гендерной, этнической, профессиональной. Идентичность соотносится с образами индивидуальности и отличительности, воспроизводимыми актором, и формируется благодаря взаимодействию человека с городской средой.

Содержание городской идентичности формируется по нескольким каналам. Среди них – закрепившиеся практики регулирования социально-политического взаимодействия людей или осмысление (в т.ч. мифологизация) истории своего города, его значения в прошлом и настоящем своей страны, образа группового прошлого, который можно назвать социальной памятью. Идентичность также проявляется в языке, ритуале, мифе и материальной культуре. Все это позволяет определить границы городского сообщества.⁵⁴⁵

⁵⁴³ Туровский Р.Ф. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей. М. Под ред. М.Макфола и А.Рябова; Моск. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 1999. С. 110.

⁵⁴⁴ Согомонов А. Современный город: стратегия идентичности // Неприкосновенный запас, 2010, № 2 (70). (<http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/so21.html>).

⁵⁴⁵ Бёрк П. Язык и идентичность в Италии начала Нового времени (<http://magazines.russ.ru/nlo/1999/36/berk-pr.html>).

В центре нашего исследования – город Пермь, где в последнее время активно продвигается новая городская идентичность с доминированием культурного и экономического компонентов⁵⁴⁶, где набирает темпы политизация культурных процессов и «культурная» трансформация политического ландшафта. Одним из главных аспектов пермской городской политики сегодня становится вложение в собственный имидж, отказ от унифицированной городской политики, характерной для дихотомии – провинция-центр.

Поиск идентичности имеет в Перми давние корни, однако до сих пор не удается начать совместный поиск идентичности местных властей и городских сообществ. Неоднократно предпринимались попытки нащупать региональную городскую идентичность, ответив на вопрос «Пермяки: это кто?»⁵⁴⁷. 1990-е годы были временем сотворения пермской мифологии (В.Абашев⁵⁴⁸), вышедшей далеко за рамки локальных краеведческих разговоров о Перми «как родине слонов» и «центре вселенной». Другой попыткой самоидентификации стало стремление к «нормализации советского» (С.Федотова⁵⁴⁹). Не менее привлекательной формой идентичности был уход в этно-фэнтези (А.Иванов⁵⁵⁰). Сейчас идентичность пытаются обрести через «актуальную современность» (М.Гельман⁵⁵¹). Причем эти попытки активно поддерживают как краевые, так и городские власти. На нынешнем этапе Пермь превратилась в символическую строительную площадку, где созданный недавно музей современного искусства намеревается стать локомотивом изменений как внутри города, так и за его пределами. В своей декларации о намерениях, опубликованной на сайте музея⁵⁵², М.Гельман говорит о том, что никакой другой тип художественной институции, кроме как музей, не может сегодня сделать современное искусство общественно актуальным и сформировать новую креативную городскую среду, новый имидж города, интегрировать его в международное культурное пространство, развить туризм и т.д. Все это, как отмечает Л.А.Фадеева, отодвинуло на второй план некоторые политические компоненты пермской идентичности (например, репутацию самого демократического региона России)⁵⁵³.

В настоящий момент поиск идентичности приобрел мощный публичный резонанс. Вопросы самоидентификации города переросли в полемику и настоящую борьбу за определенное видение и восприятие города. В этих поисках Пермь стремится выйти за рамки уже традиционной конкуренции с Екатеринбургом, намереваясь стать успешным примером городского постиндустриального центра, «креативного города».

⁵⁴⁶ Фадеева Л.А. Солёные уши и художественные галереи. Пермская идентичность как инновационный ресурс // Независимая газета, 30 марта 2010. (http://www.ng.ru/scenario/2010-03-30/13_perm.html).

⁵⁴⁷ Пермяки ищут свою идентичность, российское общество отдыхает, а Никита Белых начинает это общество ненавидеть (<http://prm.ru/perm/2009-09-11/39843>).

⁵⁴⁸ Абашев В. Пермь как текст: Семиотика Перми и локальные культурные практики // Искусство Перми в культурном пространстве России: Век XX. Пермь, 2000.

⁵⁴⁹ См. Федотова С.Л. Молотовский коктейль. Пермь: Компаньон, 2005.

⁵⁵⁰ См. Иванов А. Чердынъ – княгиня гор (1455 – 1481): Роман. Пермь, 2003; Иванов А. Сердце Пармы: Роман-легенда. М., 2003; Иванов А. Угорский архетип в демонологии сказов Бажова // Филолог. 2004. № 5 Дорога единорога: [очерк]. Пермь, 2009.

⁵⁵¹ (<http://maratguelman.livejournal.com/>)

⁵⁵² (<http://permm.ru/>).

⁵⁵³ Фадеева Л.А. Указ. соч.

Для городских и региональных властей процветание Перми связывается с изображением города как чистого, красивого и безопасного места. Однако Пермь – это город, где практически не осуществляются архитектурные эксперименты, а городская среда не отличается большим разнообразием⁵⁵⁴. Режиссер К.Серебренников в своем интервью интернет-изданию «Частный корреспондент» на вопрос «Какое у вас осталось впечатление от Перми?» заметил «...Впечатления противоречивые. ... тяжёлые, так как город трудный и не очень красивый, отовсюду торчат советские архитектурные уши; жалко людей, поскольку трудно жить в таком неуютном пространстве...»⁵⁵⁵.

Размытая визуальная «картинка» города, бедная городская среда не способствует продвижению образа территории. Поэтому одной из главных проблем в формировании городской идентичности становится визуальная концепция города. Городская среда начинает восприниматься как реальный ресурс для закрепления и репрезентации новых ценностей и нового понимания человека и общества, как успешный канал коммуникации горожан между собой, различными сообществами, с властью и деловыми кругами, как площадка для более качественного и масштабного взаимодействия с культурным и историческим наследием города⁵⁵⁶.

Возникает вопрос, как в эти намерения изменить городское пространство вписываются те культурные практики, которые нередко воспринимаются как подрывающие и разрушающие визуальную концепцию города, раскалывающие горожан на своих сторонников и противников? Какие изменения происходят с этими культурными практиками в контексте городской модернизации? В качестве локального примера мы выбрали граффити.

Как неофициальная форма массовой коммуникации, граффити находится за рамками социальных институтов и цензуры, является своего рода альтернативой официальному дискурсу. Граффити можно рассматривать в качестве еще не приватизированного канала коммуникации, посредством которого можно донести свою позицию до широкого круга горожан. Сегодня граффити, трансформировавшись из нелегитимных надписей и рисунков в уличное искусство, стало неотъемлемой частью городского ландшафта.

До недавнего времени в Перми стрит – арт был немногочисленной и очень молодой по составу участников культурной практикой, активность которой не заходила дальше юношеского протеста и чаще всего была лишена политического подтекста. Исключением были крупные избирательные компании, протестные акции, когда в Перми появлялись «надписи на заборах». Они выступали своеобразным каналом коммуникации в момент, когда местные СМИ игнорировали ту или иную проблему. Достаточно активными в нанесении «протестных граффити» были анархоэкологи⁵⁵⁷,

⁵⁵⁴ Лейбович О.Л., Кабацков А.Н., Шушкова Н.В. Большой город в постсоветском пространстве // Мир России, 2004, № 1.

⁵⁵⁵ Серебренников К. «Ни хера вы Джоконду не понимаете...» // Частный корреспондент, 09.09.2010. (http://www.chaskor.ru/article/kirill_serebrennikov_ni_hera_vy_dzhokondu_ne_ponimaete_19667/).

⁵⁵⁶ Аллахвердиева Н. Современное искусство в городской среде: стратегии, ресурсы и технологии. (<http://www.propublicart.ru/publication?id=18/>).

⁵⁵⁷ Губернатор Юрий Трутнев принял на территории региона программу утилизации твердотопливных ракет. Городское сообщество быстро отреагировало на это решение и на свет появилось движение «Анархо-экологическое сопротивление». С сентября 2003 года это движение проводило массовые (и не очень) акции протеста, основным лозунгом которых стало: «Сжигайте ракеты в своих кабинетах!».

выступавшие против программы утилизации твердотопливных ракет в Перми, таковыми остаются «античиркуновцы», противники нынешнего губернатора Пермского края О.Чиркунова. Разнообразные tags и throw-ups, регулярно появлявшиеся на стенах частных и общественных зданий, остановочных комплексах, скамейках и т.д., провоцировали многочисленные дискуссии в блогах, на пермском городском форуме о том, что такое граффити – искусство или вандализм? Большинство участников подобных дискуссий весьма негативно отзывалось о самой практике граффити, которая воспринималась как покушение на установленную легитимную визуальность города и как попытка навязать свой маргинальный с точки зрения властей и горожан взгляд на него.

При первом приближении может показаться, что пермский случай граффити вполне типичен для посткоммунистического городского пространства. Однако в условиях «культурного поворота», произошедшего в Перми с приходом М.Гельмана, граффити превращается из маргинальной практики в эффективный инструмент конструирования городской идентичности, за который идет конкурентная борьба и где художественные действия-практики оказываются не столько культурным, сколько политическим шагом.

Граффити пытаются легализовать, сделав частью пермского городского ландшафта. Таким шагом стали фестивали современного искусства «Живая Пермь», проходившие в 2009-2010 гг. Свой вклад в процесс легализации граффити вносит и программа «Резиденция» Центра по реализации проектов в сфере культуры и молодежной политики, специально созданная для международного культурного обмена между пермским и мировым арт-сообществом, и программа «Public art» Музея современного искусства PERMM, и направление «Городская среда» Пермского центра развития дизайна. В их рамках художники исследуют мифологию города, создают актуальные достопримечательности и знаковые места, способные превратить Пермь в «креативный город». В этом контексте граффити стремятся сделать универсальным кодом городской коммуникации.

Однако эти попытки наталкиваются на противодействие со стороны отдельных представителей властей, бизнеса, горожан. Граффити из маргинальной и невидимой практики превращается в инструмент борьбы. Участие в граффити-акциях высокопоставленных лиц Перми и Пермского края, представителей пермского бизнес-сообщества активизирует дискуссии о потраченных средствах, о степени вовлеченности местных граффитистов в эти акции и «варяжском вторжении». Наряду с граффити в городе появляются арт-объекты (красная буква П – новый логотип Перми, трэшмены, «красные человечки»⁵⁵⁸), вызывающие неоднозначную реакцию городского сообщества, протесты, дискуссии, акты вандализма.

Таким образом, городская среда становится основным «полем битвы» за новую городскую идентичность пермяков как жителей европейского города. Через включение в городскую среду альтернативных взглядов и практик освоения города, в частности, граффити, идет попытка заменить постсоветскую городскую идеологию со своим пантеоном героев, событий и образов, визуализированных в городском ландшафте, на идеологию «креативного города».

⁵⁵⁸ См., напр.: И померещились нам в Перми непонятные красные человечки. (<http://prm.ru/blogs/2010-09-21/96562>); Равиль Исмагилов пригрозил сжечь красных человечков в Перми (<http://www.perm.aif.ru/culture/article/9902>).

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ ЖУРНАЛЫ В ПОИСКАХ ОРИЕНТИРОВ ПЕРМСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Формированию позитивной идентичности способствует опора на ментальные и социокультурные основы. Важный инструмент формирования позитивной идентичности могут представлять средства массовой информации. Блоки новостей и информационные ленты живут информационными поводами, это своего рода конвейерное производство, их влияние на формирование идентичности, как правило, не является ни целенаправленным, ни системным. Другое дело – научно-популярные журналы – традиционная в нашей стране печатная журналистика. Наличие определенной целевой аудитории и постоянная периодичность позволяют выявлять в информационной массе наиболее значимые события, представлять наиболее ярких личностей, которые, в свою очередь, могут выступать символами, творцами или интерпретаторами идентичности.

Данная статья сосредоточена на анализе формирования позитивной идентичности, опирающейся на позиционирование специфики, своеобразия, особенности, а не на противопоставлении «своих» «чужим». В этом плане целесообразно рассмотреть формирование региональной идентичности, именно формирование, а не конструирование «в чистом виде», поскольку процесс обусловлен в немалой степени спецификой территории. В качестве примера выбран такой регион как Пермский край, в котором проживает 2718,2 тыс. человек, из них – 987 тыс. – в краевом центре, городе Перми. В Перми зарегистрировано порядка 150 печатных СМИ (газеты, журналы) и 5 региональных телеканалов.

Для анализа выбраны несколько журналов разного формата, с разной целевой аудиторией: «Компаньон magazine» – деловой журнал (издается более 5 лет), «Ретроспектива» – историко-архивный журнал (3 года), и «Мы – земляки» (год с небольшим). Независимо от стажа, данные журналы уже обрели свою репутацию. Так, «Компаньон magazine» имеет репутацию самого интеллектуального и уважаемого издания, адресованного пермской политической, деловой и творческой элите. Как утверждает его редколлегией: «Компаньон magazine» – настоящий журнал. Его манифест: «Достойные люди, Истинные ценности, Подлинная жизнь».

Журнал «РЕТРОспектива» направлен на решение просветительских задач, а также формирование имиджа города Перми и Пермского края как «региона, имеющего глубокие культурные традиции». Глобальная цель проекта – поиск городского своеобразия, того самого city-message, очередная попытка для Перми определить, как позиционировать себя на уровне России и мира. «Мы – земляки» претендует на многоплановый рассказ об истории и современной жизни Прикамья, о людях, с давних времен населяющих суровые и прекрасные земли Западного Урала: «Для нас важно и самим изучить, понять, чем и как жили и живут пермяки и, конечно же, пропустив это через свое видение, понимание жизни, рассказать землякам об интересных и загадочных, о поучительных, а иногда трагичных моментах становления и развития Пермского края – одной из многих, но такой самобытной территории России!⁵⁵⁹».

⁵⁵⁹ Добро пожаловать в мир журнала «Мы-земляки» (http://www.mizemlyaki.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1:welcome-to-our-site&catid=31:general&Itemid=46).

Несмотря на то, что все эти журналы имеют общий посыл, содержательно отличаются от «глянца» и не являются узко профильными, целевая аудитория их – очень разная. «Компаньон magazine» адресован так называемой «элите», она же и формирует повестку дня журнала, заказывая освещение и пиар всевозможных мероприятий. «РЕТРОспектива» нацелен на людей не просто образованных, но имеющих глубокий интерес к истории. Изрядная часть материалов, опубликованных в этом журнале, либо написана членами научного сообщества, либо идет со ссылками на их научные труды. «Мы – земляки» адресован достаточно широкому кругу читателей, и можно предположить, что эффективность влияния на формирование общественного мнения достаточно велика.

Журналы выбирают и разные варианты позиционирования региона, определения пермской идентичности. «Компаньон magazine» использует для характеристик пространства такие определения, как «Пермь – культурная столица», «Уральский хребет», «Хребет Урала», «Хребет России», «Граница Европы и Азии», «Культурная матрица – зона преобразования», «Малая родина». Особое внимание уделяется идее губернатора Олега Чиркунова выдвинуть Пермь в качестве культурной столицы, с опорой на актуальное искусство: «Заявку Перми на звание «Культурной столицы Европы-2016» сами пермяки расценивают по-разному. Для кого-то это шанс вырваться из ряда тусклых провинциальных городов, новый курс развития территории, попытка создания городского бренда, для кого-то – приступ шизофренического бреда»⁵⁶⁰. Авторы публикаций ищут понятные для читателя метафоры: «Если на лице есть родинка, именно она и запоминается – утверждают физиономисты. Лицо города – это его внешний облик, плюс те самые «родинки»: настроение жителей, их отношение к городу... Подобно торговым маркам, города создают собственные визуальные символы, легенды и мифы, разрабатывают стратегии и бренды. Пермь, разрабатывая стратегию развития, сейчас занимается тем же самым»⁵⁶¹. Возможная стратегия – «если нет родинки, нарисуйте ее». Идет поиск аргументов в подтверждение притязаний на столичный в культурном плане статус: «В поисках своей новой идентичности Пермь, срывая подметки, рванула в сторону культурной столицы. Лето – традиционная пора фестивалей, а в Перми нынче наблюдается настоящий фестиваль бум. Что мы знаем о наших фестивалях и чем можем похвастаться перед нашими гостями?»⁵⁶². Как обычно, важным аргументом выступает общественное мнение: «По результатам опросов, 60 процентов жителей города отметили, что в 2008 году в городе стало больше культурных событий. По подсчетам исследователей, фактически в городе в 2008 г. прошло более 800 различных мероприятий, близких к сфере культуры»⁵⁶³. В материале «Творцы и власть» приводятся разноплановые события и мнения: «На площади у ЗакСобрания не было скамеек. Ко дню города сделали скамейки в форме слова ВЛАСТЬ»; «Скажите, а где проголосовать за Пермь?»⁵⁶⁴.

С учетом притязаний самого издания на журнал для бизнес-элиты понятен поиск подходящих сравнений: «Исследователи из Ливерпуля отмечают, что за счет роста позитивных упоминаний города в прессе, мнение о городе у представителей бизнеса изменилось... Более 8% из них высказали мнение, что именно присвоение

⁵⁶⁰ Почем столица для народа // Компаньон magazine, 2010, № 5.

⁵⁶¹ Мы сходим с ума от этого мира // Компаньон magazine, 2010, № 4.

⁵⁶² Сколько пермяков болеет фестивальной лихорадкой? // Компаньон magazine, 2010, № 4.

⁵⁶³ Почем столица для народа // Компаньон magazine, 2010, № 5.

⁵⁶⁴ Творцы» и сообщество // Компаньон magazine, 2010, № 4.

городу статуса культурной столицы позволяет им судить о городе как о подходящем месте для ведения бизнеса»⁵⁶⁵.

В то же время журнал стремится избежать обвинений в поддержке только «актуальщиков», зацикленных на современном искусстве. Журналисты обоособливаются от противостояния «пермофобов» и «пермофилов». Гордость за исторические и природные достояния края отражена в рубрике: «Заповедное». «В Пермском крае есть «места силы». Там подземная мощь земли выходит на поверхность и вершит свои дела. Там слова «правда» и «справедливость» – не простой набор звуков. Там другие законы. Вишера – место такой силы. Так было испокон веков»⁵⁶⁶.

Основными героями «Компаньон magazine» выступают губернатор, бизнес-элита, политическая элита, деятели культуры, в отдельных случаях – правозащитники (статья «Гладиатор Игорь Аверкиев» об успешном и энергичном председателе Пермской Гражданской палаты). И материалы о людях, и рассказ о событиях должны сформировать позитивный образ региона. Однако издание не обходит острых углов. Материал о жизни пермяков, покинувших родные места, сопровождается такими рассуждениями: «Все, хватит! Надоело мне здесь. Хочу уехать в Америку, (Испанию, Францию, Австралию, Чехию – нужное подчеркнуть). Такие слова от знакомых можно услышать довольно часто. Для некоторых это просто слова. Все больше пермяков покидает родной город...»⁵⁶⁷. Действительно ли хорошо там, где нас нет?».

Наиболее распространенными информационными поводами появления на страницах журнала региональной элиты являются визиты высокопоставленных москвичей в Пермь, высокопоставленных пермяков – в Москву, культурные мероприятия (фестивали «Камва», «Флаэртиана», «Пилорама», «Небесная ярмарка», «Территория», «Текстура»).

Попадают в фокус внимания и скандалы, политические и уголовные: «В наших условиях уголовное дело нередко является лишь инструментом воздействия на излишне активного политика или чиновника»⁵⁶⁸ – в материале «Опаленные властью» сделана подборка наиболее громких уголовных скандалов Прикамья последних лет. В качестве наиболее ярких примеров: Николай Бухвалов – экс-глава правительства Пермского края. Статья – уклонение от уплаты налогов с организаций. Николай Карпушин – министр образования Пермского края. Статьи: злоупотребление должностными полномочиями, халатность, подлог. Олег Ощепков, экс-министр культуры Пермского края. Статья: нецелевое расходование бюджетных средств.

Материалы о бизнесе носят, как правило, заказной характер, этакий ненавязчивый пиар: «Сегодня генеральный директор и совладелец инвестиционно-строительной компании «КомСтрин» не желает останавливаться на достигнутом: Сотников в буквальном смысле намерен продолжить свой полет»⁵⁶⁹. Материал – о жизни и судьбе человека, фото – в том числе, команды, работающей над проектом «Жилой комплекс «Виктория». Через несколько разворотов – реклама жилого комплекса «Виктория». Региональные СМИ работают по принципу: о бизнесе – либо

⁵⁶⁵ Там же.

⁵⁶⁶ Уходящая тайна Вишеры // Компаньон magazine, 2010, № 4.

⁵⁶⁷ Два города – две сестры // Компаньон magazine, 2010, № 4.

⁵⁶⁸ Опаленные властью // Компаньон magazine, 2010, № 4.

⁵⁶⁹ Взлеты и падения Максима Сотникова, строителя, физика, спортсмена, летчика, коллекционера и человека // Компаньон magazine, 2010, № 4.

за деньги, либо никак. Исключение – поводы для критики, равно как и с представителями политической элиты.

Тем не менее, «Компаньон магазин» на своих страницах представляет Пермский край как динамично развивающийся во всех отношениях регион, территорию успеха, реального или потенциального.

Иные основания региональной идентичности представляет журнал «Ретроспектива». Имиджевые темы журнала: Пастернаковская Пермь, Дягилев, пермские боги, Пермь-36, пермский балет, а также царская ссылка, династия Романовых и Прикамье. Муссируется то обстоятельство, что Пермь являлась культурной столицей огромного региона Северо-Востока европейской части российской империи в течение почти двух столетий, имея первый на Урале театр, первый университет и т.д.

В журнале публикуются обширные статьи, посвященные известным людям, связанным с Пермью – от Воронихина до Панфилова, от Строгановых до Ельцина. Существенное внимание уделяется подвижникам и мученикам православной церкви. Широкий спектр образов, связанных с историей, политикой, ресурсами, производством Прикамья призван способствовать формированию позитивной идентичности через историю, памятные события и даты, заметных деятелей, создавая ощущение принадлежности к исторически значимому региону.

Молодое издание «Мы – земляки» определяет в качестве важнейшей своей цели осознание региональной идентичности и ее развитие. Само содержание журнала сформировано в соответствии с этой целью: первый материал в каждом номере – эссе о Пермском крае. Номер обязательно включает рубрику «Судьба», в которой рассказывается о выдающихся, известных, заметных, интересных людях, живущих в регионе. Рубрика «Мы помним» посвящена памятным событиям региональной жизни, вплетенным в общеисторическую канву. Новые факты истории края и его настоящего публикуются в рубрике «Непознанное Прикамье». Даже рубрика «Территория культуры» выглядит в данном журнале по-особому: в ней речь идет не о столичных притязаниях региональных элит, а о культурных событиях в широком смысле слова.

Герои журнала – преимущественно представители интеллигенции – работники образования, телережиссеры, ученые, философы, актеры, музыканты. (В этом контексте необычно только внимание к работникам правоохранительных органов, что объясняется многолетним опытом работы главного редактора в этих структурах и знакомством со многими незаурядными людьми в данной сфере). Многие из героев родились далеко от Перми, и не всем из них Пермь показалась изначально привлекательной. Другие являются пермяками от рождения и гордятся этим. Как выразился ректор Пермского Государственного института искусства и культуры Евгений Малянов: «Я коренной пермяк. И в пермяках мне, простите за тавтологию, нравится, прежде всего, то, что они пермяки. Ведь Пермь для нас всех – это часть судьбы. Люди, события, места, сопровождают тебя всю жизнь, и сами становятся частью жизни. Как сказал Владимир Радкевич, «любовь моя, жизнь и работа, земля моя русская – Пермь»⁵⁷⁰.

Плюсы города и края, на которые делается акцент в журнале: люди, культурные достижения, история, природа Прикамья. Но главное – ощущение общей принадлежности, единых корней. С учетом того, что после ряда печально известных событий (падение Боинга и пожар в ночном клубе) часть активно рефлексировавших

⁵⁷⁰ Мы – земляки. 2009, ноябрь.

пермяков взялась судить о Перми как месте, забытом Богом, журнал «Мы – земляки» выполняет своего рода компенсаторную функцию, уравнивает потоки негативной информации о городе.

В совокупности научно-популярные журналы на региональном уровне создают адекватные и достаточно разнообразные механизмы формирования идентичности. Зачастую и сами журналы становятся этими механизмами. Когда на страницах журнала появляются акторы регионального политического процесса, обсуждения, представленные в этом СМИ, достаточно быстро переходят из узко журналистских – в публичные. Поскольку острые и спорные вопросы, в силу специфики политического развития региона и сложившихся вместе с ней традиций, все же принято обсуждать открыто. Но преимущественно, процесс этот имеет пока другую направленность: проблемы, поднимаемые в публичных политических дискуссиях, переносятся на страницы журналов. А потому и говорить о серьезном влиянии журналов на направленность развития региона – затруднительно. Между тем, явным является тот факт, что когда региональные власти задаются задачей, например, социальной направленности, как то формирование региональной идентичности, журналы выполняют свою функцию в этом процессе, отчасти – из меркантильных соображений и интересов, но в большинстве своем – просто выполняя свою работу, т.е. фиксируя и отображая информационные поводы. Представляется, что в этом плане Пермский кейс в значительной мере отражает общероссийские тенденции.

А.В. Михалева,

Институт философии и права УрО РАН, Пермский филиал

РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИСЛАМСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПЕРМСКОМ КРАЕ⁵⁷¹

Проблема соотношения исламского и регионального в сознании мусульман изначально содержит определенное противоречие – исламская идентичность в доктринальном контексте реализуется на транснациональном уровне и не должна иметь региональных измерений. С другой стороны, религия как неотъемлемая часть менталитета неизбежно реагирует на происходящие в социуме изменения. История ислама демонстрирует возможность подобной адаптации доктринальных норм к конкретным региональным условиям в зависимости от конфессиональной, этнической, географической и даже социально-политической составляющей. Яркими примерами подобной регионализации на национальном и наднациональном уровне могут служить такие бренды как «евроислам» (в российской (Р.Хакимов) и западной интерпретации (Б.Тиби)), «турецкий ислам» (М.Айдинн), «русский ислам» (С.Градировский), получившие свое продолжение на государственном уровне.

Чтобы оценить роль регионального компонента в сознании мусульман, необходимо обратиться к анализу процессов, протекающих на низовом, локальном уровне, которые могут быть раскрыты через субъектное измерение исламской идентичности. При этом религиозная идентичность понимается как психологическая категория, составная часть социальной идентичности личности и проявляется в осознании своей принадлежности к определенной конфессиональной общности. Эмпирической основой исследования послужили результаты опросов (2002, 2007-2008) и интервью (2007-2008, 2010), проведенных автором в Пермском крае за

⁵⁷¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации МК-3809.2010.6

последние восемь лет⁵⁷². Модель государственно-исламских взаимоотношений в данном регионе можно охарактеризовать как взаимно дистанцированную со слабым активизмом местных исламских лидеров. Аналогичные характеристики справедливы для значительной группы немусульманских регионов, что позволяет рассчитывать на определенную универсальность выводов для данной группы регионов.

Ислам как маркер идентичности определенной части российского населения становится заметным явлением в 1990-е гг. с активизацией так называемых «возрожденческих» процессов. В Пермской области в 2002 г. о своей религиозности заявили 76,7% опрошенных татар и башкир⁵⁷³. Эти данные демонстрируют одну из особенностей религиозного сознания, в том и числе и исламского: а именно, способность быстрой регенерации казалось бы утраченных ценностей: «Она [вера – прим. авт.], наверное была заложена генетически, принадлежность верующим, к исламу, воспитанием» (муж., Пермь, 2010)⁵⁷⁴. Наблюдаемый феномен вполне объясним с точки зрения психологии меньшинства и латентности религиозных представлений в советский период. Даже непрaktикующие мусульмане на вопрос о возможности смены веры безапелляционно утверждают: «Есть я мусульманка и останусь и умру я мусульманкой, и другую веру я не приму» (жен., Пермь, 2010).

Для самих верующих «быть мусульманином» означает соблюдать определенные нравственные принципы, обряды, ощущать сопричастность к общему историческому прошлому (в ракурсе этнической истории), соответствовать внешнему виду и определенным чертам характера и психологии. В то же самое время структурное содержание исламской идентичности среди верующих сильно размыто, а уровень осведомленности в исламском вероучении оставляет желать лучшего. Лишь 37,9% опрошенных знакомы с основными положениями веры.

По-прежнему немалую роль в самоидентификации верующих играет этнический фактор: «Хотя мы считаем себя мусульманами-татарами, но три слова, начинающиеся на «м» – мулла, мусульманин, мечеть, – мы не знали» (муж., Пермь, 2010).

Исламская идентичность, как и любая другая, не статичное явление и она в свою очередь подвержена изменениям. Трансформация религиозных норм и поведенческих моделей в сознании верующих особо заметна в сфере семейных, гендерных, межконфессиональных отношений. По словам имама одной из деревень Пермского Края при проведении обряда бракосочетания по исламской традиции (никаха): «...один обед до перерыва проходит без спиртного, я прощаюсь с ними, ухожу, потом, наверное, выносят спиртное, подают. Ну, у нас сейчас население и молодежь очень увлекается спиртным, и работы там нет, и женщины есть, – вот это

⁵⁷² Выборка респондентов для первого опроса 2002 г. строилась по этническому принципу и была рассчитана на татаро-башкирское население Пермской области. Целевая группа последующих опросов (2007-2008 гг.) и интервью подбиралась по профессиональному критерию и охватила «номинальных мусульман» Пермского края, т.е. тех, кто хотел и мог назвать себя мусульманином. По данным всероссийской переписи населения 2002 г. в Пермском крае проживало около 200 тыс. мусульман. См.: Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации (http://www.perepis2002.ru/ct/doc/ТОМ_04_03.xls).

⁵⁷³ Михалева А.В. Религиозная идентичность и политическая культура мусульман Пермской области // Панорама исследований политики Прикамья. Вып.2. Пермь, 2004. С. 116-136.

⁵⁷⁴ Высказывания информантов приводятся в их оригинальном варианте с сохранением авторской стилистики.

отрицательная сторона. Лучше люди сейчас поддаются спиртному, чем религии» (муж., Пермский край, 2008).

Мусульманская идентичность опрошенных не всегда нацелена на выполнение предписанной религиозной практики, с правилами и ритуалами которой некоторые из респондентов не знакомы, хотя подчеркивают их бесспорную значимость и авторитет: «Ну, вообще-то я считаю себя верующим человеком, но может быть не так достаточно, как надо было бы, т.е. соблюдать все нормы исламские. Я не соблюдаю из-за своего здоровья, но в душе я всегда верю» (жен., Пермь, 2008). Субъективное обоснование верующими несоблюдения обрядовых норм доказывает пластичность протекаемых в их сознании процессов. На деле предписанный пятикратный намаз регулярно соблюдают 38,5% опрошенных, что выше среднестатистических общероссийских показателей (10%)⁵⁷⁵. Периодически это делают 36,5% мусульман (31% по России). Остальные верующие (25%) не молятся, поэтому справедливо говорить об их номинальной, а не фактической религиозности.

Вместе с тем не стоит недооценивать значимость исламского фактора: все же 87,7% опрошенных мусульман Пермского края в 2007 г. указали на значимость религии в их жизни. Другое дело, что религии все чаще отводится смыслообразующая функция: на первый план ставится значимость эмоционально-религиозного опыта; религиозная практика секуляризируется, сокращается число практикуемых обрядов.

Условия, которые оказывают влияние на актуализацию исламской идентичности в сознании отдельных граждан в каждом конкретном случае различны: необходимо учитывать особенности социализации, субъективные жизненные обстоятельства верующих, их теоретическую фундированность, психологическую комфортность проживания в том или ином регионе и т.д. Однако можно назвать и общее условие – наличие религиозного окружения (супруги, родственники, друзья). По-прежнему важным каналом трансляции, поддержания и передачи исламских ценностей остается институт семьи.

Актуализации религиозности способствует и внешний фактор – статус религиозного меньшинства и вытекающие из этого следствия: так дискуссии в средствах массовой информации о сущности ислама, его совместимости с демократическими системами, о его «воинствующем характере» неизбежно ведут к усилению самоидентификации в мусульманской среде.

Помимо условий, способствующих активизации религиозного сознания, можно назвать и основные причины обращения респондентов к вере – это духовные искания и психологическая мотивация личности. В подобных ситуациях религия выполняет идентификационную и компенсаторную функции.

Несмотря на внешнюю гомогенность регионального поля при экстраспективном наблюдении, исламская идентичность включает достаточно широкий диапазон социально возможных практик.

Примеры индивидуальной актуализации региональной исламской идентичности («пермские мусульмане») среди информантов практически не встречаются. Как показывает анализ интернет-публикаций и СМИ, она продуцируется либо лидерами мусульманских общин⁵⁷⁶, либо региональными СМИ⁵⁷⁷, что лишний раз

⁵⁷⁵ Пресс-выпуск № 789. Религия в нашей жизни, 11.10.2007. (http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/8954.html?cHash=6c139e501c&print=1&no_cache=1).

⁵⁷⁶ Пермские мусульмане скорбят по жертвам взрыва во Владикавказе. Духовное управление мусульман Пермского края и вся мусульманская умма региона выражает

подтверждает возможность конструирования региональной религиозной идентичности в зависимости от целей и ситуативного контекста.

Согласно данным проведенных опросов обнаружилось, что значительная часть (34,4%) респондентов-мусульман испытывает проблемы с локальным структурированием своей идентичности. Остальная масса идентифицирует себя в рамках России: либо на уровне прихода (19,4%), либо на уровне области (14%), либо – государства (11,3%). Свою связь с миром ощущает лишь 21% мусульман. Региональный компонент идентичности актуализирует чуть меньше половины опрошенных (44,7%). Однако все верующие связывают свое будущее исключительно с Россией: «Для меня я россиянин. Россия моя родина по воле Всевышнего. Мы ведь не выбираем свою родину, не выбираем эпоху. Аллаху виднее... Любой мусульманин должен быть защитником своей родины» (муж., Пермь, 2008).

Исламская идентичность респондентов реализуется в поликонфессиональном социуме. Опрошенные привыкли ощущать себя частью сложного мира со множеством идентификационных и культурных образцов, что является гарантией свободного отправления их религиозных убеждений. Верующие преодолевают двойной вызов: в культурном поле в рамках этноконфессионального меньшинства и в современном региональном обществе, где они пытаются найти собственное место. При этом мусульманское бытие и современность не являются контртенезисами. В то же время исламское региональное поле не может предложить им привлекательных перспектив для самореализации. Допуская частичное совмещение различных социокультурных нормативных и ценностных систем, опрошенные ощущают себя живущими как минимум в двух мирах. Балансируя между различными культурными требованиями, респонденты пересматривают свое субъективное отношение к культурным образцам. Социальные практики предшествующих поколений не вполне отвечают современным профессиональным и религиозным требованиям, а потому верующие вырабатывают свои стратегии преодоления вызова, в том числе за счет сокращения религиозной обрядности.

Мусульмане, принявшие участие в опросе, неоднократно пережили негативный опыт по отношению к своей инаковости: «Когда мы начали уже платок одевать, то «кришнаитками» обзывали, то еще чё-то, вот» (жен., Пермский край, 2008). Однако опрошенные не разделяют радикальных настроений и силовых методов решения проблем: «Как Вы относитесь к терактам? Они могут стать решением проблем? – Это ужасно. Это глупость. Я тут сама испытала это. Я в этом году ездила на дачу. Содрала здесь лоб и одела платок. Лицо у меня загорело летом. Я зашла в автобус. Ну чё, у меня обыкновенная черная одежда, платок, сарафан у меня какой-то, почему-то одела длинный. И вот я зашла в автобус. Во-первых, от меня все отсели, ко мне кондуктор не подошел, я даже деньги не заплатила. Потом я зашла сюда на главпочтамт платить за телефон деньги. Сразу вышли два охранника, встали рядом со мной. Ну, я как заплатила они со мной вышли и

соболезнование жертвам взрыва на центральном рынке Владикавказа, сочувствие родственникам и близким пострадавших и погибших в этой трагедии. 10.09.2010. (<http://www.moslem.ru/index.php?name=News&op=article&sid=403>).

⁵⁷⁷ Из речного круиза вернулись пермские мусульмане. 09.07.2010 (<http://www.uitv.ru/news/society/2010/07/09/7844/>); Пермским мусульманам покажут волос пророка Мухаммеда. 03.12.2009 (<http://www.nr2.ru/perm/259839.html>); Бисеров В. Пермские мусульмане недовольны «Интерфаксом». 02.12.2005. (<http://www.permoboz.ru/news0.php?n=4975>).

посмотрели, куда я пошла. Я ощутила сама на себе, что это такое. Это, конечно, не решение проблемы, это глупость» (жен., Пермь, 2008). Большая часть мусульман живет и строит свои планы относительно будущего в поликонфессиональной среде. Все это не позволяет рассматривать ислам и носителей исламской идентичности в российских поликонфессиональных регионах в качестве угрозы существующей системе. С другой стороны, нельзя не отрицать, что в силу гетерогенности мусульманской уммы, достаточно широкого диапазона социально возможных практик под исламской идентичностью могут скрываться также и экстремистские силы.

Вопрос о специфике исламской идентичности в отдельных регионах напрямую связан с проблемой соотношения доктринального и регионального ислама. Учитывая исторический процесс взаимопроникновения местной и исламской культур, терминологически корректнее говорить не о региональных разновидностях ислама («русский», «турецкий» и т.д.), а о региональных формах его бытования.

Религиозное сознание мусульман Пермского края подвержено трансформационным процессам. Мы наблюдаем размывание религиозной традиции, которая между тем не утрачивает своей значимости. Исламская идентичность информантов прочно переплетена с позитивной российской идентичностью. Процесс регионализации сознания верующих более заметен в этническом поле, что не может не влиять на ее конфессиональную составляющую. При этом слабость регионального аспекта исламской идентичности не означает невозможности ее конструирования для определенных общественно-политических целей.

**М.В. Назукина,
Пермский государственный университет**

ИСЛАМСКИЕ ПРАЗДНИКИ КАК МЕХАНИЗМ КОНСТРУИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИИ⁵⁷⁸

Региональная идентичность находит выражение в эмоционально-ценностной сопричастности к региональному сообществу и проявляется в ответе на вопрос «Кто Мы?» через один или несколько дискурсов региональной уникальности, описывающих исключительные черты сообщества. На сегодняшний день можно констатировать, что повсеместной практикой в российских регионах становится формирование усиленного чувства региональной сопричастности. Согласно П.Бурдые, конструирование идентичности совершается через рефлексию относительно «самости». Агентами такой рефлексии довольно часто выступают интеллектуальные и политические элиты, а также научное сообщество. Как только происходит акт определения уникальностей и особенностей сообщества, происходит их символизация, и они начинают существовать в объективированном состоянии в материальных предметах и средствах. Эти различия становятся частью символического капитала и вовлекаются в символическую борьбу за производство смыслов и утверждения монополии элит.

Результатом рефлексии о самости должны стать маркеры идентичности: региональные символы и объекты гордости, ритуальные практики, благодаря которым становится возможным ощутить коллективную солидарность. Одним из таких

⁵⁷⁸ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации МК-3809.2010.6

ритуалов является праздник, интегрирующий общество и обеспечивающий идентификацию с данным обществом: «в празднике всегда заключено нечто возвышающее, что извлекает из обыденности тех, кто в нем участвует, и поднимает всех до некой всеохватывающей общности» – подмечает Г.Гадамер⁵⁷⁹.

На уровне региона интеграция в сообщество происходит с помощью таких праздничных дат, как день рождения региона или города, памятные даты, дни рождения известных личностей. Для республик типичным становится включение этнической и конфессиональной компоненты в праздничный пантеон. В этой связи интересным представляется рассмотрение данных процессов, обратившись к мусульманским праздникам в исламских регионах, в частности, к северокавказским территориям, где во многих республиках именно на основе ислама происходит определение ментальных границ сообщества и конструирование региональной идентичности.

В данной статье мы рассмотрим лишь один случай – Чеченскую республику, демонстрирующий каким образом ислам на Северном Кавказе определяет особенности региональной идентичности.

По выражению А.В.Малашенко, чеченец – это в первую очередь чеченец-мусульманин, ибо чеченская идентичность немыслима вне контекста исламской традиции⁵⁸⁰. Исламизация Чечни начала активно проводиться в 1990-е годы, и была связана с общим отказом от идеологии советского общества и социально-политическими трансформациями. Возрождение ислама стало рассматриваться как шаг на пути культурного возрождения чеченского народа⁵⁸¹. Ислам стал входить в повседневный быт, начиная от религиозного образования, проповедования исламской веры через СМИ, заканчивая закреплением религиозных ритуалов. Рассмотрим календарь знаменательных дат Чеченской республики⁵⁸².

4 сентября 2002 г. глава Временной администрации Чечни Ахмат Кадыров подписал указ об учреждении праздника – *Дня республики*. Второе название этого праздника – День гражданского согласия и единения. Символично, что фактически речь шла о переименовании даты, которая на протяжении 1990-х годов называлась Днем независимости Чеченской Республики. Объявление даты празднования связывалось с консолидацией чеченского общества и продолжением исторических традиций: «*В целях консолидации граждан Чеченской Республики во имя торжества идеи мирной жизни и созидательного труда, развития толерантности и гуманизма, следуя воле народа, выраженной в 1991 году общенациональным съездом чеченского народа, продолжая исторические традиции, а также для поднятия морально-психологического духа*»⁵⁸³.

Если посмотреть на дискурсы праздника, то выделяется два момента. Первый – это связь с Россией, проявляющаяся как в отказе от названия «день

⁵⁷⁹ Гадамер Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 157.

⁵⁸⁰ Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа / Моск. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 2001. С. 80.

⁵⁸¹ Юсупов М. Ислам в социально-политической жизни Чечни // Центральная Азия и Кавказ, 2000, № 2 (8).

⁵⁸² См.: Знаменательные дни. Сайт Администрации Президента и Правительства Чеченской республики. (<http://adminchr.ru/vehi/279-prazdnikdni>).

⁵⁸³ Указ Главы администрации Чеченской республики от 04.09.2002 «О дне республики». Сайт Администрации Президента и Правительства Чеченской республики (<http://adminchr.ru/vehi/279-prazdnikdni>).

независимости», так и в выборе точки позиционирования республики как части России, при этом развивающейся на основе ценностей толерантности и консолидации представителей разных национальностей и разных религий вокруг идеи поступательного развития и движения к цели процветающей части России. Второй момент – персонализация праздника вокруг имени Ахмата Кадырова, с которым связывается начало новой вехи в истории республики, ее мирной страницей: *«Сегодня мы уверенно можем сказать, что этот день поистине является днем гражданского согласия и единения в нашем обществе. Благодаря Ахмату-Хаджи Кадырову, объединившему в самый тяжелый период наш народ, мы смогли стойко пройти весь этот путь»*⁵⁸⁴.

При этом мероприятия по празднованию даты не носят масштабный размах. Для регионального руководства в 1990-е годы праздник показывал самостоятельность региона, и элита использовала при этом стратегию единения с народом. Сейчас же празднования носят фактически внутризэлитный характер: *«власть устраивает для себя праздничное мероприятие в концертном зале, оградившись охраной, а простым людям приходится довольствоваться телевизионным репортажем с праздничного концерта»*⁵⁸⁵.

Второй праздник – **День конституции республики**, также может быть отнесен к политическим праздникам. В этот день отмечается сам выбор чеченского народа быть в составе России, который рассматривается как историческое событие в жизни народов Чеченской Республики. При этом персонификация праздника также доминирует: *«В 2003 году в республике прошел референдум, была принята Конституция. Народ высказал свое желание жить в составе России, поддержал те идеи, ради которых Ахмат-Хаджи Кадыров отдал свою жизнь»*⁵⁸⁶.

Системный характер символическая политика приобретает в президентство Р.А.Кадырова, отметившегося появлением шести новых праздников. Все они имеют четко выраженную исламскую специфику.

25 апреля 2007 г. был подписан закон «О языках в Чеченской Республике». К этой дате было приурочено появление **дня чеченского языка**: *«В целях сохранения, совершенствования и дальнейшего развития чеченского языка, повышения его роли в развитии чеченской культуры и самобытности»*⁵⁸⁷. Язык объявлен фундаментом самобытности чеченского народа. Праздничные мероприятия обычно связаны с популяризацией чеченской самобытности. И здесь не обходится без значимости фигуры первого президента. *«Первый Президент Чеченской Республики Ахмат-Хаджи Кадыров говорил, что любить и уважать родной язык – значит уважать себя и свой народ. И это действительно так. Родная речь отражает красоту, своеобразие культуры каждой нации,*

⁵⁸⁴ В Грозном отметили День гражданского согласия и единения. Сайт Главы и Правительства Чеченской Республики, 06.09.2010. (<http://chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=8107>).

⁵⁸⁵ Ибрагимов М. В Чечне сегодня отмечается День республики // Кавказский узел, 06.09.2010. (<http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/173860/>).

⁵⁸⁶ Кадыров Р.: «Мы предотвратили уничтожение нации». Пресс-служба Президента и Правительства Чеченской Республики. Сайт Главы и Правительства Чеченской Республики, 23.03.2010 (<http://chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=7033>).

⁵⁸⁷ Указ Президента Чеченской республики от 11.05.2007 «Об объявлении Дня чеченского языка». Сайт Администрации Президента и Правительства Чеченской республики. (<http://adminchr.ru/vehi/279-prazdnikdni>).

способствует сохранению нравственного и духовного здоровья общества»⁵⁸⁸. Праздник можно определить как внутренне спланирующийся.

Кроме того, при Рамзана Кадырове на уровне республиканского руководства поддерживаются традиционные для мусульман праздники – **Священный месяц Рамадан и День Курбан-Байрам**. В течение месяца Рамадан устанавливается сокращенный режим работы на час, а день Курбан-Байрам объявляется выходным днем для торжественных молебнов и совершения жертвоприношения.

Традиционными датами не ограничивается поддержание мусульманских ценностей. В 2009 и 2010 годах были учреждены два новых праздника. Первый – **«День рождения Пророка Мухаммада** (да благословит его Аллах и приветствует)», которое отмечается 12 числа третьего месяца Раби аль-авваль исламского календаря. В течение двух лет (8-9 марта 2009 и 25-26 февраля 2010) в республике проводятся масштабные празднования, приуроченные к этой дате. Во всех районных мечетях республики читают молитвы и проводят обряды зикра. В Грозном были организованы молодежные конкурсы на лучшего чтеца Корана и на лучшее стихотворение, посвященное пророку Мухаммаду. Кроме того, во многих министерствах и ведомствах республики в честь этого праздника были проведены обряды жертвоприношения с раздачей мяса жертвенных животных и продуктов нуждающимся. Помимо ритуалов, региональная элита практикует и церемонии: паломничество по святыням Чечни, молитва в центральной мечети Грозного «Сердце Чечни».

По распоряжению Рамзана Кадырова, родителям детей, родившимся в ночь с 8 на 9 марта (в 2009 г.) и названных в честь пророка было выделено по 50 тысяч рублей. В 2010 г. сумма была уменьшена до 30 тысяч, зато был расширен круг лиц: мальчикам должны быть даны имена Мухаммад, а девочкам имена Аминат (так звали мать пророка Мухаммада), Айшат, Хадишат (имена его жен), или Фатима, Рукият, Зайнаб и Умм-Кульсум, как звали его дочерей⁵⁸⁹.

В 2010 году появляется еще один региональный праздник – *День почитания Кунта-Хаджи Кишиева*, который теперь будет ежегодно отмечаться 3 января. Дата была приурочена к *«аресту 3 января 1864 года и последующей ссылке в Калужскую губернию выдающегося религиозного деятеля, элия - устаза Кунта-Хаджи Кишиева»⁵⁹⁰.*

Кунта-хаджи Кишиев – один из самых известных и уважаемых святых в Чечне, где его называют – Киши-хаджи. Президент ЧР Р.А.Кадыров, принимая решение о введении новой памятной даты, отметил, что *«оружием известного во всем исламском мире религиозного деятеля К.-Х. Кишиева было его слово. Он призывал людей к братству, равенству, социальной справедливости. В этих призывах, в*

⁵⁸⁸ В Чеченской Республике торжественно отметили День чеченского языка. Пресс-служба Президента и Правительства Чеченской Республики, 25.04.2010 (<http://chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=7289>).

⁵⁸⁹ Ибрагимов М. В Чечне празднуют день рождения пророка Мухаммада // Кавказской узел, 26.02.2010. (<http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/165917>).

⁵⁹⁰ Указ Президента Чеченской республики от 03.01.2010 «О Дне почитания Кунта-Хаджи Кишиева» // Сайт Администрации Президента и Правительства Чеченской республики. (<http://adminchr.ru/vehi/279-prazdnikdni>).

его учении непротивления злу насилием царские власти увидели угрозу и подвергли устаза аресту и ссылке»⁵⁹¹.

Таким образом, данный праздник показывает, что региональные власти создают в лице исламских святых региональных культурных героев, тем самым определяя это фактом восстановления исторической справедливости. Если посмотреть шире, то конструирование мифологии о Киши-хаджи превращается в системный политический курс в республике. Так, в августе 2010 г. был восстановлен сектор № 1 г. Грозного и этому району было присвоено имя Хажи-Эвла в честь святого Кунта-Хаджи Кишиева, а 13 улиц нового района названы именами членов семьи святого: *«Сейчас мы с гордостью можем сказать, что этот этап пройден. Руководство Российской Федерации оказывает поддержку мусульманам. Свидетельством этому является строительство в республике крупнейшей в Европе мечети, медресе, исламских учебных заведений»*, – подчеркнул муфтий ЧР⁵⁹². В 2009 г. построенная в селе Курчалой мечеть, напоминающая центральную мечеть им. Ахмата Кадырова в центре Грозного, получила имя шейха Кунта-Хаджи Кишиева⁵⁹³.

Интересным является утверждение **дня чеченской женщины**, который отмечается в третье воскресенье сентября с 2009 г. *«Отмечая выдающиеся заслуги чеченской женщины в становлении и развитии Чеченской Республики, отдавая дань уважения массовому подвигу 46-ти девушек, героически погибших при переправе через Терек после падения села Дади-Юрт 15 сентября 1819 года, учитывая проявленную высочайшую ответственность за судьбы чеченского народа при депортации 1944 года, а также в событиях 1994-2004 годов, и в целях усиления роли чеченской женщины в жизни общества»*⁵⁹⁴ – объясняется в указе президента появление даты. Особенность появления данной даты связана, с одной стороны, с особым отношением к женщине в исламе, с другой она мотивирована дискурсом, характеризующим женщину воина, борца. Долг женщины это не только служба мужу и воспитание детей, но и служение общему делу. Этим делом является воспитание детей в духе национальных традиций и обычаев, сохранение семьи.

Жизнь в условиях постоянной мобилизации в республике не исчезает и с окончанием военных действий. Тем не менее, тема мира, безопасности символизируется в регионе. 16 апреля Р.А.Кадыров объявил **днем мира** в Чеченской Республике: *«В ознаменование завершения контртеррористической операции в Чеченской Республике, отмечая приверженность чеченского народа идеалам мира и согласия, а также отдавая дань уважения памяти первого Президента Чеченской Республики А.А.Кадырова, посвятившего свою жизнь установлению*

⁵⁹¹ Сегодня в Чеченской Республике отмечают День почитания известного в мире религиозного деятеля К.-Х.Кишиева. Источник: Пресс-служба Президента и Правительства Чеченской Республик, 03.01.2010. (<http://chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=6612>).

⁵⁹² В Грозном реконструированному району присвоено имя Хажи-Эвла в честь святого Кунта-Хаджи Кишиев Источник: Пресс-служба Президента и Правительства Чеченской Республики, 11.08.2010. (<http://chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=7955>).

⁵⁹³ Ибрагимов М. В Чечне почтили память святого Кунта-хаджи Кишиева // Кавказский узел, 04.01.2010. (<http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/163873/>).

⁵⁹⁴ Указ Президента Чеченской республики от 02.02.2009 «Об установлении дня чеченской женщины». Сайт Администрации Президента и Правительства Чеченской республики. (<http://adminchr.ru/vehi/279-prazdnikdni>).

стабильности и спокойствия в регионе»⁵⁹⁵. В 2010 году была отмечена годовщина данного праздника. Анализ поздравлений региональной элиты говорит о том, что день отмечался как годовщина отмены режима контртеррористической операции в Чеченской Республике: факт победы населения Чечни над «ваххабизмом и экстремизмом и терроризмом». Кроме того, данный день связывается со стабилизацией ситуации («*Мы доказали, что способны сохранить стабильность*» – Р.Кадыров; «*итог войны – прочный мир. И сегодня отрадно отметить, что Чеченская Республика представляет собой пример созидательного труда и возрождения*» – Р.Алханов и т.д.). Масштабно отметив годовщину события, совместив светские и религиозные ритуалы: так например, как дань мужеству, 14 летним подросткам вручили паспорта гражданина РФ, и во всех районах республики провели обряды жертвоприношения, читали мовлиды, Священный Коран. Олицетворением борца за данный день объявлен первый президент.

Еще одна памятная дата, появившаяся в календаре знаменательных дат республики в 2010 г. – **день восстановления государственности чеченского народа**, продолжает тему лишений и страданий, которые пережил чеченский народ. «Отмечая общественное и политическое значение исторического события – факта принятия 9 января 1957 года Указа Президиума Верховного Совета СССР «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР» и Указа Президиума Верховного Совета РСФСР «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР и упразднении Грозненской области», которыми была восстановлена государственность чеченского и ингушского народов⁵⁹⁶. Речь идет о восстановлении республики и возвращении на родину депортированных в годы войны чеченцев. Перенеся потери материальные и духовные, люди возвращались в республику: «*Несмотря на все трудности, народ нашел в себе силы за короткий период времени без помощи властей построить жилье, дать образование молодым, превратить ЧИАССР в один из процветающих регионов Советского Союза»⁵⁹⁷*.

Логическим следствием предыдущей даты стало появление **Дня памяти и скорби в Чеченской Республике** – 23 февраля: «*В память о жертвах трагических событий, связанных с актом величайшего произвола и беззакония на государственном уровне в отношении чеченцев - их насильственным переселением в Среднюю Азию и Казахстан 23 февраля 1944 года, отдавая дань уважения отцам и матерям, выдержавшим все тяготы и лишения в условиях спецпоселения»⁵⁹⁸*. Дата была приурочена к 66-й годовщине насильственной депортации чеченцев в Среднюю Азию и Казахстан. Депортация стала одной «*из самых страшных страниц в истории чеченского народа*», «*тяжким испытанием*»,

⁵⁹⁵ Указ Президента Чеченской республики от 04.05.2009 «Об объявлении 16 апреля Днем мира в Чеченской Республике». Сайт Администрации Президента и Правительства Чеченской республики. (<http://adminchr.ru/vehi/279-prazdnikdni>).

⁵⁹⁶ Указ Президента Чеченской республики от 08.01.2010 «Об определении 9 января памятной датой». Сайт Администрации Президента и Правительства Чеченской республики. (<http://adminchr.ru/vehi/279-prazdnikdni>).

⁵⁹⁷ Очередная годовщина восстановления ЧИАССР. Пресс-служба Президента и Правительства Чеченской Республики, 09.01.2010. (<http://chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=6619>).

⁵⁹⁸ Указ Президента Чеченской республики от 23.02.2010 «Об установлении Дня памяти и скорби в Чеченской Республике». Сайт Администрации Президента и Правительства Чеченской республики. (<http://adminchr.ru/vehi/279-prazdnikdni>).

«геноцидом», «трагедией», преодолев которую чеченцы «верны традициям, сохранив себя как нацию, сохранив свою культуру и самобытность»⁵⁹⁹.

Завершая рассмотрение региональных праздников в Чеченской республике можно сделать несколько выводов. Утвержденные в качестве региональных праздников даты можно разделить на две группы – исламские, светские. При этом исламские праздники включают в себя как общемусульманские, так и специфические, культивирующие святых (Пророк Мухаммад, Кунта-Хаджи). Стоит заметить, что в условиях исламизации в регионе, праздники служат важным инструментом продвижения мусульманских ценностей в республике. При этом происходит это при непосредственном участии государства в лице республиканской элиты. Вот почему возникают курьезы, вызывающие негативные эмоции у жителей, такие как, например, когда в 2009 году окончание Рамадана в Чечне отметили на день позже. Тогда в республике были слухи о том, что перенос даты празднования завершения месяца поста был связан с тем, что мать президента Чечни Рамзана Кадырова находилась в то время за пределами республики и не успевала вернуться домой к празднику. В 2010 г. наступление Рамадана было объявлено на день позже, чем в других мусульманских странах и регионах: *«Наш муфтият почему-то каждый год упорно выделяет республику из общепринятых правил и норм религии»⁶⁰⁰* – отмечают жители.

Несмотря на объявление светских дат, ислам остается в ритуалах: во всех мечетях читаются молитвы, в районах совершаются религиозные обряды зикр, жертвоприношения с чтением мовлидов. При этом в объявленных светских датах доминирует «памятные даты», знаменующие завершение или дань памяти печальных для региона событий.

Кроме того, особенностью символического оформления региональной уникальности Чеченской республики стала кампания по возведению в ранг символа фигуры первого Президента республики Ахмата Кадырова, трагически погибшего во время террористического акта на стадионе «Динамо» города Грозного 9 мая 2004 г.

Выстраивание коммуникативной стратегии продвижения региона свидетельствует о стремлении руководства Чечни превратить республику в основной центр Ислама в стране. Выраженность символического позиционирования ислама в качестве ключевой региональной идеи прослеживается как во внутриобрядовой практике, так и имиджевой стратегии региональной элиты.

⁵⁹⁹ Обращение Президента Чеченской Республики Рамзана Кадырова в связи с 66-й годовщиной депортации чеченского народа 23 февраля 1944 года. Пресс-служба Президента и Правительства Чеченской Республики, 23.02.2010. (<http://chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=6837>).

⁶⁰⁰ Ибрагимов М. Жители Чечни высказывают недовольство более поздним началом Рамадана // Кавказский узел, 12.08.2010. (<http://south-osetia.kavkaz-uzel.ru/articles/172889/>).

ХАРАКТЕРИСТИКИ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ РЕГИОНАЛЬНЫХ АНАЛИТИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ И РЕСПУБЛИК КАРЕЛИЯ И ТАТАРСТАН⁶⁰¹

При анализе политических процессов политологи и ученые-обществоведы уделяют основное внимание изучению институциональных изменений, роли элит и не-элит (масс) в процессе политических изменений, также исследуется роль гражданского общества, политической культуры и традиций. При этом мало изучается роль конкретных субъектов гражданского общества: гражданских организаций, социальных движений, профсоюзов. Еще меньше внимания уделяется роли субъектов интеллектуального производства в процессе политических трансформаций, таких, как интеллектуалы и аналитики, аналитические центры, центры публичной политики, наконец, аналитические сообщества. Данное исследование является попыткой восполнить недостаток внимания к данным субъектам политики.

Кроме того, интерес к изучению аналитических сообществ связан с той ролью, которые аналитические сообщества, автономные аналитические центры, играли в политических трансформациях, точнее, в демократизации, как в США и Западной Европе, так и в Восточной Европе⁶⁰².

Аналитические сообщества – новый для России формирующийся феномен автономного субъекта публичной политики. Современный демократический политический процесс требует участия негосударственных политических акторов, обладающих определенным набором знаний и компетенций, необходимых для решения сложных актуальных для общества в целом социальных проблем. В «транзитных» государствах это усложняется необходимостью решения задач по преобразованию государства и общества в направлении демократии, рыночной экономики, включения в «глобальный мир». В условиях слабости гражданского общества в «переходных» государствах бремя решения подобных масштабных задач ложится на представителей элиты и субэлиты – власть и аналитические сообщества. Поэтому от наличия и качества последних зависит ни много – ни мало – успех демократических преобразований и эффективность принимаемых политических решений как на федеральном, так и на региональном уровнях.

⁶⁰¹ Настоящая статья подготовлена по результатам исследования «Региональные аналитические сообщества как субъекты политики: модели участия в политических процессах», которое проводится ИК РАПН по публичной политике и управлению совместно с Кафедрой публичной политики ГУ-ВШЭ. Подробнее см. Сборники Серии: «Становление аналитических сообществ в регионах России» / Отв. ред. серии Н.Ю.Беляева // Аналитические сообщества в Саратовской области: сб. ст. / Под ред. Ш.Ш.Какабадзе; МОФ «ИНТЕРЛИГАЛ». М.: «ИНТЕЛКОРП», 2010; Аналитические сообщества в Республике Карелия: сб. ст. / Под ред. Ш.Ш.Какабадзе; МОФ «ИНТЕРЛИГАЛ». М.: «ИНТЕЛКОРП», 2010; Аналитические сообщества в Республике Татарстан: сб. ст. / Под ред. Ш.Ш.Какабадзе; МОФ «ИНТЕРЛИГАЛ». М.: «ИНЮЕЛКОРП», 2010.

⁶⁰² Подробнее см.: Zaytsev D. Intellectuals' role in democratic development: European experience and Russian practice // Russia-Europe Relations: a Look from Sweden. Academic Papers of the 8th International Session of the HSE "Baltic Practice", Stockholm Research Center, Sweden, August 1 - 8, 2008. Moscow: INTELCOРP, 2009.

Аналитики, эксперты, консультанты: основания идентичностей

Аналитические сообщества – *группы профессиональных аналитиков*, имеющие **общие** поведенческие модели (специфический вид деятельности аналитических сообществ); установки на отождествление себя с определенной профессиональной группой; особенности взаимоотношений с лицами, принимающими политико-управленческие решения (и социальными, политическими институтами); разделяемые этические принципы.

Представители аналитических сообществ занимаются проведением прикладных исследований и разработок в форме политического анализа (policy analysis), который состоит из комплекса аналитических процедур и позволяет получить разностороннее видение социальной проблемы и способов ее решения, а также позволяет предложить лицам, принимающим решения, рекомендации, оптимизирующие эффективность управленческих действий.

«Референтной группой» аналитических сообществ (скорее генетически и исторически, чем по теперешнему отождествлению себя) являются университетские и академические среды.

Взаимоотношения с лицами, принимающими решения, и политическими институтами аналитические сообщества стремятся выстраивать на принципах партнерства и собственной автономии (в основе которой лежит ресурсная автономия).

Представители аналитических сообществ разделяют представления о своей роли в политике и обществе в качестве автономных и влиятельных субъектов политики (политических акторов). При этом в поведении проявляются предельные установки на «гражданскую этику», деятельность в интересах общества в целом (public interest) для достижения блага всех (public good).

По этим характеристикам идентичность аналитических сообществ отличается от идентичностей не только других социальных групп, но и близких профессиональных сообществ: экспертов и консультантов (см. таблицу 1).

Если первые две характеристики так или иначе связаны с деятельностью рассматриваемых сообществ, то последние две следует рассматривать скорее в качестве их «предельных установок», то есть как декларации, представления, а также принципы и ценности, к соблюдению которых с той или иной степенью успешности стремятся данные сообщества. Комментариев также требует последняя характеристика. О представлениях аналитических сообществ о должной роли в обществе, их ценностных установках уже говорилось выше. Эксперты придерживаются скорее «функциональных» установок, то есть ориентированы на выполнение своей задачи, функции и видят в этом определенную пользу для общества, при этом придерживаются «профессиональной этики». Установки консультантов скорее направлены на поддержание стабильности существующей социально-политической системы, легитимацию сложившихся социально-политических отношений, при этом доминирует «предпринимательская этика» максимизации прибыли за сделанную работу.

По опыту исследований аналитических центров и сообществ федерального уровня ясно, что формирование идентичности аналитических сообществ происходит вокруг места, личности выдающегося аналитика или в рамках каких-либо структур, и мы можем говорить о таких формах организации аналитических сообществ как «аналитические площадки», неформальные интеллектуальные группы и аналитические структуры, соответственно.

Таблица 1.

Характеристики идентичности	Аналитики	Эксперты	Консультанты
Вид деятельности	Проведение прикладных исследований и разработок в форме политического анализа (policy analysis)	Проведение узко-профессиональных экспертиз (правовых, гражданских и т.п.)	Сопровождение деятельности заказчика (от постановки задачи до достижения необходимого заказчику результата)
Референтные группы	Академическая и университетская среда, научное сообщество	Сообщества профессионалов (юристы, НГО и т.п.)	Сообщество бизнеса
Принципы взаимодействия с ЛПР и институтами	Автономия от всех сегментов общества, партнерство	Объективность и декларируемая независимость, «контрактные»	«Патрон-клиентские» и/или «контрактные», «потребительские» по отношению к другим институтам и сегментам общества
Представления о должной роли в обществе	«Субъектные», «активистские», «гражданские»	«Функциональные», «профессиональные»	«Легитимирующие» статус-кво, «предпринимательские» ценности

Формирование идентичности аналитических сообществ происходит, например, когда известная «аналитическая площадка»⁶⁰³ регулярно проводит семинары и/или конференции, научные мероприятия и события, как семинар «Полития», «Ходорковские чтения», «Клуб 4-го ноября» и др. (см. таблицу 2).

Также вокруг ведущих и авторитетных обществоведов, политологов могут складываться «научные школы» – неформальные интеллектуальные группы: «Школа Салмина» (С.Каспэ, К.Коктыш); «Методологи» (П.Щедровицкий); «Либертариум» (Б.Львин, Г.Сапов, А.Илларионов); «Школа прогнозистки» (И.Бестужев-Лада); «Консерваторы» (М.Ремизов, К.Крылов, Е.Холмогоров); «Евразийцы» (А.Дугин); «Школа Дилигенского» (А.Зудин, И.Семененко, Т.Ворожейкина); «Горбачевские» «либералы» (Г.Шахназаров, Ю.Красин, Д.Фурман, Б.Кувалдин); «Сеть ИГПИ» (В.Игрунов, В.Гельман, С.Рыженков) и др.

Среди структурированных форм организации аналитических сообществ: *аналитические центры*⁶⁰⁴ (Московский центр Карнеги, Центр стратегических разработок, Центр политических технологий, Фонд эффективной политики, Фонд ИНДЕМ и др.); *центры публичной политики*⁶⁰⁵ (Санкт-петербургский центр «Стратегия», Экспертный институт РСПП, Комиссии Общественной палаты РФ,

⁶⁰³ Аналитические площадки – места концентрации интеллектуальной социальной, экономической и политической мысли, где проводятся постоянные мероприятия (семинары, конференции и т.п.) с участием представителей академических и научных структур, аналитических центров, центров публичной политики, политиков, бизнесменов, журналистов.

⁶⁰⁴ Аналитические центры – это автономные организации, которые занимаются прикладными исследованиями и разработками, ориентированные на научность и объективность, включены в политический процесс и производят междисциплинарный, не всегда открытый интеллектуальный продукт.

⁶⁰⁵ Центры публичной политики – это организации (чаще некоммерческие), которые включены в публичный политический процесс, занимаются защитой и продвижением интересов (advocacy work) плохо организованных сообществ и для этого производят общедоступный публичный интеллектуальный продукт.

Фонд Сороса и др.); *традиционные научно-исследовательские организации*⁶⁰⁶ (ИМЭМО РАН, Институт социологии РАН, Российская ассоциация политической науки и др.), *аналитические структуры при правительстве, парламенте и т.п.*⁶⁰⁷.

Таблица 2.

«Системные»		
«Прогрессисты» («условные либералы»)	«Государственники»	
Politcom.ru Семинары в ГУ-ВШЭ Семинар «Полития» Орес.ru Школа культурной политики Центр Кургиняна	Издательство «Европа» Семинары ОПРФ Клуб «4-го ноября» Клуб социально-консервативной политики ЕР Kreml.org Liberty.ru; Институт «Справедливый мир»	
«Несистемные»		
«Консерваторы» и «националисты» («славянофилы»)	«Либералы» («западники»)	«Социалисты» и «коммунисты»:
Серафимовский клуб Русский архипелаг (Русский журнал) Консервативный пресс-клуб (Русский журнал) Агентство политических новостей Международное евразийское движение	Семинары центра Карнеги «Ходорковские чтения» Клуб 2015	Семинары Фонда Горбачева ООО «Российские ученые социалистической ориентации» ООПД «Альтернативы» Социалистическое сопротивление Комитета за Рабочий Интернационал

Региональные аналитические сообщества: особенности формирующейся идентичности

Процесс формирования идентичности аналитических сообществ в трех изучаемых регионах находится на разных стадиях.

По всем четырем выделенным выше характеристикам наиболее сформированным и структурированным являются аналитические сообщества Республики Карелия. Судя по заявлениям представителей аналитических сообществ Карелии, прикладные исследования и разработки аналитиками ведутся, политический анализ осознается в качестве их специфического вида деятельности.

Аналитики Карелии сохранили, в том числе институционально (через Карельский научный центр РАН), довольно сильные связи с академической наукой; взаимодействие с лицами, принимающими решения (ЛПР), выстраиваются на принципах партнерства и автономии; принципы «гражданской» этики аналитика находят отклик. Особенностью взаимоотношения аналитических сообществ Карелии с региональными властями является сравнительно более высокий уровень институционализации.

⁶⁰⁶ Традиционные научно-исследовательские организации – это независимые от политики академические структуры, которые производят фундаментальные научные исследования и разработки, обладающие рядом признаков, а именно – академичность, долговременная актуальность, специализация, монодисциплинарность.

⁶⁰⁷ Подробнее см.: Беляева Н.Ю., Зайцев Д.Г. «Фабрики мысли» и центры публичной политики как субъекты экспертного обеспечения политики // Полития, 2008, №4. С. 139-152.

В Саратовской области формирование аналитических сообществ наталкивается на ряд проблем, связанных с отчужденностью региональных академических аналитических сообществ от процесса выработки, принятия и реализации политических решений и выстраиванием взаимоотношений с ЛПР на основе патрон-клиентских принципов, исключая партнерский характер отношений, основанный на взаимной автономии. Факторами, влияющим на выделенные проблемы, являются сравнительно более низкий, чем в Республике Карелия, уровень институционализации региональных политических процессов и политической конкуренции.

В Республике Татарстан к проблемам, характерным для формирования идентичности саратовских аналитических сообществ, добавляются отсутствие четких представлений о разнице между фундаментальными социальными исследованиями, политическим консультированием, экспертной деятельностью, с одной стороны, и прикладным политическим анализом, с другой; отсутствие предпосылок для отклика на принципы «гражданской» составляющей этики аналитической деятельности.

Основные отличительные особенности формирующейся идентичности региональных аналитических сообществ Республики Карелия, Саратовской области и Республики Татарстан представлены в таблице 3.

Таблица 3.

Характеристики идентичности	Республика Карелия	Саратовская область	Республика Татарстан
Вид деятельности	Аналитики специализируются на прикладных исследованиях и разработках	Аналитики специализируются на прикладных исследованиях и разработках	Аналитики НЕ специализируются на прикладных исследованиях и разработках
Референтные группы	Сохранены связи с академической наукой	Существует разрыв между прикладной и академической аналитиков и, соответственно, между аналитиками и «учеными»	Существует разрыв между прикладной и академической аналитиков и, соответственно, между аналитиками и «учеными»
Принципы взаимодействия с ЛПР и институтами	Институционализированное партнерство	«Патрон-клиентские» и/или «контрактные», «потребительские» по отношению к другим институтам и сегментам общества	Нет, НЕ институционализированы
Представления о должной роли в обществе, ценности	Аналитики разделяют принципы «гражданской» этики	Аналитики понимают принципы «гражданской» этики	Нет доминирующих установок

Общей проблемой формирующейся идентичности региональных аналитических сообществ является их неконсолидированность. И, возможно, как следствие, фиксируемый везде низкий уровень влияния региональных аналитических сообществ на региональные политические процессы. В целом, аналитические сообщества Республики Карелия, Саратовской области и Республики Татарстан находятся на разных этапах и уровнях формирования своей идентичности.

Д.Н. Нечаев,
Воронежский ГУ, АНО «Институт политического анализа и стратегий»,
Е.С. Селиванова,
АНО «Агентство региональных социально-экономических проектов»

КЛЮЧЕВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В ОЦЕНКАХ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В последние годы в российских регионах происходит активный процесс социально-экономических и политических трансформаций, которые все в большей и большей мере актуализируют гипотезу о том, что «политический тренд РФ будет зависеть от апробированных практик ее регионального развития»⁶⁰⁸. Немаловажное значение имеет и поиск своей идентичности населением России, в том числе в субъектах РФ. Причем этот процесс идет в нескольких составляющих идентичности: «социальной, национальной (национально-государственной), цивилизационной, политической, гражданской»⁶⁰⁹.

Анализируя проблему идентичности, стоит иметь ввиду ее сущностное понимание среди зарубежных и отечественных исследователей. В частности, И.Н.Тимофеев рассматривает понятие идентичности в двух кластерах. В рамках первого «идентичность понимается как совокупность представлений, на основе которых государство «воображается» как политическое сообщество «мы». В рамках второго кластера идентичность рассматривается как совокупность представлений, которая формирует самоопределение государства: видение членами группы своего места в мире, в том числе на основе соотнесения со «значимыми другими» (государствами или сообществами) в логике оппозиции «мы – они»⁶¹⁰.

На пути осмысления понимания идентичности важно систематизировать ее составляющие. По мнению профессора А.В.Дугина, «премодерн знает следующие основные идентичности: империя, этнос, религия, иерархия (каста-сословие)»⁶¹¹. Однако эти классифицирующие различия не отрицают того факта, что идентичность формируется под влиянием «явлений трех типов: психологической деятельности субъектов, системы ценностей и стереотипов и спецификой политической позиции (ее функциональными особенностями)»⁶¹². И в нашей статье через призму социологического среза в конкретной российской территории мы рассмотрим проблематику процесса национальной самоидентификации населения РФ, видя в нем цивилизационную, национально-государственную, политическую, социально-психологическую, гражданскую составляющие

⁶⁰⁸ Нечаев Д.Н. Фактор региональных политических режимов в формировании трендов политического развития Российской Федерации // 5 Всероссийский конгресс политологов «Изменения в политике и политика изменений: Стратегии, институты, акторы». Москва, 20-22 ноября 2009 г. М.: Российская ассоциация политической науки, 2009. С. 307.

⁶⁰⁹ Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Идентичность в системе координат мирового развития // Полис, 2010, № 3. С. 40.

⁶¹⁰ Тимофеев И.Н. Проблемы страновой идентичности в зарубежной политологии // Международные процессы. (<http://www.intertrends.ru/thirteen/007.htm>).

⁶¹¹ Дугин А.Г. Эволюция социально-политических идентичностей в парадигмальной системе координат // Центр консервативных исследований: [портал]. (<http://konservatizm.org/konservatizm/geopolitika/140910172027.xhtml>).

⁶¹² Денисов И. Политическое сознание современного российского общества (<http://www.politnauka.org/library/teoria/denisov.php>).

Учитывая разнонаправленные тренды социально-экономического и политического развития России, ее регионов, важно не только понимать политическое сознание граждан, глубину проблемы поиска идентичности населением страны, болезненность этих процессов, угрозы и высокие риски, связанные с этим, но и необходимость системного и тщательного изучения всех элементов данной проблемы для научного и прикладного аспектов. Стоит обратить серьезное внимание и на то, что в процессе идентификации имеются существенные различия даже среди российских регионов и даже областей-соседей, к примеру, в ЦФО.

Кстати, испанский социолог М.Кастельс выделяет три вида самобытности (идентичности), которые имеют важнейшее значение для развития страны: *легитимирующая самобытность*, которая устанавливается ключевыми политическими институтами, *«самобытность сопротивления»* (она не вступает в контакт с государством, за исключением случаев борьбы и ведения переговоров с ним по поводу защиты своих особых интересов и ценностей)... и *самобытность устремленная в будущее* (проектная идентичность, которая в теории способна воссоздать нечто подобное новому гражданскому обществу, а, в конечном счете – и новое государство)⁶¹³. Точно так же, как М.Кастельс рассматривает распад самобытности, имеет смысл прогнозировать проектирование и строительство самобытности (идентичности) в масштабах страны. И в этом отношении логично анализировать российские региональные практики, которые могут быть образцом для формирования общефедеральных трендов.

К примеру, Белгородская область стала примером для российских регионов не только в позитивном развитии экономики и социальной сферы, но и в особом внимании к проблематике национальной самоидентификации населения с учетом исторических, национальных и религиозных особенностей территории (формируется там и особая региональная идентичность). Правительство области проводит умеренно-взвешенную политику по отношению к трудовым мигрантам из Закавказья и Средней Азии, с подачи власти идет значительное по масштабам строительство и восстановление православных храмов, в общеобразовательных школах введен обязательный предмет для изучения «Основы православной культуры», в общественном мнении и СМИ доминирует процесс отождествления жителей с историческими традициями коренного населения и православной верой (*патриотический тренд*).

По мнению того же М.Кастельса, «власть заключается в информационных кодах, в представительских имиджах, на основе которых общество организует свои институты, а люди строят свои жизни и принимают решения относительно своих поступков. Центрами такой власти становятся умы людей»⁶¹⁴. К примеру, заседание правительства Белгородской области, которое проходит в одном из районов области, начинается с посещения православного храма участников заседания и благословения священника. Вместе с тем ключевые элементы процесса национальной самоидентификации системно оцениваются властью и политическими экспертами далеко не во всех регионах Центральной России.

К примеру, в Воронежской области, где власть не имеет четкого подхода в данном вопросе и где проявляют высокую активность национальные и религиозные

⁶¹³ Кастельс М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Аса...а, 1999. С. 299-300.

⁶¹⁴ Там же.

меньшинства, этот процесс носит во многом стихийный и бессистемный характер (*космополитичный тренд*). И это подтверждают социологические исследования, в том числе в Воронежской области. В июне 2010 года региональной научно-исследовательской структурой АНО «Институт политического анализа и стратегий» был проведен социологический опрос на тему «Считают ли граждане России себя европейцами: оценка воронежцев» (в самом исследовании было затронуто несколько важных вопросов). Были опрошены 603 респондента, выборка была репрезентативна для населения Воронежской области и городского округа г. Воронеж старше 18 лет по возрасту, образованию, семейному и материальному положению.

Весьма интересна цивилизационная составляющая сделанных на базе проведенного социологического исследования выводов. Основной вывод – большинство воронежцев (Воронежская область – один из ключевых регионов Центральной России с населением около 2,3 млн. человек) не идентифицирует себя с западной цивилизацией и ее ценностями даже «в условиях мультимедийности киберпространства»⁶¹⁵, активно влияющих на мнение населения. Как показало проведенное исследование, по мнению большей части опрошенных (42,29%), Россия – не Европа. Характерно, что в этом отношении респонденты подчеркивают как определенную враждебность к иной цивилизации, так и свою особость, самобытность (идентичность). А ведь в конце 80-х – начале 90-х годов в данном регионе страны доминировали ценности, соотносимые с западной иудеохристианской (по С.Хантингтону) цивилизацией.

В этом отношении стоит согласиться с упоминаемым нами американским политологом, что с течением времени «утрачивается привлекательность западной культуры, и незападные жители все больше доверяют своим исконным культурам и все больше преданы им»⁶¹⁶. В то же время около четверти респондентов (24,88%) утверждают, что Россия – это Европа. Достаточно большое количество населения (16,42%) полагает, что Россия – больше, чем Европа. Некоторые опрошенные (4,48%) затруднялись ответить на поставленный вопрос. Совсем небольшую поддержку получило утверждение, что Россия – недо-Европа (1,99%), а также Россия – сверх-Европа (1,49%).

Возрастная матрица распределения мнений опрошенных показывает, что Россия не является Европой для большинства граждан 40-49 лет. Среди людей пенсионного и предпенсионного возраста этот показатель составляет 42,67% и 48,89%, а молодежь 18-24 лет предпочла данный вариант ответа только в 15,38% случаев. Тех, кто считает, что Россия – это Европа, больше всего среди возрастных групп 18-24 (38,46%) и 30-39 лет (35,71%), остальные же категории граждан разделяют эту точку зрения в 21-28% случаев. Подавляющее большинство людей в возрасте 25-29 лет считает Россию специфической ветвью Европы (42,86%), их поддерживает достаточная часть молодежи 18-24 лет (15,38%), а среди населения более старшего возраста этот показатель составляет от 4 до 8 процентов. Мнение, что Россия – больше чем Европа, особенно популярно среди лиц 30-39 лет (21,43%) и вовсе не получило сторонников у представителей 24-29-летнего возраста. Одновременно такая же доля населения 30-39 лет полагает, что Россия – это сверх-Европа, возрастные же группы от 18 до 29 лет и от 60 и старше так не считают

⁶¹⁵ Бондаренко С.В. Политическая идентичность в киберпространстве // Полит. Наука, 2005, № 3. С. 76–92. (http://www.library.cjes.ru/online/?a=con&b_id=790).

⁶¹⁶ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Геополитика: Антология. М.: Академический проект; Культура, 2006. С. 600.

вовсе. То, что Россия – недо-Европа, утверждают 7,69% лиц 18-24 лет, а среди представителей категорий граждан 25-39 лет и старше 60 сторонников этой теории не нашлось. Затруднялись с ответом в основном жители Воронежа и области в возрасте 18-24 и 30-39 лет, не вызвал же никаких проблем вопрос у людей 25-29 и 40-49 лет.

Представляет огромный интерес и та часть социологического опроса, которая выводит на национальную (национально-государственную) составляющую идентичности. И здесь нельзя не согласиться с Е.С.Крестининой, которая отмечает, что «принадлежность к той или иной группе способствует установлению на индивидуальном уровне определенного набора привычных действий, представлений, мифов»⁶¹⁷. Какой же смысл вкладывают жители Воронежа и области в понятие «русский мир»? Исследование показало, что большинство опрошенных под понятием «русский мир» подразумевает только русскую нацию (37,81%). Для многих «русский мир» – это все жители России (29,35%). Также достаточно большое количество респондентов считают, что «русский мир» – это все, кто имеет хоть какое-то отношение к России (28,86%). Затруднялись с ответом на этот вопрос 3,98% опрошенных.

Возрастная матрица распределения мнений опрошенных показывает, что под русским миром только русскую нацию подразумевают лица старше 60 лет (44%), а меньше всех голосов этот вариант ответа получил среди жителей 18-24 лет (23,08%). То, что русский мир – все жители России, утверждает большинство населения в возрасте от 25 до 29 лет (57,14%), наименьшую же популярность этот пункт приобрел среди граждан 50-59 лет (22,22%). В основном респонденты 18-24 лет полагают, что русский мир – это все, кто имеет хоть какое-то отношение к России, однако среди возрастной группы 25-29 лет их поддерживают лишь 14,29%. Вопрос вызвал затруднения у 8,89% представителей 50-59 лет, а вот у категорий лиц 25-49 лет никаких проблем с ответом не возникало.

Анализируя эти данные, можно выйти на глубинную тему о становлении нации в нашей стране. Имеет смысл предположить, что поскольку за семь десятилетий функционирования СССР не сложилась советская нация (новая историческая общность – советский народ), налицо и труднопреодолимые проблемы в институционализации российской нации. В этом разрезе более перспективным нам представляется тренд становления русской нации, с которой, очевидно, готовы идентифицировать себя большинство народов РФ. Логично также предположить, что становление нации будет идти через конфликт, поскольку «различие между «нами», «нашей» группой, «внутренней» группой и «другими», «чужими», «внешней» группой» возникает в конфликте или через конфликт»⁶¹⁸.

Очень значимо мнение населения одного из регионов Центральной России о том, что такое «русскость». По мнению большинства жителей Воронежской области, «русскость» определяется в первую очередь верой (54,73%). В то же время многие полагают, что «русскость» – это в первую очередь гены (20,90%). Таким образом, данные результаты логично совпадают с тезисом о том, что «в сфере сознания – особенно в таких более отдаленных от материальных, экономических отношений его формах, как религиозное и национальное сознание, – в несравненно большей мере

⁶¹⁷ Крестинина Е.С. Политическая идентичность как фактор двусторонних отношений: теоретический аспект. (http://community.livejournal.com/image_of_russia/61443.html).

⁶¹⁸ Попова О.В. Социально-демографические факторы политической идентичности // *Miscellanea humanitaria philosophiae*. Очерки по философии и культуре. СПб., 2001. С. 170–184. (http://anthropology.ru/ru/texts/popova_ov/misc_19.html).

проявляются сила традиций, элементы постоянства. На протяжении веков остаются неизменными этнические и религиозные представления, на которые мало действует не только смена политического режима, но и общественной системы»⁶¹⁹.

Некоторые за главный показатель «русскости» принимают паспорт (17,41%). Затруднялись с ответом 6,97% респондентов. Жители области с высшим образованием считают, что главный показатель «русскости» – это, прежде всего, вера (58,59%), а не гены (здесь они представляют «минимальные» 14,14%). Полагают, что «русскость» зависит от паспорта, в основном опрошенные с высшим (21,21%) и средним общим (21,43%) образованием. Затруднения вопрос вызвал, прежде всего, у лиц с незаконченным высшим образованием (50%), при этом вовсе никаких проблем с ответом не возникло у людей с образованием ниже среднего.

Разумеется, процесс национальной идентичности русских, при их доминирующей численности, значительно растянут по времени в регионах Центральной России, если нет угроз от «чужих», «пришлых». Более мобильно этот процесс происходит в автономных республиках. Характерный пример – Башкирия. В частности, поводом может послужить навязывание того или иного решения руководством республики. Ранее, «несмотря на то, что «титульная нация» уступала численно не только русским, но и татарам, в 1995 г. во всех без исключения общеобразовательных школах введено изучение башкирского языка, а также дополнительные предметы – культура, история, география Башкирии»⁶²⁰.

Процесс анализа идентичности «неразрывно связан с процессом конструирования социальной реальности как таковой»⁶²¹. Какие же социальные и политические ценности наиболее предпочтительны для населения одного из регионов Центральной России? В ходе исследования большая часть опрошенных призналась, что главной ценностью для них является семья (40,8%). В то же время многие считают очень важным такие понятия, как демократия (25,37%) и справедливость (16,92%). По большому счету, перед нами некая усредненная конструкция индивида, который имеет социальные и политические предпочтения (социальная и политическая составляющая идентичности).

И здесь стоит согласиться с И.В.Зайцевым, который полагает, что «социальный конструктивизм исходит из посылки о том, что «Я» человека – это не изолированная, автономная сущность. Скорее она находится в постоянном динамическом взаимодействии с социальным миром. Мнения, личности и идентичности формируются, обговариваются и изменяются в социальном взаимодействии»⁶²². Следовательно, по нашему мнению, социальная и политическая идентичность, в отличие от цивилизационной и национальной, более подвижна. Кстати, согласно

⁶¹⁹ Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания / Ред.кол.: М.П.Мчедлов (отв. ред.), Ю.А.Гаврилов, В.В.Горбунов и др. М.: Культурная революция, 2007. С. 8.

⁶²⁰ Суханов В.М. Политическая идентичность в контексте федеративных отношений: теоретико- методологические аспекты анализа // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Социология. Политология, 2008. Т. 8, Вып. 2. С. 76-80. С. 77.

⁶²¹ Слободяник Н.Б. Конструирование идентичности в политическом дискурсе: к вопросу о роли социального антагонизма: (о концепции политического дискурса Лаклау и Муффа) // Политическая лингвистика, Екатеринбург, 2007. Вып. 2 (22). С. 60–67. (<http://www.philology.ru/linguistics1/slobodyanik-07.htm>).

⁶²² Зайцев И.В. Проблема формирования политической идентичности: опыт социально-психологического исследования // Вест. Нижегород. ун-та. Сер. Социал. Науки, 2007, № 2. С. 41.

социологическому опросу, достаточно небольшое количество респондентов отдали свои голоса в пользу безопасности (6,47%) и достатка (4,48%). Некоторые особый акцент ставят на гражданском обществе (3,48%) и совсем немногие – на выборах (1,99%). Затруднились ответить 0,50% опрошенных.

Социологическое исследование в рамках изучения проблематики социальных и политических ценностей, выводящих на парадигму идентичности, не является чем-то новым. В частности, данной теме уделяет особое внимание отечественный исследователь Н.И.Лапин, в том числе и через призму социологических опросов населения. К примеру, группа под его руководством исследовала «14 базовых ценностей, которые дифференцируются на три культурных типа: традиционные, общечеловеческие, современные (модернистские, либеральные)»⁶²³. Однако в случае АНО «ИПАС» исследование было проведено в увязке социально-политических предпочтений населения с цивилизационными и национальными базовыми ценностями.

Возвращаясь к социологическому опросу, стоит отметить, что анализ распределения ответов опрошенных по гендерному признаку показывает более высокую значимость семьи как ценности для мужчин, чем для женщин (45,59% против «женских» 38,35%). Зато процентный показатель в ответе «демократия» гораздо больше у женщин (28,57% против 19,12%), как и при выборе варианта ответа «гражданское общество» – 4,51% среди представительниц прекрасного пола и 1,47% среди мужчин. Справедливость же гораздо чаще оказывается в приоритете у представителей сильной половины человечества (19,12% и 15,79%). Также мужчины немного чаще, чем женщины, обращают внимание на такие ценности, как безопасность (7,35% против «женских» 6,02%) и выборы (2,94% и 1,50%). Достаток получил примерно равное количество голосов (4,41% у мужчин и 4,51% у женщин). Изредка затруднились с ответом лишь женщины (0,75%).

Как отмечает российский исследователь И.Д.Афанасенко, культурно-исторические миры, а к одному из таких миров он относит и Россию, различаются своими идеалами. По его мнению, в качестве идеала «может выступать народная идея или практическая заповедь, которая преодолела хронологические границы своего социального времени, охватывает жизнь многих поколений»⁶²⁴. Анализируя, в том числе и в разрезе социологических исследований, процесс национальной самоидентификации населения РФ применительно к культурно-историческим мирам (цивилизационную, национально-государственную, политическую, социально-психологическую, гражданскую составляющие) важно видеть его направленность.

На наш взгляд, имеются достаточно веские основания предполагать, что данный тренд будет развиваться в русле позиции русского философа И.А.Ильина: «России было дано великое задание – выработать русско-национальный творческий акт, верный историческим корням славянства и религиозному духу русского Православия, – «имперский» акт такой глубины, ширины и гибкости, чтобы все народы России могли найти в нем свое родовое лоно, свое оплодотворение и водительное научение; создать из этого акта новую, русско-национальную светски-свободную культуру (знания, искусства, нравственности, семьи, права, государства и хозяйства) – все это в духе восточного, Иоановского христианства (любви,

⁶²³ Лапин Н.И. Функционально – ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социс, 2010, № 1. С. 28.

⁶²⁴ Афанасенко И.Д. Есть ли будущее у русской цивилизации? СПб.: Питер, 2007. С. 343.

созерцания и свободы); и, наконец, узреть и выговорить русскую национальную идею, ведущую Россию через пространства истории»⁶²⁵.

**А.И. Кольба,
Кубанский государственный университет**

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫМИ КОНФЛИКТАМИ НА ЮГЕ РОССИИ

Этнический фактор традиционно имеет ключевое значение для детерминации социально-экономических и политических процессов в южнороссийском регионе. После бурных событий 1990-х годов, связанных с широким распространением этносепаратистских идей, на стыке столетий наблюдается некоторое снижение уровня напряжённости. Однако, как отмечает В.А.Авксентьев, с середины 2000-х годов начинается процесс реполитизации этничности. При этом конфликтность переместилась с регионального уровня (открытые конфликты с этапами вооружённой борьбы) на локальный. Это создаёт благоприятную почву для этноконфликтной мобилизации населения этнополитическими элитами или этническими антрепренёрами, что может сыграть свою негативную роль в условиях затяжных, «замороженных», латентных конфликтов и способствовать быстрому вовлечению людей как в эти застарелые конфликты, так и вызревающие новые⁶²⁶. Соответственно, происходит изменение не только содержательной стороны самих конфликтов, но и механизмов управления ими. При внешней лояльности федеральному центру элиты отнюдь не отказываются от использования потенциала национализма как инструмента в своих взаимоотношениях с федеральным центром, соседними субъектами РФ и другими элитами.

Известные особенности национально-территориального устройства Юга России, в частности, существование этнически «двухсубъектных» (Карачаево-Черкессия, Кабардино-Балкария) и «многосубъектных» (Дагестан) республик, сохранение клановости, проблемы в экономическом развитии и ряд других факторов объективно порождают многочисленные противоречия, в сумме своей составляющие конфликтный потенциал региона. Этническая идентичность при этом используется в качестве одного из инструментов управления конфликтами. Её использование привлекает местные элиты тем, что отличается довольно высокой эффективностью, позволяет достичь политических целей, сохранить контроль над экономическими ресурсами и т. д. В условиях тесной взаимосвязи власти и собственности, особенно ярко выраженной в данном регионе, слабой дифференциации социальных, культурных и иных интересов в сознании значительного количества граждан категория «этнические интересы», во многом конструируемая элитами, отличается многообразием элементов. В условиях, когда иное понимание данных интересов практически отсутствует, она создаёт возможности оказания политического давления на оппонентов.

Подобные примеры мы могли наблюдать в середине 2000-х годов, когда речь зашла об объединении Краснодарского края и Республики Адыгея. Против данного проекта выступил действующий на тот момент президент республики Х.Совмен,

⁶²⁵ Ильин И.А. О русском национализме. Сборник статей. М.: Российский Фонд Культуры, 2007. С. 45.

⁶²⁶ Авксентьев В.А. Северный Кавказ: реполитизация этничности и конфликтологические сценарии развития // Обозреватель – Observer, 2006, № 1.

поддержанный большей частью властно-управленческой элиты. В процесс активно включились и общественные организации, создавшие Комитет защиты статуса Республики Адыгея. Не остались в стороне и зарубежные диаспоры: руководитель одного из зарубежных отделений организации «Черкесский конгресс» К.Хатукай в письме на имя президента республики заявил, что считает «недопустимым посягательство на возможность развития Адыгеи как полноправного субъекта Российской Федерации»⁶²⁷. В свою очередь, Союз славян Адыгеи, претендующий на представление интересов значительной части её населения, выступил в поддержку объединительных идей, отметив в своём заявлении, что «провозглашение Адыгеи республикой не принесло блага для ее жителей, для русских же этот статус стал тяжелым бременем»⁶²⁸.

Таким образом, и сторонники, и противники создания единого субъекта РФ имели возможность опереться на механизмы мобилизации, связанные с использованием этнической идентичности. Но если инициаторы этого предложения оперировали, прежде всего, социально-экономическими показателями, то противники (особенно, этнические элиты в республике) играли на поле этнических интересов, понимание которых формируется при их собственных активных усилиях. В частности, в республике прошёл ряд акций протеста, а представители республиканских органов власти заявили о росте напряжённости в сфере межэтнических отношений⁶²⁹. Как показали последующие события (быстрое свёртывание объединительных инициатив), такие аргументы позволили этническим элитам добиться преимущества в конфликте.

Федеральный центр отказался от своих планов в первую очередь потому, что риск дестабилизации обстановки хотя бы в одном из субъектов РФ, расположенных на Юге России, представляется для него неприемлемым по нескольким причинам. Во-первых, это ставит под вопрос тезис о значительных успехах федеральной политики в регионе за последние десять лет. Во-вторых, возможны значительные геополитические последствия. В-третьих, могут вновь актуализироваться противоречия, существующие в других субъектах. Однако отказ от институциональных изменений в регионе делает нынешнее положение псевдостабильным. Это становится ещё более значимым, если рассмотреть положение вещей в контексте планируемой модернизации. От региона, где преобладают архаичные социальные и экономические отношения, традиционные формы властвования под прикрытием современных институтов, вряд ли можно ожидать прорыва в этом направлении.

Уязвимость федерального центра к возможному обострению ситуации в сфере этнополитических отношений на Юге России и в настоящее время делает подобные аргументы весьма значимыми. Не исключено, что по мере приближения такого значимого события, как Олимпиада-2014, в Сочи интенсифицируются и попытки их использования для давления на федеральный центр. Характерна в этом плане актуализация «черкесского вопроса», при обсуждении которого выдвигается идея воссоздания автономии, объединяющей территорию, где исторически проживали и

⁶²⁷ Мигалин С., Бондаренко М. В Адыгее зреет мятеж. Идея объединения с Краснодарским краем вызвала жесткое сопротивление в национальной республике. (http://www.ng.ru/regions/2005-04-22/1_adygea.html).

⁶²⁸ Союз славян Адыгеи выступает за объединение с Краснодарским краем. (<http://www.yuga.ru/news/62809/>).

⁶²⁹ Пресс-секретарь президента Адыгеи: идёт дальнейшая эскалация напряжённости в обществе. (<http://www.regnum.ru/news/447281.html>).

проживают представители этого народа. Широко используемый активистами черкесских организаций тезис о «проведении олимпиады на земле геноцида» заставляет задуматься о возможности политического шантажа федеральных структур накануне Игр, тем более что идея создания «Великой Черкессии» может продвигаться как альтернативный вариант укрупнения регионов⁶³⁰. Благоприятным фоном для этого представляются такие обстоятельства, как наличие внешнеполитических проблем России на Кавказе (конфронтация с Грузией), а также разделение черкесов не только границами субъектов РФ, но и федеральных округов. Вряд ли этнические элиты надеются реализовать этот проект в полной мере, но получение ряда преимуществ в ходе политического торга с федеральным центром вполне реально. Однако возникает опасение, что поиск «исторических границ» может иметь гораздо более серьёзные последствия в виде эскалации ряда «притушенных» конфликтов и углубления разломов по линии межэтнических отношений.

В целом, характер воздействия фактора этнической идентичности на политическую ситуацию в регионе существенно изменился за последнее десятилетие. Этносепаратистский дискурс, которым бравировали в 1990-х гг. некоторые лидеры этнических республик, в настоящее время не актуален для официальных лиц, наделяемых полномочиями при прямом участии федерального центра. Но при этом использование этнического фактора в управлении возникающими конфликтами может вполне успешно осуществляться через общественные структуры, действующие в связке с органами власти. Заявления их лидеров, не имея официального статуса, порой носят гораздо более резкий характер, но при необходимости достаточно легко дезавуируются. Сущность сигнала, отправляемого подобным образом в федеральный центр, не меняется: он свидетельствует о возможности возникновения открытого этнического конфликта. До сих пор федеральные структуры, как правило, шли на компромиссы, выгодные для этнических элит. Однако не ясно, как может складываться ситуация, если запросы и амбиции последних начнут существенно возрастать.

Можно отметить изменение стратегии федерального центра в отношении этнических республик Юга России, большая часть которых объединена теперь в рамках Северо-Кавказского федерального округа. Новый подход, судя по всему, предусматривает усиление экономических составляющих региональной политики. Логика здесь просматривается в том, чтобы через расширение объёма экономических ресурсов, решение социальных проблем, повышение среднего уровня жизни ослабить чувствительность этнических групп к аргументам «этнических антрепренеров». Важность данного аспекта проблемы не вызывает сомнений, но в целом подход представляется несколько однобоким. Не приведёт ли он к тому, что социальное расслоение ещё более усилится за счёт дальнейшего обогащения тех, кто в настоящее время контролирует власть, собственность, финансовые потоки? Это, в свою очередь, может повлечь дальнейший рост этнополитической напряжённости в регионе за счёт попыток отвлечь внимание от насущных проблем путём развития конфликтного дискурса. Не стоит забывать и о деятельности террористических организаций, получающих подпитку от коррумпированной экономики. На наш взгляд, для проведения более успешной политики федерального центра необходимо соблюдение как минимум двух условий: во-первых, постепенного отказа от принципа «лояльность в обмен на неприкосновенность» в отношениях с

⁶³⁰ Нефляшева Н. Сочинская Олимпиада может спровоцировать на Кавказе политические проблемы. (<http://www.islam.ru/pressclub/islamofobia/sochi2014>).

этническими элитами; во-вторых, разработки альтернативной концепции этнических интересов, менее конфронтационной по отношению к другим этническим группам.

**Б.Б. Берсанова,
МГУ им. М.В. Ломоносова**

МАКРОРЕГИОН КАК ПРОСТРАНСТВО ИДЕНТИЧНОСТИ: ОПЫТ СКАНДИНАВИИ

Под региональной идентичностью, в отличие от национальной, обычно понимают чувство сопричастности индивида с частью территории страны (регионом, городом). Однако в области международных отношений термин «регион» часто используется для обозначения нескольких соседствующих государств. В этом смысле представляется вполне правомерным говорить о региональной идентичности, адресованной именно такой совокупности нескольких социокультурно близких стран. Типичным примером может служить Скандинавия – группа стран, соседствующих на Скандинавском и Ютландском полуостровах (Швеция, Норвегия и Дания); к ним часто присоединяют и Финляндию. Здесь активно обсуждается проблема единой скандинавской идентичности. Этой теме были посвящены опросы, которые летом 2009 г. проводила группа студентов Географического факультета МГУ (30 участников) в 12 городах Финляндии, Швеции, Норвегии и Дании.

Господствует мнение, что скандинавская идентичность искусственно создана местной элитой. Для этого есть немало оснований. Главным признаком такой искусственности полагают *скандинавизм* – культурно-политическое течение в скандинавских странах, культивирующее идеи их государственного, политического, экономического и культурного объединения. В узком смысле это идейное течение 1840–1860-х годов, в широком смысле под скандинавизмом понимаются любые идеи объединения скандинавских государств. Возникший в 1820–1830-х годах в Дании как идейная основа борьбы за расширение национального рынка, скандинавизм постепенно проник и в Швецию, став основой идеологии для монархии, поставившей целью объединить все государства Скандинавии под эгидой своей династии. Изначально проводниками скандинавизма были в основном студенты, литераторы, учёные («литературный» или «академический» скандинавизм), но с середины XIX в. в Дании эту роль играли уже представители буржуазии, а в Швеции идеи скандинавизма были перехвачены у буржуазии монархией («династический» скандинавизм). Уже к середине 60-х годов стали заметны различия в понимании идей скандинавизма в Швеции, использующей скандинавизм для прикрытия своих великодержавных целей, и Дании, нуждавшейся в скандинавизме как в военно-политической и идейной поддержке в борьбе против Пруссии.

Удар по идеологии скандинавизма нанёс отказ Швеции помочь Дании во время Датской войны в 1864 г. В дальнейшем предпринимались попытки спасти идею скандинавизма путём образования Скандинавского монетного союза 1872 – 1914 гг. и «конституционного» союза (проект шведского общественного деятеля и учёного А. Хедина в 1865 г. о конфедерации скандинавских стран). Однако ожидаемых результатов эти попытки не принесли, и буржуазия скандинавских стран к концу XIX в. вообще отказалась от идей скандинавизма, поскольку тенденция объединения скандинавских стран мешала вести конкурентную борьбу внутри этих стран. Новая волна популярности этих идей поднялась в 1903 – 1918 гг., когда правящие круги Швеции и Дании пытались использовать их для предотвращения самоопределения Норвегии и Исландии. Позднее, после Первой мировой войны, скандинавизм приобрёл исключительно культурно-просветительскую окраску, что было связано с

деятельностью сети скандинавистских обществ «Нурден». Тенденции к экономическому и культурному единству скандинавских стран возросли с 1950-х годов в связи с деятельностью Северного совета, основанного в 1952 г.

В вопросе о причинах развития скандинавизма нет единства мнений. Сторонники искусственного его происхождения склонны выдвигать на первый план чисто политические мотивы правящих классов – стремление оградить страну от германского влияния в Дании, имперские притязания в Швеции. Их оппоненты указывают на тесную общность истории, восходящей, прежде всего, к эпохе викингов – древних скандинавов, населявших территории этих стран в период с VIII по XI вв. Образ древних викингов сильно приукрашен; в частности, нет никаких доказательств того, что они носили шлемы с рогами, это лишь плод творчества учеников художественной школы, созданной в 1811 г. в Стокгольме для популяризации скандинавской мифологии. Тем не менее, сегодня викинги – это образ, с которым принято ассоциировать скандинавские страны. Это и бренд, который широко и охотно используется во всех этих странах в названиях компаний, магазинов, товаров. В свете утвердившейся общей мифологии единство скандинавских государств выглядит весьма убедительно.

В истории развития скандинавских государств после эпохи викингов тоже можно выделить немало сходных черт, отличавших их от остальной Европы: отсутствие ярко выраженного периода феодальной раздробленности, замедленное развитие феодализма, позднее установление цехового строя, отсутствие крепостного права, довольно позднее принятие христианства. Значительным событием, способствовавшим усилению общности между скандинавскими странами, стало образование Кальмарской унии в 1397 г. для борьбы с укреплением немецкого влияния в Скандинавии. Союз включал Данию, Швецию, Норвегию и зависимые территории – Финляндию и Исландию. Однако расхождение интересов (особенно недовольство Швеции господством Дании) привело к конфликту и окончательному распаду союза в 1523 г. Многие исследователи считают, что именно существование Кальмарской унии позднее послужило импульсом к возникновению скандинавизма.

Однако, несмотря на видимую общность истории стран, следует помнить, что здесь постоянно вспыхивали военные конфликты между Данией и Швецией, а Норвегия получила независимость довольно поздно, долгое время находясь под далеко не дружелюбным господством Швеции. Всё это прививало населению каждой скандинавской страны весьма острое чувство противостояния своим соседям.

Более убедительным аргументом в пользу единой скандинавской идентичности является лингвистический аспект. В Дании, Швеции и Норвегии официальными являются скандинавские языки, которые составляют северную подгруппу германских языков. Согласно нашим опросам, абсолютное большинство жителей этих стран способно понимать письменную форму всех скандинавских языков. При этом большинство опрошенных отмечает, что они способны понимать и устный язык своих соседей. Так, норвежцы, в целом, понимают и шведов, и датчан, датчане – шведов и норвежцев, шведы хорошо понимают норвежский, но при этом не всегда понимают датский (исключение – южные шведы, жители Мальмё, которые в силу географической близости к Дании довольно хорошо знакомы и с её языком, и с культурой).

В связи с этим, однако, возникает вопрос о принадлежности Финляндии к Скандинавии, а финнов – к скандинавам. Ведь финский язык относится к прибалтийско-финской ветви финно-угорской группы языков. Действительно, те из опрошенных, кто называл язык главным признаком скандинавской идентичности, в

основном не считали финнов скандинавами. Однако большая часть опрошенных финнов утверждала, что знает шведский язык (шведский – второй язык Финляндии, его официально изучают в школах), тем самым настаивая на своей близости со Швецией (речь датчан и норвежцев опрошенные финны не понимали).

В большинстве скандинавских стран государственной религией является лютеранство (исключение – Швеция, где официально государственная религия вообще отсутствует, хотя большинство шведов принадлежат к евангелическо-лютеранской церкви). Однако в ответах опрошенных жителей ссылки на общность религии встречаются редко.

Известную роль в чувстве единой идентичности играет сходство валют, которые носят название крона (в Финляндии это евро). Это название было унифицировано согласно Скандинавскому валютному союзу 1873 г., который ввёл единый золотой паритет в 0,4032258 г. Однако этот союз распался с началом Первой мировой войны, и ныне курсы валют существенно отличаются друг от друга.

Скандинавские страны обладают большим политико-институциональным сходством, и это постоянно отмечалось при опросах. Главную роль играет, по-видимому, не столько монархический строй в Дании, Швеции и Норвегии, сколько принятая здесь модель социального государства (т.н. шведская модель). Именно активную социальную политику государства – высокие расходы государственного сектора на образование, здравоохранение, льготы и дотации студентам на аренду жилья, забота об инвалидах, высокие пособия для матерей-одиночек, безработных и иммигрантов – многие скандинавы отмечают в качестве признака общей идентичности.

Важный объединяющий фактор – особо высокий уровень жизни в скандинавских странах. Скандинавские страны постоянно занимают лидирующие позиции в ряду государств с самыми высокими показателями качества жизни, развития человеческого потенциала и т.п. Респонденты почти всегда подчёркивали высокий уровень благосостояния населения как важную общую характеристику скандинавских стран, а также относительно небольшой разрыв в доходах между богатыми и бедными.

В оценке внешнеполитических аспектов политики своих государств у скандинавов выявлено широкое распространение мифологического сознания. Если их убеждённость в особо долгой истории демократического развития не вызывает возражений, то их настойчивые уверения в том, что скандинавские страны были в стороне от мировых войн, проходивших в Европе, является типичным культурным мифом. Фактически нейтральной во время обеих мировых войн оставалась только Швеция. Во время Второй мировой войны Дания и Норвегия были оккупированы фашистскими войсками, а Финляндия вообще воевала против СССР, позднее заключив перемирие. Стойкость подобных мифов порождена, по-видимому, тем, что по сравнению с остальной Европой Скандинавия действительно мало пострадала во Второй мировой войне. Именно с этим связан термин «spoiled countries» (избалованные страны), который некоторые опрошенные употребляли, характеризуя скандинавские страны в этом отношении. Скандинавские страны неоднозначно относятся к членству в НАТО. Норвегия и Дания являются членами НАТО, но отказались от размещения в мирное время на своих территориях ядерного оружия. Швеция и Финляндия придерживаются статуса военного нейтралитета, в НАТО не

входят, однако свои территориальные воды для НАТОвских учений предоставляют. В Евросоюз, как известно, входят все скандинавские страны, кроме Норвегии⁶³¹.

Яркая черта скандинавов – бережное отношение к природе. Согласно различным экологическим рейтингам, чаще всего в природоохранных инициативах лидирует Финляндия, далее идут Норвегия, Канада, Швеция, Дания. Эти мотивы постоянно фигурировали в ответах респондентов.

Среди общих черт всех стран следует также отметить и скандинавский дизайн. Некоторые опрошенные с гордостью называют ведущих скандинавских дизайнеров и практичные дизайнерские находки.

Более половины респондентов называли внешность общей чертой всех скандинавов. Сравнивая себя с жителями других стран региона, светловолосые и голубоглазые датчанки, шведки, норвежки и финки отмечали, что их внешность схожа с внешностью соседей. Складывается впечатление, что упоминание внешнего облика скандинава имеет здесь исключительную значимость, поскольку стран с заметным числом светлокожих голубоглазых блондинов в мире действительно мало.

Как общая черта всех скандинавов не раз был отмечен и менталитет, национальный характер. Типична самоидентификация скандинавов как людей замкнутых, но дружелюбных, воспитанных, скромных и терпимых. Сравнивая с себя со шведами, датчане называли себя более весёлыми и открытыми, добавляя, что шведы и норвежцы любят селиться далеко друг от друга, чтоб не видеть соседей, а они, датчане, предпочитают жить ближе друг к другу. Характеризуя Данию, шведы склонны считать её более европейской страной, в то время как к Финляндии они относятся как к «младшему» брату, несколько свысока. Большинство датчан и норвежцев Финляндию воспринимают обособленно, иногда даже не считая её частью Скандинавии. Сами финны чувствуют родство только со шведами, а некоторые даже настаивают на большем сходстве Финляндии и России. При этом критические взгляды, которые, как предполагалось, должны были проявиться в виде резких высказываний по отношению к соседям, в процессе проведения опросов не подтвердились. Единственное исключение – это распространённое мнение о шведах как о любителях выпить («сохрани город чистым – отнеси шведа на паром»), но подобное пристрастие датчане полушутя отмечали и у себя. Возможно, такая сдержанность – это следствие культуры социальной толерантности, столь типичного для скандинавских стран.

В процессе опросов не удалось окончательно разобраться в том, считают ли Финляндию частью Скандинавии сами финны и жители трёх скандинавских стран. Традиционно эту страну к Скандинавии не относят. Историческое прошлое Финляндии в меньшей степени связано с другими скандинавскими странами (недаром Финляндию почти не затронул скандинавизм), Финляндия не является монархией, весьма чувствуется близость России. Однако с остальными скандинавскими странами Финляндию роднят высокий уровень благосостояния и социальная политика, хорошее состояние окружающей среды, сходные черты природы, отмеченная выше общая для скандинавов внешность. Значительная часть опрошенных (прежде всего сами финны) причисляла Финляндию к Скандинавии, пусть при этом и называя её отдалённой и обособленной.

⁶³¹ Большинство населения этой страны по итогам двух референдумов (1972 и 1994 гг.) высказалось против вступления в ЕС, однако в 1994 г. с Норвегией было подписано Соглашение о Европейском экономическом пространстве, которое стало основой для её тесного сотрудничества с Евросоюзом. В Шенгенскую зону входят все четыре страны. (Прим. ред.)

Таким образом, опросы 2009 г. в 12 скандинавских городах выявили не столько общую скандинавскую идентичность, сколько хорошо выраженное у местного населения чувство сродства между странами региона. Тем не менее, как отмечают многие респонденты, швед, находясь в пределах Швеции, склонен считать себя скорее не скандинавом, а шведом, датчанин – датчанином, норвежец – норвежцем. Скандинавами они себя чувствуют, покинув пределы родины и выехав в Европу или вообще далеко за рубеж. Следовательно, будет правильнее определить скандинавскую идентичность как *дормантную* (т.е. существующую в скрытой форме), хотя и готовую к тому, чтобы ярко проявить себя в общественно значимой социальной и политической активности, если это чувство будет мобилизовано внешними факторами. Пока же, судя по современному состоянию дел, культурные мероприятия по активизации скандинавской идентичности дают весьма скромный эффект.

**Ю.С. Семина,
Уральский государственный университет**

ФРАНЦИЯ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Сегодня становится всё более очевидным процесс «обратной глобализации», проявляющийся в этнорасовой гетерогенности и мультикультурности. В результате масштабной миграции национальные государства становятся полиэтническими обществами, что делает проблемы этнических и культурных меньшинств особенно актуальными.

Мультикультурное общество изначально конфликтно. Опыт различных государств демонстрирует множество способов «разрядки» ситуации: от культурного диалога до открытой конфронтации. Однако культурный диалог эффективен только в рамках политического процесса, и это видно из опыта одного из самых развитых национальных государств Западной Европы – Франции, которая добилась весомых результатов в вопросе формирования региональных идентичностей.

Выражая, по Г.Алмонду, ориентации граждан, касающиеся политической системы, региональная идентичность тесно связана с культурой и представляет собой чувство принадлежности к сообществу на основании общего места проживания, происхождения, языка, традиций, культурных привычек, религиозного или этнического родства. *Региональная идентичность охватывает важные элементы самоидентификации личности, и это позволяет ей быть мощнейшим ресурсом мотивации для социальных и политических действий, как созидательных, так и экстремистских.* Угроза деструктивных последствий объясняет необходимость отслеживания ресурса региональной идентичности и его направления в нужное для развития страны русло. По этой причине сегодня нужно и важно говорить о видах политики формирования региональной идентичности.

Одной из наиболее эффективных моделей политики формирования идентичности на региональном уровне является политика децентрализации во Франции. Главным актором формирования такой политики выступает государство. Определённое влияние на процесс формирования региональной идентичности оказывают элиты и в меньшей мере – общество и идеологические институты. Акторы, формирующие идентичность, должны ориентироваться на то, что идентичность – это динамический, а не статический процесс, следовательно, в условиях многообразия альтернативных идентичностей необходимо укреплять и поддерживать основы существующей идентичности.

Если доминирующим актором формирования региональной идентичности выступают региональные элиты, то успешность их действий будет напрямую зависеть от их веса в обществе и умения вести диалог с местным населением. Сформированная концепция идентичности воплощается в региональной символике, проходит этап мифологизации и, наконец, отражается в самых различных сферах (массовой культуре, искусстве) вплоть до дисциплин школьного курса.

Конструирование региональной идентичности через политику децентрализации – по сути, вынужденная мера во Франции. Деликатная политика требуется в отношении тех регионов, которые были присоединены в силу каких-либо причин и не являются исконно французскими. Необходимость политики децентрализации во многом определяется фрагментарностью политической культуры, ведь на протяжении длительного времени она являла пример гетерогенности, истоки которой лежат в особенностях исторического развития государства.

Франция – унитарное децентрализованное государство. Помимо континентальных регионов в неё входят заокеанские территории с различным статусом:

- заморские территории (Французская Полинезия, острова Валис и Футуна, Майот, Сен-Пьер и Микелон, Французские Южные и Антарктические Земли, Сен-Бартелеми, Сен-Мартэн);

- заморские департаменты (Гваделупа, Гвиана, Мартиника, Реюньон);

- территория, имеющая особый статус – Новая Каледония.⁶³²

В дополнение к этим административно-территориальным единицам, обладающим собственными региональными национальными идентичностями, можно добавить департамент Корсика. Идентичности вышеперечисленных территорий имеют мало общего с утвердившейся много лет назад в королевском домене Иль-де-Франс, которая и стала основой формирования национального самосознания. Известно, что французский язык и французская культура насаждались насильственно во многих территориях, но, тем не менее, центру так и не удалось уничтожить основания региональных идентичностей. В 1982 г. была запущена реформа децентрализации административно-территориального управления, которая обеспечила муниципальные интересы посредством перехода с типа «априорного» государственного контроля на «апостериорный» в отношении органов местного самоуправления⁶³³ и предоставила местному самоуправлению более широкие полномочия.

Так, Новая Каледония фактически стала ассоциированным с Францией государством. Сохраняя формально свой суверенитет и независимость, она доверяет значительную часть своих властных полномочий центру (вопросы внешней политики, связи, транспорта и вооружения). Каледония управляется верховным комиссаром, назначаемым французским правительством.

На Корсике, являющейся непосредственно частью метрополии, сформировалась идентичность, по сути, не содержащая элементов принадлежности к французской нации. Это связано с тем, что имеющий четырехтысячелетнюю историю остров является французской территорией всего лишь с 1768 г. и удалён от Франции больше, чем от Италии. Корсику можно признать самым самобытным

⁶³² (www.outre-mer.gouv.fr).

⁶³³ Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития. Международная конференция. Екатеринбург. 26-27 ноября 2009 г. Сб. статей. Часть 1. / Сост. И.Д.Тургель. Екатеринбург: УрАГС, 2009. С. 292.

департаментом Франции: большинство его жителей привязаны к родной земле сильнее, чем жители других частей республики, и позиционируют себя как особую нацию – «корсиканский народ». Менталитет корсиканцев представляет собой смесь островного, средиземноморского и французского – сочетание несочетаемого. От первого в характере жителей – сдержанность и гордость, от второго – непредсказуемость и духовность натуры, от третьего – двойственность.

В настоящее время Корсика имеет статус особой экономической зоны с правами автономии. Процесс обретения Корсикой автономного статуса занял почти два года (с октября 1989 по май 1991 гг.): требовалось серьёзное обоснование для формирования особых политических институтов и особых правовых норм. В итоге такое обоснование было найдено: автономия требовалась для развития экономики острова, на которой неблагоприятно сказывались его географическое положение и демографический спад. Таким образом, была одобрена новая статья Конституции в следующей формулировке: «Французская Республика гарантирует <...> корсиканскому народу – составной части французского народа – право на сохранение его культурных особенностей и на защиту его специфических социальных и экономических интересов, если они не наносят ущерба национальному единству и целостности Франции»⁶³⁴. Эта законодательная поправка позволила не только создать новые возможности для модернизации экономики Корсики, но и утвердить собственную региональную идентичность в качестве доминантной.

В 1991 г. Корсика приобрела собственную исполнительную (Исполнительный совет) и законодательную (Собрание) власть, полномочия которых чётко разграничены. При этом французское правительство вправе распускать Собрание в случае, если его нормальное функционирование не представляется возможным.

Многие вопросы, касающиеся жизни на Корсике (например, транспорт) остаются в компетенции Парижа, ведь автономия не смогла бы решить всех стоящих перед ней проблем. В свою очередь центральные учреждения страны обязаны консультироваться с Собранием по всем вопросам, касающимся «специфического устройства» Корсики.

Региональная идентичность острова оставила свой след и в устройстве управления островом – корсиканцы подчиняются не столько местной администрации, сколько старейшине клана. Это объясняется сильным влиянием традиционных институтов: клан и сегодня остаётся здесь основной структурной единицей общества. Законы клана действуют не только в мафиозных структурах, но регулируют и вопросы землепользования, сельского хозяйства, собственности. «Клановые порядки» поддерживают обычаи родового строя, в особенности у корсиканских горцев. Так, до сих пор существуют вендетта (кровная месть за убитых или оскорблённых родственников) и особые песни-плачи для убитых, мотивом которых является призыв к мести. Многие женщины на Корсике носят чёрное платье и чёрный платок в знак траура, а одной из первых забот молодой корсиканской семьи является забота о погребении: вместе с новым домом строят семейный склеп – покойных здесь не закапывают в землю, что является ещё одним из корсиканских обычаев.

Таким образом, правовое государство на Корсике – скорее желаемая для государства цель, чем реальность, ведь основные ценности правового государства несовместимы с клановым мышлением, с масштабами преступности, ставшими нормой, и с насилием, являющимся одним из основных методов борьбы за независимость и самоуправление острова.

⁶³⁴ Казанская Г.В. Особый случай корсиканской автономии // Полис, 1995, № 5. С. 136-140.

Общенациональная идентичность уступает региональной и на Пиренеях – области, находящейся на южной границе с Испанией. Свой язык и культуру здесь хранят баски, дети которых, поступая в школу, часто даже не знают французского языка. В повседневном обиходе этого народа сохраняются многие баскские традиции: даже в наши дни мужчины-баски вместе с обычной европейской одеждой носят неизменный берет синего, красного или чёрного цвета, а во время праздников и ярмарок здесь можно увидеть бой быков или коровьи бега.

Сильна региональная идентичность и в Бретани, в которой живут потомки кельтских племён, близкие шотландцам и валлийцам в Великобритании или ирландцам в Ирландии. В этой области сохраняется особый диалект французского языка, напоминающий гэльский (шотландский) и валлийский (уэльский), и сильны традиции крестьянской общины («кружка»), принадлежностью к которой так гордятся бретонцы.

Региональную идентичность и культурное своеобразие сохраняют Эльзас и Лотарингия – две территории, не раз переходившие от Франции к Германии и обратно и окончательно возвращённые Франции лишь в 1919 г. В этих регионах произошло смешение французской и немецкой культур. Эльзасцы говорят на немецком языке, исповедуют протестантизм и очень бережно относятся к своей национальной культуре, ежегодно проводя фольклорные праздники, на которых можно услышать народные песни и увидеть национальные танцы. На открытках с видами Эльзаса непременно присутствует эльзаска в кружевном переднике и с большим чёрным шёлковым бантом. Данный регион уникален в том смысле, что именно здесь региональная идентичность переплетается с общенациональной сильнее всего: к примеру, все улицы Эльзаса непременно носят двуязычное франко-эльзасское название, и говорят здесь в равной степени как на эльзасском, так и на французском языках.

Конфессиональная идентичность также находится в определённой зависимости от региона: во Франции существуют как устойчиво католические районы (сельские районы Бретани и Нормандии, Эльзаса и Лотарингии, Беарна, части Оверни и Лангедока), так и «дехристианизированные» районы Центрального массива, Шампани, Сентонжа, а также религиозно нейтральные территории - Средиземноморское побережье, широкая полоса от Бискайского залива на юго-западе до границы с Бельгией на севере⁶³⁵.

Важно отметить, что французское правительство грамотно проводит политику децентрализации: предоставляя права и условия для существования региональным идентичностям, оно уделяет большое внимание и укреплению национальной идентичности. Эту идентичность стараются оберегать и от внешних угроз. Так, Н.Саркози, занимая пост министра внутренних дел, проводил жёсткую политику по отношению к исламской общине: ужесточил контроль над нелегальной иммиграцией, заявил о недопустимости противопоставления ислама французским республиканским ценностям (во время протестов против закона о запрете хиджабов в школах), поддержал создание частного некоммерческого Французского совета по мусульманской религии. Все эти меры можно определить как «позитивную дискриминацию» во имя спасения французской национальной идентичности.

Чувство общенациональной идентичности у французов сильнее, нежели чувство идентичности континентальной – об этом свидетельствует отношение французов к вопросу принятия Европейской конституции. Несмотря на широкую

⁶³⁵См. об этом: Франция глазами французских социологов. М.: 1989.

пропагандистскую кампанию в поддержку единого конституционного акта, 54,8% участников референдума во Франции высказались против ее принятия⁶³⁶.

Нетрудно прийти к выводу, что для каждого существует собственная иерархия территориально ориентированных идентичностей, и чем ниже уровень базовой идентичности, тем большее значение она имеет для француза. Иерархию идентичностей (в порядке убывания по значимости) можно представить так: региональная идентичность – общенациональная (французская) идентичность – европейская идентичность.

Сегодня политическое формирование региональной идентичности становится необходимой мерой. История уже доказала, что игнорирование региональных особенностей грозит распадом государства – достаточно вспомнить развал СССР. При этом унитарным государствам может угрожать то же самое, если в их состав входят национальные территории. Опыт Франции может быть полезен таким странам, ведь грамотно выстроенная политика децентрализации позволяет сохранить целостность государства, не разрушая региональной идентичности, но и не теряя «общенационального образа».

⁶³⁶ Фадеева Л.А. Сквозь призму политической культур: нация, класс, регион. Пермь: Пушкин, 2006. С. 102.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Л.А.Фадеева, И.С. Семененко

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО: ОПЫТ САМОАНАЛИЗА И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Актуализация проблематики идентичности не только в научных исследованиях, но и в публицистике, масс медиа, общественном мнении имеет свое «побочное действие» в виде критики «растянутости» концепта, его «модности» и «всеядности», чрезмерных междисциплинарных различий в его трактовке, сложности верификации и т.п. Высказываются мнения, что невозможно разработать единый аналитический инструментарий исследования идентичности.

Разумеется, каждая научная дисциплина помещает концепт идентичности в собственное проблемное поле. Специфика политической науки в этом плане определена во введении к данному сборнику. Научная дискуссия как в ходе конференции, так и в процессе подготовки сборника статей по ее итогам продемонстрировала наличие разных подходов и трактовок идентичности, но, в то же время, и результативность коллективных усилий по разработке исследовательского инструментария. Понятие «самости» в конструктивистском духе существенно скорректировано не-конструктивистским подходом политических географов (Л.В.Смирнягин, М.П.Крылов), акцентирующих внимание на значимости «места» и на проблемах соотношения идентичности и территории (Д.Н.Замятин, Н.Ю.Замятина). Предложены и обоснованы понятие макрополитической идентичности (О.Ю.Малинова), соотношение политической и гражданской идентичности (И.С.Семененко), идентичности как основы консолидации государства и общества (С.П.Перегудов). Идентичность оценена как ресурс развития сообществ разного уровня; подчеркнута важность изучения глобального контекста ее трансформации (В.В.Лапкин), а также – колебаний российской идентичности (К.Г.Холодковский). В последнем случае социологические исследования (Н.Е.Тихонова), региональные и локальные кейсы создают эмпирическую базу для изучения особенностей её становления.

Анкетирование участников конференции продемонстрировало их собственную множественную идентичность, иерархия компонентов которой индивидуальна, но набор ориентиров примерно одинаков: это (в порядке убывания частоты упоминания) страна и национальность (российская/русская или иная идентичность), профессия, регион, гендер. Для многих коллег важны религиозная принадлежность, поколенческие и культурные маркеры (поэзия, музыка, хорошая литература). Более половины представителей профессионального сообщества, ответивших на вопросы анкеты, участвуют в разных формах гражданской (общественной) самоорганизации: большинство – в деятельности организаций профессионального сообщества (Российской ассоциации политической науки, дискуссионных клубов и др.), но также и в экспертной деятельности общественных структур.

В ряду самых значимых положительных символов образа России приоритет отдается русскому языку и ощущению огромного пространства как воплощения образа страны. По вопросу о лидерах общественного мнения точки зрения разделились примерно поровну: половина опрошенных таких лидеров в России не видит, вторая половина указала на высшее руководство страны («дуумвират» или

только В.Путин). В единичных ответах назывались деятели культуры: А.Солженицын (3 упоминания), Д.Быков (1).

Содержательные характеристики понятия «русской идентичности» (согласно одной из анкет, того, «как понимает себя человек в качестве гражданина РФ, те смыслы, которые несет в себе принадлежность к русскому обществу») включают, по мнению коллег, «двойственность ориентаций и ценностей, сочетание патернализма с пробуждением индивидуальной инициативы, акцентированное потребительство в сочетании с неприхотливостью, преобладание семейных ценностей над гражданскими, разрыв между сознанием и действием». Она опирается на «традиционное неприятие коммерциализированной социальной среды, недоверие к практикам публичной политики и быструю адаптивность к переменам». Потенциал формирования русской гражданской нации и вместе с тем проблемное поле русской идентичности обнаруживается коллегами во «взаимной обусловленности социальной справедливости и свободы», в потребности «культивирования уважения к личности, частному праву и мировой культуре». Насущная для современной России проблема – преодоление моральной деградации общества и социальной аномии. Участники нашего опроса были практически единодушны, поддержав необходимость формирования русской идентичности, но мнения разделились по вопросу о путях и средствах достижения этой цели: в числе наиболее эффективных были названы работа в СМИ, преподавательская и просветительская деятельность, поощрение различных форм гражданской активности и организация широкой публичной дискуссии «без оглядки на власть».

И анализ анкет, и, особенно, доклады и итоговые статьи участников дискуссии выявили широкий диапазон направлений исследования идентичности. Он включает разработку аналитического потенциала концепта идентичности и общего для социогуманитарных наук понятийного аппарата, концептуализацию составляющих социальной идентичности, изучение политической, гражданской, национальной и национально-цивилизационной идентичности, соотношения гражданского и политического национализма, роли этнической и этноконфессиональной самоидентификации в современном политическом процессе. Ключевым направлением является осмысление идентичности как ресурса развития, и, в этом контексте, роли государства и символической политики, региональной идентичности и идентичности социальных групп, элит и маргиналов, концептуализация культурной идентичности и взаимовлияния идентичности и повседневности. Общей для всех сферой интереса можно назвать сравнительный анализ идентичности как социального феномена. Это соотносится с призывами ряда компаративистов совершить поворот в сторону изучения культуры и идентичности, поскольку «новые конфликты связаны не столько с материальными интересами, сколько с новой политикой идентичности»⁶³⁷.

Идентичность как категория политического анализа характеризует субъективную сторону политики, и с этим сопряжены многие сложности аналитического характера. Однако, поскольку люди на протяжении всей человеческой истории ищут ответы на вопрос «Кто мы?», обязанность ученых – анализировать акторов, тренды и результаты этого поиска и его преломление в политической сфере, в тенденциях развития общества. Жизненно важно стимулировать научную и общественную дискуссию, способствуя становлению позитивной социальной идентичности, которая может консолидировать граждан, ответственных друг перед другом и перед своей страной.

⁶³⁷ Green D.M. (ed.) *Constructivism and Comparative Politics*. N.Y., 2002. P. 47.

Сведения об авторах.

Беляева Наталья Михайловна, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политических наук Пермского государственного университета. Для связи с автором: belnatalya@yandex.ru

Берсанова Бэлла Борисовна, студентка 4-го курса географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Для связи с автором: bellch@mail.ru

Большаков Андрей Георгиевич, доктор политических наук, профессор кафедры политологии Казанского (Приволжского) федерального университета. Для связи с автором: bolshakov_andrei@mail.ru

Борисова Надежда Владимировна, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Пермского государственного университета. Для связи с автором: nadezhda2@yandex.ru

Вайнштейн Григорий Ильич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН. Для связи с автором: Gvoitek@yandex.ru

Вилков Александр Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук юридического факультета Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского. Для связи с автором: vil57@yandex.ru

Гончарик Алексей Александрович, аспирант, ИНИОН РАН. Для связи с автором: alex_vselenf1fan@mail.ru

Горшков Алексей Сергеевич, кандидат политических наук, ассистент кафедры политических наук Пермского государственного университета. Для связи с автором: alan17@yandex.ru

Гриценко Антон Алексеевич, ассистент кафедры экономической географии и социальной экологии Института естественных наук Московского городского педагогического университета (ИЕН МГПУ), аспирант Института географии РАН. Для связи с автором: antohaha@yahoo.com

Жаде Зуриет Анзауровна, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой теории государства и права и политологии Адыгейского государственного университета. Для связи с автором: sura@radnet.ru

Загладин Никита Вадимович, доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований (ЦЭСПИ) ИМЭМО РАН. Для связи с автором: zagladinnickita@mail.ru

Зайцев Дмитрий Геннадьевич, кандидат политических наук, преподаватель кафедры публичной политики ГУ-ВШЭ. Для связи с автором: zaytcev_di@rambler.ru

Замятин Дмитрий Николаевич, доктор культурологии, заведующий сектором гуманитарной географии Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева. Для связи с автором: metageogr@mail.ru

Замятина Надежда Юрьевна, кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Для связи с автором: nadezam@yandex.ru

Кольба Алексей Иванович, кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Для связи с автором: alivka2000@mail.ru

Крестинина Екатерина Сергеевна, соискатель, ЦЭСПИ ИМЭМО РАН. Для связи с автором: katerinaskres@gmail.com

Крылов Михаил Петрович, доктор географических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории геополитических исследований Института географии РАН, старший научный сотрудник сектора гуманитарной географии Российского НИИ культурного наследия им. Д.С. Лихачева, профессор кафедры экономической географии и социальной экологии географического факультета МГПИ. Для связи с автором: mpkrylov@yandex.ru

Лапкин Владимир Валентинович, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, первый заместитель главного редактора журнала «Полис». Для связи с автором: vvlh@politstudies.ru

Лекторова Юлия Юрьевна, аспирант кафедры политических наук Пермского государственного университета. Для связи с автором: Lectorov@mail.ru

Малинова Ольга Юрьевна, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, почетный президент РАПН. Для связи с автором: omalinova@mail.ru

Мартьянов Виктор Сергеевич, кандидат политических наук, ученый секретарь Института философии и права УрО РАН, доцент. Для связи с автором: martianovy@rambler.ru

Миронцева Светлана Александровна, кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Для связи с автором: mirontseva@mail.ru

Михалева Альбина Викторовна, кандидат политических наук, научный сотрудник Пермского филиала Института философии и права УрО РАН. Для связи с автором: albinam@inbox.ru

Морозова Елена Васильевна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Для связи с автором: morozova_e@inbox.ru

Назукина Мария Викторовна, кандидат политических наук, заведующая лабораторией по исследованию идентичности кафедры политических наук Пермского государственного университета, младший научный сотрудник Пермского филиала Института философии и права УрО РАН. Для связи с автором: nazukina@mail.ru

Нечаев Дмитрий Николаевич, доктор политических наук, председатель экспертного совета АНО «Институт политического анализа и стратегий», доцент Воронежского государственного университета. Для связи с автором: nechaevpolitia@rambler.ru

Панов Петр Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры политических наук Пермского государственного университета. Для связи с автором: panov.petr@gmail.com

Пантин Владимир Игоревич, доктор философских наук, главный научный сотрудник, заведующий Отделом внутриполитических процессов ЦЭСПИ ИМЭМО РАН. Для связи с автором: v.pantin@mail.ru

Перегудов Сергей Петрович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН. Для связи с автором: peregood1@rambler.ru

Петренко Елена Олеговна, аспирант, ЦЭСПИ ИМЭМО РАН. Для связи с автором: shapitoshka@mail.ru

Подвинцев Олег Борисович, доктор политических наук, директор Пермского филиала Института философии и права УрО РАН, профессор кафедры политических наук Пермского государственного университета. Для связи с автором: ipl_perm@mail.ru

Попова Ольга Валентиновна, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета. Для связи с автором: olga@OP3201.spb.edu, pov_64@mail.ru

Пунина Ксения Александровна, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политических наук Пермского государственного университета. Для связи с автором: puninaks@mail.ru

Рахимуллина Гульназ Зиннатулловна, аспирант кафедры политологии и права Казанского государственного энергетического университета. Для связи с автором: lady.rahimullina2010@yandex.ru

Рашковский Евгений Борисович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН, директор Научно-исследовательского центра религиозной литературы и изданий русского зарубежья ВГБИЛ им. М.И. Рудомино. Для связи с автором: rashkov@rambler.ru

Ромашова Мария Владимировна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры новейшей истории Пермского государственного университета. Для связи с автором: romashovka@mail.ru

Самаркина Ирина Владимировна, кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Для связи с автором: smrkn@mail.ru

Селиванова Елена Сергеевна, директор АНО «Агентство региональных социально-экономических проектов», Воронеж. Для связи с автором: oktivilena@yandex.ru

Семененко Ирина Станиславовна, доктор политических наук, главный научный сотрудник, заведующая Сектором прикладных социально-политических исследований ЦЭСПИ ИМЭМО РАН, профессор ГУ - ВШЭ. Для связи с автором: isemenenko@mail.ru

Сёмина Юлия Сергеевна, студентка 5го курса факультета политологии и социологии Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Для связи с автором: passion77@yandex.ru

Смирнягин Леонид Викторович, доктор географических наук, профессор географического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. Для связи с автором: smirnyaginlv@gmail.com

Сулимов Константин Андреевич, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Пермского государственного университета. Для связи с автором: ksulimov@yandex.ru

Тихонова Наталья Евгеньевна, доктор социологических наук, заместитель директора Института социологии РАН, заведующая кафедрой социально-экономических систем и социальной политики факультета экономики ГУ-ВШЭ, профессор Высшей школы гуманитарных наук и журналистики (Польша). Для связи с автором: ntihonova@hse.ru

Фадеева Александра Павловна, аспирант, ЦЭСПИ ИМЭМО РАН. Для связи с автором: roberta-hilton@mail.ru

Фадеева Любовь Александровна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой политических наук Пермского государственного университета. Для связи с автором: lafadeeva2007@yandex.ru

Федотова Надежда Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии МГИМО (У) МИД России. Для связи с автором: nrfedotova@rambler.ru

Холодковский Кирилл Георгиевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН. Для связи с автором: holgrig@mail.ru

Шадже Асиет Юсуфовна, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета. Для связи с автором: Shadzhe@maykop.ru

Шапвалова Александра Игоревна, кандидат политических наук, преподаватель кафедры внешней политики и дипломатии Дипломатической академии Украины при МИД Украины. Для связи с автором: alexandra.shapovalova@gmail.com

Приложения

Приложение 1. Программа Всероссийской научно-теоретической конференции «Идентичность как предмет политического анализа»

Всероссийская научно-теоретическая конференция "Идентичность как предмет политического анализа" (21-22 октября 2010 г., ИМЭМО РАН).

Организаторы конференции:

– Центр сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований (ЦЭСПИ) ИМЭМО РАН (сектор прикладных социально-политических исследований)

– Пермский государственный университет (кафедра политических наук)

Оргкомитет конференции:

Семенов Ирина Станиславовна, доктор политических наук, зав. сектором прикладных социально-политических исследований ЦЭСПИ ИМЭМО РАН, главный научный сотрудник;

Фадеева Любовь Александровна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой политических наук, Пермский ГУ;

Назукина Мария Викторовна, кандидат политических наук, зав. научно-исследовательской лабораторией по изучению идентичности, Пермский ГУ.

Для кафедры политических наук ПермГУ проведение конференции является частью реализации проекта «Борьба за идентичность и новые институты коммуникации» при поддержке гранта Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров № 09-95275-000-GSS

Место проведения конференции:

Москва, ул. Профсоюзная, 23, Институт мировой экономики и международных отношений РАН (конференц-зал, 3 этаж).

Начало заседаний – **21 октября в 10.30.**

21 октября.

Открытие конференции

Вступительное слово: *И.С.Семенов, Л.А.Фадеева*

Сессия 1. 10.40 – 14.15

Методология анализа идентичности. Политическая идентичность и политика идентичности: акторы и стратегии

Доклады

Попова Ольга Валентиновна, доктор политических наук, профессор, СПбГУ.
Развитие теории политической идентичности в отечественной и зарубежной политической науке

Рашковский Евгений Борисович, доктор исторических наук, ИМЭМО РАН.
Многочисленный феномен идентичности

Вопросы для обсуждения:

1. Множественная идентичность или множество идентичностей? Факторы трансформации идентичности в условиях глобализации
2. Идентичность как категория политической науки. Политическая идентичность в системе социальной самоидентификации
3. Политическая идентичность и политические институты. Идентичность в повестке дня публичной политики и политика идентичности
4. Потенциал междисциплинарного подхода в анализе идентичности
5. Прогностический потенциал изучения идентичности

Круглый стол. Выступления

1. *Мартьянов Виктор Сергеевич, кандидат политических наук, доцент, ИФиП УРО РАН.* Конфликт идентичностей в политическом проекте Модерна: мультикультурализм или ассимиляция?
2. *Загладин Никита Вадимович, доктор исторических наук, ИМЭМО РАН.* Конфликт идентичностей в эпоху глобализации
3. *Шадже Асиет Юсуфовна, доктор философских наук, профессор, Адыгейский ГУ.* Идентичность в контексте постнеклассической науки
4. *Перегудов Сергей Петрович, доктор исторических наук, профессор, ИМЭМО РАН.* Национально-государственная консолидация и представительное правление
5. *Лапкин Владимир Валентинович, ИМЭМО РАН.* Проблемы формирования идентичности в условиях глобализации
6. *Самаркина Ирина Владимировна, кандидат политических наук, доцент, Кубанский ГУ.* Субъект и его идентичность: теоретические основания изучения носителей картины мира
7. *Федотова Надежда Николаевна, кандидат, социологических наук, доцент, МГИМО (У) МИД РФ.* Жизненные стили и плюрализация идентичности
8. *Сулимов Константин Андреевич, кандидат политических наук, доцент, Пермский ГУ.* «Новое потребление» как возможный фактор формирования идентичности
9. *Семененко Ирина Станиславовна, доктор политических наук, ИМЭМО РАН.* Национальные практики конструирования гражданской идентичности: опыт сравнительного анализа
10. *Панов Петр Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент, Пермский ГУ.* Национальная идентичность: варианты конструирования националистической картины мира
11. *Фадеева Любовь Александровна, доктор исторических наук, профессор, Пермский ГУ.* Конструирование европейской идентичности: акторы и стратегии
12. *Вайнштейн Григорий Ильич, доктор исторических наук, ИМЭМО РАН.* Идентичность инокультурных меньшинств как фактор современной европейской политики
13. *Крестинина Екатерина Сергеевна, соискатель, ИМЭМО РАН.* Формирование европейской политической идентичности: состояние и перспективы

– *Волжанина Марина Владимировна, кандидат политических наук, Самарский ГУ.* Об основных подходах политологического анализа идентичности в современных условиях (заочно)

– *Кучеров Александр Валентинович, соискатель, Саратовский ГУ.* Политическая идентичность военных и «военная» идентичность современных демократических обществ (заочно)

– *Миронцева Светлана Александровна, кандидат политических наук, Кубанский ГУ.* Социально-психологические аспекты кризиса идентичности в трансформирующемся обществе (заочно)

– *Лекторова Юлия Юрьевна, аспирант, Пермский ГУ.* Конструирование информационных повесток дня: выбор идентичности в Сети (заочно)

– *Шаповалова Александра Игоревна, кандидат политических наук, ДА Украины при МИД Украины.* Структура внешнеполитической идентичности государства (заочно)

Сессия 2. 15.15 - 18.00

Проблемы анализа российской идентичности

Доклады.

Тихонова Наталья Евгеньевна, доктор социологических наук, зам. директора Института социологии РАН. Российская идентичность: опыт социологического измерения

Смирнягин Леонид Викторович, доктор географических наук, профессор, МГУ. Географические исследования по региональной идентичности

Малинова Ольга Юрьевна, доктор политических наук, Президент Российской ассоциации политической науки, ИНИОН РАН. Российская политическая элита и конструирование макрополитической идентичности

Вопросы для обсуждения:

1. Российская идентичность: содержательные характеристики понятия
2. Национальная, гражданская, этническая идентичность в контексте политических трансформаций на постсоветском пространстве
3. Идентичность элитных и массовых групп: проблемы общественной консолидации
4. Российская идентичность в культурном и ценностном измерениях
5. Российская идентичность: институциональные опоры и «провалы».
6. Стратегии конструирования российской идентичности: оценка политических рисков.

Круглый стол. Выступления

1. *Холодковский Кирилл Георгиевич, доктор исторических наук, профессор, ИМЭМО РАН.* Российская идентичность – колеблющаяся идентичность

2. *Вилков Александр Алексеевич, доктор политических наук, профессор, Саратовский ГУ.* Идеологический фактор формирования российской политической идентичности

3. *Корниенко Татьяна Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, Кубанский ГУ, Армавирский филиал.* Гражданская идентичность: структурные элементы и специфика формирования
 4. *Трифонов Сергей Сергеевич, аспирант, СПбГУ.* Формирование новой идентичности российского пространства на основе национальной идеологии
 5. *Пантин Владимир Игоревич, доктор философских наук, ИМЭМО РАН.* Особенности и противоречия формирования национально-цивилизационной идентичности в России
 6. *Жаде Зуриет Анзауровна, доктор политических наук, профессор, Адыгейский ГУ.* Формирование идентичности и гражданского патриотизма молодых россиян
 7. *Беляева Наталья Михайловна, кандидат политических наук, ст.преподаватель, Пермский ГУ.* Конструирование идентичности в контексте молодежного парламентаризма
 8. *Вафин Артур Мансурович, аспирант, ИС РАН.* Концептуальные рамки анализа влияния политической маргинальности на формирование идентичности
- *Благородова Елена Александровна, Южный ФУ.* Кризис коллективной идентичности в свете российской модернизации (заочно)
- *Кузьмин Дмитрий Андреевич, студент, Волгоградский ГУ.* Формирование национально-гражданской идентичности российских граждан (заочно)

22 октября.

Сессия 3. 11.00 – 17.00

**Уровни и составляющие политической идентичности.
Макрорегиональная, региональная, локальная идентичность**

Доклады:

Замятин Дмитрий Николаевич, доктор культурологии, Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева. Идентичность и территория: гуманитарно-географические подходы и дискурсы

Вопросы для обсуждения:

1. Пространственные измерения идентичности
2. Региональная идентичность: акторы, механизмы и инструменты формирования
3. Как концептуализировать региональную (макрорегиональную, локальную) идентичность?
4. Образ региона в публичной политике

Круглый стол. Выступления:

1. *Морозова Елена Васильевна, доктор политических наук, профессор, Кубанский ГУ.* Символическая политика в конструировании локальной идентичности

2. *Подвинцев Олег Борисович, доктор политических наук, директор, ИФиП УРО РАН, Пермский филиал; профессор, Пермский ГУ. Региональная идентичность в де-факто двунациональных субъектах РФ: попытки стимулирования и конкурентный потенциал*
3. *Гончарик Алексей Александрович, аспирант, ИНИОН РАН. Теоретические проблемы изучения формирования региональной идентичности*
4. *Борисова Надежда Владимировна, кандидат политических наук, доцент, Пермский ГУ. Роль символической политики в функционировании городских политических режимов*
5. *Нечаев Дмитрий Николаевич, доктор политических наук, доцент, Воронежский ГУ, АНО «Институт политического анализа и стратегий», председатель экспертного совета; Селиванова Елена Сергеевна, АНО «Агентство региональных социально-экономических проектов, директор, Воронеж. Ключевые элементы национальной самоидентификации в оценках населения регионов Центральной России: социологический анализ*
6. *Зайцев Дмитрий Геннадьевич, кандидат политических наук, преподаватель, ГУ-ВШЭ. Характеристики идентичностей региональных аналитических сообществ: сравнительный анализ на примере Саратовской области и Республик Карелия и Татарстан*
7. *Михалева Альбина Викторовна, кандидат политических наук, научный сотрудник, ИФиП УРО РАН, Пермский филиал. Исламская идентичность в российских регионах (на примере Пермского края)*
8. *Назукина Мария Викторовна, кандидат политических наук, младший научный сотрудник, ИФиП УРО РАН, Пермский филиал; ассистент, Пермский ГУ. Исламские праздники как инструмент конструирования региональной идентичности*
9. *Фадеева Александра Павловна, аспирант, ИМЭМО РАН. Научно-популярные журналы как механизм формирования региональной идентичности на примере Пермского края*
10. *Пунина Ксения Александровна, кандидат политических наук, старший преподаватель, Пермский ГУ. Поиски и механизмы конструирования городской идентичности: граффити*
11. *Петренко Елена Олеговна, аспирант, ИМЭМО РАН. Смена вектора формирования идентичности в переходных обществах: опыт Казахстана*
12. *Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, профессор, ИРИ РАН; Бугай Ксения Николаевна, студент. Проблемы формирования идентичности корейской общности в странах СНГ: понятие, основные составляющие*
13. *Горшков Алексей Сергеевич, кандидат политических наук, ассистент, Пермский ГУ. Гендерный аутсайд: топологизация квир-идентичности*
14. *Семина Юлия Сергеевна, студент, Уральский ГУ. Политика формирования региональной идентичности во Франции*
15. *Панюжева Марина Михайловна, аспирант, Нижегородский ГУ. Проблемы формирования национально-государственной идентичности России и Франции: сравнительный анализ*

– *Большаков Андрей Георгиевич, доктор политических наук, профессор, Казанский (Приволжский) ГУ.* Формирование региональной идентичности Южного Кавказа в условиях диверсификации постсоветского пространства (заочно)

– *Оморова Наргиза Ильичбековна, соискатель, ассистент, Казанский ГЭУ.* Этническая идентичность кыргызов в Татарстане (заочно)

– *Сиражудинова Саида Валерьевна, соискатель, Северо-Кавказская Академия государственной службы.* Идентичность и процессы глобализации на Северном Кавказе в концепции гражданского общества (заочно)

– *Рахимуллина Гульназ Зиннатулловна, Казанский ГЭУ.* Роль языка в формировании национальной идентичности (на примере Центральной Азии) (заочно)

– *Кольба Алексей Иванович, кандидат политических наук, доцент, Кубанский ГУ.* Этническая идентичность как фактор управления региональными конфликтами на Юге России (заочно)

Приложение 2. Идентичность сообщества исследователей идентичности. Вопросы анкеты, розданной участникам конференции

1. С какими понятиями Вы ассоциируете Вашу идентичность? (не более 5)
2. Какое содержание Вы вкладываете в понятие «российская идентичность»?
3. Назовите лидеров общественного мнения в современной России.
4. Назовите самые значимые символы образа России.
5. Нужно ли формировать гражданскую идентичность? Если да, то какие пути и средства наиболее эффективны для России?
6. Участвуете ли Вы в каких-либо формах гражданской (общественной) самоорганизации?
7. Вокруг каких проблем, значимых для формирования гражданской идентичности в России, необходимо вести общественную дискуссию?
8. Назовите приоритетные, на Ваш взгляд, направления (темы) в исследовании идентичности.
9. Какие Вы видите варианты Вашего участия в исследовании и в формировании идентичности?

Приложение 3. Экспертная сеть по исследованию идентичности (<http://identity.ucoz.ru/>). Информационная справка

Ввиду растущей потребности в систематизации знаний по проблемам, связанным с изучением идентичности, и, в перспективе, в разработке общей стратегии исследований по этой тематике, в российском научном сообществе летом 2009 г. родилась идея создания электронной площадки для консолидации усилий российского научного сообщества – Экспертной сети по исследованию идентичности. Инициаторами создания Экспертной сети выступили: сектор прикладных социально-политических исследований Центра сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований ИМЭМО РАН, кафедра политических наук ПермГУ и Институт философии и права УрО РАН.

В рамках Конгресса Российской ассоциации политической науки (РАПН), состоявшегося в Москве 20-22 ноября 2009 г., было проведено заседание Координационной группы по созданию Экспертной сети, собравшее 25 участников Конгресса. Состоялось заинтересованное обсуждение возможных направлений работы и форм координации усилий исследователей, занимающихся изучением различных аспектов идентичности. В качестве основных направлений были выделены теоретические аспекты анализа идентичности, исследование ее составляющих и уровней с упором на региональную и локальную идентичность, а также дискурсы идентичности. В ходе заседания были поддержаны инициативы по созданию электронной библиотеки работ российских ученых и банка данных об исследователях, привлечении к обмену мнениями и возможным общим инициативам представителей других дисциплин – социологов, психологов, экономистов, культурологов, географов, занимающихся исследованиями региональной идентичности.

Итогом обсуждения стало создание сайта «Экспертной сети по исследованию идентичности», на базе которого:

- создается база данных занимающихся этой тематикой исследователей и центров;
- формируется электронная библиотека имеющихся публикаций российских исследователей (в том числе опубликованных работ и авторефератов диссертаций);
- координируются исследовательские стратегии в рамках разработки и обсуждения ключевых направлений исследований.

В настоящее время (по состоянию на январь 2011 г.) к Экспертной сети присоединились 36 исследователей из Москвы, Пермского края, Алтайского края, республики Адыгея, Санкт-Петербурга, Краснодарского края и др. Постоянно пополняется электронная библиотека, издания размещаются в режиме открытого доступа. Это тезисы, статьи, монографии, авторефераты диссертаций, присланные самими авторами – участниками. Создана рубрика «Новостей» где содержится информация о планируемых мероприятиях (конференциях, научных семинарах и пр.) по проблеме идентичности. Организована оперативная рассылка, из которой можно узнавать об обновлениях на сайте. В среднем сайт Сети ежедневно посещает 35-40 пользователей.

Направления исследований в рамках Экспертной сети охватывают следующий круг вопросов:

- концептуализация понятия и методология исследования идентичности (содержательные характеристики и составляющие, основные исследовательские подходы);
- проблемы изучения национальной (политической, гражданской, этнонациональной, национально-цивилизационной) идентичности и концептуализация российской идентичности;
- соотнесение национальной идентичности с формированием наднациональной (макрорегиональной – в рамках ЕС, в других регионах мира) и локальной идентичности в условиях глобализации;
- территориальное и пространственное измерения идентичности, формирование идентичности на уровне регионов как субъектов национального государства с преимущественным вниманием российским регионам;
- конструирование идентичности в пространстве публичной политики и в повседневности;
- оценка потенциала и разработка методик междисциплинарных исследований идентичности.

Перспективные планы по развитию Сети включают разработку словаря понятий по тематике идентичности, создание базы публикаций по тематике идентичности и базы ресурсов по региональной идентичности в России, развитие взаимодействия с зарубежными исследователями. На основе Сети создается площадка для координации деятельности Инициативной группы по изучению идентичности с перспективой учреждения Исследовательского комитета РАПН.

Участники Сети приглашают к сотрудничеству заинтересованных в исследовании проблематики идентичности ученых и экспертов. Сетевое взаимодействие открывает новые возможности для обмена информацией о готовящихся работах, в том числе диссертационных, и для знакомства с тем, как идут исследования в региональных и столичных научных центрах.

Электронный адрес Экспертной сети по исследованию идентичности – <http://identity.ucoz.ru/>.

Научный руководитель Экспертной сети – И.С.Семененко, д.п.н., зав. сектором прикладных социально-политических исследований ЦЭСПИ ИМЭМО РАН.

Координатор Экспертной сети и разработчик сайта – М.В.Назукина, к.п.н., зав. лабораторией по исследованию идентичности Пермского ГУ.

Администрирование сайта ведется в рамках гранта Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров № 09-95275-000-GSS «Борьба за идентичность и новые институты коммуникации». Руководитель проекта – Л.А.Фадеева, д.и.н., профессор, зав. кафедрой политических наук Пермского ГУ.

О желании присоединиться к Экспертной сети и о своих предложениях по организации работы просьба писать на адрес Сети (identity@list.ru).

Составлено М.В.Назукиной по материалам сайта